

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

№ 3

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары – 2008

*Учредитель ГНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»*

Редакционная коллегия

Ю.М. Артемьев, И.И. Бойко, В.С. Григорьев (главный редактор),
В.П. Иванов, М.Г. Кондратьев, Г.А. Николаев (заместитель главного редактора),
Л.П. Петров, А.А. Трофимов (художественный редактор),
В.Г. Харитонова, А.П. Хузангай

Ответственный редактор
Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник.
Чебоксары, 2007 (июль) / 2008 (декабрь)

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2008 г.
© Редколлегия журнала
«Чувашский гуманитарный вестник»
(составитель), 2008 г.

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3
© М.В. Демидов

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ВНЕШНЕГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО
КОНТРОЛЯ В РОССИИ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Непременным условием нормального функционирования финансовой системы любого государства, обеспечивающей последовательное социально-экономическое развитие страны, выступает государственный финансовый контроль. Его предназначение заключается в успешной реализации функций государства по обеспечению процесса формирования и эффективного использования финансовых и материальных ресурсов во всех органах и звеньях жизнедеятельности общества.

Свою финансовую политику государство в большей степени реализует через создаваемую им систему органов государственного финансового контроля. Такие органы, образованные исполнительной властью и им подотчетные, осуществляют внутренний финансовый контроль. Он играет важную роль в обеспечении эффективного государственного управления и проводится ими в рамках исполнительно-распорядительной деятельности.

В правовых демократических государствах с устоявшимся гражданским обществом в современных условиях интересы всего населения страны выражает высший представительный (законодательный) орган – парламент. Именно он непосредственно и через специально созданные им независимые органы призван осуществлять контроль за эффективным и целевым использованием средств государственного бюджета, распоряжением государственной собственностью и природными ресурсами. Такой контроль со стороны парламента традиционно принято называть внешним, поскольку он осуществляется как бы извне по отношению к органам исполнительной власти.

Разумеется, внешний государственный финансовый контроль представительных органов власти в советский период значительно отличался по

Михаил Васильевич Демидов – кандидат юридических наук, заместитель председателя Контрольно-счетной палаты Государственного Совета Чувашской Республики.

своей форме и содержанию от системы внешнего аудита, проводимого этими органами в настоящее время. Если в основе функционирования Советов депутатов как законодательных органов государственной власти был положен ленинский принцип о «работающих корпорациях», когда они сами принимают законы, сами организуют их исполнение и сами же осуществляют контроль за реализацией принятых ими актов, то нынешние представительные органы в Российской Федерации строят свою работу на основе принципа разделения властей.

Контрольные функции законодательных органов советского периода в области распоряжения финансовыми ресурсами страны не тождественны ныне сложившейся системе парламентского финансового контроля как на уровне Российской Федерации, так и на уровне ее субъектов. Такие выводы можно сделать исходя из исследования правовой природы представительных учреждений советской власти. По мнению одного из ведущих специалистов страны в области конституционного права профессора С.А. Авакьяна, о наличии парламентаризма в деятельности представительного органа государственной власти можно судить по следующим основным признакам: освобождение депутатов от выполнения основных, производственных функций, концентрация их деятельности в представительном органе; депутатство выступает как профессия, как социальное состояние, работа депутатов оплачивается из государственной казны; законодательным наделением представительного органа полномочиями, определением круга его дел, с тем, чтобы он мог принимать законы, утверждать бюджет государства, определять его доходы и расходы, влиять на осуществление внутренней и внешней политики государства и соответствующие шаги других государственных органов, формировать ряд этих органов, выполнять задачи парламентского контроля в отношении определенных органов и государственных дел; осуществлением представительным органом своей деятельности с использованием определенных форм, методов, наличием стиля работы¹.

Законодательные (представительные) органы в советское время не обладали всеми этими признаками. Прежде всего они не являлись постоянно работающими органами государственной власти. Как справедливо отмечает в своем исследовании С.А. Авакьян, парламентские учреждения в советский период «уступили место формирующимся по строгой модели формально представительным органам, где хватало и рабочих, и крестьян, и женщин, и молодежи, и выходцев из других слоев общества. Не было одного – постоянной работы, ошутимого влияния этих органов в стране, наличия авторитета представительной системы и его поддержания на высоком уровне»².

Таким образом, в советский период развития российской государственности в силу правового положения законодательных органов, их роли и места в системе органов государственной власти, институт внешнего государственного финансового контроля не мог зародиться и функционировать на тех же принципах и основаниях, которые присущи нынешнему этапу

его развития. Но, тем не менее, законодательная власть и создаваемые ею органы осуществляли определенные функции внешнего контроля по отношению к органам исполнительной власти за использованием и распоряжением финансовыми ресурсами.

Как и в советские времена, одной из актуальных задач в современных условиях является необходимость рационального, эффективного и целевого использования бюджетных средств на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации, а также рачительное отношение к материальным ресурсам страны. Она, в свою очередь, как и раньше, требует координации деятельности всех контролирующих в этой области органов с тем, чтобы устранить множественность и несогласованность финансового контроля, выработать и утвердить единую концепцию государственного финансового контроля, обеспечить единую стратегию и согласованную работу в данной сфере.

Исходя из изложенного, основной целью представленного исследования является анализ правовой основы функционирования Советов депутатов и организованных ими органов по осуществлению контроля за распоряжением государственными ресурсами, а также практики их деятельности по осуществлению внешнего финансового контроля как на примере Российской Федерации, так и конкретного ее субъекта – Чувашской Республики.

В годы советской власти осуществление функций внешнего финансового контроля кроме Советов депутатов находилось в компетенции различных специальных органов, созданных ими: начиная с рабочего контроля и завершая народным контролем. На разных этапах своего становления и развития органы, проводившие государственный контроль, в той или иной степени выполняли контрольные функции не только за совершенствованием советского аппарата, производством и распределением, но и контролировали движение финансов и распоряжение государственной собственностью.

В первые же дни существования Советского государства по инициативе В.И. Ленина был создан рабочий контроль, который должен был стать важнейшим фактором, способствующим упрочению советской власти. Организационным оформлением рабочего контроля явилось принятие 14 (27) ноября 1917 г. Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов (ВЦИК) и Советом Народных Комиссаров (СНК) Положения о рабочем контроле³.

Согласно данному акту, рабочий контроль вводился в интересах планомерного регулирования всего народного хозяйства, а также над финансовой стороной предприятий. Его призваны были осуществлять все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т.д. В крупных городах, губерниях и промышленно развитых районах при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должны были действовать местные советы рабочего контроля, которые координировали и направляли деятельность рабочих советов предприятий. В масштабе всей страны руководство советами рабочего контроля осуществлял Всероссийский совет рабочего контроля,

который состоял из представителей ВЦИК, Всероссийского совета профсоюзов, Всероссийского бюро фабрично-заводских комитетов и др. При высших органах рабочего контроля были учреждены комиссии специалистов-ревизоров по определенным отраслям производства для обследования финансовой и технической стороны предприятий. Органы рабочего контроля были наделены полномочиями, дающими им возможность существенно влиять на производственные процессы. Их решения были обязательны к исполнению владельцами предприятий и могли быть отменены только постановлением высших органов рабочего контроля.

В конце 1917 г. рабочий контроль преобразуется в Государственный контроль. Декретом Совета Народных Комиссаров от 5 (18) декабря 1917 г. были определены полномочия народного комиссара по Государственному контролю в СНК⁴ и в этот же день другим Декретом была образована коллегия Государственного контроля⁵.

Декретом от 18 (31) января 1918 г. была образована Центральная контрольная коллегия, учетно-контрольные коллегии и контрольные комиссии на местах⁶. В данном документе подчеркивалось, что в губерниях и районах Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для установления единообразия в действиях и инструктирования местных контролирующих органов, для разработки и сводки данных, получаемых от них, текущих и внезапных ревизий учреждений по отчетам и балансам и образуются учетно-контрольные коллегии. Здесь же говорилось о том, что Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов образует Центральную контрольную коллегия для окончательной разработки и сводки ежемесячных данных и годовых отчетов, поступающих от губернских и районных учетных контрольных коллегий, для предварительного рассмотрения сметных предположений по бюджету и контрольного заключения об исполнении его и для общего направления всей контрольной работы в стране. В последующем, в связи с преобразованием в мае 1918 г. Государственного контроля в Народный комиссариат государственного контроля, Центральная контрольная коллегия в июле этого же года также была преобразована в этот комиссариат.

Однако непродолжительная деятельность Народного комиссариата государственного контроля в условиях Гражданской войны и разрухи в стране наглядно показала, что необходимо и дальше перестраивать систему государственного контроля. В этих условиях страна остро нуждалась не только в системе финансового контроля и в контроле за производством, но и был необходим всеохватывающий государственный контроль за деятельностью советских органов и учреждений, должностных лиц, а также за исполнением решений органов государственной власти. Это и стало одной из основных причин создания органа государственного контроля с еще более широкими полномочиями.

ВЦИК и СНК 9 апреля 1919 г. приняли декрет «О Государственном контроле»⁷. В соответствии с ним на реорганизованный Государственный

контроль возлагалась обязанность представлять на рассмотрение центральной власти конкретные предложения об упрощении советского аппарата, уничтожении параллелизма в работе, бесхозяйственности и канцелярской волокиты, о привлечении к суду должностных лиц за упущения и преступления. Декретом предписывалось привлекать к контрольной работе в центре и на местах представителей рабочих и крестьянских организаций, ввести систему летучих ревизий. Таким образом, Народный комиссариат Государственного контроля фактически становился органом рабоче-крестьянского контроля, через который предполагалось, с одной стороны, рабочих и крестьян учить делу управления, а с другой, чтобы они участвовали в самом управлении.

10 июля 1918 г. Всероссийским съездом Советов была принята первая Советская Конституция – Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. В ней был предусмотрен специальный раздел, касающийся бюджетного процесса в стране – «Бюджетное право». В целях обеспечения контроля за расходованием бюджетных средств со стороны законодательного органа в нем закреплялось, что «все предоставленные Советам кредиты из средств Государственного казначейства, а равно кредиты, утвержденные по сметам на местные нужды, расходуются ими в пределах смежных подразделений (параграфы и статьи) по прямому назначению и не могут быть обращаемы на удовлетворение каких-либо иных потребностей без особого постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров»⁸.

К началу 1919 г. в РСФСР фактически существовали 3 системы контроля: Народный комиссариат государственного контроля, ведомственные контрольные органы и рабочие контрольные инспекции. Такое положение во многом осложняло осуществление государственного контроля. Поэтому не случайно VII Всероссийский съезд Советов в своем постановлении от 9 декабря 1919 г. поручил ВЦИК в числе других мероприятий разработать «вопрос об организации рабочей инспекции, необходимость которой съезд Советов признает настоятельной»⁹. Выполняя поручение съезда, ВЦИК декретом от 9 февраля 1920 г. Народный комиссариат государственного контроля реорганизовал в единый орган государственного контроля – Рабоче-Крестьянскую Инспекцию (РКИ)¹⁰.

Рабоче-Крестьянской Инспекции перешли все права и обязанности Народного комиссариата государственного контроля. На местах, согласно Положению о РКИ, ее коллегии образовывались на общих основаниях в соответствии с постановлением VII съезда Советов об отделах исполкомов.

В Положении о Рабоче-Крестьянской Инспекции в качестве основных задач органов РКИ были определены: контроль за деятельностью всех органов государственного управления, органов управления хозяйством и за общественными организациями; борьба с бюрократизмом и волокитой; усиление фактического контроля путем летучих ревизий и обследования всех

органов советской власти; наблюдение за проведением в жизнь всех декретов и постановлений советской власти как в центре, так и на местах и целесообразным их применением, а также проверка деятельности всех органов советской власти с точки зрения достигнутых на деле результатов. Она опиралась в своей деятельности на широкий актив из числа рабочих, крестьян и специалистов.

Начало возникновения органов контроля на территории Чувашии относится к 1919 г., когда были организованы Уездные Отделения Государственного контроля¹¹.

С образованием автономной области постановлением ВЦИК и Совнаркома от 24 июня 1920 г. «Об Автономной Чувашской Области»¹², решением Революционного комитета Чувашской автономной области (ЧАО) от 6 июля 1920 г. был образован Отдел рабоче-крестьянской инспекции при Ревкоме Чувашской автономной области¹³.

В связи с ликвидацией Ревкома Чувашской автономной области как временного органа власти и образованием 11 ноября 1920 г. на первом Съезде Советов ЧАО Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области (Облесполком ЧАО), который был образован на базе Чебоксарского уездного отделения РКИ, выполнявшего на начальном этапе работу как в областном, так и уездном масштабах, Отдел рабоче-крестьянской инспекции перешел в ведение последнего и стал называться Отдел рабоче-крестьянской инспекции облесполкома ЧАО (Облотдел РКИ)¹⁴. Это был единый в области орган контроля, призванный осуществлять контрольно-ревизионную работу и проводить всестороннее обследование деятельности всех органов государственного управления, хозяйства и общественных организаций.

Облотдел РКИ непосредственно подчинялся Народному комиссариату РКИ РСФСР. В своей деятельности он руководствовался Положением о Рабоче-Крестьянской Инспекции, постановлениями, инструкциями и указаниями Наркомата РКИ РСФСР. Так, Инструкция о порядке выборов и об участии рабочих и крестьян в Рабоче-Крестьянской Инспекции от 11 мая 1920 г., подписанная Народным Комиссаром РКИ И.В. Сталиным, определяла, что избранным в РКИ мог быть «всякий трудящийся, имеющий право выбора в Советы по Конституции РСФСР»¹⁵.

Общее руководство выборами осуществляли губернские и уездные Отделения РКИ, по инициативе которых в губернских и уездных городах образовывались специальные избирательные комиссии. Члены РКИ избирались на срок до четырех месяцев, по истечении которого возвращались на прежнее место, при этом переизбрание их более двух раз подряд не допускалось. Члены РКИ подразделялись на следующие категории: постоянные члены РКИ (кадры контролеров-инспекторов); временные члены РКИ, делегированные с мест на определенный срок (практиканты); члены содействия РКИ¹⁶.

С первых же дней деятельности органов РКИ на них была возложена обязанность по проведению предварительной, последующей и фактической

ревизии всех хозяйственных организаций. Все сметы, ассигновки, денежные и материальные отчеты были объектами проверки РКИ.

Ревизии осуществлялись на основании инструктивных документов. Например, Чебоксарским отделением Рабоче-Крестьянской Инспекции Приволжского военного округа была разработана специальная Инструкция для уездных контрольных ячеек по производству предварительной ревизии ассигновок или соответствующих им платежных документов до их оплаты¹⁷. В соответствии с ней при производстве предварительной ревизии учреждениям государственного контроля предоставлялось право проверять ассигновки или соответствующие им платежные документы до их оплаты в учреждения, производящие сложные или спешные операции. Для этой цели должны были командироваться специальные представители. Инструкция строго предписывала, что «подлежащие предварительной ревизии ассигновки или платежные документы не могут быть оплачены, если на них не имеется отметки контроля об их обревизовании»¹⁸.

Более или менее важные ревизионные обследования должны были проводиться под руководством опытных, преданных советской власти членов РКИ при обязательном участии делегированных с мест работников. Краткосрочные и менее сложные обследования производились под руководством наиболее отличившихся практикантов, при обязательном привлечении членов содействия РКИ.

Согласно Инструкции Народного комиссариата РКИ от 11 мая 1920 г. «О порядке выборов и об участии рабочих и крестьян в работе Крестьянской инспекции» ячейки содействия РКИ создавались на фабриках, заводах, мастерских, советских предприятиях, имениях и учреждениях, кооперативах, а также в деревнях, селах и волостях¹⁹. Они состояли из неограниченного количества членов содействия, которые избирались на общих собраниях рабочих и служащих, а также граждан в деревнях и селах. Основная их функция состояла в том, чтобы наблюдать за деятельностью административно-хозяйственных органов, за правильной постановкой работы в данном учреждении, предприятии или части их, на которые распространяется деятельность ячеек.

Однако при организации контрольных мероприятий органы РКИ на местах столкнулись с рядом объективных трудностей. Во-первых, состав Рабкрин был малочисленным, и было очень трудно подобрать соответствующие кадры для проведения проверок. К примеру, в Чувашской автономной области, в первые годы ее существования, по признанию самих руководителей Облотдела, Рабоче-Крестьянская Инспекция находилась в «красштанном состоянии». «Ячейки содействия РКИ, как указано в докладе заведующего Областным РКИ ЧАО А. Мраковым «О деятельности Областной Рабоче-Крестьянской Инспекции Чувашской Автономной Области за период времени с 1-го января по 15-е ноября 1922 года», организованные при волисполкомах и заводах, ввиду малограмотности членов, самостоя-

тельно работу вести не могли. За отсутствием же организационно-инструкторской силы Областной РКИ инструктированию ячейки не подвергались, а также не имели тесной связи с Областной РКИ. Таким образом, о деятельности волостных ячеек не приходится говорить»²⁰. Во-вторых, абсолютное большинство привлеченных к постоянным работам в РКИ членов-практикантов, выдвинутых крестьянами, были малограмотными и использовать их в качестве самостоятельных ревизоров было невозможно. Они принимали участие только в работе различных комиссий, которые в ряде случаев не выполняли контрольные функции.

В момент производства обследования и ревизии руководители и члены РКИ не должны были вмешиваться в административные распоряжения ревизируемых учреждений, они не могли отменить или заменить их собственными без согласия руководителя этого учреждения. По окончании каждого обследования на общем собрании участниками ревизий заслушивался доклад руководителя группы. В случае согласия большинством с выводами собрание утверждало доклад.

Фактические ревизии проводились в виде обследований отдельных учреждений, предприятий или организаций, а иногда и целых отраслей управления. Проверялось выполнение работ и оборота материальных ценностей, выдача освидетельствований, учет товаров, организация бухгалтерского учета и др. Они осуществлялись как путем прикомандирования к подконтрольным организациям представителей РКИ, которые вели систематическое наблюдение за деятельностью этих организаций и учреждений, так и проведением плановых и внеплановых ревизий.

Так, в Чувашии в представленном Облсполкому ЧАО докладе о деятельности Чувашской Областной РКИ за период времени с 15 ноября 1922 по 15 марта 1923 г. указывается, что «за отчетный период проведено частичных, летучих ревизий и обследований 29, принималось участие в разных комиссиях, совещаниях и торгах в 60 случаях»²¹. Ревизии и обследования проводились по заданиям Народного комиссариата РКИ РСФСР, Облсполкома, других органов, а также и по инициативе Облотдела РКИ.

Летучие ревизии проводились быстро, в течение короткого периода времени. Преимущество таких ревизий состояло в том, что они позволяли незамедлительно после выявления недостатков и злоупотреблений принимать меры к их устранению и тем самым влиять на улучшение работы государственного аппарата, предприятий и организаций. В указанном отчете говорится, что летучие ревизии производились для выяснения постановки делопроизводства в Облпродкоме, Облуправлении, ОСНХ и в других учреждениях.

Также производилась последующая документальная ревизия по рассмотрению расходных денежных документов для выяснения правильности и целесообразности проведенных расходов. Они проводились в органах РКИ и подотчетных им учреждениях в ходе самой ревизии.

Тем не менее, в целом, в первые годы советской власти, деятельность Рабкрина носила бессистемный характер. Большой частью работа РКИ

сводилась к участию во всевозможных комиссиях, приемках. С введением системы плановой работы контрольный состав РКИ на местах в основном начинает заниматься вопросами выполнения заданий Наркомата РКИ РСФСР, что во многом ограничивало их инициативу. В большинстве случаев задания Центра носили чисто информационный характер.

Рабкрин на тот период еще не имела взаимосвязи и с судебными учреждениями, отсутствовал установленный порядок реализации ревизионных материалов. Представленные в судебные учреждения итоговые документы для привлечения виновных к ответственности подолгу оставались без движения и нередко утрачивали свою значимость. Кроме того, в тот период РКИ зачастую находилась в роли исполнительного органа тех же подотчетных органов по проверке их всевозможных «мелких заданий»²².

С введением в стране новой экономической политики появляются контрольные ведомственно-инспекционные органы при государственных учреждениях. С их образованием Рабкрин «разгружается» от целого ряда обязанностей и задач: исключается сплошной контроль всех сторон советской жизни, кроме контроля за важнейшими сторонами, наиболее важными учреждениями и предприятиями. РКИ также освобождается от подготовки и разработки текущего законодательства, внесения заключений по различным проектам, вносимым в высшие органы, и т.д. Основной задачей Рабкрин остается работа по совершенствованию и улучшению советского государственного аппарата во всех его видах и формах.

Дальнейшее совершенствование государственного контроля шло в направлении реализации идей, развитых В.И. Лениным в его трудах «О придании законодательных функций Госплану», «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше»²³. В этих работах основатель Советского государства наметил план соединения двух высших контрольных органов – партийного и государственного.

В апреле 1923 г. XII съезд партии принял решение о реорганизации РКИ и создании нового контрольного органа: Центральной Контрольной Комиссии – Рабоче-Крестьянской Инспекции. Объединение ЦКК и Наркомата РКИ не означало их полного слияния. Народный комиссар РКИ являлся одновременно председателем ЦКК, а состав коллегии наркомата формировался, в основном, из членов Президиума ЦКК.

Руководствуясь директивами партии съездом полномочия Рабоче-Крестьянской Инспекции были значительно расширены. В новом Положении об органах РКИ²⁴ им предоставлялось право давать всем учреждениям и организациям предложения о проведении мероприятий, направленных на улучшение их работы, проводить беспощадную борьбу со всякого рода должностными и хозяйственными преступлениями, взяточничеством, бюрократизмом и т.д. В качестве основных задач Рабкрин по-прежнему оставались: тщательное изучение бюджета (государственного и местного) и учет его исполнения с точки зрения финансовой реальности и хозяйственной целесообразности; подготовка заключения о росписи государственных

расходов и доходов; обследование и изучение производственных планов и их выполнение хозяйственными, административными и культурно-просветительскими органами.

Становление органов государственного контроля было связано с решением многих сложных задач. Так, в середине 1920-х годов вся текущая контрольно-ревизионная работа ведомств, учреждений, предприятий, организаций внутри их возлагалась на созданные при них контрольно-ревизионные органы. Они осуществляли близкие к органам РКИ функции, и поэтому возникла объективная необходимость увязки их деятельности с ними. Хотя это и было для многих понятным, но на деле складывалось такое положение, при котором предприятия и учреждения неоднократно подвергались проверкам и обследованиям самых различных организаций.

С момента своего образования РКИ стремилась к координации деятельности всех контролирующих органов. Особенно эта тенденция усилилась после объединения ее с ЦКК. В одном из своих циркулярных документов от 13 сентября 1924 г., направленного всем местным органам РКИ РСФСР, Наркомат РКИ РСФСР отмечает, что «в последнее время отчетливо замечается стихийный рост числа разного рода контрольно-ревизионных органов как предназначенных для постоянной работы, так и намеченных главным образом в форме ведомств и междуведомственных комиссий – для выполнения отдельных заданий ревизионно-инспекторского характера.

Такое положение ведет на практике к параллелизму в работе, к вредному дерганью учреждений, к получению различных материалов и выводов, к излишней затрате сил и средств»²⁵.

В письме подчеркивается, что множественность и несогласованность контроля над советскими и хозяйственными органами ведет к дезорганизации управления и хозяйствования и поэтому для достижения единства в деятельности контролирующих органов необходимо сосредоточить в рамках контрольных комиссий и органов РКИ практическое согласование контрольных и ревизионных действий этих органов и их работы по изучению госаппарата. В случаях возникновения постоянных контрольно-ревизионных органов не в порядке, установленном постановлением СНК СССР от 6 сентября 1923 г. в декрете об установлении ответственности руководителей ведомств за состояние их аппарата и работы, органам РКИ строго предписывалось вести с ними решительную борьбу и принимать все меры к их ликвидации.

Впоследствии такая множественность и несогласованность была устранена. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 25 апреля 1928 г. на Наркомат РКИ была возложена обязанность по планированию и координации контрольно-обследовательской работы различных ведомств СССР²⁶. В соответствии с ним контрольно-обследовательская работа ведомств Союза ССР должна была «производиться ими по планам, составляемым с Народным Комиссариатом Рабоче-Крестьянской Инспекции Союза ССР»²⁷. Такие же постановления было предложено издать на уровне республиканских и местных органов государственной власти.

После объединения РКИ и ЦКК произошли существенные изменения в организации и характере их работы. Однако вопрос об организационных формах руководства местными объединениями РКИ с Контрольной комиссией РКП(б) (единоличной или коллегиальной) остался до конца не разрешенным. Состоявшееся в начале 1924 г. Всесоюзное совещание РКИ и КК РКП(б) не определило, как и где необходимо организовать руководство местными органами Рабкрин, а лишь переименовало разные формы руководства – коллегии, заведующего, начальника.

Фактически на местах остались разнообразные формы руководства. К примеру, на территории Чувашской автономной области (ЧАО) сохранилась должность руководителя РКИ как заведующего Облотделом РКИ.

В 1923–1924 годах наблюдается некоторая активизация деятельности органов РКИ в Чувашии. Несмотря на малочисленный штат (15 чел.), работа Рабкрин приобретает плановый характер. Ее планы работ и результаты их выполнения стали утверждаться Президиумом областной Контрольной комиссии РКП(б) и Облесполкомом. Инициативы Облотдела РКИ были связаны с определенными заданиями как центра, так и местной власти. В 1923/24–1924/25 операционных годах были обследованы и подвергнуты ревизии 26 объектов и сфер деятельности. В том числе: сельское хозяйство области, местный бюджет за 1923–1924 гг., Облесполком (канцелярия и административный отдел), содержание советского аппарата, лесничества ЧАО, Облсоюз, фининспекции, волисполкомы, низовые советские аппараты и др.

Несмотря на некоторую активизацию деятельности органов РКИ в регионах, их роль в организации бюджетного процесса оставалась незначительной. В связи с этим Народный комиссариат РКИ РСФСР рассмотрел вопрос «О работе местных РКИ по изучению местного бюджета за 24–25 г. и участию в составлении на 25–26 г.» и направил во все органы НК РКИ РСФСР на местах специальный циркуляр.

В нем указывается, что «до настоящего времени местные органы РКИ принимали очень слабое участие в работе по построению местного бюджета. Объясняется это в значительной мере тем, что задания центра по изучению местных бюджетов не приурочивались к моменту составления на местах финансовых планов, в результате чего роль РКИ сводилась к констатированию тех недочетов в области построения бюджетов, которые выявлялись в процессе выполнения финансовых планов, уже утвержденных и выполняемых и при том только по тем административным единицам, которые включались центром в план очередного обследования»²⁸. При таких условиях процессы составления и выполнения бюджета значительно замедлялись, работа по обследованию бюджетов зачастую протекала с большим опозданием.

Наркомат РКИ подчеркнул, что при правильной постановке плановой работы многие недочеты можно предотвратить уже в самом процессе построения финансовых планов. Поэтому он призвал местные органы РКИ на всей территории РСФСР принимать активное участие в сметно-бюджетной

работе на местах в составе членов бюджетных комиссий при местных финотделах.

Планом своей работы НК РКИ РСФСР возложил на органы Рабкрина всех уровней задание по изучению и критическому анализу выполнения местного бюджета 1924/25 г. и участию в составлении бюджета на 1925/26 г. В задании была поставлена задача достичь следующих основных целей: «построение реального бюджета на [19]25/26 г. (проверка жизненности и рациональности основ его построения); дифференциация доходов и расходов по бюджету в направлении максимального удовлетворения нужд низовых бюджетных ячеек; усиление роли в бюджете неналоговых доходов; сокращение расходов потребительских, наряду с повышением удовлетворения нужд хозяйственных и культурно-социальных при максимальной экономии в расходах вообще; проверка целесообразности применяемых на местах методов хозяйствования и правильности мероприятий центра по регулированию и устройению местных финансов»²⁹.

Для работы в бюджетных комиссиях надлежало выделять из состава местного аппарата РКИ ответственного работника. При его активном участии и под непосредственным наблюдением и ответственностью заведующего РКИ или его заместителя должна была проходить вся работа по построению бюджетного плана на 1925/26 операционный год. Такие задания по наблюдению за исполнением государственного и местного бюджетов НК РКИ направлялись регулярно.

Функции органов РКИ по совершенствованию государственного аппарата на всем протяжении их деятельности хотя и являлись основными, но не были единственными. РКИ всегда оставалась и органом государственного финансового контроля. Во второй половине 1920-х годов вопросы построения и исполнения государственных и местных бюджетов занимали центральное место в деятельности органов Рабкрина всех уровней. Коллегия Наркомата РКИ РСФСР 24 апреля 1927 г. приняла специальное постановление «О мероприятиях по улучшению построения государственного бюджета РСФСР»³⁰. В нем, в частности, всем «наркоматам и центральным учреждениям РСФСР и АССР предлагалось проводить по сметам новые ассигнования только в том случае, если на их испрашивание имеются законодательные акты»³¹.

В Чувашской АССР (постановлением Президиума ВЦИК РСФСР от 21 апреля 1925 г. Чувашская Автономная область была преобразована в Чувашскую Автономную Социалистическую Советскую Республику) в порядке выполнения директивных указаний Наркомата РКИ РСФСР и по собственной инициативе органы РКИ стали регулярно проводить обследования построения и исполнения бюджетов на местах. В этих целях проводились проверки Наркомата финансов Чувашской АССР, уездных финансовых органов, других учреждений и организаций. К этому времени уже возник целый ряд новых форм контроля в работе РКИ, такие, как секции РКИ, «Легкая кавалерия», группы содействия РКИ, временные контрольные

комиссии и т.д. Материалы обследований РКИ об исполнении государственного бюджета рассматривались на заседаниях ЦИК ЧАССР и коллегии Наркомата РКИ ЧАССР. Информационные доклады о результатах выполнения заданий по наблюдению за исполнением государственного бюджета регулярно представлялись в НК РКИ РСФСР.

В июле 1926 г. Наркоматом РКИ РСФСР при подведении итогов работы местных органов РКИ по местному бюджету предыдущего года было отмечено, что в работе по бюджету появилось больше ясности и понимания изучаемого вопроса, работники Рабкрина стали лучше ориентироваться в местном хозяйстве и управлении. Постоянное участие представителей РКИ в работе местных бюджетных комиссий по составлению бюджета вплотную приблизило органы Рабкрина к бюджетной работе, что отразилось с положительной стороны на приобретении работниками РКИ опыта и необходимых знаний в области местного бюджета и местного хозяйства³².

Тем не менее в направленном во все местные органы НК РКИ РСФСР циркуляре указывались также, наряду с достижениями, и недочеты. Прежде всего обращалось внимание РКИ на местах на недостаточно глубокий анализ бюджетных материалов, который сводился во многих случаях лишь к констатированию тех или иных фактов без подробного разбора причин, способствующих их возникновению³³.

В улучшении работы органов РКИ по учету и отчетности важное значение имело создание при Наркомате РКИ СССР Института государственных бухгалтеров-экспертов. Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза СССР от 18 августа 1925 г. было утверждено Положение об институте государственных бухгалтеров-экспертов³⁴. Этот институт был учрежден в целях содействия правильной постановке счетоводства и отчетности в государственных, концессионных, смешанных, кооперативных, общественных и частных предприятиях и в государственных учреждениях, обязанных публичной отчетностью и для дачи заключений по вопросам счетоводства и отчетности. Его органами являлись Бюро государственных бухгалтеров-экспертов при НК РКИ Союзных республик, Автономно-Республиканские и местные Бюро.

Бюро государственных бухгалтеров-экспертов при НК РКИ ЧАССР был образован в апреле 1927 г. на основании постановления СНК ЧАССР от 17 января 1927 г. Оно было создано для оказания содействия в правильной постановке счетоводства и отчетности в учреждениях и предприятиях, дачи заключений по вопросам счетоводства, производства экспертизы и т.д.³⁵ Согласно приказу по НК РКИ РСФСР от 30 декабря 1924 г. местные Бюро института государственных бухгалтеров-экспертов образовывались в составе председателя Бюро, он же заведующий губернским РКИ (Обл.-дел РКИ ЧаО был на правах губернского РКИ), его заместителя и секретаря³⁶.

К концу 1926 г. в республике сложилась достаточно четкая структура системы органов РКИ. Правовой статус НК РКИ Чувашской АССР был

нормативно закреплён постановлением ЦИК и СНК Чувашской АССР от 5 апреля 1929 г. «Об утверждении Положения о Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской Инспекции Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики»³⁷. Положение в качестве основных направлений деятельности Наркомата РКИ определяло: «обследование как по собственной инициативе, так и по поручению вышестоящих органов отдельных отраслей народного хозяйства, социально-культурного строительства и государственного управления в целях разработки и постановки перед соответствующими органами вопросов о мероприятиях по улучшению состояния названных отраслей...; изучение бюджета ЧАССР, учет опыта по его построению и исполнению, дата общих заключений по отчетам исполнения бюджета...»³⁸.

В соответствии с полномочиями, определенными Положением НК РКИ Чувашской АССР проводил обследования отраслей народного хозяйства, социально-культурного и государственного строительства, выполнения производственных и других планов. Он осуществлял проверку соблюдения учреждениями, организациями и предприятиями финансовой и производственной дисциплины, разрабатывал и проводил в жизнь мероприятия по организации и рационализации работы учреждений и предприятий, сокращению административно-хозяйственных расходов, вовлечению трудящихся в дело улучшения государственного и хозяйственного аппарата и борьбе с бюрократическими извращениями.

Тем временем начиная с конца 1920-х годов реальная власть все больше начинает сосредоточиваться в эшелонах высшего партийно-государственного аппарата, который с возрастающей силой оказывал непосредственное влияние на формирование Советов депутатов всех уровней. Таким образом, наблюдалось существенное различие между конституционно-правовым статусом и реальными возможностями представительных органов власти в осуществлении контроля за деятельностью исполнительных органов, в том числе в сфере использования финансов.

На основании решения XVII съезда ВКП(б) постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 февраля 1934 г. система РКИ была упразднена и вместо нее создана Комиссия советского контроля при Совете Народных Комиссаров СССР³⁹. Основная обязанность Комиссии советского контроля состояла в проверке исполнения важнейших постановлений правительства всеми звеньями государственного, в том числе и хозяйственного, аппарата в центре и на местах. Таким образом, Комиссия советского контроля по своей сущности и функциям, возложенным на нее, стала органом государственного контроля, полностью подотчетным правительству СССР.

В 1940 г. Комиссия советского контроля была реорганизована. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1940 года на ее базе создается Народный комиссариат государственного контроля СССР⁴⁰.

В связи с реорганизацией государственного управления в 1946 г. Наркомат государственного контроля СССР был преобразован в Мини-

стерство государственного контроля СССР⁴¹. Затем министерства государственного контроля были реорганизованы в комиссии государственного контроля СССР и союзных республик.

В 1962–1965 гг. в СССР действовали комитеты партийно-государственного контроля, осуществлявшие контроль за деятельностью партийных и государственных органов. Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР был образован совместным постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 26 ноября 1962 г.⁴² Соответствующие органы также были созданы на местах.

Декабрьский 1965 г. Пленум ЦК КПСС постановил преобразовать органы партийно-государственного контроля в органы народного контроля в качестве органов государственного контроля⁴³. Выполняя решение Пленума ЦК КПСС, 9 декабря 1965 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об органах народного контроля в СССР»⁴⁴. В соответствии с ним 17 декабря 1965 г. был принят Закон РСФСР «Об органах народного контроля в РСФСР»⁴⁵ и на его основании – Закон Чувашской АССР от 20 января 1966 г. «Об органах народного контроля в Чувашской АССР»⁴⁶.

Органы партийно-государственного контроля СССР, союзных республик и на местах были преобразованы в органы народного контроля. Таким образом, система органов народного контроля включала в себя: Комитет народного контроля СССР, комитеты народного контроля союзных республик (при этом функции Комитета народного контроля РСФСР были возложены на Комитет народного контроля СССР), комитеты народного контроля автономных республик, краев, областей, автономных областей, округов, городские и районные комитеты народного контроля; а также группы и посты народного контроля при сельских и поселковых Советах депутатов трудящихся, на предприятиях, в колхозах, учреждениях и организациях. На органы народного контроля возлагался систематический контроль за выполнением государственных планов и заданий, выявление и использование резервов народного хозяйства, вопросы повышения эффективности общественного производства, контроль за экономичным расходованием трудовых, материальных ресурсов, денежных средств и др.

В принятых в 1977 г. новой Конституции СССР, а в 1978 г. конституций союзных и автономных республик предусматривалось усиление народного контроля. В них были определены основные направления его деятельности, порядок образования и подотчетность. Так, статья 88 Конституции РСФСР, принятой внеочередной седьмой сессией Верховного Совета РСФСР 12 апреля 1978 г., определяла, что Советы народных депутатов образуют органы народного контроля, сочетающего государственный контроль с общественным контролем трудящихся, контролирующего выполнение государственных планов и заданий, ведущих борьбу с нарушениями государственной дисциплины, с бесхозяйственностью и расточительством, способствующих совершенствованию государственного аппарата⁴⁷.

Исходя из положений Конституции СССР 1977 г., Верховным Советом СССР 30 ноября 1979 г. принимается новый закон «О народном контроле в СССР»⁴⁸, который несколько расширил полномочия органов народного контроля. В соответствии с ним и конституционными положениями Верховный Совет Чувашской АССР постановлением от 20 марта 1980 г. образовал Комитет народного контроля Чувашской АССР (уже с более расширенными полномочиями, исходя из нового закона о народном контроле)⁴⁹. К этому времени в Чувашской АССР насчитывалось 5 городских, 23 районных и 6 производственных комитетов народного контроля, около 3000 групп и почти 3500 постов народного контроля⁵⁰.

В 1960–1980-х годах основное внимание органов государственного контроля было сосредоточено на осуществлении контроля за выполнением плановых заданий, использованием резервов народного хозяйства, повышением эффективности общественного производства. Они должны были пресекать посягательства на государственную собственность, бороться с бюрократизмом и волокитой, добиваться совершенствования государственного аппарата. Их функции как органов финансового контроля были выражены менее, чем было при функционировании системы РКИ.

В конце 1980-х и начале 1990-х годов в стране начался экономический спад. Была нарушена сбалансированность денежной массы и предлагаемых товаров. В данной ситуации деятельность органов народного контроля уже не могла быть достаточно эффективной. Она не вписывалась в те правовые и хозяйственные механизмы, которые стали применяться в ходе проведения экономических реформ. В итоге к концу 1990 г. система органов народного контроля перестала существовать повсеместно. В Чувашии Комитет народного контроля был упразднен на основании постановления Президиума Верховного Совета Чувашской АССР от 26 июля 1990 г.⁵¹

Понимая необходимость восстановления системы государственного контроля, особенно финансового контроля за использованием бюджетных средств и распоряжением государственной собственностью, в мае 1991 г. Верховный Совет СССР принимает закон «О Контрольной Палате СССР»⁵². Закон определил Контрольную Палату как высший орган финансово-экономического контроля в стране, действующего под руководством Верховного Совета СССР и подотчетного ему. Палате было предоставлено право «осуществлять контроль за своевременностью и полнотой поступления доходов, целевым и экономным расходованием средств союзного бюджета, внебюджетных общесоюзных государственных фондов; ...сохранностью и использованием государственного имущества, являющегося общесоюзной собственностью...»⁵³, а также контролировать работу Министерства финансов СССР и его органов по исполнению союзного бюджета.

Однако деятельность Контрольной Палаты СССР длилась недолго. В декабре 1991 г. в связи с прекращением существования Союза ССР прекратилась и деятельность Контрольной Палаты.

Верховный Совет РСФСР с целью восстановления государственного финансового контроля, прежде всего парламентского финансового контроля,

в феврале 1992 г. образовал Контрольно-бюджетный комитет⁵⁴. Основной задачей этого комитета являлось осуществление контроля за использованием средств федерального бюджета. В этих целях он наделялся такими полномочиями, как:

проведение экспертно-аналитических работ и подготовка заключений по материалам бюджетного послания, вносимого в Верховный Совет Российской Федерации Президентом Российской Федерации; выработка предложений, повышающих эффективность бюджетного процесса в осуществлении ключевых направлений экономической реформы и расходовании государственных средств; участие в разработке и экспертизе законодательных и нормативных актов, касающихся вопросов формирования бюджетной системы;

осуществление контроля за: исполнением республиканского бюджета Российской Федерации текущего года; соблюдением законности и повышением эффективности расходования государственных средств, выделяемых на финансирование бюджетных организаций, сферы материального производства, обороны и правоохранительных органов; формированием доходов и расходов от внешнеэкономической деятельности; использованием внебюджетных фондов и др.⁵⁵

При осуществлении своих функций Комитет был правомочен проводить финансовые ревизии, проверки и обследования.

В 1993 г. Верховный Совет РСФСР и местные Советы народных депутатов были реформированы и вместо них были сформированы новые законодательные органы – Федеральное Собрание Российской Федерации, состоящее из двух палат: Совета Федерации и Государственной Думы, и представительные органы местного самоуправления.

Подведем итоги.

Первое. В советский период развития российского государства в осуществлении его экономической политики достаточно важное место уделялось государственному финансовому контролю. Осуществление функций внешнего финансового контроля находилось в компетенции Советов депутатов и создаваемых ими специальных органов контроля: начиная с рабочего контроля и завершая народным контролем.

Второе. По мере развития и укрепления социалистического строя в стране реальная власть все больше начинает сосредоточиваться в руках высшего партийно-государственного аппарата, который с возрастающей силой оказывал непосредственное влияние на формирование Советов депутатов всех уровней.

Третье. Наблюдалось существенное различие между конституционно-правовым статусом и реальными возможностями представительной власти и образуемых ею органов по осуществлению финансового контроля. В силу этого потенциал советской представительной системы по реализации контрольных полномочий не был в полной мере реализован.

Четвертое. Окончательное оформление командно-административной системы управления усилило зависимость представительных органов влас-

ти от исполнительных, тем самым во многом способствовало формализации проведения внешнего государственного финансового контроля.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

¹ *Авакьян С.А.* Конституционное право России: Учебный курс. 2-е изд., перераб. и доп. В 2 т. Т.2. М.: Юристъ, 2007. С. 384.

² Там же. С. 376.

³ Положение о рабочем контроле // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, 1917. № 3. Ст. 35.

⁴ Декрет о правах народного комиссара по Государственному контролю в Совете Народных Комиссаров // Декреты Советской власти. Т.1. М., Гос. изд-во полит. литературы. 1957. С. 180.

⁵ Декрет по государственному контролю. Там же. С. 181.

⁶ Декрет об образовании Центральной контрольной коллегии, местных учетно-контрольных коллегий и контрольных комиссий // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, 1918. № 18. Ст. 264.

⁷ О Государственном контроле // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, 1919. № 12. Ст. 122.

⁸ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 563.

⁹ Постановление VII Всероссийского съезда Советов от 9 декабря 1919 г. «По вопросу о советском строительстве» // Декреты Советской власти. Т. 6. М., 1973. С. 364.

¹⁰ См.: О Рабоче-Крестьянской Инспекции (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, 1920. № 16. Ст. 94.

¹¹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 354. Оп.1. Д. 338. Л. 134.

¹² Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 24 июня 1920 г. «Об Автономной Чувашской области» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, 1920. № 59. Ст. 267.

¹³ ГИА ЧР. Ф.Р. 3. Оп. 1. Д. 29^а. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ф.Р. 12. Оп. 1. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 39. Л. 6–9.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Там же. Д. 39. Л. 2–3.

¹⁸ Там же. Ф.Р. 12. Оп. 1. Д. 39. Л. 2–3.

¹⁹ Там же. Д. 15. Л. 1–10.

²⁰ Там же. Ф.Р. 12. Оп. 1. Д. 77. Л. 16 об.

²¹ Там же. Д. 77. Л. 79–81.

²² См.: Там же. Ф.Р. 12. Оп. 1. Д. 77. Л. 81.

²³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 349–353, 383–406.

²⁴ См.: Положение о Народном комиссариате Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, 1923. № 109–110. Ст. 1042.

²⁵ ГИА ЧР. Ф.Р. 12. Оп. 1. Д. 145. Л. 60.

²⁶ См.: Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 25 апреля 1928 г. «О мероприятиях по устранению множественности, несогласованности и параллелизма в контрольно-обследовательской работе государственных органов» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, 1928. № 26. Ст. 224.

²⁷ Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 25 апреля 1928 г. «О мероприятиях по устранению множественности, несо-

гласованности и параллелизма в контрольно-обследовательской работе государственных органов» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, 1928. № 26. Ст. 224.

²⁸ См.: ГИА ЧР. Ф. 354. Оп. 1. Д. 2. Л. 164–166.

²⁹ Там же. Ф. 354. Оп. 1. Д. 2. Л. 165.

³⁰ Там же. Д. 185. Л. 55.

³¹ Там же.

³² Там же. Ф. 354. Оп. 1. Д. 10. Л. 194.

³³ Там же. Л. 194–195.

³⁴ Положение об Институте государственных бухгалтеров-экспертов // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, 1925. № 68. Ст. 513.

³⁵ ГИА ЧР. Ф. 354. Оп. 1. Д. 306. Л. 6.

³⁶ Там же. Д. 2. Л. 4.

³⁷ Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Чувашской АССР «Об утверждении Положения о Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской Инспекции Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики» // Сборник узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства ЧАССР, СССР и РСФСР. Положения о центральных органах Чувашской АССР, 1929. № 4 (13). Ст. 135. С. 378–386.

³⁸ Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Чувашской АССР «Об утверждении Положения о Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской Инспекции Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики» // Сборник узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства ЧАССР, СССР и РСФСР. Положения о центральных органах Чувашской АССР, 1929. № 4 (13). Ст. 135. С. 380–381.

³⁹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 февраля 1934 г. «Об образовании Комиссии советского контроля при Совете Народных Комиссаров Союза ССР» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, 1934. № 9. Ст. 58.

⁴⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1940 г. «Об образовании Народного комиссариата государственного контроля СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1940. № 31.

⁴¹ Положение «О Министерстве государственного контроля СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1946. № 10.

⁴² Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 27 ноября 1962 г. «Об образовании Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР» // Собрание постановлений Правительства СССР, 1962. № 20. Ст. 159.

⁴³ Постановление Пленума ЦК КПСС от 6 декабря 1965 г. «О преобразовании органов партийно-государственного контроля» // Справочник партийного работника. М.: Политиздат, 1966. Вып. 6. С. 120.

⁴⁴ Закон Союза Советских Социалистических Республик от 9 декабря 1965 г. «Об органах Народного контроля в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1965. № 49. Ст. 718.

⁴⁵ Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 17 декабря 1965 г. «Об органах Народного контроля в РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1965. № 51. Ст. 1279.

⁴⁶ Закон Чувашской АССР от 20 января 1966 г. «Об органах народного контроля в Чувашской АССР» // Собрание действующего законодательства Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. Т. 1. С. 147–148.

⁴⁷ Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1978. № 15. Ст. 407.

⁴⁸ Закон Союза Советских Социалистических Республик от 30 ноября 1979 г. «О народном контроле в СССР» // Свод законов СССР. М.: Известия, 1980. Т. 1. С. 660.

⁴⁹ Первая сессия Верховного Совета Чувашской АССР десятого созыва 20 марта 1980 года. Стенографический отчет. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. С. 163.

⁵⁰ ГИА ЧР. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 1531. Л. 56.

⁵¹ Постановление Президиума Верховного Совета Чувашской АССР от 26 июля 1990 г. «О порядке упразднения органов народного контроля в Чувашской АССР» // Протокол заседания Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, 1990. № 3. С. 9–10.

⁵² См.: Закон Союза Советских Социалистических Республик от 16 мая 1991 г. № 2161-1 «О Контрольной Палате СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1991. № 23. Ст. 649.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2299/1-1 «О создании Контрольно-бюджетного комитета при Верховном Совете Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992. № 17. Ст. 887.

⁵⁵ Временное положение «О Контрольно-бюджетном комитете при Верховном Совете Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992. № 17. Ст. 887.

M.V. D e m i d o v. The development of the outside state financial control institute in Russia in the soviet period.

In the soviet period of the Russia development the outside state financial control was carried out by the Soviet of Deputies and the agencies it framed. Over the several impartial and subjective reasons the outside state financial control institute could not arise and function on the same principals and grounds, which inhere to the modern stage of its evolution. The considerable distinctions between constitutional and legal status and real possibilities of the representative power, and also the final legalization of command-administrative system vastly confined the possibilities of realization control power in full measure of legislative authorities in all spheres of public life, including financial.

К ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПЕРВЫЕ РУКОПИСНЫЕ ЖУРНАЛЫ

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3
© Г.Ф. Юмарт

Согласно воспоминаниям деятелей чувашской культуры и сохранившимся архивным материалам, до 1917 г. в среде чувашей издавалось около десяти рукописных журналов. Эти сведения до настоящего времени должным образом не обобщены. Цель настоящего сообщения – восполнить данный пробел. Решение названной исследовательской задачи позволит пролить свет на историю развития чувашской литературы начала двадцатого столетия.

Рукописные журналы в культурном пространстве чувашей стали появляться с 1901 г. В своих мемуарах чувашский этнолог Гурий Комиссаров сообщает о том, что в сентябре 1901 г., когда инспектор чувашских школ Казанского учебного округа И.Я. Яковлев по служебным делам разъезжал по чувашским селам и деревням, в основанной им Симбирской чувашской школе было организовано литературное товарищество (кружок) «Компания юных пиитов»¹. Инициатором его создания стал Гаврил Кореньков – впоследствии поэт, переводчик и педагог. Членами данного объединения было решено проводить летучие (устные) выпуски журнала под названием кружка. Учениками старшего (третьего) класса в октябре 1901 г. по субботам было проведено несколько вечеров. Там читались в основном сатирические материалы молодых авторов на чувашском и русском языках. Тогда же русские воспитанники школы издали толстый рукописный журнал «Сотрудники». Успели выпустить лишь один номер². Его рукопись до сих пор не обнаружена. Активным автором журнала «Сотрудники», возможно, был и чуваш Роман Иванов, который сочинял лирические стихотворения. Некоторые из них вошли во вторую часть II тома памятников дореволюционной чувашской литературы³.

Самое большое количество номеров выдержал журнал «Шургмпуз» (Заря)⁴. К сожалению, и этот бесценный памятник литературы не дошел до нашего времени. Но отдельные небольшие отрывки и предложения из

Геннадий Федорович Ю м а р т – старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук.

«Шургмпуз» вошли в семнадцатитомный «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина. Как известно, Николай Иванович был «отцом» этого полуполюгального фольклорно-литературного журнала. По нашему мнению, он еженедельно выпускался в 1906/1907 учебном году в Казанской учительской семинарии. В своем семнадцатитомном словаре известный исследователь указывает номера журналов, из которых им использован тот или иной отрывок. Бесспорными сотрудниками этого органа являлись начинающие чувашские поэты и писатели Илья Тхти, Иван Никитин-Юрки, Андрей Турхан, Николай Никитин, Семен Иванов. Кстати, И. Тхти о своем участии в журнале «Шургмпуз» упоминает в своей краткой автобиографической записи⁵. Не менее любопытный факт. Н. Никитиным написано стихотворение, посвященное Н.В. Никольскому. Оно подписано словами «*Шургмпуз кгларакансем*» (Издатели «*Шургмпуз*»)⁶. Полагаем, что скрупулезное изучение вошедших в словарь Н.И. Ашмарина чувашских текстов и списка учащихся учительской семинарии того времени может дать ключ к установлению имен и других авторов данного рукописного журнала.

Краткие тексты из «Шургмпуз» встречаются в каждом томе указанного словаря. Полагаем, что в его последнем томе ошибочно указан источник этих материалов: будто они выписаны из печатного журнала, вышедшего под этим же названием в 1919—1920 гг.⁷ Оригиналы рукописного журнала «Шургмпуз» пропали, надо полагать, при перевозке в 1933 г. архива Н.И. Ашмарина из столицы Татарской АССР в Чебоксары. Как известно, в ходе данного мероприятия в Казани – на волжской пристани – из багажа ученого неизвестными лицами был украден один мешок с рукописями⁸. В личном архиве поэта А. Турхана нами обнаружена ученическая тетрадь без обложки с фольклорными записями. Туда вошли сказки, песни, пословицы и поговорки. Эта тетрадь могла быть одним из номеров «Шургмпуз», возможно, его черновым вариантом. По словам сына А. Турхана – Евгения Андреевича – у них дома хранилась обложка тетради с надписью «Шургмпуз». Общее количество выписок Н.И. Ашмарина из рукописного журнала «Шургмпуз» в словаре насчитывается более пятисот. Они включают тексты из народных сказок и легенд, песен, этнографические записки. Весь этот материал, обогативший знаменитый чувашский словарь, требует тщательного изучения.

Особый интерес представляет другой памятник того времени – рукописный журнал «Хайхи» (Тот самый). Читатели о нем узнали из воспоминаний первой чувашской поэтессы Васся Анисси (Анисии Васильевой, по замужеству Княгининой) «*Иртсе кайнг кун-зулгм*» (Прошедшая жизнь)⁹. Ею же в старости, по совету журналиста Григория Лискова, по памяти были записаны тексты некоторых произведений, вошедших в журнал. Здесь излишне следующее пояснение: Васся Анисси была секретарем этого издания, а редактировал журнал учитель Сергей Сорокин (Сергей Тваньязлем). По словам поэтессы, «Хайхи» имел всего несколько выпусков. После рукописной записи материалов они каким-то способом – видимо, при помощи

гектографа – размножались по десять экземпляров. Номера журнала распространялись среди сельской молодежи д. Нижние Тимерсяны Симбирского уезда одноименной губернии (ныне входит в Цильнинский район Ульяновской области). Время выхода издания – 1907 г.

Вася Анисси обладала удивительно хорошей памятью. В старости, перед уходом из жизни, сидя на больничной койке, она прочитала нам наизусть свои и чужие стихи, даже поэму, выученные в детстве и юности. Поэтому можно довериться ее записям произведений по памяти – стихам, переводам революционных песен, включенных в журнал «Хайхи». Кроме них восстановлены (возможно, таким же образом) два бытовых рассказа бывшего редактора газеты «Хыпар» Василия Иванова (Кривова)¹⁰. Конечно, это не все, что вошло в журнал.

Скоро, когда усилилась политическая реакция, редактор, опасаясь преследований, сжег рукописи.

В Казанской учительской семинарии в 1911 г. издавался рукописный журнал «Семинарист». В нем в основном помещались политические статьи¹¹. В 1911—1914 гг. чувашский поэт Николай Шубоссинни в с. Новое Аксубаево Чистопольского уезда Казанской губернии (ныне входит в Аксубаевский район Республики Татарстан) выпускал журнал «Пирён ял» (Наша деревня). Всего увидело свет 14 номеров, из которых до нас дошли два¹². Они включают в себя, прежде всего, ученические рассказы и зарисовки о школьной и сельской жизни. Некоторые корреспонденты выступали на ее страницах и со своими стихами.

В начале XX в. подобное рукописное издание в с. Карачево Чебоксарского уезда Казанской губернии (ныне входит в Козловский район Чувашской Республики) выпускала и будущий прозаик, драматург и поэтесса Марфа Трубина. В архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук хранятся два номера журнала «Школьные дни» за 1914 г. Один из них посвящен А.С. Пушкину¹³.

Остается напомнить, что юный Михаил Сеспель в годы учебы в с. Шихазаны Цивильского уезда Казанской губернии организовал выпуск журнала «Звездочка» на русском языке. Кроме стихов будущего классика чувашской поэзии, там появлялись и другие литературные опыты учащихся. Сам редактор даже давал объявления, где предлагал своим товарищам книги русских писателей для чтения. Обо всем этом подробно рассказал читательской аудитории Гурий Титов – одноклассник М. Сеспеля¹⁴.

Таковы известные нам факты о первых рукописных журналах в среде чувашей. Возможно, их было больше. Не исключено, что в Уфе, Цивильске, Ядрине и других населенных пунктах могли быть организованы подобные издания. В частности, Илья Тхти утверждает, что до «Шургмпуз» выпускался журнал «Зглтгр» (Звезда)¹⁵. Последний упомянут и в известной брошюре Д.П. Юмана о 1905 г.¹⁶

Выявленные материалы свидетельствуют о том, что выпуск рукописных изданий не являлся единичным явлением. Нельзя не признать, что эти журналы в какой-то степени обогащают историю чувашской литерату-

ры начала XX в. Ценно и то, что некоторые из них сохранили тексты литературной деятельности чувашской молодежи начала XX в. Это особенно касается таких изданий, как «Шургмпуз», «Хайхи» и «Звездочка». Помимо всего этого, упомянутые журналы служили своего рода каналом распространения фольклорных, литературных и публицистических произведений. На их страницах молодые авторы овладевали художественным мастерством, навыками грамотной речи.

Рассмотренные журналы можно разбить на несколько групп. По месту выпуска издания «Компания юных пиитов», «Сотрудники», «Шургмпуз» могут быть причислены к городским, а «Хайхи», «Пирён ял», «Школьные дни», «Звездочка» – к сельским. По языку они делятся на три условные группы: издания на чувашском языке («Шургмпуз», «Хайхи», «Пирён ял»); издания на русском языке («Сотрудники», «Семинарист», «Школьные дни», «Звездочка»); издание на двух языках – на чувашском и русском («Компания юных пиитов»). Практически все журналы издавались силами творческой молодежи и учащихся.

Еще один любопытный факт. В 1915 г. поэт-учитель А. Турхан составил подробный план издания журнала «Чгваш хёвелё» (Солнце чувашей). Этот энтузиаст планировал включать на страницы своего детища и советы по народному хозяйству, а также материалы о событиях в стране и мире. В год предполагалось выпускать несколько номеров. План его издания расписан по 1922 г. Думается, что А. Турхан рассчитывал издавать этот журнал печатным способом. Но его намерениям не суждено было исполниться.

Зарождение чувашской журналистики шло под влиянием газетно-журнального дела народов России, прежде всего русского. Чувашская интеллигенция принимала живое участие в развитии русской печати. В советское время издание чувашских журналов приобретает широкий размах. Было бы очень интересно проследить этот процесс и по рукописным журналам первых лет Советской власти.

Л и т е р а т у р а

¹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 491. С. 538—539. (Согласно нумерации, примененной автором рукописи.)

² Там же. С. 539—540.

³ Революционерчи чгваш литературы. Текстсем. Шупашкар, 2001. Т. II. Кн. 2. С. 371—381.

⁴ Романов Н. И. Ефимов-Тгхтине асгнса // Тгван Атгл, 1958. № 2. С. 92.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. V. Т. 398. Л. 105.

⁶ Там же. Отд. I. Ед. хр. 153. Л. 1.

⁷ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1950. Т. XVII. С. 432.

⁸ Дегтярев Г.А. Николай Резюков тата «Чгваш сгмахёсен кёнеки» // Чгваш чёлхи: аваллгхран малашлгха. Статъясен пуххи / Шупашкар: Чгваш патшалгх гуманитарн геллгхёсен институтчё, 2007. С. 14.

⁹ Вазза Анizzi. Ёмёт зитрё. Шупашкар, 1972. С. 28—29.

¹⁰ В нашем личном архиве хранится копия этих материалов.

¹¹ Прокопьев В. Гна халгх манмё // Тгван Атгл, 1981. № 5. С. 70—80.

¹² НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 102.

¹³ Там же. Ед. хр. 367. Инв. № 2939.

¹⁴ *Титов Г.* Шкулта вёреннё зулсене аса илни // Кгвар чёре. Шупашкар, 1979. С. 59—71.

¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 398. Л. 105.

¹⁶ *Йуман М. (Петров Д.П.).* 1906-мёш зул (Чгвашсем хушшинче пулнғ ёссене асгнни). Шупашкар, 1925. С. 92.

G.F. U m a r t. On the history of Chuvash literature early in XX century: pioneering manuscript journals.

The pioneering journals appeared in the period of nation awakening – at the beginning of XX century. These editions became in a way a milestone in the evolution of native literature. At their pages the several Chuvash Future writers and poets perfected their skills.

Православное духовенство сыграло весомую роль в истории России. Оно совершало богослужения, преподавало в различных церковных и светских учебных заведениях, участвовало в социальных и благотворительных программах, занималось историческими, этнографическими, социокультурными наблюдениями и исследованиями. После Октябрьской революции 1917 г. в условиях гонений за веру священнослужители духовно противостояли «нечестию», пытались сохранить паству от влияния безбожной идеологии. Многие служители культа приняли в советское время мученическую кончину, отдав за веру самое дорогое – собственную жизнь.

Одним из таких добрых пастырей был священник Христофор Александрович Родионов, жизненный путь и служение которого связаны как с Марийским, так и с Чувашским краем. Он родился 16 (29) апреля 1884 г. в д. Нуженалы Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии в семье крестьян Александра Никифоровича и Дарии Ивановны Родионовых¹. В 1897 г. будущий священнослужитель окончил Еласовское начальное училище². В 1907 г. поступил в Михаило-Архангельский черемисский мужской монастырь (расположен в Козьмодемьянском уезде), где в 1909—1912 гг. обучался в церковноприходской школе, нес различные послушания (к примеру, в 1910 г. – клиросное)³. В монастырской ведомости тех лет о нем записано: «Поведения хорошего, к послушаниям способен»⁴.

В 1912 г. Христофор Родионов был переведен в Казань, где проживал в качестве послушника в Зилантовом монастыре⁵. 5 марта 1913 г. он выдержал псаломщический экзамен в Казанском духовном училище⁶. 31 марта 1913 г. был определен на должность псаломщика в церковь Казанской иконы Божией Матери с. Нурма Царевококшайского уезда Казанской губернии⁷.

Юрий Витальевич Ерошкин — научный сотрудник отдела истории Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

Здесь Христофор Александрович подвизался около года: в клировой ведомости нурминской церкви сообщается, что поведения он был очень хорошего⁸.

Решив продолжить образование, в 1914 г. Х.А. Родионов поступил в число вольнослушателей на Казанские двухгодичные миссионерские курсы⁹. В этот период он стал одним из добровольных корреспондентов известного чувашского этнографа и просветителя Н.В. Никольского. Руководствуясь разработанной ученым программой-вопросником для сбора исторических и фольклорно-этнографических материалов, Родионов в 1914 г. представил Никольскому несколько рукописей, в которых содержались сведения о хозяйственных занятиях, культуре и быте горных марийцев (этнографическое описание обряда проводов в армию, данные о традиционной марийской одежде, обуви, пище, размышления о причинах курения марийцами табака). Эти сведения были дополнены также наблюдениями о некоторых сторонах жизни луговых марийцев (Царевококшайского, Уржумского, Яранского уездов¹⁰ Казанской и Вятской губерний), что повысило их научную ценность. Пытался Христофор Александрович переводить на горный марийский язык и духовную литературу. Примером тому служит его сочинение «Новое чудесное исцеление параличной больной по предстательству преподобного Тихона Калужского Чудотворца» на «черемисском языке на горном наречии»¹¹.

После окончания миссионерских курсов в 1916 г.¹² Х.А. Родионов был рукоположен во диакона, а в июне 1916 г. – во священника с назначением в церковь Рождества Христова с. Новая Липша Чебоксарского уезда Казанской губернии¹³, впоследствии – Звениговского кантона Марийской автономной области (МАО). В 1919 г. он был впервые арестован органами ОГПУ по обвинению в контрреволюции, но освобожден за неимением улик¹⁴. В храме с. Новая Липша Х.А. Родионов служил до 1925 г.¹⁵ В 1920 г. за отличную усердную службу был награжден набедренником¹⁶.

В 1925—1930 гг. Христофор Александрович совершал богослужения в Покровской церкви с. Паратмары, входившем во 2 благочиннический округ Казанской епархии и расположенном в Козьмодемьянском кантоне МАО¹⁷. 30 мая 1927 г. по представлению Благочиннического совета епископом Чебоксарским Афанасием (Малининым), управлявшим в то время Казанской епархией, он был награжден скуфьей¹⁸. В 1930 г. Х.А. Родионов подал заявление в Краснококшайское Православное церковное управление староцерковников о перемещении его в другой храм на свободное место или запасным священником¹⁹. Это прошение было удовлетворено, и с 23 июня 1930 г. он был переведен в церковь Рождества Христова с. Еласы²⁰.

В данном приходе священнослужитель прослужил около 7 лет, показав себя истинным служителем культа. С приездом его в Еласы местная приходская жизнь активизировалась. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления церковного совета о проведении на территории прихода крестных ходов²¹, которые к тому моменту оставались одной из немно-

гих доступных форм христианского просвещения населения. Среди архивных документов сохранилось также заявление священника в Еласовский сельсовет от 11 июля 1936 г. о торжественном молебне по случаю престольного праздника в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла²². Христофор Александрович не раз призывал жителей села начинать сельскохозяйственные работы с молитвы, соблюдать церковные праздники, относиться терпеливо к происходящему. Его труды были отмечены епархиальным начальством: в 1931 г. епископом Марийским Иоанном (Широковым) он был награжден камилавкой²³, в 1936 г. епископом Марийским Варлаамом (Козулей) – наперсным крестом²⁴.

Такое истовое служение священника вызывало недовольствие властей. В 1926 г. Х.А. Родионов был лишен избирательных прав²⁵, в 1929 г. по надуманному предлогу был осужден по статье 118 УК РСФСР к 1 году принудительных работ, которые отбывал в Козьмодемьянске и Йошкар-Оле²⁶. В апреле 1935 г. по ходатайству Еласовского сельского Совета Горномарийская районная комиссия по вопросам культов приняла решение о запрещении в Еласах колокольного звона²⁷, в 1936 г. власти пытались отобрать у Еласовской церкви сторожку²⁸. Священник терпеливо переносил эти притеснения, пытаясь сохранить приходскую жизнь и возможность совершать в храме богослужения.

Вскоре власти пошли на крайние меры. 5 августа 1937 г. Х.А. Родионов был арестован и помещен в Козьмодемьянскую тюрьму. В постановлении о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения говорилось, что Родионов вел в деревне контрреволюционную агитацию против мероприятий партии и правительства, восхвалял Троцкого, Зиновьева и других врагов Советской власти. В ложности предъявленных обвинений не приходится сомневаться. Особенно абсурдным выглядит утверждение следствия о том, что в феврале 1937 г. в частном доме он служил панихиду о расстрелянных в Москве партийных деятелях Рыкове, Зиновьеве и других, утверждая, что «они умерли за народ»²⁹. К слову сказать, Н.И. Рыков к этому моменту даже не был арестован, а расстрелян и того позже, в 1938 г.

На единственном допросе, состоявшемся 16 августа 1937 г., Х.А. Родионов вины своей не признал, явив себя исповедником православной веры: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. ... По существу показываю, что я действительно человек не советский по религиозному убеждению. Потому, что советская власть борется против религии, поэтому я против»³⁰. 26 августа 1937 г. состоялось заседание тройки НКВД Марийской АССР, на котором священник Христофор Родионов был приговорен к 10 годам лагерей³¹. Он был доставлен в Локчимлаг Коми АССР 31 октября 1937 г. этапом из Горького и скончался в заключении 24 февраля 1942 г. от крупозного воспаления легких³². Погребен в безвестной могиле на одном из кладбищ Локчимлага.

Таков был жизненный путь священника Христофора Александровича Родионова, оставившего о себе добрую память на марийской и чувашской

земле. Хочется надеяться, что с выявлением новых материалов будет составлено более полное его жизнеописание, что обогатит нас новыми сведениями по истории православия в Поволжье.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

¹ Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Р. 317. Оп. 5. Д. 46. Л.12; р. 324. Оп. 3. Д.7. Л.7.

² *Иванов А.Г., Николаев Г.А.* Крестьянское хозяйство и быт горных марийцев в описаниях Х.А. Родионова начала XX века // Марийский археографический вестник, № 18. С. 148.

³ *Иванов А.Г., Николаев Г.А.* Указ. соч. С. 148; Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 4. Оп. 142. Д. 100. Л. 263 б.

⁴ НАРТ. Ф. 4. Оп. 142. Д. 100. Л. 263 б.

⁵ ГА РМЭ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 211. Л. 119 об.

⁶ *Иванов А.Г., Николаев Г.А.* Указ. соч. С. 148.

⁷ ГА РМЭ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 211. Л. 119.

⁸ Там же. Л. 120.

⁹ *Иванов А.Г., Николаев Г.А.* Указ. соч. С. 148.

¹⁰ Там же. С. 148—159.

¹¹ Там же. С. 148.

¹² ГА РМЭ. Р. 1086. Оп. 8. Д. 874.

¹³ *Иванов А.Г., Николаев Г.А.* Указ. соч. С. 148.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГА РМЭ. Р. 317. Оп. 5. Д. 39. Л. 20.

¹⁶ Там же. Р. 1086. Оп. 8. Д. 874.

¹⁷ Там же. Р. 317. Оп. 5. Д. 39. Л. 20.

¹⁸ Там же. Р. 1086. Оп. 8. Д. 874.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ См. например: Там же. Р. 317. Оп. 1. Д. 304. Л. 44; р. 324. Оп. 2. Д. 8. Л. 7; Р. 324. Оп. 2. Д. 36. Л. 52.

²² Там же. Р. 1086. Оп. 8. Д. 874.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Р. 168. Оп. 1. Д. 1054. Л. 10.

²⁵ Там же. Р. 324. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

²⁶ Там же. Р. 317. Оп. 5. Д. 39. Л. 20; д. 46. Л. 12 об.

²⁷ Там же. Р. 317. Оп. 1. Д. 385. Л. 2.

²⁸ Там же. Р. 250. Оп. 1. Д. 1608. Л. 121,135.

²⁹ Там же. Р. 1086. Оп. 8. Д. 874.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Архивная справка учреждения М-222 Коми АССР от 14 мая 2005 г. Копия документа хранится в архиве Комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинского епархиального управления.

U. V. E r o s h k i n. The epoch and the personality: the reversals of fortune of priest H. A. Rodionov.

In the given notice the upheavals of Volga clergy existence in the first decades of XX century were represented. It clarifies the course life of the priest from hilly-Mari sphere – H. A. Rodionov.

В 20-е–30-е годы XX в. в изучении истории, культуры и этнографии чувашского населения Башкортостана заметный след оставила Чувашская секция при Обществе по изучению Башкирии (далее ОИБ). Секция была образована в мае 1927 г. и при ОИБ существовала в течение трех лет. Инициатором создания секции и ее председателем был Петр Андреевич Петров-Туринге – один из ярких представителей чувашской национальной интеллигенции, вошедший в историю чувашей Башкортостана как талантливый педагог, краевед и этнограф.

На сегодняшний день о жизни П.А. Петрова-Туринге написано сравнительно немного. Незвестные ранее факты о некоторых представителях большой семьи Туринге, в том числе о П.А. Петрове-Туринге, стали достоянием общественности лишь в последние десятилетия, в основном благодаря изысканиям уфимского краеведа-исследователя А.А. Кондратьева¹.

По имеющимся данным, П.А. Петров-Туринге родился 6 июня 1887 г. в г. Симбирске. В 1908 г. он закончил Уфимскую духовную семинарию, куда его вместе с младшим братом определил их отец А.П. Петров-Туринге². Однако будущая карьера священнослужителя и служба в духовном ведомстве не вдохновили юношу. Поэтому после окончания учебы в семинарии он направился в г. Уральск, где в течение двух лет работал учителем в городском четырехклассном училище. Мечтая получить высшее светское образование, вскоре Петр оставил Уральск и направился в г. Казань. Здесь он успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом Казанского ветеринарного института. Однако завершить полный курс обучения в институте ему не удалось. Спустя два года – в 1912 г. – из-за недостатка средств молодой человек бросил учебу в институте и приступил к обязанностям

Игорь Георгиевич Петров — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, главный хранитель Музея археологии и этнографии Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.

заведующего земской библиотекой в с. Куганак Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Здесь Петров-Туринге целенаправленно занимался повышением своего образования, приступил к сбору материалов по истории, этнографии и культуре чувашей Уфимской губернии. Особенно большую работу в данном направлении он развернул в 1918 г., уже будучи учителем школы в с. Тряпино того же уезда, где организовал краеведческий музей. П.А. Петров-Туринге собирал предметы материальной культуры и прикладного искусства, записывал чувашские народные песни, фиксировал названия местных трав и на их основе составил чувашско-русский словарь³. Собранные материалы о чувашских народных приметах он обобщил в небольшой статье, которую опубликовал на страницах Башкирского краеведческого сборника⁴.

Осенью 1926 г. П.А. Петров-Туринге был приглашен в г. Уфу в качестве преподавателя и заведующего учебной частью в Приуральский чувашский педагогический техникум (далее ПЧПТ)⁵. Несмотря на большую занятость организационной и педагогической работой в педтехникуме, он и здесь продолжил свои научные изыскания: писал статьи и рецензии на книги⁶, вел переписку с исследователями по вопросам истории, этнографии и краеведения, принял участие в работе первой Всечувашской краеведческой конференции (1928 г.).

Талант и организаторские способности П.А. Петрова-Туринге как краеведа и ученого особенно ярко проявились в период его деятельности в качестве председателя Чувашской секции при ОИБ. В нее вошли местные краеведы-энтузиасты в основном из числа преподавателей и студентов ПЧПТ, проявлявшие интерес к изучению культуры, обычаев и обрядов родного народа. Секция, образованная в мае 1927 г., объединяла в своих рядах более 20 чел. Здесь проводились собрания, на которых кроме обсуждения текущих и организационных вопросов регулярно заслушивались и научные доклады. Так, в отчете о деятельности ОИБ за 1926—1928 гг. сообщается, что за указанный период чувашской секцией проведено семь собраний, на которых были заслушаны три научных доклада П.А. Петрова-Туринге: «Пища и питье чувашей Башреспублики», «Чуваши, их история и культура», «Чуваши и Крым»⁷. Там же отмечается, что члены секции провели работу по подготовке материалов для издания краеведческой хрестоматии на чувашском языке, при педтехникуме создали кружок по изучению чувашской культуры, приступили к изучению чувашского фольклора, собрали 400 пословиц и 200 примет⁸, приняли организационные меры по сохранению творческого наследия поэта Константина Иванова⁹. В отчете также говорится, что преподавателем естествознания ПЧПТ М.А. Гороховым велась запись чувашских народных песен и их гармонизация, а художником И.Н. Самаринным – работа по изучению чувашских орнаментов и подготовке альбома.

Чувашская секция поддерживала тесные контакты с Обществом изучения чувашской культуры в Москве (1927–1931). Как известно, инициаторами

создания последнего были талантливый чувашский краевед А.П. Прокопьев (Милли) и профессор-лингвист московских вузов П.О. Афанасьев. Филиалы общества были созданы в Казани, Уфе, Ульяновске, Самаре, Саратове, Бугуруслане, Белебее. Примечательно, что из действующих филиалов самыми активными и плодотворно работающими оказались Казанский и Уфимский общества, во главе которых стояли Г.И. Комиссаров (Вандер) и П.А. Петров-Туринге¹⁰. Так, в отношении уфимского отделения общества в региональной литературе совершенно справедливо отмечалось, что его активистами собран большой материал по революционному движению среди чувашей Башкирской республики, чувашские пословицы, загадки, песни и сказки, на основании архивных материалов начата работа по изучению истории переселения чувашей в Башкирский край¹¹.

Крупным и достаточно успешным результатом деятельности Чувашской секции ОИБ в 1929 г. стала комплексная экспедиция по изучению культуры и быта башкирских чувашей. Она была организована П.А. Петровым-Туринге с участием членов чувашской секции, а также преподавателей и студентов педтехникума. По сути, это была одна из первых экспедиций по научному исследованию чувашского населения Башкирии в XX в. Участниками экспедиции была составлена обширная программа по изучению хозяйства, быта, экономического состояния, норм обычного права, культуры, искусства, народного образования. Примечательно, что программы по исследованию жилищ, одежды и питания были составлены при непосредственном участии и руководстве ученых Антропологического отряда Башкирской экспедиции АН СССР. Экспедиция, основной костяк которого составили 30 студентов III курса ПЧПТ, в июне-июле организовала работу в 7 чувашских населенных пунктах Белебеевского кантона Башкирии: Слакбаше, Кош-Елге, Кистенли-Богданово, Базлыке, Бижбуляке, Елбулаке, Зириклах¹². В статье «Работа среди чуваш», посвященной предварительным итогам экспедиции, П.А. Петров-Туринге писал, что за полтора месяца участниками экспедиции «проведено через антропометрию более тысячи чувашских детей, собраны материалы по народному образованию, экономике и гигиене, заснято 1200 планов домов и дворов, зарегистрировано на фонографических валиках около 100 народных песен, измерено в течение недели в 12 семьях разного экономического достатка количество потребляемых продуктов, сделано 200 фотоснимков, собраны интересные данные (в том числе детские рисунки) для установления интеллектуального развития детей»¹³. В заключительной части статьи Петрова-Туринге дана краткая характеристика особенностей быта чувашского населения республики: в планировке жилищ, хозяйственных занятиях, национальной кухне и питании, религии.

Во время экспедиции ее участниками проводилась большая общественная работа. В каждой деревне ставился спектакль с вокальным отделением, проводились беседы о задачах экспедиции и краеведения, доклады о решениях XVI партконференции по вопросам сельского хозяй-

ства, делегатские собрания женщин, организовывалась подписка на газеты и журналы¹⁴.

Результаты экспедиции широко освещались республиканской печатью. Так, в статье «Изучение быта чувашей. Возвращение экспедиции Чувпедтехникума» сообщается, что «ценность собранных материалов настолько велика, что ... можно будет (после проработки) ясно представить жизнь и быт чуваш, которые в Башкирии почти не изучены. А если к этому добавить, что экспедицией собран богатый материал по истории, чувашским обычаям и обычному праву, можно с уверенностью сказать, что экспедицией внесен ценный вклад в дело изучения народностей нашего союза»¹⁵. Итоги экспедиции высоко оценил начальник Антропологического отряда Башкирской экспедиции АН СССР С. Баронов. В опубликованной по этому случаю газетной статье он отметил, что собранный материал «велик по количеству, интересен по содержанию и исключителен по четкости и аккуратности его регистрации»¹⁶. Он также писал, что нельзя не выразить изумления, как можно было в такой сравнительно короткий срок так много и так хорошо сделать силами молодых исследователей-студентов. По мнению ученого, успех работы экспедиции явился результатом длительной и тщательной ее подготовки силами студентов ПЧПТ и ОИБ.

Возникает вопрос: «Что стало с материалами экспедиции? Где они отложились?». К большому сожалению, эти материалы так и не были обработаны и остались неизвестными для этнографической науки и чувашеведения в целом. Тому помешали разные обстоятельства.

Во-первых, как уже было отмечено, в конце 1930 г. после упразднения ОИБ Чувашская секция прекратила свое существование.

Во-вторых, это было обусловлено тем, что решением наркомата просвещения Башкирской АССР Приуральский чувашский педтехникум был реорганизован и переведен из столицы республики в провинциальный г. Белебей. Сюда же вместе с педтехникумом перевелся и П.А. Петров-Туринге. В создавшихся условиях он не был в состоянии оперативно руководить Чувашской секцией и планировать ее работу.

В-третьих, начиная с 30-х годов XX в. по всей стране все больший размах стала набирать политика необоснованных и массовых репрессий, под жернова которых попали десятки тысяч неповинных и честных граждан. Под беспощадный каток сталинских репрессий попал и П.А. Петров-Туринге. Вероятно, органы ОГПУ – НКВД неоднократно вызывали Петрова-Туринге на свои допросы и угроза ареста над ним висела постоянно. Возможно, в силу этих и других обстоятельств ему пришлось покинуть родные места и в течение двух лет трудиться в Западной Сибири. По разысканиям А.А. Кондратьева, в 1933–1935 гг. он работал преподавателем в одном из педтехникумов г. Кемерово. Однако избежать ареста ему не удалось. В 1938 г. он был арестован и сослан в лагерь ГУЛАГа. К сожалению, личное дело П.А. Петрова-Туринге пока остается недоступным и для исследований: оно

хранится в архивах ФСБ. Поэтому летописцы жизни и деятельности П.А. Петрова-Туринге не обладают исчерпывающей информацией, по какой именно статье он был арестован и в какие лагеря сослан. Не известно также, как долго он томился в сталинских лагерях и как скоро освободился. По сведениям А.А. Кондратьева, которые он получил от близких родственников, жизнь П.А. Петрова-Туринге трагически оборвалась в 1943 г. на железной дороге по возвращении домой из мест заключения¹⁷.

Тем не менее, несмотря на стечение трагических обстоятельств, материалы экспедиции 1929 г. сохранились, хотя и не в полном объеме. Лишь по счастливой случайности они не оказались полностью изъятыми во время ареста и чудом сохранились у супруги ученого, а также частично в архиве Института национальной культуры (ныне Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук – ИИЯЛ УНЦ РАН). В свое время о наличии в архиве института ценнейших материалов по фольклору и этнографии, состоящих из фотопластинок, изображающих жизнь и быт башкирских чувашей, фонографических валиков с записями чувашских наигрышей и песен, текстов народных песен и сказок, писал известный чувашский прозаик, драматург и фольклорист Ф.Н. Вуколов-Эрлик¹⁸. Достоянием науки они стали в 1962 г., когда эти материалы вместе с другими документами П.А. Петрова-Туринге были переданы участникам научной экспедиции Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, приехавшим в Башкирию и Оренбургскую область для проведения комплексных исследований по изучению быта, фольклора и языка чувашей Южного Урала¹⁹. С тех пор они хранятся в Научном архиве института (в настоящее время: Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН)²⁰. В основном они включают результаты проведенных студентами антропометрических исследований среди учащихся школ, а также уникальную фотоколлекцию, состоящую из 80 фотографий. В архиве института хранятся также 40 фоноваликов с записями чувашских народных песен и инструментальных наигрышей²¹. Остальные материалы экспедиции (планы усадеб и жилищ, тексты народных песен, результаты измерений состава и калорийности питания крестьян, детские рисунки и т.д.) пока не обнаружены.

Как уже было отмечено нами, небольшая часть фотографий П.А. Петрова-Туринге с пометой «Общество по изучению Башкирии» хранится в фотоархиве Отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН. В числе других фотографий, отражающих быт и культуру чувашей Южного Приуралья, копии некоторых фотографий Петрова-Туринге имеются также в отделе фотодокументов Национального музея Республики Башкортостан. Тем не менее, надо отметить, что коллекция фотографий П.А. Петрова-Туринге в фондах ЧГИГН является наиболее полной и атрибутированной. Среди сохранившихся материалов экспедиции чрезвычайный интерес представляет коллекция фотографий. Известно, что П.А. Петров-Туринге почти всю свою жизнь увлеченно занимался фотографией. Поэтому есть основания считать,

что имеющиеся в архиве фотографии сделаны самим ученым. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что в своем отчете о работе в составе экспедиции профессионального фотографа П.А. Петрова-Туринге не упоминает ни единым словом. Большинство фотографий аннотировано, часть хранится без аннотаций. Пояснения к фотографиям сделаны простым карандашом на обороте снимков, вероятно, рукой исследователя. Кроме фотографий, снятых во время экспедиции, в коллекции Петрова-Туринге хранится несколько фотографий, сделанных ученым в 1930 г. в Новофедоровке и Антоновке Стерлитамакского кантона. Все фотографии пронумерованы. В левом углу, очевидно, поставлен номер населенного пункта, в правом – общий порядковый номер фотографии. Три снимка в коллекции П.А. Петрова-Туринге принадлежат М.Е. Евсевьеву (1864–1931), выдающемуся мордовскому ученому-просветителю, историку, фольклористу и этнографу. Эти фотографии М.Е. Евсевьевым были сделаны в Белебеевском уезде Уфимской губернии в конце XIX в. Известно, что в 1895–1896 гг. М.Е. Евсевьев по предложению директора Казанской инородческой учительской семинарии Н.А. Бобровникова занялся составлением этнографических альбомов для Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде. С этой целью ему пришлось объездить многие приволжские губернии и сделать этнографические снимки, показывающие быт и культуру инородцев: мордвы, марийцев, удмуртов, коми-пермяков, коми-зырян, калмыков, чувашей, татар. На Нижегородской выставке, а затем и в Париже, этнографические альбомы М.Е. Евсевьева, включавшие в себя до 250 «типических» снимков народов Поволжья, были удостоены золотой медали. На одной из фотографий М.Е. Евсевьева в коллекции П.А. Петрова-Туринге изображена большая мордовская семья из дер. Нижняя Курмаза Белебеевского уезда, а на двух остальных показаны чувашки. Первая фотография, названная фотографом «Чуваши Уфимской губернии Белебеевского уезда села Бижбуляка», показывает группу чувашей (мужчину и двух женщин) в национальных одеяниях того времени, другая – чувашскую свадьбу, а именно поезд жениха во дворе усадьбы²². Вероятно, эти фотографии к П.А. Петрову-Туринге попали либо непосредственно через М.Е. Евсевьева, либо через отца – А.П. Петрова-Туринге, у которого во время поездки по Белебеевскому уезду мог остановиться мордовский исследователь. Известно, что А.П. Петров-Туринге в это время работал в должности священника Свято-Троицкой церкви с. Бижбуляк. Впрочем, это лишь наше предположение.

Тематически коллекция фотографий Петрова-Туринге достаточно разнообразная. Чувствуется, что автор при выборе объектов фотографирования строго придерживался поставленных экспедицией целей и задач. В коллекции представлены такие этнографические темы, как «Поселения, жилища и надворные постройки», «Хозяйственные занятия и промыслы», «Традиционный костюм», «Быт», «Обычаи и обряды», «Религиозные верования». Наиболее полно в собрании фотографий П.А. Петрова-Туринге

показаны типы крестьянских жилищ и хозяйственных построек, хозяйственные занятия, а также праздничная и повседневная одежда башкирских чувашей. Большинство фотографий показывают объекты в статичном виде, а другие имеют «картинную композицию и объединены сюжетной линией»²³. К таковым, безусловно, относятся такие фотографии, как «Расколачивание и растягивание холста», «Женщины и дети на деревенской улице», «Чувашка за прялкой» и др. Особый интерес в коллекции представляет небольшая серия фотографий, на которых показано полевое моление (*уй чук, учук*) чувашей-язычников с. Базлык²⁴. Ценность фотографий из этой серии заключается в том, что участникам экспедиции удалось во всех деталях зафиксировать древнечувашский обряд, который по инерции еще соблюдался здешними чувашами²⁵. Опытный глаз ученого зафиксировал почти все основные этапы моления: показано обливание жертвенного животного водой, в том числе обливание водой небесной птицы (в данном случае голубя), приготовление жертвенной пищи, коллективное моление во главе с главным молещиком, общая трапеза участников обряда и т.д.

Эти снимки по достоинству были оценены специалистами. В упомянутой уже нами статье, посвященной возвращению экспедиции ПЧПТ в Уфу, говорится, что «в числе 200 фотографических снимков, имеющих в распоряжении экспедиции, находятся снимки чувашского языческого моления – явления чрезвычайно редкого»²⁶. С течением времени, ввиду своей оригинальности и чрезвычайной редкости, одна из фотографий этой серии, а именно фотография участников моления, стала публиковаться во многих книгах, посвященных религиозным верованиям и обрядам чувашей²⁷.

В целом, коллекция фотографий П.А. Петрова-Туринге представляет большую научную ценность. Она всесторонне показывает разные области материальной культуры, явления быта, обычаи и обряды приуральских чувашей начала XX в. Именно поэтому эта коллекция служит надежной источниковой базой для иллюстрирования многих этнографических тем по чувашам Урало-Поволжья. В последние годы фотографии П.А. Петрова-Туринге нашли применение для иллюстрирования разделов о приуральских чувашах в статьях и книгах, подготовленных как местными, так и чувашскими авторами²⁸. Это свидетельствует о том, что, наконец-то, бесценные фотографии Петрова-Туринге обрели вторую жизнь.

П.А. Петров-Туринге прожил короткую, но яркую и насыщенную жизнь. Весь отпущенный судьбой земной срок он посвятил служению родному народу, прежде всего, его просвещению и научному познанию его истории. Если бы на его долю не выпали тяжелые испытания 30-х годов XX в., он, безусловно, принес бы соплеменникам еще большую пользу. В последнее время, благодаря стараниям признательных потомков, имя П.А. Петрова-Туринге вернулось из небытия и заняло достойное место среди других замечательных представителей чувашской интеллигенции, заложивших основы научного изучения истории и этнографии чувашей. Идеи П.А. Петрова-Туринге, накопленные им научные материалы не канули в вечность, они

Общий вид села Кош-Елга.
Фото П.А. Петрова-Туринге. 1929 г.

Улица села Бижбуляк.
Фото П.А. Петрова-Туринге. 1929 г.

Приготовление пива у реки. Белебеевский кантон, с. Слакбаш.
Фото П.А.Петрова-Туринге. 1929 г.

Женщины в национальных одеяниях. Белебеевский кантон, с. Слакбаш.
Фото П.А. Петрова-Туринге. 1929 г.

Женщины растягивают холст. Белебеевский кантон, д. Кистенли-Богданово.

Фото П.А. Петрова-Туринге. 1929 г.

Полевое моление уй чук. Белебеевский кантон, с. Базлык.

Фото П.А. Петрова-Туринге. 1929 г.

работают, приносят научную и практическую пользу. Думается, что в будущих исследованиях его многогранная жизнь получит достойное и исчерпывающее освещение.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

¹ *Кондратьев А.А.* Туринкесем: ашшĕпе Ывгӓлĕ // Урал сасси, 1989. 18 апреля. На чув. яз.; *он же.* Учитель-краевед // Сердцу близкие имена: Краеведческий сборник / Сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 1998. С. 149–156; *он же.* Свет из Симбирска. Уфа, 1998. С. 176–187; и др.

² Андрей Петрович Петров-Туринге родился 12 августа 1858 г. в д. Большие Яуши Ядринского уезда. После окончания Симбирской чувашской школы (1874) поступил в Казанскую инородческую учительскую семинарию. Закончив семинарию, вновь вернулся в школу И.Я. Яковлева, в которой стал работать учителем церковного пения и Закона Божия. Известен также тем, что среди воспитанников Симбирской чувашской школы организовал хор мальчиков, обучал детей игре на скрипке, вел учебный предмет по теории музыки, собирал чувашский фольклор. В 1889 г. перешел на службу в Уфимскую епархию и в течение 17 лет служил священником в с. Бижбуляк Белебеевского уезда, а затем в течение 10 лет – благочинным в одном из округов Белебеевского уезда. В 1902 г., оставив должность благочинного, приступил к обязанностям священника в с. Старые Алгаши Симбирской губернии, а затем в с. Балабаш-Баишево Буинского уезда. Скончался 23 апреля 1913 г. после тяжелой болезни, похоронен на Сергиевском кладбище в г. Уфе.

³ *Кондратьев А.А.* Учитель-краевед. С. 151.

⁴ *Петров-Туринге П.* Приметы на погоду и урожай среди чуваш с. Тряпина Миркитлинской волости Стерлитамакского кантона АБССР // Башкирский краеведческий сборник, 1927. № 2. С. 67–70.

⁵ Приуральский чувашский педтехникум берет свое начало с 1 ноября 1917 г., когда решением Уфимской губернской земской управы было принято решение об открытии в г. Уфе Уфимской чувашской учительской семинарии. Однако из-за развернувшихся в стране революционных событий семинария свою работу начала только с 1 ноября 1918 г. 1 января 1920 г. она была преобразована в Уфимские чувашские постоянные трехгодичные педагогические курсы, а с 20 февраля 1922 г. стала называться Приуральским чувашским педагогическим техникумом. До перевода в г. Белебей (1930) ПЧПТ являлся не только главной кузницей педагогических кадров для чувашских школ, но и ведущим консолидирующим чувашей города и республики историко-культурным и научным центром. За 1921–1926 гг. из его стен вышло 123 учителя, из них 55 – чувашской национальности. В разное время здесь работали видные представители чувашской национальной интеллигенции, как П.М. Мионов, Г.И. Комиссаров, С.В. Сухарев, К.С. Сергеев и др. См. об этом: *Бюллетень Отдела народного образования Уфимской губернской земской управы*, 1917. №2. С. 21–23; *Гурий Комиссаров – краевед, просветитель* / Сост. Кондратьев А.А. Уфа, 1999; *Краснов Н.Г.* Уфимская чувашская учительская семинария // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 422.

⁶ *Петров П.* Аскинская пещера // Башкирский краеведческий сборник, 1926. № 1. С. 39; *Петров-Туринге.* Один из документов середины XVII в. // Краеведческий сборник, 1930. № 3–4. С. 80–81; *он же.* [Рец. на кн.:] Н.Н. Поппе. Чуваш и их соседи // Там же. С. 127–128; *он же.* [Рец. на кн.:] Н.И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. 1 // Там же. С. 128–129.

⁷ *Вахитов Г.Н.* О деятельности Об-ва по изучению Башкирии (за время с 1-го апреля 1926 г. по 1-е октября 1928 г. // Краеведческий сборник, 1930. № 3–4. С. 108.

⁸ Там же.

⁹ В отчете говорится, что П.А. Петров совершил поездку на родину К.В. Иванова в с. Слакбаш Белебеевского кантона, откуда привез оставшиеся после смерти поэта рукописи некоторых произведений, рисунки и изображения букв и слов, сделанные К.В. Ивановым для первого чувашского иллюстрированного букваря, а также три фотографии с нарисованных портретов отца, матери и друга поэта – Тимофеева Федора Тимофеевича.

¹⁰ *Симулин А.М.* Чувашские краеведческие центры и объединения за пределами республики // *Султаләк кёнеки: Календарь года, 1997.* Чебоксары, 1996. С. 89; *Озеров П.И.* Первый съезд Общества по изучению чувашской культуры в Москве // *Советское краеведение, 1930.* № 6. С. 20–24; *Гурий Комиссаров — краевед и просветитель / Сост. А.А. Кондратьев.* Уфа, 1999. С. 3–24.

¹¹ *Озеров П.И.* Указ. соч. С. 21.

¹² В настоящее время все они – одноименные населенные пункты, входящие в состав Белебеевского и Бижбулякского районов Республики Башкортостан.

¹³ *Петров-Туринге П.А.* Работа среди чуваш // *Краеведческий сборник, 1930.* № 3–4. С. 95–98.

¹⁴ Там же. С. 97.

¹⁵ Красная Башкирия, 1929. 12 июля.

¹⁶ Экспедиция по изучению чуваш. Статья начальника антропологического отряда Академии наук Баронова // *Красная Башкирия, 1929.* 23 августа.

¹⁷ *Кондратьев А.А.* Указ. соч. С. 156.

¹⁸ *Вуколов-Эрлик Ф.* О чувашском фольклоре и искусстве // *Красная Башкирия, 1938.* 4 декабря.

¹⁹ Изучение быта, фольклора и языка чувашского сельского населения Башкирской АССР и Оренбургской области // *Ученые записки ЧНИИ.* Чебоксары, 1963. Вып. 23. С. 270.

²⁰ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. VIII. Ед. хр. 210.

²¹ *Кондратьев М.Г.* Музыкальная культура: традиции и инновации // *Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы.* Чебоксары, 1989. С. 94.

²² Позднее фотография с изображением чувашской свадьбы без ссылок на автора была опубликована в коллективной монографии «Чуваши: этнографическое исследование» // *Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. Духовная культура.* Чебоксары, 1970. С. 42. В 2004 г. накануне 140-летия со дня рождения ученого в Саранске был издан фотоальбом «М.Е. Евсевьев: Жизнь мордвы в фотографиях», в котором были опубликованы уникальные фотографии ученого, представляющие значительную историко-этнографическую и искусствоведческую ценность не только для истории и этнографии мордвы, но и других народов Волго-Уральского региона. В фотоальбоме увидели свет также этнографические снимки народов Уфимской губернии: мордвы и чувашей. В «чувашскую серию» попала также одна из упомянутых выше фотографий с чувашскими костюмами // *М.Е. Евсевьев: Жизнь мордвы в фотографиях. Фотоальбом / Сост. А.С. Лузгин и др.* Саранск, 2004. С. 112.

²³ *Орков Г.Н.* О народном костюме чувашей Башкортостана (По материалам экспедиции 1994 г.) // *Чувашское искусство: Вопросы теории и истории.* Чебоксары, 1997. Вып. 3. С. 151.

²⁴ Обряд обычно проводился летом в период созревания хлебов с приношением даров Верховному Богу, богам, духам и предкам с целью способствования получению хорошего урожая и выпрашивания всеобщего благополучия, миропорядка и добра.

²⁵ Совсем через короткое время эти и другие народные обряды новой властью будут признаны проявлением мракобесия и религиозной отсталости и, подпав под кагот атеистической пропаганды, сведены на нет.

²⁶ Красная Башкирия, 1929. 12 июля. Впервые указанная фотография, а также коллективная фотография участников экспедиции, где студенты сфотографированы в чувашских костюмах, были опубликованы в 3–4 номере журнала «Краеведческий сборник» за 1930 г.

²⁷ *Денисов П.В.* Религиозные верования чувашей: историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959; *Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. Духовная культура.* Чебоксары, 1970. С. 42; *Народные обряды чувашей в фотографиях.* Сост. и текст *А.К. Салмина.* Чебоксары, 2001; *Салмин А.К.* Праздники и обряды чувашской деревни. Чебоксары, 2001. С. 45; и др.

²⁸ *Орков Г.Н.* О народном костюме чувашей Башкортостана (По материалам экспедиции 1994 г.) // *Чувашское искусство: Вопросы теории и истории. Сб. статей / ЧГИГН.* Чебоксары, 1997. Вып. 3. С. 148–168; *Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П.* Чувашский костюм

от древности до современности / Научно-худ. издание. На рус., чув. и англ. яз. Москва—Чебоксары—Оренбург, 2002. С. 198, 208, 210, 214. *Петров И.Г.* Чуваши // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа, 2002. С. 173–218; *Петров И.Г.* Чуваши // Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. Москва—Уфа, 2007. С. 450–453; *Матвеев Г.Б.* Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары, 2005. С. 224; *Петров И.Г.* Пурнгзне тискер вгхгт татнг // Урал сасси, 2008. 19, 26 июня. На чув. яз.

I.G. P e t r o v. The notice about the pedagogue, scholar of Local Lore and ethnographer P.A. Petrov-Turinge.

The article is devoted to the life and activity of Petr Andreevich Petrov-Turinge (1887—1943) – a pedagogue, researcher of local history and ethnographer. He made a big contribution to the study of history and ethnology of Chuvashs in Bashkiria at the beginning of XX century. Working at the Chuvash Pedagogical educational secondary school in Ufa he prepared many well-educated and qualified teachers. He was also an organizer of the first scientific ethnological expedition among Chuvashs in Bashkortostan (1929).

Иван Данилович Кузнецов, в августе 1963 г. назначенный директором Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИ ЯЛИЭ), 28 марта 1964 г. подготовил записку «Соображения о подготовке к изданию в 1967–1970 гг. Чувашской советской энциклопедии в трех томах». В ней он писал: «Энциклопедический словарь необходим, во-первых, для того, чтобы народ Чувашии познал сам себя, знал все-сторонне и обстоятельно: свой родной край, географию, историю, экономику, культуру своего края, своего района, своего завода и колхоза, свою литературу, искусство, своих знатных исторических и современных деятелей, своих батырей революции и труда, как и знатных людей всех советских и даже зарубежных народов, имевших касательство к исторической судьбе чувашского народа и к нынешнему его процветанию; во-вторых, чтобы о республике ордена Ленина, вырастившей многих героев СССР ... знал весь мир; в-третьих, чтобы мы на деле доказали, что чувашские ученые, писатели и журналисты, художники и издатели способны ныне совершать большие дела». Основное содержание «родиноведческой энциклопедии» он изложил в 17 пунктах¹, которые в основном совпадают с разделами словника «Чувашского краеведческого энциклопедического словаря» (ЧКЭС).

О начале работы над словарем И.Д. Кузнецов сообщил в издательство «Советская энциклопедия». Заместитель председателя Научного совета издательства «Советская энциклопедия» А.И. Ревин в письме И.Д. Кузнецову от 6 декабря 1965 г. писал: «Многоуважаемый тов. Кузнецов! В ответ на Ваше письмо от 26 ноября с[его] г[ода] (№ 9) хочу прежде всего подчеркнуть, что в нашем издательстве с большим интересом и удовлетворе-

Василий Дмитриевич Дмитриев – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой источниковедения и архивоведения Чувашского государственного университета.

нием встречено Ваше сообщение о начале подготовки Чувашского краеведческого энциклопедического словаря. В настоящее время национальные энциклопедии подготавливаются в 8 союзных республиках, причем в Украинской ССР уже завершено издание энциклопедии в 17 томах. На днях мы получили извещение, что в Дагестанской АССР намечено издание энциклопедии, посвященной истории, экономике и культуре народов этой республики. Таким образом, Чувашия и Дагестан выступают пионерами энциклопедического дела в автономных республиках. Мы можем это только приветствовать.

В качестве инструктивного материала по подготовке энциклопедического издания посылаем Вам изданную нами в 1955 году на правах рукописи книжку «Методические указания для редакторов Большой Советской Энциклопедии»...

Исходя из нашего опыта, мы хотим обратить Ваше внимание на два момента особой важности:

1) Разработка профиля издания – на какого читателя рассчитан словарь, каково должно быть его содержание, т.е. охват тем, отраслей знания, и каким должен быть характер изложения, подачи материала, т.е. степени популярности, насыщенность справочными сведениями и т.п.

2) Тщательная разработка словника как тематического (по каждой отрасли, разделу), так и общего, алфавитного – для всего издания. Не имея законченного, обсужденного со специалистами словника, нельзя приступать к заказу статей авторам. При составлении словника намечается объем каждой статьи (в знаках) и объем каждого раздела словника. Подготовленный таким образом словник служит как бы генеральным планом энциклопедического издания.

Если у Вас будут возникать какие-либо неясные вопросы в связи с Вашей работой, мы охотно на них ответим.

Приложение: Книжка «Методические указания для редакторов БСЭ».
А.И. Ревин»².

Получив процитированное письмо, И.Д. Кузнецов при участии заместителя директора-ученого секретаря В.Д. Димитриева, заведующих отделами и научных сотрудников к середине 1966 г. подготовил словник ЧКЭС.

Словник состоял из 19 разделов: I. Общие очерки (административное деление, города и отдельные населенные пункты, география, геология, демография, археология, история, этнография, фольклор) – всего 402 статьи, в т.ч. персоналии – 9; II. Партия и партийные деятели – 185 статей, в том числе персоналии – 122; III. Советы – 133 статьи, в том числе персоналии – 33; IV. Герои – 751 статья, в том числе герои Гражданской войны, Советского Союза, Социалистического Труда – 177, Матери-героини – 574; V. Промышленность – 290 статей, в том числе персоналии – 60; VI. Сельское хозяйство – 559 статей, в том числе общая – 1, колхозы – 399, совхозы – 31, персоналии – 128; VII. Транспорт, связь, торговля – 27, в том числе персоналии – 9; VIII. Просвещение – 595 статей, в том числе персоналии – 463; IX.

Печать и литература – 539 статей, в том числе персоналии – 306; X. Искусство – 295 статей, в том числе персоналии – 208; XI. Наука и научные учреждения – 192 статьи, в том числе персоналии – 170; XII. Здравоохранение – 160 статей, в том числе персоналии – 144; XIII. Физкультура и спорт – 40 статей, в том числе персоналии – 17; XIV. Братские республики и области – 15 статей; XV. Лесное хозяйство – 27 статей, в том числе персоналии – 10; XVI. Кооперация – 35 статей; XVII. Коммунальное хозяйство – 1 статья; XVIII. Финансы – 3 статьи; XIX. Прочие – 13 статей. Итого: 4262 статьи³.

Словник был направлен в Институт этнографии АН СССР на рецензирование, который 19 июля 1966 г. прислал в ЧНИИ ЯЛИЭ следующий очень краткий отзыв старшего научного сотрудника доктора исторических наук В.Н. Белицер: «Ознакомившись с присланным Вами словником, одобряю издание Чувашского краеведческого энциклопедического словаря, но рекомендую изъять из словника некоторые имена, например, учителей, председателей колхозов, врачей и других современных деятелей, не имеющих исторического значения»⁴.

И.Д. Кузнецов заранее беспокоился о размещении заказа на издание словаря. 23 апреля 1966 г. он обратился по этому вопросу в главную редакцию словарей издательства «Советская энциклопедия». 6 мая 1966 г. оттуда в ЧНИИ ЯЛИЭ поступил ответ за № 1/4 – 119: «Глубокоуважаемый тов. Кузнецов! Издательство, к сожалению, не имеет возможности принять к выпуску подготавливаемый Институтом «Чувашский краеведческий энциклопедический словарь», так как издание таких словарей не входит в тематику редакции словарей на языках народов СССР, выпускающей только разного типа и объема общие переводные словари и, как исключение, общие толковые словари некоторых национальных языков. Главный редактор словарей М. Лазова»⁵.

9 августа 1966 г. И.Д. Кузнецов направил в Совет Министров Чувашской АССР (копию – в Чувашский обком КПСС) докладную записку, в которой указывал, что в плане работы ЧНИИ ЯЛИЭ, одобренном АН СССР и утвержденном директивными органами, предусмотрены подготовка до середины 1969 г. и издание ЧКЭС объемом 100 авт. листов в трех томах, что весь штатный персонал института примет участие в этой работе, но малочисленность штатного персонала вынуждает опираться главным образом на внештатных авторов. Директор просил Совет Министров Чувашской АССР ввести в штат института двух литературно-редакционных работников, выделить на три года гонорарный фонд внештатным авторам и за внеплановые словарные статьи штатным сотрудникам из расчета 80 авт. л. по 200 руб. за авт. л. – 16 тыс. руб., гонорар за подготовку иллюстраций – 3 тыс. руб., предусмотреть в дальнейшем издательские расходы в сумме 34 тыс. руб.⁶

В апреле 1967 г. в штат института в качестве ст. редактора и ученого секретаря редакции ЧКЭС была принята В.А. Прохорова, одна из лучших

специалистов по научному и литературному редактированию. Используя имеющиеся инструкции, она в 1967 г. составила «Основные требования к авторам статей Чувашского краеведческого энциклопедического словаря», в 1969 г. – «Список условных сокращений в Чувашском краеведческом словаре»⁷. С 1968 г. Совет Министров Чувашской АССР начал выделять деньги на оплату гонорара внештатным авторам словарных статей.

В 1967 г. И.Д. Кузнецов определил состав Главной редакции (А.Е. Горшков, В.Д. Дмитриев, А.И. Калинин, И.Д. Кузнецов, И.А. Маркелов, И.П. Прокопьев, М.Я. Сироткин) и 12 специальных редакций ЧКЭС⁸. Однако, ввиду неподготовленности статей, этим редакциям не пришлось работать.

В 1967–1968 гг. под руководством заместителя директора-ученого секретаря ЧНИИ ЯЛИЭ В.Д. Дмитриева от знатных людей были собраны для включения в ЧКЭС анкетные сведения и фотоснимки, которые составили шесть переплетенных томов⁹.

И.Д. Кузнецов стремился получить согласие на издание словаря. Хотя последний и не был подготовлен, он 17 июня 1967 г. направил в издательство «Советская энциклопедия» письмо с просьбой включить в План изданий 1969 г. выпуск «Чувашского краеведческого энциклопедического словаря» в 100 авт. листов по договору¹⁰. Издательство ответило отказом.

15 января 1968 г. состоялось совещание научных сотрудников ЧНИИ ЯЛИЭ и преподавателей только что, с сентября 1967 г., открытого Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ), на котором присутствовало 44 чел. В нем председательствовал член главной редакции ЧКЭС по вопросу о подготовке «Чувашского краеведческого энциклопедического словаря» профессор ЧГУ М.Я. Сироткин. Докладчик И.Д. Кузнецов доложил участникам совещания об особенностях в содержании и оформлении ЧКЭС, об основной готовности словника, сообщил, что словарь утвержден Комитетом науки и техники при Совете Министров СССР как важная научная тема. В протоколе совещания есть записи о выступлениях в прениях: «7. В.Д. Дмитриев, заместитель директора НИИ, кандидат исторических наук, говорит о том, что дело подготовки энциклопедического словаря все еще находится в начальной стадии... Энциклопедический словарь – это справочник о нашей республике для широкого круга читателей. От этого его назначения и должен быть определен круг статей словаря. Самое основное сейчас – окончательно определить словник, с учетом всех замечаний и дополнений, утвердить его и довести до авторов в самое ближайшее время. Проспект словника раздать по кафедрам, чтобы можно было с ним ознакомиться всем членам кафедр, обсудить его и внести свои замечания и дополнения. Предлагается в первую очередь доработать словник и утвердить его с указанием объема каждой статьи»¹¹.

И.Д. Кузнецов после выступления В.Д. Дмитриева отметил: «В то же время необходимо определить, к каким текстам давать иллюстрации и какие, и к каким не давать». (В проспекте словника не были указаны коли-

чество знаков в статьях, нужны ли иллюстрации и библиография).

Совещание постановило: «1. Размножить имеющийся вариант словника и раздать по кафедрам на рассмотрение.

2. После рассмотрения на кафедрах окончательный вариант словника утвердить и раздать редакциям для определения авторов статей»¹².

И.Д. Кузнецов с сентября 1967 г. начал работать заведующим кафедрой истории СССР ЧГУ, оставаясь директором ЧНИИ ЯЛИЭ по июль 1968 г. После обсуждения вопроса о состоянии подготовки словаря на совещании 15 января 1968 г. руководство его подготовкой было возложено на заместителя директора-ученого секретаря института В.Д. Дмитриева, позже, с 1 августа 1968 г. назначенного директором института. Он решил назвать словарь «Чувашским краеведческим словарем» (ЧКС), организовал Главную редакцию словаря в составе В.Д. Дмитриева, Н.Е. Егорова (Совмин Чувашской АССР), А.Г. Ефимова (Чувашсовнархоз), И.Д. Кузнецова, И.П. Прокопьева (обком КПСС), М.Я. Сироткина, А.М. Шорникова, а также работающие отраслевые редакции (в основном из научных сотрудников института): 1. География (природа, флора, фауна, геология, экономическая география, население, населенные пункты, районы и т.п.) – ведущий редактор П.А. Сидоров; 2. Этнография – ведущий редактор Л.А. Иванов; 3. История и археология – ведущий редактор В.Д. Дмитриев, редакторы – В.Ф. Каховский, Н.И. Иванов, В.Н. Любимов; 4. Промышленность, транспорт, строительство и связь – ведущий редактор Г.С. Николаев, редакторы – Ф.Я. Якимов (Статистическое управление Чувашской АССР), А.Г. Ефимов; 5. Сельское и лесное хозяйство – ведущий редактор А.М. Шорников; 6. Партия, общественные организации, государство и право – ведущий редактор Т.А. Ахазов; 7. Здравоохранение и спорт – ведущий редактор К.К. Сидоров, редактор – А.Н. Студенецкий; 8. Язык – ведущий редактор И.А. Андреев, редактор – И.П. Павлов; 9. Просвещение, среднее специальное и высшее образование – ведущий редактор Л.П. Сергеев, редакторы – Г.Н. Волков, А.С. Отачкин (Министерство просвещения Чувашской АССР); 10. Культура (культпросветучреждения, кино, радио, телевидение) – ведущий редактор Н.А. Леонтьев; 11. Печать – ведущий редактор И.Н. Никифоров, редактор – В.А. Долгов; 12. Литература и фольклор – ведущий редактор Н.С. Павлов, редакторы – Н.Г. Дедушкин, В.Я. Канюков, И.И. Одюков. 13. Искусство – ведущий редактор – Ф.А. Романова, редакторы – Ю.А. Илюхин, Н.А. Ургалкина.

1 февраля 1968 г. экземпляры подготовленного И.Д. Кузнецовым словника были розданы кафедрам ЧГУ с просьбой прорецензировать его к марту 1968 г. В это время отношением от 7 февраля 1968 г. Главная редакция Белорусской советской энциклопедии АН БССР прислала в ЧНИИ ЯЛИЭ словник «Белорусской советской энциклопедии»¹³, который вместе с рецензиями из ЧГУ помог В.Д. Дмитриеву подготовить новый вариант словника «ЧКС».

К концу 1968 г. В.Д. Дмитриевым при участии В.А. Прохоровой был составлен новый вариант словника тематических статей ЧКС (20 декабря

1968 г. заведующий кафедрой ЧГУ И.Д. Кузнецов написал положительную рецензию на новый вариант словника). Он был утвержден Главной редакцией ЧКС, согласован с директивными органами. Словник включал 2403 статьи. Он был составлен в алфавитном порядке. К словам были указаны условные обозначения.

С начала 1968 г., еще до утверждения нового варианта словника, все редакции ЧКС, сотрудники института и внештатные авторы, труд которых оплачивался, приступили к составлению тематических статей словаря, за исключением персоналий.

Как указывалось, Институт этнографии АН СССР возразил против включения огромного количества современных заслуженных работников. В первый словник были включены все заслуженные работники промышленности, транспорта, строительства, сельского хозяйства, здравоохранения, образования, государственной службы, партии, культуры, литературы (все писатели) и искусства. По согласованию с Чувашским обкомом КПСС, Советом Министров Чувашской АССР, министерствами и ведомствами, вузами, творческими союзами¹⁴ составлялся новый, отдельный от основного тематического словника, словник персоналий, то есть лиц, статьи о которых будут включены в ЧКС. Составление словника персоналий в алфавитном порядке, его согласование с партийными и государственными органами было завершено уже к середине 1969 г. Он включал около 1500 слов.

Оба общих алфавитных словника были разделены на 13 редакций и размножены в двух экземплярах каждый: для Главной редакции и отраслевых редакций. Так, выданный отраслевому редактору по истории и археологии В.Д. Димитриеву экземпляр тематического словника содержал 377 слов, словника персоналий – 97 слов. На каждую статью была заведена типографским способом отпечатанная карточка с указанием названия статьи, количества знаков, автора, даты заказа, срока представления, редактирования, утверждения в печать (в двух экземплярах) – для Главной редакции и автора. Ученым секретарем В.А. Прохоровой были заполнены все карточки. По всем статьям были определены авторы¹⁵.

В 1968–1970 гг. велась напряженная работа по составлению статей ЧКС. Они хранятся в Научном архиве ЧГИГН. По редакции «Сельское и лесное хозяйство. Колхозы и совхозы» было завершено составление статей по словникам тематическому и персоналий в объеме 1312 стр. (6 томов)¹⁶. Статьи отредактированы; их собирались издать отдельной книгой. По редакции «Промышленность, транспорт, строительство» были составлены статьи по большей части словников (175 стр.)¹⁷. По редакции «Партия, общественные организации, государство и право» составлено более 200 стр. статей¹⁸. По редакции «История, археология» статьи составлены в основном по археологии (В.Ф. Каховским) и по истории советского периода – 208 стр.¹⁹ По редакции «Этнография» подготовлены статьи объемом 107 стр.²⁰, по редакции «Просвещение, среднее профессиональное и высшее образование» – 202 стр.²¹, по редакции «Литература и фольклор» – 170 стр.²², по редакции

«Культура» – 152 стр., по редакции «Искусство» – 167 стр.²³, по редакции «Печать» – 185 стр. (авторы статей – А.В. Изоркин, Ф.Е. Ефимова, редактор – А.Е. Горшков; изданы отдельной книгой²⁴), по редакции «Здравоохранение и спорт» – 127 стр.²⁵, по редакции «География» – 264 стр.²⁶ По всем редакциям статьи написаны известными учеными, многие из которых здравствуют и ныне. ЧКС был подготовлен на 60%.

Руководитель института в 1970 г. неоднократно ставил перед Чувашским обкомом КПСС и Советом Министров Чувашской АССР вопрос о возложении на Чувашское книжное издательство издания ЧКС. Управление по печати при Совете Министров Чувашской АССР 24 сентября 1970 г. за № 676 дало директору ЧНИИ ЯЛИЭ В.Д. Димитриеву следующий ответ (копии секретарю Чувашского обкома КПСС И.П. Прокопьеву, заместителю председателя Совета Министров Н.Е. Егорову): «На Ваш № 2 от 18 сентября 1970 г. Вам известно, что ЦК КПСС специальным решением в январе 1970 г. осудил увлечение выпуском различных энциклопедических изданий узкого профиля, каковым является готовящийся Вашим институтом трехтомный «Чувашский краеведческий словарь». Чувашское книжное издательство не имеет возможности принять участие в издании этого словаря.

Начальник Управления по печати при Совете Министров Чувашской АССР А. Иванов (подпись)»²⁷.

Вся работа по подготовке и изданию ЧКС была приостановлена.

В 1992 г. второй вариант тематического и персонального словарей ЧКС были сокращены директором ЧНИИ ЯЛИЭ С.Р. Малютиным (исключены статьи о колхозах и совхозах, населенных пунктах, многих промышленных, транспортных, строительных предприятиях, о партийных и советских органах и организациях, многих лицах персоналии) и, внося некоторые дополнения, представлены как словарь «Краткой чувашской энциклопедии» (КЧЭ). В предисловии к «КЧЭ» работа по подготовке ЧКС, о составлении словарей И.Д. Кузнецовым и В.Д. Димитриевым, о работе ученого секретаря ЧКС В.А. Прохоровой, составившей положение о подготовке энциклопедического словаря и список сокращений, умолчали, сказав лишь: «В ходе подготовки книги большую организационную работу выполнили доктор экономических наук С.Р. Малютин (главный редактор в 1989–1996 гг.) и руководители отраслевых редакций ...»²⁸.

Для «Краткой чувашской энциклопедии» здравствующие в 1990-х гг. авторы ЧКС В.Ф. Каховский, А.В. Изоркин, Н.К. Краснов, Э.Я. Дмитриева, Ю.А. Илюхин, Л.П. Сергеев и др. представили в числе своих статей и статьи, написанные для ЧКС, внося в них некоторые дополнения. Многие статьи по персоналиям из ЧКС, несколько доработав, можно использовать в «Чувашской энциклопедии». Обязательно надо пользоваться хранящимися в Научном архиве ЧГИГН шестью томами персоналий, а также документальными материалами об участниках революций 1917 г. и Гражданской войны (подготовлены в 1967 г. А.Ф. Федоровым, Я.А. Андреевым и др.)²⁹. При написании статей о населенных пунктах Чувашской Республики желательно исполь-

зывать статьи ЧКС о колхозах и совхозах. Статьи ЧКС об отраслях сельского хозяйства, промышленности, транспорте, строительстве, здравоохранении, торговле, географии, языке, образовании, культуре, искусстве, печати (газетах и журналах), спорте могут быть использованы в «Чувашской энциклопедии» частично без переработки, частично с дополнениями, внесенными современными авторами.

Источники

¹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 2033. С. 164–167.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 775. Л. 31 и об.

³ Там же. Л. 31 и об.

⁴ Там же. Л. 48–49.

⁵ Там же. Отд. II. Ед. хр. 2033. С. 185.

⁶ Там же. Отд. I. Ед. хр. 775. Л. 50 и об.

⁷ Там же. Л. 18–28, 235–294.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Отд. I. Ед. хр. 776, 777, 778, 779, 780, 781.

¹⁰ Там же. Отд. II. Ед. хр. 2033. С. 204.

¹¹ Там же. Отд. I. Ед. хр. 775. Л. 3.

¹² Там же. Л. 1–3.

¹³ Там же. Л. 6–10, 42.

¹⁴ Там же. Л. 34–36, 54–59, 79–91, 198–223.

¹⁵ Там же. Л. 62–65, 296–384; отд. II. Ед. хр. 2033. С. 95–122.

¹⁶ Там же. Отд. I. Ед. хр. 782–787.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 788.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 789.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 790.

²⁰ Там же. Ед. хр. 791.

²¹ Там же. Ед. хр. 792 и 793.

²² Там же. Ед. хр. 794.

²³ Там же. Ед. хр. 795.

²⁴ Там же. Ед. хр. 196; Печать Чувашской АССР: Материалы для «Чувашского краеведческого словаря». Чебоксары, 1971. 63 с.

²⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 197.

²⁶ Там же. Отд. I. Ед. хр. 797.

²⁷ Там же. Отд. II. Ед. хр. 2033. С. 300.

²⁸ Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 7.

²⁹ НА ЧГИГН. Отд. II. Личные дела старых коммунистов. См.: А.Ф.Федоров — ед. хр. 790, 1637, 1726; Я.А.Андреев — ед. хр. 734, 1079; и др.

V.D. Dimitriev. On the attempt of the creation «The Chuvash dictionary of Local Lore».

In 1960-s at the Research Institute attached to the Council of Ministers of Chuvash ASSR The attempt of creation and publication an encyclopedic edition – «The Chuvash dictionary of Local Lore» was made. The leading scholars of republic – I.D. Kuznetsov and V.D. Dmitriev started this dimensioned scientific undertaking. The scientific and organizational work, realized by them, brought the considerable results. But at the beginning of 1970 the assignment for creation of the encyclopedic editions in the regions, including Chuvashiya, was closed in connection with the Communist party direction decree.

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3
© В.Г. Родионов

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ
ЧУВАШСКОГО ОБРЯДОВОГО
КОМПЛЕКСА *СУ*

В своей брошюре «Болгары и чуваш» Н.И. Ашмарин приводит следующие строки из письма К.С. Сергеева, уроженца д. Орауши Ядринского уезда Казанской губернии (ныне Вурнарского района Чувашской Республики): «*Пирён патра икĕ ял пур; пĕрне Хурăн-сур Çармăс, тепĕрне Туси Çармăс тиççĕ. Вăл ялсене чăваша тухнă су çармăссам тиççĕ. Калаçасса вăсам чăвашла калаçаççĕ* (только с несколько иным акцентом), *су çармăсла пĕлмеççĕ*» (У нас есть две деревни, одну из них называют *Хурăн-сур Çармăс*, а другую *Туси Çармăс*. Утверждают, что жители этих деревень – очувашившиеся *су çармăс*. Говорят они по-чувашски, только с несколько иным акцентом, а языка *су çармăс* не знают¹).

Этимологию столь странного наименования *су çармăс* сам ученый объясняет как «враг-черемисин» (*су* – «враг, вражда» и *çармăс* – «черемисин»)². Толкование Н.И. Ашмарина подверг критике В.Г. Егоров: «Так понимать это слово у нас нет никаких оснований: ни в чувашских, ни в марийских преданиях и фольклоре нет никаких указаний на то, чтобы между этими народами происходили вооруженные столкновения»³.

В.Г. Егоров обратил внимание на другое словосочетание, имеющееся в «Словаре чувашского языка»: *су чăваш*. Оно объяснено так: «*Су-чăваш*, так называли чуваш, которые жили наполовину по-христиански, наполовину по-мусульмански»⁴. Этого объяснения было достаточно ученому, чтобы видеть в *су* чувашское слово *сур* (половина)⁵. В нашем случае этимолог не обосновал выпадение звука *p*: *сур чăваш* > *су чăваш*. Если бы он внимательно изучил остальные ключевые слова в «Словаре чувашского языка», то непременно нашел бы в нем и иные варианты *су*, которые никак не сводимы

Виталий Григорьевич Родионов – доктор филологических наук, заведующий кафедрой чувашского и сравнительного литературоведения, декан факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

к *су* (половина): *су сырма* (овраг *су*)⁶, *сăв чăваш* (некрещеные чуваш)⁷. Последнее слово записано в д. Козыльяре Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Урмарского района Чувашской Республики), которое трактуется следующим образом: «*Сăв чăваш – тӗне кӗмен чăваш, таса чăваш*» (*Сăв чăваш* – некрещеный чуваш, чистый чуваш). Имеется и палатальный вариант *сăв: сӗв чăваш*. Указанная такая форма записана среди чувашей Новошмидовской волости Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Яльчикского района Чувашской Республики) в словосочетании *сӗв чăваш масарӗ* (кладбище *сӗв чăваш*)⁸.

У марийцев, как известно, имеются несколько конфессиональных групп, называемые или *рушла вера* «русская (православная) вера», или *марла вера* «марийская (синкретизм православия и язычества) вера», или *чи мари вера* «вера некрещеных мари»⁹. Крещеные татары тоже разделяли свою среду на три группы: *ак крӱшен/татарсымак* «приверженец ислама», *кара крӱшен/урыссымак* «приверженец православия» и *чи (чей) крӱшен* «приверженец язычества», *таза крӱшен* «чистый кряшен»¹⁰. В обоих случаях встречается словоформа *чи (чей)*, основа которой несомненно связана с чувашским *су*.

Все эти факты указывают на то, что этимологию слова *су* (*сăв, сӗв*) следует искать в области чувашской народной (так называемой языческой) религии. К такому выводу я пришел тридцать лет назад, когда в поисках праформы слова *су* нашел в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969) несколько фонетически допустимых корневых основ: *јау-* III приносить жертву; *јауль* (*рел.*) – жертвенное приношение у доисламских тюрок, *јаульлю* (*рел.*) – жертвенный¹¹, *јаульлиқ* (*рел.*) – жертвенное место¹²; *јоу-* I поминальный обряд¹³, *јоуци* (*парн.*) – участники поминального обряда, *јоула* – устраивать поминки, оплакивать¹⁴.

В своей статье «*Чăваш этноним аҗстан пусланнӑ?*» (Откуда идет этноним *чăваш*?), опубликованной в начале в райгазете¹⁵, а потом и в литературно-публицистическом журнале¹⁶, я связываю *су* с древнетюркским глаголом *јау-* «приносить жертву». Своеобразную интерпретацию предлагает Н.И. Егоров¹⁷. В настоящее время полагаю, что первоначальное мое предположение требует некоторой корректировки. В частности, для определения понятия «жертвоприношение» в чувашском языке имеется другое слово: *чӱк* (ср.: *чӱк уйӑхӗ* «месяц жертвоприношения»), которое проникло как в марийский (*чоклаш, цдклаш* «приносить жертву») и удмуртский (*чук* «жертвоприношение»), так и в венгерский (*csцк, csцq*) языки¹⁸. Поэтому весьма сомнительно существование в средние века нигде не зафиксированного чувашского слова *сăва* (от *су-*) в значении «жертвоприношение». В то же время сохранилось имя существительное *су* (в словосочетаниях *су чăваш* и *су сармӑс*), которое, на мой взгляд, несомненно восходит к древнетюркскому *јоу* «поминальный обряд». Сохранившееся в лексиконе верховых и средненизовых чувашей *сăва* в значении «кладбище» прямым обра-

зом связано с похоронно-поминальными обрядами, что, как думается, ни у кого не вызывает сомнений. Примеры образования существительного из корневого существительного с помощью аффикса *+a/+e* (он, видимо, представляет из себя общетюркский уменьшительный аффикс *+aq, +дк*¹⁹, имеются: *мӓя* (от *мӓй* «шея» и аффикса *+e*) «нашейное украшение», *сӓҫе* (от *сӓҫ* «волосы» и аффикса *+a*) «бахрома», *ана* (от *ан* «ширина» и аффикса *+a*) «загон, участок, полоса земли (в поле)», *тӓвара* (от *тӓвар* «соль» и аффикса *+a*) «домашний сыр», *тӓме* (от *тӓм* «холм, бугор» и аффикса *+e*) «маленький холм, бугорок», *кантра* (от *кантӓр* «конопля» и аффикса *+a*) «веревка» и т.д.

Итак, в чувашском языке понятие «жертвоприношение» полностью покрывается содержанием слова *чӓк*, а слово *сӓва* и словосочетание *сӓ чӓваш* (*сӓрмӓс*) отражают терминологию похоронно-поминальных обрядов.

Китайские хронисты сообщают, что древние тюрки «замечают времена только по зелени травы», а «умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать»²⁰. Следует полагать, что холодный сезон у древних тюрков начинался поздней осенью и продолжался до появления зеленой травы²¹. Периоды смены сезонов (теплого и холодного) считались наиболее опасными, потому что именно тогда перекрещивались два мира – живых и мертвых.

Предки чувашей прошли через отгонно-скотоводческий и земледельческий этапы хозяйственного развития, что, несомненно, отразилось в представлении о начале сезонов, в первую очередь теплого. Как известно, скотоводческий сезон начинался несколько позже земледельческого, а завершались они почти одновременно – поздней осенью. В период наступления зимы чувашаи проводили обряд *юпа*: ставили на могилы недавно умерших столбы, главным образом из дуба (символ мужчины) и липы (символ женщины); поминали духов предков с локальными названиями *кӓрхи сӓра*, *кӓрхи сурта*, *автан яшки* и т.д. К. Милькович называет данный обряд большими поминками после *сиччӓшӓ* (седьмины)²². «Многие из престарелых чуваш сказывали мне, – замечает В.А. Сбоев в одной из сносок своей известной книги «Заметки о чувашах», – что прежде поминки по четвергам продолжались до полугода и более. Если похороны были после ноября, то поминование по умершим в старину совершалось каждый четверток до семика; а если похороны были после семика, то поминки четверговые продолжались до ноября месяца. Может быть, это обыкновение и поныне сохранилось у некрещеных чуваш»²³.

По источникам 60-х годов XVIII в. чувашаи «отправляли погребение своего сродника» в году три раза: в среду на страстной неделе, в четверг перед Троицей и в ноябре месяце, который назывался в чувашском календаре *юпа уйӓхӓ* (месяц проведения обряда *юпа*)²⁴. Они полностью совпадают с началом земледельческого (*калӓм*), скотоводческого (*симӓк*) сезонов и переходом в холодный период календарного года. В чувашской поминальной обрядности *хӓрӓх кунхи* (сороковины) появились, на мой взгляд, под

непосредственным влиянием ислама и христианства. По ранним представлениям предков чувашей, наделение души умершего статусом предков могло осуществляться только в периоды смены холодного и теплого сезонов, то есть в *шимёк* и *юпа*. В обрядовом комплексе *калём* дублируются многие обрядовые действия и представления, имеющиеся в *шимёк*: обход родственников по домам, *сёрен*, общие приметы и т.д. Но действий, направленных на изменение статуса умерших, там нет. Предположение о первичности летнего *сёрен* подтверждается и сроком проведения марийского праздника *сўрем* (до сенокоса), в котором обряд изгнания нечистых сил (*сўрем мужо*) слился с летним жертвоприношением.

Итак, из чувашских поминальных обрядов следует выделить обрядовые комплексы *юпа*, *калём* и *шимёк*. Первый связан с началом холодного, второй и третий – теплого сезонов. В данном случае наибольший интерес для нас представляют обрядовые действия перед христианской Троицей.

Чувашское название обрядового комплекса *шимёк* имеет русское происхождение (семик)²⁵ и оно возникло в глоссарии чувашского языка относительно недавно (не ранее XVIII в.). Русский семик справлялся в четверг перед Троицей: в этот день поминали «заложных» и «ничейных» покойников, погребали погибших, казненных либо умерших от голода и болезней людей, тела которых в течение зимы хранились в скупельницах или убогих домах²⁶. Обычай хоронить чужих и безродных людей в переходный период от холодного сезона к летнему существовал, очевидно, и у волжских болгар. Такое предположение возникает после прочтения следующих строк из рассказа арабского путешественника XII в. ал-Гарнати о Волжской Болгарии: «Усиливается там мороз до того, что когда умрет у кого-нибудь кто-то, то они не могут его похоронить шесть месяцев, потому что земля становится как железо и невозможно в ней копать могилу. И умер у меня там сын, и было это в конце зимы. И я не мог его похоронить, и он оставался у меня в доме три месяца, пока не смог похоронить его...»²⁷.

Арабский путешественник не смог похоронить умершего сына не из-за холодов, как объяснил он сам, скорее всего, из-за запретов, существовавших у волжских болгар: они разрешали хоронить «ничейных» людей, в том числе и чужестранцев, лишь два раза в году.

Смерть безродных и несчастных людей чувашки называли *камалсёр* *вилём*, а их тела – *камалсёр* *вилесем* (< татар. к \square малъ «полнота, законченность, совершенство, без недостатков»²⁸). Во время любых поминок для них ставили особую свечу, а в *сёрен* бросали в их честь три блинчика и выливали кружку пива²⁹. Очевидно, чувашский обряд *сёрен* полностью подчиняется идее угощения и проводов безродных, несчастных и чужих покойников. По традиционному представлению чувашей, в ночь перед *шимёк* открываются врата мира умерших предков и покойников. Считали, что именно тогда происходили сборища злых духов и колдунов на кладбищах, а духи предков и *камалсёр* *вилесем* посещали мир живых.

Чувашские поминки во время *симѣк* необходимо расчленить на действия, подчиненные следующим мотивам: мотив угощения и проводов безродных и несчастных покойников, мотив угощения и проводов духов предков.

1. *Мотив угощения и проводов безродных и несчастных покойников.* Местами в день *симѣк* молодежь обходила дворы и собирала различные яства. Такой обход скорее всего символизировал гостевание умерших (но не духов предков) в деревне и назывался он *сѣрен*, *сўрен* (от глагола *сўр* – «тянуть, подтягивать». Ср.: *сўре* «борона») *сўрени* «хождение сѣрен». Как было замечено, *сѣрен* проводился и весной, в обрядовом комплексе *калѣм*. Местами в пережиточной форме сохранились и конные скачки, по времени совпадавшие с *симѣк*. У чувашей, живших в непосредственном соседстве с татарами, обряд *сѣрен* назывался *акатуй* или же *сапантуй*. Следует считать, что данный обрядовый комплекс в таком виде сложился в результате трансформации древнетюркского обряда подтягивания отстающих душ покойников и превращения его в новый земледельческий обряд, символизирующий свадьбу лемеха (символа неба) с землей (*ака* «плуг» и *туй* «свадьба»)³⁰. Примечателен также обычай древних тюрков скакать на лошадях в день похорон и весенне-летних поминок, что, несомненно, имеет связь с обрядом подтягивания отстающих душ умерших и их сопровождения до самого кладбища. Перемещение скотоводческого обряда к началу земледельческого года можно объяснить переходом предков чувашей от кочевого образа жизни оседлому и изменением представления о начале трудового сезона.

В связи с рассмотрением обряда *сѣрен* нельзя оставить без внимания другое его название (*вирѣм*, *вирми*), происхождение которого объясняют по-разному (от слова *вирт* «огонь, пожар»³¹, как заимствование из татарского языка и т.д.). Е.А. Ягафова сводит его к обрядовой терминологии финно-угорских народов: «*Виро* назывался особый поминальный ужин по давно умершим предкам у северных удмуртов»³². Но полное название данного поминального обряда на години у северных удмуртов имеет форма *виро карон*, что означает «кровавая жертва» (от *вир* «кровь» и *карыны* «сделать, делать»)³³. Между тем на источник термина *вирѣм* (*вирми*) совершенно верно указала Ф.С. Баязитова: «*Вирба*, *вирба чыбык* – древнеславянский праздник: в этот день приносили пушистые ветви вербы, ими хлестали детей. Вербный праздник под названием *бѣрмиѣнчек* имеется у крещеных татар, *вѣрми/вирба* – у татар-мишарей Пензенской области»³⁴. Название обряда безусловно связано с рус. «верба, вербный (день)» и оно проникло в языки народов региона относительно недавно (XVII–XVIII вв.), но успело полностью вытеснить из лексики верховых чувашей (там процесс христианизации начался значительно рано, что способствовало сильной трансформации народных обрядов) исконное название *сѣрен*.

2. *Мотив угощения и проводов духов предков.* Обряд наделения умершего родственника статусом духа предков в XIX в. совершался, как

сообщают источники, в первый четверг после октябрьского полнолуния (в месяце *юна*), а раньше – и в *симёк*³⁵. Основные действия данного обряда связаны с изготовлением и установлением намогильного столба *юна* в честь умершего, душа которого, по представлению чувашей, обретал в то время статус духа предков.

Следующие действия *юна* ориентированы на приглашение и проводы души покойника. В наиболее ранних записях сохранились известия об обрядовых скачках от дома умершего до кладбища и обратно³⁶. Скачки и заклание лошади у древних предков чувашей проходили, как известно, в день похорон. Вот как описывает хронист VII в. М. Каланкатуаци похороны кавказских гуннов: «...приносили в жертву коней на кострах. Не имея вовсе здравого суждения, они предавались всяким заблуждениям. Трубили [в трубы] и били в барабаны над трупами, ножом или палашом делали кровоточащие надрезы на своих щеках, на руках и ногах. То было адское зрелище, когда совершенно нагие мужчины – муж за мужем и отряд за отрядом – бились мечами на ристалище у могил. Многочисленные толпы людей состязались друг с другом, а после предавались разврату и скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону. Кто плакал и рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему»³⁷.

Более упрощенные действия имеются и в обрядовом комплексе *симёк*: угощение новоумершего и духов предков непосредственно на кладбище, издавание шума (плач и вой, исполнение песен и пляски под музыку), а также обрядовые действия *сёрен* (они проходили отдельно, но в одном и том же комплексе). «Шум, гам, вопли плачущих, веселые восклицания пирующих, крики ссорящихся между собою, нестройная игра шибырзе и гусельщиков, вой и визг собак, взвизгивания пляшущих, ругательства дерущихся, – изображает В.А. Сбоев чувашский семик глазами православного христианина, – все это вместе превращает чувашские поминки в настоящий шабаш киевских ведьм на Лысой горе. До последней степени экзальтированное вакхическое неистовство представляют собой женщины, недавно схоронившие мужей. Они и плачут, и пляшут в одно и то же время, рвут на себе волосы, одежду, бросаются на могилы, роют на них землю руками, со слезами причитают добродетели и достоинства своих супругов; и потом, вдруг вскакивая на ноги, неистово топчут могилу...»³⁸.

Полное цитирование эмоционально насыщенных строк этнографа середины XIX в. освобождает меня от сухого пересказа семиковых действий и их сравнения с не менее экспрессивным описанием историка VII в. М. Каланкатуаци. Оба писателя не поняли функциональную значимость специально издаваемого во время похорон и поминок на кладбище шума, который имел, на мой взгляд, коммуникативную функцию с миром духов предков. Духи-покровители должны были оставаться довольны действиями своих живых потомков и принять в свою среду душу нового умершего.

Теперь вспомним чувашское слово *су* и производное от него *сăва*. В тексте памятника Кюли-Чуру, составленного в 721 г. н.э., имеется слово *joꝛlati*

и оно переводится как «устроили поминки». Из предложения с данным словом можно дополнительно узнать и сообщение о том, что во время поминок вырезали и его изображение: «они устроили поминки по Кюли-Чуру и вырезали его изображение»³⁹. Отсюда следует, что *юпа* ставили на могилу во время поминок под названием *су*.

Здесь мы должны вспомнить о главной особенности летних и осенних поминок – о месте их проведения. Хотя во время установки надмогильного столба с человеческим лицом кладбище посещали, но сам поминальный комплекс (*кѣр сѣри*) непосредственно проводился в родовом доме⁴⁰. Главным местом летних поминок (*симѣк*) является, как известно, кладбище или же ложбина (овраг) вблизи родового погоста. Отсюда можно понять, что первоначально *сѣва* означало не группу родовых могил (*сѣва тӓпри* «могила»), а «обряд поминовения предков вблизи их могил». В связи с вытеснением родовых кладбищ (главным образом в процессе христианизации) и образованием общесельских, церковных погостов обрядовое содержание слова *сѣва* вытеснилось и оно стало означать не родовой обряд на могилах предков, а само место их покоя, то есть кладбище. На позднее перемещение первичного содержания слова *сѣва* указывает и тот факт, что у чувашей *хирти* и других групп низового диалекта понятие «кладбище» выражается другим словом – *масар*. По сведениям В.А. Сбоева, местами (главным образом в селениях средненизовых чувашей) мазарками назывались «отдельные от кладбищ, некогда считавшиеся священными места, на которых складывались принадлежавшие покойникам вещи и в которых никогда не хоронили мертвых»⁴¹. Терминологический разнобой в чувашском языке указывает на позднее возникновение в нем современного понятия слова «кладбище». Источники XVIII в. сообщают, что родовые поминки проходили не на самом кладбище, а в ближайших к ним оврагах и речках, где устраивали временные мосты (*кѣпер*) для общения с духами предков и недавно усопших родственников⁴².

В процессе христианизации произошло смещение многих терминов традиционных обрядов, в том числе и слова *сылӓх*. Четверговые поминки до *юпа* или *симѣк* К. Мильковичем названы *сылӓх ирттерес*. Данное выражение Н.В. Никольский перевел как «грех провести»⁴³. Но понятия «грех» у чувашей (конкретнее: *су чӓваши*) не было, как отсутствовали представления о рае и аде (чувашские *тамӓк* «ад» и *сӓтмах* «рай» являются поздними заимствованиями из татарского языка). Поэтому вполне убедительна этимология слова *сылӓх* от *су/сӓв* «обряд поминовения предков» и аффикса принадлежности *+лӓх* «для» (ср.: *чӓклӓх* «предназначенное для чӓк», *ирхи апатлӓх* «предназначенное для завтрака» и т.д.) Соответственно, первоначально *сылӓх* (*сӓвлӓх*) понималось как «предназначенное для проведения обряда *су*», прежде всего как поминальная еда и напитки, а словосочетание *сылӓх ирттерес* вплоть до XVIII в. означало не что иное, как «провести (через мост) поминальную еду». Но с первой половины XIX в. им стали обозначать следующие христианские понятия: «исповедоваться» (*сылӓх*

касарас), «грешить» (*сылӑх тӑвас*)⁴⁴ и т.д. Таким образом, традиционная идея умилоствления была вытеснена христианской идеей отпущения грехов, вместо поминальной трапезы *сылӑх* стало означать недостойное состояние провинившегося перед Всевышним человека. В плане содержания подобным образом трансформировались и остальные термины культа предков, вошедшие со временем в лексику православного христианина. А исконно чувашские названия ряда обрядов были вытеснены русскими словами (вербный > *вирми*, *вирём*, семик > *симёк* и т.д.).

Обрядовый комплекс *симёк* проводился, как известно, до сенокоса и паровой пашни (*сёртме*), обычно в июне, который в календаре Н.И. Золотницкого и у В.П. Вишневого назван *су уйӑхё*, в календаре И.Я. Яковлева – *сёртме уйӑхё*. Все они переводили *су уйӑхё* как «месяц лета» (чуваш. *су* < др. тюрк. *jaj* «лето»), что вызывает ряд вопросов. Во-первых, если имеется месяц лета, то почему нет месяца зимы (*хӗл уйӑхё*)? Во-вторых, чувашское лето продолжалось не один и не два месяца, а целых семь месяцев, зима – шесть месяцев⁴⁵ (и ал-Гарнати сообщает о шестимесячной зиме у волжских болгар).

Чувашские названия месяцев отражают либо вид хозяйственной деятельности того или иного времени (*ака* «сев», *сёртме* «паровая пашня» и др.), либо особенность времени: *кӑрлач* «два самых холодных месяца», *пуш* «пустой», *юпа* и *чӑк* связаны с осенне-зимними обрядовыми комплексами. Удивительно то, что такой монументальный летний поминальный обрядовый комплекс, как *симёк* не удостоился отдельного названия месяца. Если мы вспомним, что он раньше проводился в месяце *су* и назывался так же, как и сам месяц, то снимаются все вопросы и исчезают недоумения. Словосочетание *су уйӑхё* несомненно следует перевести как «месяц проведения обряда *су*». Со временем слово *су* было заменено русским термином семик (*симёк*). Оно сохранилось в словосочетаниях *су чӑваш*, *су сармӑс*, в названии месяца и в основах лексем *сӑва* и *сылӑх*. Древний обрядовый комплекс *су* проводился чувашами с целью общения (умилоствления, благодарения) с духами предков-покровителей и в целом с обитателями мира мертвых. Подобное представление у тюркских народов сложилось, как я полагаю, в системе религии тенгрианства, но эти вопросы выходят за рамки темы настоящей статьи.

Л и т е р а т у р а

¹ Ашмарин Н.И. Болгары и чувашы. 2-е изд. Чебоксары, 2000. С. 124.

² Там же. С. 50.

³ Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 215.

⁴ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. XII. Чебоксары, 1937. С. 200.

⁵ Егоров В.Г. Указ. раб. С. 216.

⁶ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. XII. С. 200.

⁷ Там же. С. 313.

⁸ Там же. Вып. XIII. Чебоксары, 1937. С. 53.

- ⁹ *Попов Н.С.* Народные верования и знания // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 223.
- ¹⁰ *Софийский И.* О киреметях крещеных татар Казанского края // Известия по Казанской епархии, 1877. С. 687.
- ¹¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 224.
- ¹² Там же. С. 225.
- ¹³ Там же. С. 269.
- ¹⁴ Там же. С. 270.
- ¹⁵ *Сңтерүшён* (За победу, газета Ибресинского района Чувашской Республики), 1979. 27 октября.
- ¹⁶ *Таван Агъл* (Родная Волга), 1980. № 2. С. 79–80.
- ¹⁷ См.: *Н.И. Егоров, Э.Н. Егоров.* Бесермяне и чуваша – этнонимы от конфессионного происхождения // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими народами: Сб. ст. ЧГПУ, ЧГИГН. Чебоксары, 2004. С. 146–158.
- ¹⁸ *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. II. Чебоксары, 1996. С. 426–427.
- ¹⁹ Древнетюркский словарь. С. 650.
- ²⁰ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. Т. 1. М.–Л., 1950. С. 382.
- ²¹ *Родионов В.Г.* О системе чувашских языческих обрядов // Чувашская народная поэзия. Сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 4–5.
- ²² Этнографический очерк Мильковича, писателя конца XVIII в., о чувашах // *Никольский Н.В.* Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. Чебоксары, 2004. С. 492.
- ²³ *Сбоев В.А.* Заметки о чувашах. Исследование об инородцах Казанской губернии. Чебоксары, 2004. С. 103. Сн.1.
- ²⁴ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи // Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период. Чебоксары, 2001. С. 160.
- ²⁵ *Федотов М.Р.* Указ. раб. С. 119.
- ²⁶ *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. Умершие несчастною смертью и русалки. М., 1995.
- ²⁷ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 58.
- ²⁸ *Федотов М.Р.* Указ. раб. Т. 1. С. 220.
- ²⁹ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. VI. Чебоксары, 1934. С. 50.
- ³⁰ *Родионов В.Г.* О системе чувашских языческих обрядов. С. 8–9.
- ³¹ *Сироткин М.Я.* Народные и семейные обычаи и праздники // Чуваша. Этнографическое исследование. Часть II. Чебоксары, 1970. С. 79.
- ³² *Ягафова Е.А.* Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этно-территориальных групп (XVII-начало XX вв.). Чебоксары, 2007. С. 94.
- ³³ *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. С. 136–137.
- ³⁴ *Баязитова Ф.С.* Взаимовлияние татарского и удмуртского языков в говорах припечецких татар // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. статей. Ижевск, 1990. С. 130.
- ³⁵ *Прокопьев К.П.* Похороны и поминки у чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XIX. Вып. 5–6. Казань, 1903. С. 237.
- ³⁶ *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов // Хрестоматия по культуре Чувашского края: Дореволюционный период. Чебоксары, 2001. С. 127–128.
- ³⁷ *Каланкатуацци М.* История страны Алуанк. Ереван, 1984. С. 124.
- ³⁸ *Сбоев В.А.* Указ. раб. С. 108.
- ³⁹ Древнетюркский словарь. С. 270.

⁴⁰ *Салмин А.К.* Чувашские сорочины *Юна* // Известия национальной академии наук и искусств (НАНИ) Чувашской Республики. 2002. № 4. С. 67–88.

⁴¹ *Сбоев В.А.* Указ. раб. С. 101. Ст. 4.

⁴² Этнографический очерк Мильковича... С. 493; *Рожанский Е.* О чувашах // Револющиченки чăваш литератури: Текстсем. I т. (XX ёмърчен). Шупашкар, 1984. С. 349.

⁴³ Этнографический очерк Мильковича... С. 492.

⁴⁴ *Вишневский В.П.* Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии // В.П. Вишневский. Письменная культура раннего просветительства. Чебоксары, 2004. С. 116.

⁴⁵ *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял. Шупашкар, 2002. С. 298–299.

V.G. R o d i o n o v. On the problem of the Chuvash ritual complex reconstruction *Çу*.

Çу: the etymology *çу* in the word-combinations *çу (çăв, çăв) чăваш, çу çармăс* goes back to the ancient-Turkic *joγ* “funeral rites”. In summer and autumn ancient Chuvashes arranged funeral repasts, in honour of them, the months *юна* and *çу* were named. The ritual complex *çу* took place nearby cemetery on purpose to communicate with the spirits of the ancestry-patrons.

**ЧУВАШСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОГО
КРАЯ: ФОРМИРОВАНИЕ
ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ГРУППЫ,
ЭТНОКУЛЬТУРА, ДИНАМИКА
ЧИСЛЕННОСТИ**

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3 © **В.П. Иванов**
© **Ю.Т. Михайлов**

Изучение особенностей этнического развития дисперсно-расселенных национальных групп, проживающих в отрыве от основной массы этноса вне его исторической территории, является одним из актуальнейших направлений исследований в российской этнографической науке. Проживание диаспорных этнотерриториальных групп народов в инациональной, а нередко – в многонациональной культурной и языковой среде сказывается на характере, направленности и темпах этнических процессов в их среде. Интерес к изучению таких образований в последние годы возрос главным образом в связи с резкой интенсификацией в них ассимиляционных и этноидентификационных процессов.

Чуваши – один из наиболее дисперсно расселенных народов: 45,7% всего их числа проживает вне Чувашии – в других республиках, краях и областях страны, причем довольно значительными группами. Если переписью 1989 г. чуваша были учтены в 63 регионах РСФСР и во всех 15 республиках СССР, то в 2002 г. они впервые были зафиксированы во всех субъектах Российской Федерации, причем в 57 из них числом 1000 и более чел. Вне Чувашии наиболее крупные и компактные в плане территориального размещения массивы чувашского населения находятся в Поволжье (78,3% всего их числа), на Урале (10,2%), а также в Западной Сибири (4,0%). По данным Всесоюзной переписи 1989 г., за пределами Российской Федерации чуваша расселены в основном в Казахстане (22,3 тыс. чел.), на Украине (20,3 тыс. чел.), в Узбекистане (10,1 тыс. чел.) и Белоруссии (3,2 тыс. чел.). Цель настоящей статьи – рассмотреть формирование чувашской этнотерриториальной группы в Оренбургском крае, его этнокультуру и некоторые особенности этнических и этнодемографических процессов в их среде.

Виталий Петрович Иванов — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Юрий Тимофеевич Михайлов — этносоциолог, г. Оренбург.

Понятие «Оренбургский край» используется нами в расширенном, историко-краеведческом, культурологическом плане (как, например, «Саратовщина», «Чувашский край»). Кстати, до образования в 1744 г. Оренбургской губернии под официальным названием «Оренбургский край» были объединены земли возникших уже позднее Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний, Уральской области, частей Пермской губернии и Киргизских степей. В 1782 г. было образовано Уфимское наместничество, состоявшее из двух областей – Уфимской и Оренбургской. В 1796 г. последняя была переименована в Оренбургскую губернию. В 1865 г. Оренбургская губерния была разделена на две губернии – Оренбургскую и Уфимскую. В советское время – в 1920–1925 гг. – значительная часть территории современной Оренбургской области вместе с г. Оренбургом входила в состав Казахской ССР¹.

Согласно приблизительным подсчетам, выполненным на основе материалов ревизий и переписей, с начала XVIII в. по настоящее время миграция чувашей в различные регионы страны имела устойчивый и нарастающий характер. Если в 1719–1723 гг. за пределами нынешней территории Чувашского края проживало 11% от числа всех чувашей, то в 1975 г. – 33,6%, в 1989 г. – уже 50,8%. При этом численность чувашей в самой Чувашии за последние три столетия увеличивалось вдвое медленнее – со 194 тыс. до 907 тыс., то есть примерно в четыре раза, чем за ее пределами – с 24 тыс. до 935 тыс., то есть в восемь раз. Вместе с тем в период с 1989 по 2002 гг. имело место уменьшение абсолютной и относительной численности диаспорных групп, хотя в то же время в республике численность чувашей не изменилась (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности чувашей в Чувашии и вне ее территории в XVIII–XX вв. (тыс. чел.)²

Годы	Всего чувашей (тыс.чел.)	В том числе на территории Чувашии (тыс.чел.)	Численность чувашей вне территории Чувашии (тыс.чел.)	%
1719	217,9	194,0	23,9	11,0
1795	352,0	233,9	118,1	33,6
1897	843,9	542,4	301,4	35,7
1926	1117,0	667,7	449,3	40,2
1989	1842,3	906,9	935,4	50,8
2002*	1637,8	889,3	747,9	45,7
Прирост за 1795–1989 гг.	в 5,2 раза	в 3,9 раза	в 7,9 раза	

* По 2002 г. подсчеты произведены по данным только по РФ.

Чувашское население различных регионов страны, представляющее отдельные ареальные группы, как в литературе, так и в просторечии обычно называют по географическо-административному принципу – «башкирские», «самарские», «закамские», «симбирские», «саратовские», «оренбургские», «пензенские» и т.д.

«Симбирская» (или как ныне часто называют, «ульяновская») территориальная группа чувашей сформировалась в XVII–XVIII вв., «закамская» (сейчас ее нередко называют «татарские» чувашаи) образовалась в XVI–XVIII вв., «приуральская» (или «башкирская») в XVI–XIX вв., «самарская» – в XVII–XVIII вв., «оренбургская» – в XVIII–XIX вв., «сибирская» начала складываться в XVI в., но сформировалась в конце XIX – начале XX вв.³ С образованием Чувашской автономии появилось новое понятие «коренные чувашаи», а в просторечии – «чебоксарские чувашаи» («шупашкар чăвашĕсем», «шупашкарсем»).

К концу XIX в. в Российской империи насчитывалось 843755 чувашей. Почти все они – то есть 98,9% всего их числа – проживали в Волго-Уральских губерниях (см. табл. 2). Небольшие группы чувашского населения имелись к этому времени в азиатской части России – в Западной Сибири, остальная часть была распылена на территории других губерний.

Таблица 2

Расселение и численность чувашей в губерниях Российской империи к концу XIX в.⁴

Губернии	Все население (млн. чел.)	В т.ч. чувашаи		Доля от всех чувашей России (%)	Число уездов	В т.ч. уездов с чувашским населением
		чел.	%			
Казанская	2,2	502042	23,1	60,0	12	8
Симбирская	1,5	159766	10,5	19,0	8	6
Самарская	2,7	91839	3,3	10,9	7	5
Уфимская	2,2	60616	2,8	7,2	6	3
Саратовская	2,4	14403	0,6	1,7	10	4
Оренбургская	1,6	5064	0,3	0,6	5	2
Др. губернии	-	5538*	-	0,6	-	-
Итого	12,6	839268	6,6	100,0	48	28

* Без учета 3,6 тыс. солдат и 2,5–5 тыс. отходников.

Конец XVII – начало XVIII вв. знаменует в российской истории период освоения новых земель на южных и юго-восточных окраинах государства, массовые миграции населения разной сословной и этнической принадлежности из внутренних областей в степные и лесостепные районы Заволжья, Приуралья, Сибири, Средней Азии. Переселенцев привлекали пустующие, дикие, по их мнению, земли с девственной природой, необъятными просторами, где еще можно было вольно и с достатком зажить.

Процесс миграции чувашских крестьян за пределы нынешней территории Чувашского края в досоветское время можно подразделить на ряд этапов. Первоначально (в XVII–первой половине XVIII в.) переселения чувашей, как, собственно, и других народов региона, осуществлялись в рамках государственной политики колонизации Приуралья, Сибири, южных и юго-восточных районов Поволжья. Что касается второй половины XVIII–XIX вв., то для этого времени характерна уже вольная крестьянская колонизация.

Есть основания полагать, что первоначальное ядро заволжских и приуральских чувашей составили мигранты из Заказанья и Приказанья, образовавшие еще в XIV–XVI вв. компактную зону сосредоточения чувашского населения на левобережье Волги. В начале XVII в. наблюдается переселение чувашей с левобережья Волги частью также на правобережье – в южные и юго-западные районы Чувашии, а частью – в районы Закамья и Приуралья. Но, судя по имеющимся источникам, немало чувашей еще в конце XVI в. сумело «освоиться» в Южном Приуралье: «Другой путь в казахские степи и в Среднюю Азию шел из Казани по территории Башкирии, минуя Уфу, выходил на Яик в районе устья *Сакмары* и дальше шел степью. Этим путем в 1595 г. проехал в «Казачью Орду» русский посол Вельямин Степанов. Из Казани проводником посольства был «чювашенин Куземка», который проводил посла до Яика «меж Юшатырского и Сакмарского устья»⁵.

В числе ведущих причин переселений чувашских крестьян было в XVII–XVIII вв. (особенно в 20–60-х гг. XVIII в.) главным образом нежелание их отказываться от своей древней дохристианской религии («язычества»), а с середины XVIII в. – относительное малоземелье и усиление феодального гнета.

Немалая часть чувашей современных Самарской, Оренбургской и Саратовской областей, территории которых до середины XVIII в. входили в состав Оренбургского края, оказались на новых землях, будучи привлеченными на строительство укрепленных линий во второй половине XVI–первой половине XVIII вв. Например, у И.И. Неплюева – одного из первых строителей Оренбургской губернии (первая половина XVIII в.) – были неограниченные права по привлечению людей на строительство города – крепости Оренбург. Сюда прибывали многие тысячи людей, среди них было много чувашей⁶.

В годы крестьянских войн под предводительством С.Т. Разина (вторая половина XVII в.) и Е.И. Пугачева (вторая половина XVIII в.) множество принявших в них участие чувашей подались «в бега» в чужие края, главным образом в районы Приуралья и Зауралья.

К середине XVIII в. широкое распространение получил «отход» чувашских крестьян на приуральские металлургические заводы. Вербовались чувашаи и на соляные и рыболовные промыслы. К концу XIX в. отходничество становится значительным фактором перемещений чувашей за пределы своего края, в том числе и в южном, юго-западном направлениях.

В период столыпинской реформы в начале XX в. чувашские крестьяне побуждались царским правительством к переселению в Сибирь и другие районы азиатской России.

Миграция чувашей с территории Чувашии в восточные и юго-восточные регионы, в том числе в Оренбургский край, получала сильные импульсы и в «голодные годы» (только во второй половине XIX в. в Чувашии случилось ряд неурожайных лет).

Перемещения чувашей за пределы своей родины в первые послереволюционные годы в немалой степени были обусловлены наступившим в связи с засухой в 1921 г. голодом в Поволжье. Крестьяне целыми семьями покидали Чувашию.

Новым фактором миграционного движения чувашей в советское время становятся плановые организованные наборы чувашской молодежи для отправки на индустриальные стройки и в районы освоения природных ресурсов Зауралья, в частности и в районы Южного Приуралья.

В послевоенное время в начале 1950-х годов миграция чувашей усилилась в обоих направлениях – и на запад, и на восток – в связи с острой нуждой в рабочей силе при восстановлении объектов народного хозяйства на территориях, пострадавших от военных действий, а также в развитии экономики и освоении целинных земель в восточных и юго-восточных регионах России – в Оренбуржье и в Казахстане.

Новый цикл миграций чувашского населения разных регионов страны приходится на 1960–1970-е гг. Связан он в основном со строительством Волжского автомобильного завода в г. Тольятти, несколько позже – с возведением в г. Набережные Челны завода по выпуску автомобилей «Камаз».

Пожалуй, последняя по времени массовая миграция чувашей, в основном выходцев из Башкирии, Татарии, Самарской и Оренбургской областей, имела место в 1970–1980-х годах в связи с освоением газонефте содержащих районов Тюменской области и в Республике Коми.

За длительный исторический срок сформировалась карта современного расселения чувашского этноса в России. По данным 2002 г., значительные группы чувашского населения сегодня имеются, кроме Чувашской Республики (889,3 тыс. чел.), в Татарстане (126,5 тыс. чел.), Башкортостане (117,3 тыс. чел.), Ульяновской (111,3 тыс. чел.), Самарской (101,4 тыс. чел.), Тюменской (30,2 тыс. чел.), Оренбургской (17,2 тыс. чел.) областях, Красноярском крае (16,9 тыс. чел.) и Саратовской области (16,0 тыс. чел.).

* * *

Миграция чувашей в Южное Приуралье началась уже в XVII в. и исходила она с территорий современных Татарстана и Чувашии, а позднее и из Самарско-Симбирских земель.

На первом этапе, в XVII–XVIII вв., переселенцами осваивались главным образом северные и северо-западные районы Башкирии. Юго-западная часть заселялась слабо по причине частых набегов кочевников с юга. По

данным В.М. Кабузана, основной приток переселенцев в Башкирию и Оренбуржье увеличивается с 20-х годов XVIII в., то есть после сооружения новой Закамской линии, которая протянулась от Алексеевска на северо-восток. Именно под ее прикрытием начинается быстрое заселение территории будущих Бузулукского и Бугурусланского уездов, как ближайших к более освоенной Казанской губернии⁷. Во второй трети XVIII в. правительство развернуло в Зауралье сооружение системы крепостей – Оренбургской оборонительной линии, под защитой которой дальнейшее освоение территории Южного Урала заметно усиливается. В целях закрепления населения на неосвоенных землях власти перестали ловить и возвращать беглых на родину. Их, а также сходцев, прикрепляли на новых местах путем зачисления в «регулярные и нерегулярные службы» на Оренбургской линии.

Известный оренбургский краевед Н. Хлебников считает, что чувашские села Пронькино, Старояшкино, Игнашкино старше г. Бузулука на 27 лет и г. Оренбурга – на 34 года. По пронькинскому преданию, первые беглые чуваша прибыли на территорию современного Грачевского района еще в 1700 г. По мнению Н. Хлебникова, «предание пронькинцев о том, что первые чувашские поселения появились раньше 1730 г., отчасти можно подтвердить тем, что в этом году были основаны крепости Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская и учреждены в городах и крепостях Среднего Поволжья заставы и разъезды, которые должны были ловить беглых и возвращать их владельцам-помещикам. Поэтому селиться близ крепостей беглые не могли, пришли сюда они раньше, когда крепостей еще не было»⁸.

В 50–60-е годы XVIII в. наблюдается ощутимое усиление миграции чувашей из районов Среднего Поволжья в Южное Приуралье (в Уфимскую провинцию и Оренбургский дистрикт). Учетные II и III ревизиями около 14 тыс. переселенцев не отражали истинное положение дел. На самом деле их было больше, так как не все лица, ушедшие в Оренбургскую губернию, зафиксированы с учетом их этнической принадлежности, и, кроме того, не все они были обнаружены. Выясняется, что из всех учтенных в середине XVIII в. (1744–1762 гг.) самовольных чувашских переселенцев – выходцев из Казанской губернии – 72% направлялось в Южное Приуралье⁹. При этом основную массу (около 80%) прибывших в Оренбуржье чувашей (мужского пола) составляли выходцы из Симбирского, Казанского и Свияжского, остальные – из Чебоксарского и Цивильского уездов. На основе даже краткосрочных показателей можно утвердительно говорить о том, что основу приуральской группы чувашей составили мигранты из Казанского, Свияжского и Симбирского уездов, то есть практически с территорий, не вошедших впоследствии в состав Чувашской автономии. Так, согласно имеющимся сведениям, большинство чувашских селений Абдулинского района Оренбургской области (Артемьевка, Васильевка, Захаркино, Артамоновка и Исайкино) образовали переселенцы из территории современных Похвистневского и Шенталинского районов Самарской области. К примеру, крупным чувашским населенным пунктом в Асекеевском районе является с. Самаркино.

Оно основано новокрещенными чувашами, перешедшими в 1787 г. из с. Никольского (Геранкино) Бузулукского уезда Самарской губернии. Позже (в 1791 г.) к ним подселились выходцы из чувашских селений Ибрайкино и Султангулово современной Самарской области. Как полагает оренбургский исследователь С. Попов, название Самаркино, возможно, возникло по названию Самарской губернии, откуда были родом основатели села¹⁰.

К середине XIX в. основными ареалами расселения чувашей становятся не только северо-западные, но и северо-восточные и центральные районы Оренбуржья. По материалам А.В. Федоровой, самой первой деревней, появившейся на берегах Бузулука, было нынешнее с. Курманаевка: оно было основано в 1774 г. «новокрещенными чувашами», переселившимися сюда из пределов Самарской губернии. Организатором переселения, «заводчиком» новой деревни был Иван Павлов, носивший по прежней языческой традиции имя «Курманай» (он умер в 1765 г. в возрасте 73 лет). Поэтому по его исконному имени и было названо поселение Курманаевка. В 1781 г. в Курманаевке было уже 12 дворов. В последующие годы население стало быстро пополняться новыми переселенцами. Сначала к чувашам подселилась мордва, а затем русские¹¹.

Как полагают, название чувашского с. Сидоркино (Бузулукский район) идет от первых ходоков – «сидоров». Картину переселения тех лет описал С.Т. Аксаков: «...Нагрузив телеги женами, детьми, стариками, прикрыв их лубьями от дождя и солнца, нагромоздив посуду, насажав дворовую птицу наверх возов и привязав к ним коров, коз, потянулись в путь переселенцы, обливаясь горькими слезами, навсегда прощаясь с могилами дедов, отцов...»¹². Прибыв на место, они рыли землянки. Избы были большей частью курные, освещались лучинами.

Как известно, царскими указами 1736, 1739 и 1743 гг. впервые была разрешена покупка и аренда башкирских земель также и самовольным переселенцам, преимущественно из крестьян. Однако до 1761 г. миграция крестьян из Чувашии и других мест вообще осуществлялась в неофициальном порядке, а потому такие переселенцы («самовольные сходцы») продолжали числиться и платить налоги по прежнему месту жительства¹³. Но с 1761 г. правительство начало записывать переселенцев Оренбургской губернии по новому месту жительства, что резко усилило переселенческий поток. В 1766 г. специальной проверкой было выявлено, что только за 1761—1766 гг. из Казанской губернии переселилось в Оренбургскую (куда входила в то время и территория современной Башкирии) примерно 9700 чувашей, в том числе 4849 душ мужского пола¹⁴.

К концу XVIII в. подавляющая часть чувашей Оренбургской губернии проживала в Бугурусланском (III ревизия – 18,7 %, V ревизия – 15,5 %), Стерлитамакском (III – 10,1 %, V – 13,5 %), Бугульминском (III – 13,8 %, V – 12,6 %), Бузулукском (III – 15,8 %, V – 10,9 %) и Белебейском (III – 10,2 %, V – 7,3 %) уездах¹⁵. В Оренбургском и Уфимском уездах их было мало, а в остальных не было совсем.

Относительную численность чувашей в составе переселявшегося на Южный Урал многонационального населения можно проиллюстрировать данными ревизий. Они показывают, что с 1744 по 1781 г. в Оренбургскую губернию прибыло 155 тыс. крестьян, из них на долю русских приходилось 71,5 тыс. (30,31%), чувашей – 22 тыс. (14,16%), удмуртов – 0,5 тыс. (0,30%). В конце XVIII – начале XIX вв. пришлое население, русское и нерусское, в основном крестьянское, достигло 5773 тыс. чел.¹⁶ Таким образом, территория Южного Урала заселялась в XVIII в. представителями всех народностей Среднего Поволжья и Среднего Приуралья.

Одним из важнейших факторов переселения чувашей с территории Чувашского края в восточном и юго-восточном направлениях явилось то, что к середине XVIII в. в селениях государственных крестьян Чувашии стало сказываться относительное малоземелье, что было обусловлено, кроме всего прочего, весьма низким уровнем агротехники. Как указывает В.Д. Димитриев, «малоземелье было одной из причин массового переселения крестьян из Чувашии в Уфимский, Оренбургский, Бугульминский, Исецкий и Ставропольский уезды Оренбургской губернии в 40–70-х годах»¹⁷.

После присоединения Волго-Уральского региона к России тяготы крепостнического гнета все острее стали испытывать все местные нерусские народы. Более того, феодальная эксплуатация инородцев сочеталась с национальным гнетом. Чувашаи убегали из родных мест вплоть до Урала от преследований, как уже отметили, за участие в крестьянской войне под руководством С.Т. Разина и от неимоверного разорения в первой четверти XVIII в., когда степень эксплуатации ясачных людей Чувашии увеличилась в 2-3 раза, и от принудительного крещения в середине XVIII в., и от наказаний за участие в Пугачевском восстании. В целом, в XVIII в. бегство и переселение чувашей в Закамье, Башкирию, в Оренбургский, Самарский и Саратовский края приняло значительные размеры, так что правительству приходилось даже вести поимку беглых с помощью специальных отрядов.

Переселенцев влекли в Южное Приуралье наличие пригодных для земледелия и скотоводства земельных пространств, сравнительно легкая их доступность, а также созданные правительством льготы в землепользовании. Основными территориями расселения чувашей в Оренбуржье в XVIII–XIX вв. являлись Бугурусланский и Бузулукский уезды губернии. Согласно данным V ревизии (1795 г.), чувашские переселенцы получали наделную землю по 10 дес. на мужскую ревизскую душу. Например, в чувашском с. Игнашкино в 1910 г. (тогда это было одно село, самое большое в Кузьминовской волости) числилось на 432 двора 1392 человека мужского пола, 1373 – женского, наделной земли – 7636 дес.¹⁸

В относительно малонаселенных районах Южного Приуралья часть чувашей-переселенцев вошла также в состав уральского казачества. Казаки-чувашаи жили как в Оренбургской, так и в Уфимской губерниях. Наиболее многочисленными были группы чувашей, причисленные к казачьему войску после 1830 г.¹⁹ Так, в 1882 г. в оренбургском казачьем войске насчитывалось 302 тыс. казаков, из них 460 были чувашаи²⁰. Быт и положение их

были особыми. Родители не имели права на своих сыновей: они числились за казачьим управлением.

В XIX в. в Волго-Уралье шел процесс усложнения этнического состава населения тех чувашских деревень, которые располагались в окружении русских, татарских и мордовских селений. Чувашско-татарские, чувашско-мордовские, чувашско-русские поселения возникли в разные исторические периоды как следствие подселения группы одного народа к основной массе другого. Такие поселения, как правило, имели два, а иногда и три обособленных «конца», где проживали разные этнические группы, не смешиваясь друг с другом.

Смешанный состав жителей чувашских селений был особенно характерен для «чувашских» уездов Оренбуржья. Так, в Бугурусланском и Бузулукском уездах в 1870-х годах доля таких селений достигла соответственно 46 и 85%. Изменился также и национальный состав этих селений: если в XVIII в. соседями чувашей чаще оказывались мордва, то в XIX в. – русские. Например, в Бугурусланском уезде из 48 селений с чувашским населением «чисто» чувашскими были 26, а остальные 10 – чувашско-русскими, 4 – чувашско-мордовскими, 7 – чувашско-мордовско-русскими, 1 – чувашско-мордовско-татарским²¹.

Именно русские, по наблюдению швейцарского историка А. Каппелера, становились соседями по селению или общине чувашских, мордовских или татарских крестьян, нежели они между собой. Данный феномен он и другие исследователи объясняют особой психологической установкой русского населения, их относительно высокой географической мобильностью, «готовностью селиться с другими народами», коммуникабельностью и способностью достаточно легко приспосабливаться к окружающей среде, в отличие от нерусских народов Поволжья и Приуралья, обитавших в замкнутом мире своих этнокультур²².

Традиция проживания чувашей Оренбуржья в многонациональных селениях в еще большей мере закрепились в XX в. Так, по данным А.В. Федоровой, в 1930-е годы, например, в Абдулинском районе в с. Васильевка было чувашей – 464, мордвы – 222; в с. Артемьевка: чувашей – 545, татар – 390; в д. Емелькино: русских – 359, чувашей – 129; в с. Родовка: русских – 707, украинцев – 161, чувашей – 148²³.

* * *

Этнокультура оренбургских чувашей особо не отличается от традиций быта, хозяйства и языка чувашей, расселенных в западных и юго-западных районах Башкирии и юго-восточных районах Самарского края. В целом в традиционной культуре оренбуржцев-чувашей находят проявление общечувашские элементы, которые выражены в интерьере жилища, национальной одежде, пище, семейном быту, праздниках и обрядах²⁴.

Основной тип дома – пятистенок под четырехскатной крышей. Строительным материалом при возведении построек в прошлом являлись камень

и саман, ныне больше строят из дерева и кирпича. Устойчиво бытует обмазка снаружи глиной и побелка. Декоративное оформление домов с помощью резьбы и фигурной кладки получило развитие с 1980-х годов.

Праздничная национальная женская одежда состоит из традиционного платья *кӗте*, украшений из монет и бисера – *хушпу*, *тухийи*, нашейных и нагрудных украшений. Вместе с тем следует отметить, что по сравнению с другими этнотерриториальными группами у оренбургских чувашей комплекс национального костюма имеет весьма колоритный и оригинальный характер²⁵.

Ритуальная трапеза имеет традиционный характер. Чувашские народные обряды и обычаи сохраняются в свадебном ритуале, поминальной и календарной обрядности. До недавнего времени бытовали старинные языческие обряды *сурхури*, *сӗрен*, *вӗйӗ* и др. Традиционная национальная культура ярко выражена и в музыкально-фольклорном слое, бытуют народные песни разных жанров, особенно популярны свадебные. Народное декоративно-прикладное искусство представлено в разных видах – зодчестве, вышивках, шитье бисером и монетами, ковроткачестве.

Экспедиции чебоксарских ученых 1984 и 1987 гг. и последующих лет в чувашские селения Оренбуржья подтвердили, что главное направление этнических процессов среди здешних чувашей – языковые изменения, широкое и активное приобщение поколения, родившегося в послевоенный период, особенно в последние два-три десятилетия, к русскому языку и русскоязычной культуре²⁶. Чувашаи области нередко трехязычны, распространено чувашско-русско-мордовское (татарское) трехязычие. Из-за малой численности и плотности расселения чувашаи интенсивно обрусевают. Уроки чувашского языка в школах прекращены в 1950–1960 гг. Молодежь говорит преимущественно на русском языке. Среднее поколение почти не владеет письменным чувашским языком. Так, по данным переписи 1989 г., 47,8% оренбургских чувашей-горожан и 25,1% чувашей-селян считают родным русский язык. К примеру, в средней школе обследованного учеными из Чувашии с. Верхний Курмей Абдулинского района уроки чувашского языка прекратились еще в 1954 г. В районе несколько крупных чувашских селений, но ни в одном из них, уже почти три десятка лет, дети не знают уроков родного (то есть чувашского) языка. К примеру, в д. Артемьевке, где половина жителей – мусульманизированные чувашаи, до 1960 г. преподавались и чувашский, и татарский языки, а сегодня обучение ведется уже только по программе русских школ.

В д. Нижний Курмей молодое поколение говорит меж собой не столько на чувашском, сколько на русском языке. Показательно, что в отличие от абсолютного большинства других селений, обследованных экспедицией, здешняя молодежь не проявила интереса к вечеру встречи ее участников с местными жителями, состоявшемуся в местном сельском Доме культуры. Молодые люди группами толкались в фойе, но так и не зашли в зал, где весь вечер звучала со сцены чувашская речь: они ее не понимали. Более того,

здесь никого уже не удивляет тот факт, что от сыновей-солдат матери-чувашки получают письма только на русском языке.

Надо сказать, что в чувашских селениях Оренбуржья межнациональных семей в целом немного: такие браки заключаются, как правило, молодыми людьми, перебравшимися в город. Но даже и в этом случае появление в кругу близких и родственников людей иной национальности (в качестве зятьев, невесток, сватов и свах и др.), пусть и редко встречающихся с сельскими родственниками, вносит определенные нюансы в характер этнических процессов в современной чувашской деревне. Прежде всего, практически во всех чувашско-русских семьях, независимо от местожительства, дети говорят по-русски, и почти всегда они принимают русскую национальность. Таким образом, в чувашско-русских семьях, частично и в чувашско-мордовских и чувашско-татарских, порывается, как правило, этническая линия родителя чувашской национальности, причем независимо от национальности матери. Именно потому подобные межнациональные браки заметно сказываются на воспроизводстве чувашского населения области со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Говоря об этнических приоритетах в этой сфере, следует иметь в виду, что в условиях чувашского села семья, состоящая из отца-чуваши и матери-татарки, дети обычно скорее говорят по-чувашски, чем по-татарски. В подобной же городской семье дети говорят, как правило, по-русски, хотя нередко знают и татарский, и чувашский. Что касается семей, состоящих из отца-татарина и матери-чуваши, то в условиях татарского села татарский язык является основным языком общения. В подобных же городских семьях наравне с татарским используется и русский, но чувашский – уже крайне редко.

И все же по сей день в чувашско-татарских межнациональных отношениях, особенно в семейно-брачной сфере, сильным барьером остаются религиозные различия и основанные на них культурно-бытовые традиции. Именно в силу сохранения и поныне различий в традициях и образе сельской жизни молодые чувашско-татарские семьи в условиях и чувашского, и татарского селений испытывают определенный этнопсихологический дискомфорт, поэтому при первой же возможности перебираются в городские поселения. Говоря по правде, подобные сложности испытывают и чувашско-русские семьи, также крайне редко оседающие в деревнях.

Определенный интерес представляют некоторые особенности межэтнического взаимодействия чувашей и мордвы. Как известно, в Оренбургской области расселены значительные группы мордвы-эрзи, хотя местные чуваша знают их только как «*мăкшă*» (мокша). В обыденном сознании оренбургских чувашей мордва испокон веков представлялась народом, почти родственным с русскими, по крайней мере, народом, ближе всех остальных стоящим по своей культуре и физическому типу к русским. Этот устойчивый стереотип, подкреплявшийся в реальной жизни фактами массового обрусения мордвы, сказывался и сказывается по сей день на отношении чувашей к

мордвы: оно мало чем отличается от отношения чувашей к русским. К примеру, в обследованной авторами деревне Верхний Курмей Абдулинского района, население которой состоит в равной мере из чувашей и мордвы, и знание языков друг друга достаточно хорошее, характер их этнического взаимодействия иллюстрирует следующее высказывание местных чувашей: «Если среди семерых чувашей окажется хоть один мордвин, то чувашаи переходят на мордовский язык». По рассказам информаторов, верхнекурмейские чувашаи и мордва в прошлом, еще в 1920—1930-е годы, нередко конфликтовали, особенно во время земельных переделов, постоянно соперничала молодежь. Даже на кладбище, будучи христианами, чувашаи и мордва имели свои половины. Однако начиная с послевоенных 1950-х годов процессы межэтнического взаимодействия между чувашами и мордвой получили сильное развитие. Резко возросло число чувашско-мордовских браков. В деревне все праздники и обрядовые мероприятия (свадьбы, проводы в армию, похороны и т. п.) проводятся совместно.

* * *

В настоящее время в Оренбургской области проживают 17211 чувашей (2002). В 1989 г. их насчитывалось здесь 21454 чел. Таким образом, их число уменьшилось на 20,0%. Согласно данным на 2002 г., чувашаи составляют 0,8% населения области (ср.: русские – 73,9%, татары – 7,6%, казахи – 5,8%, украинцы – 3,5%, мордва – 2,4%, башкиры – 2,4%). В своей основной массе чувашаи, как и прежде, традиционно расселены в северных, северо-восточных и северо-западных районах области.

Таблица 3

**Изменение численности чувашского населения
в Оренбургской области в 1939–2002 гг.²⁷**

Чувашское население	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2002 г. в % к 1989
Всего (чел.)	18908	21288	24555	22816	21454	17211	80,2
В том числе:							
<i>городское</i>	1330	5250	7125	8068	9006	6291	70,0
<i>сельское</i>	17578	25286	17430	14748	12448	10920	87,7

Динамика численности чувашей в области имеет отрицательное saldo (см. табл. 3). В послевоенные годы практически не наблюдалось миграционного притока чувашей извне, за исключением периода середины и второй половины 1950-х годов, когда сюда организованно прибывали чувашаи на освоение целинных земель и в последующем частично оседали в целинных совхозах.

В области насчитывается 11 городов и 35 административных районов. Городские чувашаи живут в Оренбурге, Абдулино, Орске, Новотроицке, Бу-

зулуке и Бугуруслане. Чувашей-горожан в целом немного (см. табл. 4), причем во всех городах, за исключением Абдулино, после переписи 1989 г. произошло значительное снижение их числа. Чувашское городское население области пополнялось и пополняется главным образом за счет местных же селян. При этом удельный вес горожан среди чувашей значительно ниже (42% в 1989 г. и 36,5% в 2002 г.) общего показателя по области (соответственно 65,3% и 58%).

Таблица 4

**Динамика численности чувашского населения в городах
Оренбургской области в 1970–2002 гг.²⁸**

Городские поселения	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Абдулино	675	648	780	823
Бугуруслан	553	645	629	552
Бузулук	373	616	748	578
Гай	409	434	474	372
Кувандык	-	-	134	82
Медногорск	348	262	255	170
Новотроицк	988	968	1025	746
Орск	1845	1777	1870	1223
Оренбург	661	1527	1977	1498
Сорочинск	185	179	186	130
Соль-Илецк	-	-	60	42
Ясный	-	237	282	242

Сельские чувашы расселены главным образом в Абдулинском (2437 чел.), Грачевском (1171 чел.), Курманаевском (842 чел.), Тоцком (790 чел.), Сорочинском (758 чел.), Асекеевском (578 чел.) и Бугурусланском (506 чел.) районах. По большому счету, за последние три десятилетия во всех сельских районах области численность чувашского населения уменьшалась в достаточно ощутимых объемах (см. табл. 5). А в период между переписями населения 1989 и 2002 гг. снижение числа чувашей произошло во всех без исключения районах.

В области насчитывается всего 39 сельских населенных пунктов с чувашским населением, причем примерно лишь в 10-12 из них удельный вес чувашей имеет преобладающий характер, то есть от 60% и выше. В этих и остальных селениях чувашы живут чаще всего совместно с русскими, несколько реже с мордвой и татарами (см. табл. 6).

В ряд старинных и сравнительно крупных чувашских селений входят Пронькино в Сорочинском районе, Артемьевка, Николькино, Нижний Курмей и Исайкино в Абдулинском районе, Самаркино в Асекеевском районе, Верхнеигнашкино в Грачевском районе.

Таблица 5

**Изменение численности и территориального размещения чувашей
в Оренбургской области в 1970–2002 гг.*²⁹**

Районы	Райцентры	1970 г.	1989 г.	2002 г.	2002 г. в % к 1970 г.
Абдулинский	г.Абдулино	4942	2922	2437	49,3
Адамовский	рп.Адамовка	304	209	200	66,2
Акбулакский	рп.Акбулак	227	149	115	50,6
Александровский	с.Александровка	79	92	90	114,0
Асекеевский	с.Асекеево	1169	711	578	49,4
Беляевский	с.Беляевка	68	54	52	76,5
Бугурусланский	г.Бугуруслан	906	638	506	55,8
Бузулукский	г.Бузулук	771	470	309	40,0
Гайский	г.Гай	696	128	78	11,2
Грачевский	с.Грачевка	1850	1402	1171	63,3
Домбаровский	рп.Домбаровский	147	79	71	48,3
Илекский	с.Илек	71	52	30	42,2
Кваркенский	с.Кваркено	213	168	121	56,8
Красногвардейский	с.Плешаново	121	71	64	53,0
Кувандыкский	г.Кувандык	243	120	84	34,6
Курманаевский	с.Курманаевка	1517	1050	842	55,5
Матвеевский	с.Матвеевка	577	588	513	89,0
Новоорский	рп.Новоорск	211	248	181	85,8
Новосергиевский	рп.Новосергиевка	165	127	87	52,7
Октябрьский	с.Октябрьское	21	65	60	285,7
Оренбургский	г.Оренбург	178	277	231	129,8
Первомайский	п.Первомайский	235	234	175	74,5
Переволоцкий	рп.Переволоцкий	70	82	76	108,6
Пономаревский	с.Пономаревка	97	90	48	49,5
Сакмарский	с.Сакмара	42	114	93	221,4
Саракташский	рп.Саракташ	102	95	94	92,2
Светлинский	рп.Светлый	553	195	147	26,6
Северный	с.Северное	251	154	145	57,8
Соль-Илецкий	г.Соль-Илецк	248	150	95	38,3
Сорочинский	г.Сорочинск	2009	1234	758	37,7
Ташлинский	с.Ташла	145	76	62	42,7
Тоцкий	с.Тоцкое	462	471	790	171,0
Тюльганский	рп.Тюльган	88	270	195	221,6
Шарлыкский	с.Шарлык	149	229	175	117,4
Ясненский	г.Ясный	-	89	80	-

* Сельское чувашское население, включая жителей райцентров – рабочих поселков.

Таблица 6

**Сельские населенные пункты с чувашским населением
на территории Оренбургской области (2002 г.)³⁰**

Название населенного пункта	Сельский совет	Число жителей (всего, чел.)	В том числе чувашаи (%)	Другие (кроме чувашей) национальности
1	2	3	4	5
Абдулинский р-н				
с.Никольское	Абдрахмановский	406	91	татары
с.Артемьевка	Артемьевский	669	61	русские
с.Захаркино	Артемьевский	203	75	мордва
д.Верхний Курмей	Емантаевский	104	58	-
с.Степановка Первая	Зириклинский	213	77	-
с.Исайкино	Исайкинский	327	80	-
с.Нижний Курмей	Нижнекурмейский	467	86	-
п.Даниловка	Нижнекурмейский	467	86	-
с.Васильевка	Первомайский	277	50	рус.- 25, морд.- 25
д.Артамоновка	Покровский	114	91	русские
Александровский р-н				
п.Мирный	Хортицкий	84	31	русские
Асекеевский р-н				
д.Петровка	Лекаревский	244	40	русские
п.Ручеек	Лекаревский	59	40	русские
с.Самаркино	Мочагаевский	285	92	-
рзд. 1334 км	Асекеевский	8	31	-
Бугурусланский р-н				
д.Передовка	Благодаровский	98	32	русские
п.Пчелка	Благодаровский	78	32	русские
д.Саловка	Благодаровский	135	30	русские
с.Дмитриевка	Дмитриевский	376	30	
п.Березовый	Михайловский	20	30	
Бузулукский р-н				
п.Павловка	Верхневязовский	4	100	-
д.Сидоркино	Державинский	113	38	русские
д.Стрелица	Могоутовский	35	20	русские
Грачевский р-н				
с.Верхнеигнашкино	Верхнеигнашкин-ский	691	65	русские
п.Андреевка	-"	113	42	русские
п.Калинкино	Новоникольский	133	44	русские
с.Малояшкино	Старояшкинский	248	53	русские
с.Старояшкино	Старояшкинский	723	25	русские
Курманаевский р-н				
с.Егорьевка	Васильевский	225	34	русские
с.Михайловское	Михайловский	767	53	русские

1	2	3	4	5
Матвеевский р-н				
п. Красная Поляна	Сарай-Гирский	102	53	русские
п. Пролетаровка	Сарай-Гирский	247	40	русские
п. Чапаево	Сарай-Гирский	281	30	русские, мордва
Сорочинский р-н				
с. Березовка	Баклановский	330	75	русские
с. Ивановка	Баклановский	90	20	русские
с. Пронькино	Пронькинский	1112	65	русские
п. Чесновка	Пронькинский	26	90	-
Шарлыкский р-н				
п. Бобровка	Преображенский	186	150	русские
п. Вишневка	Преображенский	97	40	русские

Можно уверенно констатировать, что процессы урбанизации, а в ряде случаев и недостаточное внимание властных структур в регионах России к национально-культурным проблемам местного чувашского населения привели в 1980–1990-е годы к усилению в нем ассимиляционных процессов, к утрате чувашами этнических признаков и отходу от родного языка. Поэтому, по большому счету, говоря сегодня о диаспорных группах чувашей, речь следует вести прежде всего о проблеме сохранения этничности у расселенной вне территории республики половины народа, ее этнокультурного выживания.

Естественно, что как сравнительно компактные, так и дисперсно расселенные группы чувашского населения Оренбургской области испытывали и продолжают испытывать сильное влияние окружающих национальностей, главным образом русских. Проявляется это влияние не только в быту, но и в языке, фольклоре, народном искусстве, равно как и в этническом самосознании чувашей. Наряду с этим, как показывают экспедиционные наблюдения³¹, проживая продолжительное время в известном отрыве от своей «материнской» родины, расселенные в Оренбуржье чувашаи (особенно потомки мигрантов раннего времени, прежде всего это чувашаи Бугурусланского, Абдулинского, Асекеевского, Бузулукского и Грачевского районов) устойчивее сохраняют некоторые, порой единичные, но при этом важнейшие элементы традиционной (особенно обрядовой) культуры, в какой-то степени уже утраченные титульной нацией Чувашской Республики. Комплексное проявление и бытование этих и других исторически и этнически обусловленных явлений как раз и придает культурному облику чувашей Оренбургской области самобытный характер.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

³¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 43. СПб., 1987. С. 129–131; Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 18. М., 1974. С. 502.

- ² *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Чебоксары, 2005. С. 50.
- ³ См.: Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001.
- ⁴ Составлено по кн.: *Шибяев В.П.* Этнический состав населения Европейской части СССР. Л., 1930. С. 76–77.
- ⁵ *Попов С.А.* Тайны пятимаров. Челябинск, 1982. С. 210.
- ⁶ Южный Урал, 1983. С. 13.
- ⁷ *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 106.
- ⁸ См.: *Федорова А.В.* Развитие этнокультуры чувашской диаспоры на Южном Урале // Чуваша Оренбургжя. Оренбург, 1998. С. 13.
- ⁹ *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 126–127.
- ¹⁰ См.: *Федорова А.В.* Указ. соч. С. 14.
- ¹¹ Там же. С. 13.
- ¹² См.: Там же.
- ¹³ *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1957. С. 158.
- ¹⁴ *Его же.* Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1993. С. 74.
- ¹⁵ *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 246.
- ¹⁶ *Тарасов Ю.М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века. М., 1984. С. 54.
- ¹⁷ *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века. С. 157.
- ¹⁸ *Федорова А.В.* Указ. соч. С. 13.
- ¹⁹ *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1919. С. 34.
- ²⁰ См.: *Федорова А.В.* Указ. соч. С. 14.
- ²¹ См.: *Иванов В.П.* Указ. соч. С. 150.
- ²² *Ягафова Е.А.* Самарские чуваша. Самара, 1998. С. 97.
- ²³ *Федорова А.В.* Указ. соч. С. 15.
- ²⁴ См.: Чуваша Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989.
- ²⁵ *Николаев В., Иванов-Орков Г., Иванов В.* Чувашский костюм от древности до современности. М., Чебоксары, Оренбург, 2002. С. 193–217.
- ²⁶ См.: Чуваша Приуралья.
- ²⁷ *Иванов В.П.* Чувашская диаспора. Этногеографический справочник. Чебоксары, 1999. С. 157.
- ²⁸ Там же. С. 158; По данным текущего архива Оренбургского областного управления статистики.
- ²⁹ Там же. С. 158–159; По данным текущего архива Оренбургского областного управления статистики.
- ³⁰ Там же. С. 160–161; По данным текущего архива Оренбургского областного управления статистики.
- ³¹ См.: Чуваша Приуралья.

V.P. Ivanov, U.T. Mihailov. The Chuvash population in Orenburg territory: forming of the ethnoterritory group, ethnoculture, the dynamics of population.

The first chuvash migrants appeared in Orenburg territory even at the end of XVI- at the beginning of XVIII century. Chuvash ethnoculture of Orenburg territory does not differ markedly from the traditions of life, economy and language of Chuvashes settled in the western and south-western districts of Bashkiria. The settlements mostly have nation-mixed disposition. In the second part of XX century in Orenburg territory Chuvashes, living dispersedly and in multi-nation sphere, were exposed to intensive Russian assimilation. Since 1970 the dynamics of Chuvash population in Orenburg country have stable negative balance.

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3
© С.И. Федорова

ГЕТЕРОФОНΙΑ В ЧУВАШСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНЕ

Если просмотреть сборники чувашских народных песен 20-х, 30-х, 60-х и даже 70-х годов двадцатого столетия (имеем в виду венгерское издания¹), то в них едва ли найдется несколько десятков случайных примеров многоголосия. Проблема существования многоголосия в чувашской народной песне долгое время вообще не обсуждалась. Согласно установкам европейской музыкальной теории, чувашская песня считалась одноголосной. Отчасти по этой причине собиратели песенного фольклора не задумывались над проблемой фиксации многоголосия. Записывалось, как правило, сольное пение. К тому же несовершенство технических средств того времени не позволяло точно зафиксировать голосоведение в ансамблевом народном пении.

Невольно игнорировался неоспоримый факт существования и преобладания у чувашей традиции коллективного исполнения, вообще характерной для общинно-родовых культур и неизбежно порождавшей гетерофонный результат. Можно сказать, что гетерофония – основа этнического стилевого звукоидеала чувашей, детерминанта структурирования музыкальной вертикали. В сборнике «Песни низовых чувашей»², впервые составленном по магнитофонным расшифровкам ансамблевого аутентичного исполнения песен разных жанров, наряду с одноголосными примерами есть и многоголосные. Однако старый способ записи в один микрофон не позволил зафиксировать многоголосие во всей его полноте.

Гетерофония характерна для многих культур. Это коренное свойство музыкального мышления, имеющее надэтнический характер. Изучение гетерофонии стало особенно актуальным в последние двадцать лет, благодаря появлению метода многомикрофонной записи, инициированного профессорами Московской консерватории А.В. Рудневой и В.М. Щуровым. Новая

Светлана Ильинична Федорова – преподаватель лицей-интерната им. Г.С. Лебедева.

методика состояла в том, что во время звукозаписи каждому участнику ансамбля ставился отдельный микрофон. Все расшифрованные вокальные партии затем сводились в партитуру. Благодаря такой методике удавалось выявить мельчайшие детали движения голосов в народном многоголосии. Этот весьма трудоемкий способ дал исследователям информационно богатый аутентичный материал. Появились нотные издания народных песен в многомикрофонной записи³. Благодаря современным данным подвергся существенной корректировке традиционный взгляд на гетерофонию как на примитивное хаотичное многоголосие. Новый способ прояснил фактуру напевов, ритмоинтонационные отношения голосов, типы вертикальных созвучий, образующиеся в потоке движения мелодических линий. Наблюдения над гетерофонией разных народов уже описаны Ж.В. Пяртлас, Н.Ю. Альмеевой, Н.И. Бояркиным⁴.

Цель данной работы – описание гетерофонии на чувашском материале. В нашем распоряжении имелись партитуры чувашских народных песен, записанных многоканальным способом во время экспедиции 1993 г. (руководитель – И.А. Сакмаров) в д. Трехизб-Шемурша (здесь существовал ансамбль, исполняющий традиционный фольклор) студентами фольклорного отделения Чебоксарского музыкального училища им. Ф.П. Павлова. Все участники народного ансамбля – лица преклонного возраста. Из пятнадцати записанных песен четырнадцать – гетерофоничны, одна – плач невесты с песней подружек – яркий образец контрастной полифонии. В настоящей статье мы предлагаем анализ четырех песен, с нашей точки зрения наиболее показательных и оригинальных в фактурно-гармоническом аспекте. Это два хороводных напева (*вэйй юрри*) и две гостевые-застольные песни (*ёскё хайна юрри*). Так ли примитивна, стихийна, неорганизована гетерофония в чувашской песне, как это кажется на первый поверхностный взгляд? Мы поставили задачу выявить в анализируемом материале фактурные и гармонические закономерности, соотношение случайного, спонтанного и закономерного, стабильного в гетерофонии.

Прежде определим понятийный аппарат, на котором основана аналитическая часть работы:

интонационное поле (И.И. Земцовский) – «предел, в котором интонация, видоизменяясь, остается сама собой»⁵;

гармоническое поле (Н.Ю. Альмеева)⁶ – вертикальный срез многоголосно произносимого слога, часть интонационного поля гетерофонной песни, попадающего на одну слогоноту (термин А.В. Рудневой), то есть длительность, равную протяжению слога текста;

finalis – финальный тон, заключительная опора, *repercussa* – господствующий тон, вторая опора. Эти понятия из теории средневековой монодии оказались удобными и здесь ввиду типологической близости принципов ладоинтонационной организации западноевропейской и народной монодии.

Обратимся к анализу песенных партитур.

На сопоставлении строк А и В строится и динамика взаимодействия гармонических полей. Строка А – более напряженная, резко диссонантная. Сжатые до полутонов кластеры (своего рода утолщенные звуки) порождают сонорные эффекты. В строке В больше купания в «тонической» краске, отсутствует измененная терция. Это в каком-то смысле «разрешение», прояснение. Такое движение от «сонорики» строки А к относительно ясной строке В мы наблюдаем во всех куплетах.

«*Сирёк хунпи силе май*» (вэйя юрри) – двухстрочный напев⁸ (А В). Звукоряд *as–b–des–es*, амбитус напева – квинта *as–es*, *finalis – as*, *percussa – des*. Это столь же архаичный напев, варианты его также встречаются во множестве у низовых чувашей (например, № 196 ПНЧ).

В целом мелодия обнаруживает симметрию, концентричность: восходящему движению в строке А (от *as* к *des*) отвечает нисходящее в строке В (от *des* к *as*). Если напев исполнить в ракоходном движении, то получится очень близкий вариант.

Звуки тетрахорда образуют единое гармоническое поле, в многоголосии присутствуют все возможные его комбинации. Редко фиксируемый, но, видимо, обычный при большом количестве участников *асля уяв* (большой праздник) случай в певческой практике – деление вертикали на три регистра: напев исполняется в трех октавах, что придает тембру одновременно и пронзительность, и насыщенность, глубину.

Пример 2а. «*Атъл урля казма хуня иккен*» (ёскё юрри). Сводка голосов. Вторая строфа

2/4 = 120

2. Пы - рэчрэм - рэчэ нёрт - нё нёс - кенн з - тварса-сыйна - сь - рен

нэ - нэ нёс - кенн тэ - ба - нэн - осм

тэ - ба - нэн - осм сьр - сьр нэ - нэ - нэ - осм

Пульсация фактуры подчинена закономерности – протяженным слогам, как правило, соответствуют унисоны, иногда терции, на коротких слогах ткань (за исключением, разумеется, одногласного зачина) «разбухает». Вообще, напев отличается минимумом распевов, гармонические поля в нем ритмически не дробимые, «аккордовые» и оттого очень плотные и массивные. Две строки в строфе соответствуют двум волнам изменения гармонической плотности, и вторая из них – более яркая и напряженная (подобное наблюдаем во всех строфах напева).

Как и в предыдущем примере, между срединным и заключительным кадансом устанавливается функциональная взаимосвязь: скользящей промежуточной опоры (*des-b*) отвечает унисонный *finalis as*.

Пример 2б. Мелодико-текстовый ритм

Пример 2в. Гармонические поля высшего порядка

«Атӓл урӓлӓ каҫма хунӓ иккен» (*ёҫкӓ юрри*) – трехстрочный напев (A B /+v/ B₁). Звукоряд пентатонный – *g-b-d-f*, амбитус – децима *g-b*, *finalis* – *g*, *pergucussa* – *d*. Песня отличается, с одной стороны, ветвистостью, распевностью, а с другой – большей прозрачностью по сравнению с двумя предыдущими примерами. Причина кроется в различии жанров. Хороводные (*вӓйӓ юрри*) исполняются на открытом воздухе, большим количеством голосов, экспрессивным звуком, гостевые-застольные (*ёҫкӓ хӓна*) – в помещении и совсем другим, более мягким, приглушенным звуком. Отсюда и другое качество вертикали. Гармонические поля в песне большей частью рассредоточенные. Мягкостью отличается строка A – в ней преобладают терции, есть рассредоточенные секунды, начало слогоноты – чаще с унисона. Возникает ощущение живого дыхания песни: она постоянно пульсирует – моменты сужения звукового поля до унисона в начале слогоноты сменяются раскрытием фактурного спектра. Промежуточная опора (*d-f*) – также рассредоточенная.

Строки B и B₁ дают расширение диапазона вниз почти в два раза и вместе с этим «разбухание» ткани, появление функционально и колористически неустойчивых созвучий, место которых не меняется из строфы в строфу.

«Сикрёмех те лартём» (*хяна юрри*) – трехстрочный напев (А В В₁). Звукоряд – *es–ges–as–b–des*. Амбитус напева – октава *es–es*, *finalis – es*, *gergussa – b*. Фактурно напев близок предыдущему примеру. Его также отличает единое гармоническое поле, расщепление ткани происходит на более протянутых слогонотах, такие созвучия звучат не резко благодаря расщеплению составляющих его звуков. Как и в предыдущем примере обращают на себя внимание фактурно-гармонические закономерности в кадансовых зонах. Это, во-первых, взаимосвязь кадансовых тонов на расстоянии (*b* и *es*), а, во-вторых, повторяемость во всех куплетах оборота в кадансовой зоне А, подобно соотношению неустоя и устоя.

* * *

Анализ партитур позволил выделить в данном материале следующие характерные особенности гетерофонии:

1. Все голоса движутся по одному интонационному полю. Каждый исполнитель в силу своей одаренности передает свое слышание напева. Сочетание вариантов с упругими перекрещиваниями создает неповторимую окраску звучания.

2. Регулярная повторяемость некоторых вертикальных комплексов, оборотов, особенно в кадансовых зонах доказывает их неслучайность. Вряд ли они проходят мимо сознания поющих. Сознательные отклонения от унисона, которые систематически вводят некоторые участники, не остаются незамеченными другими участниками ансамбля и не вызывают протеста. Видимо, чувашские певцы давно уже приобрели вкус к неунисонным звучаниям. Координация голосов вертикали в гетерофонии отнюдь не исключается, как принято считать некоторыми теоретиками. Например, Ж.В. Краснова (Пяртлас) пишет: «Если же говорить о представлениях, формирующих гетерофонную музыку, то здесь существует лишь осознание монодии (своего монодического варианта), но не многоголосия, ибо осознание многоголосия означает координацию голосов, что *исключается* (курсив мой. – Ф.С.) в гетерофонии»⁹. Практика порой доказывает обратное. Конечно, это происходит не везде, а на определенных участках, как правило, в кадансовых зонах, зонах стабильности. Здесь можно говорить о проявлении своеобразной функциональности гармонических полей.

3. Тип гетерофонной фактуры связан с жанром. Прозрачная, «кружевная», фигуративная фактура присуща гостевым, застольным песням: варианты соотносимые линии словно обвивают некую главную мелодию (своего рода инвариант), которая хорошо прослушивается. В хороводных же напевах – ткань плотная, массивная (даже несмотря на то, что исполнение напевов было оторвано от естественных условий). Э.Е. Алексеев в своей статье «Есть ли у якутов многоголосие» пишет: «Можно сказать, что круговой танец многих народов – это постоянно действующая лаборатория национального многоголосия»¹⁰. Песни неодногоголосны практически от начала до конца, и очертания напевов порой лишь приблизительно угадываются в совокупности линий.

4. Как бы активно ни расщеплялась музыкальная ткань, ее вертикальную структуру организуют начальный и заключительный унисоны. Природа гетерофонии – безусловно линейная. Н.Ю. Альмеева в работе, посвященной гетерофонии в песнях татар-кряшен, назвала такую фактуру линейно-кластерной, так как она имеет а) линейную природу и б) вертикальные поля-кластеры, на которые ткань расщепляется. То же верно и по отношению к предмету нашего исследования.

5. Фактура расщепляется на два, реже на три регистра. Из числа участников выделяется наиболее инициативный – запевала, вступающий, как правило, в среднем регистре. В нашем случае трудно говорить о дифференциации функций голосов, все они равноправны.

6. Словесный текст всеми участниками произносится синхронно. Движение голосов в песне организовано ритмическим единством высшего порядка. Отдельно взятая партия организуется ритмикой более низкого порядка. Ритмические отклонения голосов относительно друг друга происходят только на микроуровне – внутри слогоноты.

Итак, можно утверждать, что в хаотичной на первый взгляд гетерофонной ткани чувашских народных песен существуют определенные фактурно-гармонические закономерности. Голоса, свободно текущие по единому интонационному руслу, в наиболее важных моментах формы – кадансовых зонах – сплетаются в «узелки», повторяющиеся из строфы в строфу. В заключении, как правило, унисоны, а в серединных каденциях встречаются и терции. Это зоны стабильности. В них не исключены и повторяющиеся гармонические обороты – проявления своеобразной функциональности гармонических полей. Наши наблюдения перекликаются с заключениями Н.Ю. Альмеевой по поводу гетерофонии в песнях родственных чувашам татар-кряшен. «Кажущаяся хаотичной на фоне строго организованного многоголосия других этнических традиций <...> гетерофония все же предстает здесь как живая и самодостаточная музыкальная материя, стремящаяся к кристаллизации»¹¹.

В современной теории значение термина «гетерофония» не устоялось. Оно полисеманлично и неопределенно, что вполне объяснимо ввиду отнесения к гетерофонии в широком значении этого слова самых разнообразных явлений – и крестьянской песни, и зачаточных проявлений церковного многоголосия, и некоторых сложнейших форм современного композиторского творчества. В узком же смысле к гетерофонии относят лишь народное многоголосие. «Гетерофония – вид многоголосной фактуры, случайно (и необходимо) возникающий при коллективном исполнении музыки монодического склада в условиях бесписьменной традиции вследствие синкретической установки исполнителей»¹². В нашей работе мы имеем дело с гетерофонией в узком и строгом смысле этого понятия. Ввиду отсутствия в гетерофонии рациональной организации, в большинстве учебных классификаций она или не фигурирует вообще, или представлена в качестве не вполне самостоятельного подвида. Например, в систематике Т.С. Бершадской¹³ гетерофонии

отведена роль промежуточного подвида, родственного монодии. Ж. В. Краснова, продолжая идею Бершадской о разграничении понятий склада и фактуры, вносит свои коррективы в определение, предлагая вполне логичное убедительное объяснение гетерофонной фактуры как одной из форм воплощения монодического склада. Однако взгляд на гетерофонию как на нечто несамостоятельное, переходное представляется устаревшим. Следуя логике линейной трактовки истории, гетерофония должна была переродиться в полифонию и гомофонию, но сейчас вряд ли есть основание утверждать это. Не случайно в музыковедении последнего десятилетия наметилась тенденция переосмыслить значение гетерофонии. Уравнивает гетерофонию в правах с другими фактурными видами (одноголосием и многоголосием) Е.Б. Трёмбовельский. Исследователю гетерофония представляется своего рода «рефреном» в процессе эволюции музыкальной ткани (гетерофония архаичная – монодия – гетерофония средневековая – многоголосие – гетерофония современная). По его мнению, в этой схеме роль гетерофонии выявляется в полной мере, «особенно если учесть (...) существование ее фольклорных форм на всех этапах музыкальной эволюции»¹⁴. Как «живая и самодостаточная музыкальная материя, стремящаяся к кристаллизации», представляется гетерофония этномузыковеду Н.Ю. Альмеевой, исследовавшей данный феномен в традиционном пении татар-кряшен¹⁵. Этим подтверждаются наши выводы о самостоятельности, самодостаточности гетерофонной фактуры, развивающейся внутри себя, обладающей богатыми выразительными возможностями. Мы должны выразить огромную благодарность И.А. Сакмарову и коллективу фольклорного отделения Чебоксарского музыкального училища, зафиксировавшему природное некультивируемое пение (увы! осколки уходящей традиции) одного из немногих сохранившихся на тот момент народных ансамблей и предоставившему нам столь ценные записи и расшифровки. Они однозначно отвечают на вопрос о существовании издревле своеобразных форм многоголосия у чувашей.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

¹ *Vikar L., Bereczki G. Chuvash folksongs. Budapest, 1979.*

² Песни низовых чувашей / Сост. М.Г. Кондратьев. Кн. 1, 2. Чебоксары, 1981, 1982.

³ Пямятники мордовского народного музыкального искусства / Сост. Н.И. Бояркин. Саранск, 1981. Т. 1–3. *Руднева А.В., Щуров В.М., Пушкина С.И.* Русские народные песни в многомикрофонной записи. М., 1979.

⁴ *Альмеева Н.Ю.* Гетерофонная фактура (Опыт анализа архаического многоголосного пения татар кряшен) // Судьбы традиционной культуры: Сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1992. С. 195–219. *Бояркин Н. И.* Феномен традиционного инструментального многоголосия (на материале мордовской музыки): Автореферат дисс. <...> доктора искусствоведения. СПб., 1995. *Партлас Ж.В.* Гетерофонное многоголосие русской народной песни: Определение феномена, закономерности образования и строения (на материале традиции русско-белорусского пограничья): Дисс. <...> канд. искусствоведения. СПб., 1992.

⁵ *Земцовский И.И.* Мелодика календарных песен. Л., 1975. С. 43.

⁶ *Альмеева Н.Ю.* Указ. соч. С. 202.

⁷ Кондратьев М.Г. относит подобные образцы к типу 1а. См.: *Кондратьев М. Г.* Музы-

кальный фольклор молькеевских кряшен в свете чувашских параллелей // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. Вып. III. С. 29–69.

⁸ Тип II. 1. Указ. соч.

⁹ *Краснова Ж.В.* Гетерофония: Попытка определения сущностных свойств явления // Бюллетень службы научной информации. В. 3. Л., 1991. С. 5–22.

¹⁰ *Алексеев Э.Е.* Есть ли у якутов многоголосие // Советская музыка, 1967. № 5. С. 101.

¹¹ *Альмеева Н.Ю.* Указ. соч. С. 207.

¹² *Краснова Ж.В.* Указ. соч. С. 14.

¹³ *Бершадская Т.С.* Лекции по гармонии. Л., 1985. С. 25.

¹⁴ *Трембовельский Е.Б.* Гетерофония: Типология фактур – эволюция ткани // Музыкальная Академия, 2001. № 4. С. 174.

¹⁵ *Альмеева Н.Ю.* Указ. соч. С. 207.

S.I. Fedorova. Heterophony in Chuvash folk song.

Heterophony is one of the ancient kinds of musical style, intermediate between monophony and polyphony. At this work the attempt to describe heterophony in Chuvash material was made, which became possible thanks to the unique records, done by multi-channel way, in Chuvash collection of folk. The aim of this research – to display stylistic and harmonic regularities, correlation between chance, spontaneous and regular, stable in heterophony. The traditional opinion about heterophony as primitive chaotic polyphony in Chuvash song was exposed to considerable correction.

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3
© К. Адягаши

МЕСТО А. АЛЬКВИСТА В ИСТОРИИ
ИЗУЧЕНИЯ ЧУВАШСКОГО
ЯЗЫКА

Согласно до сих пор принятой в чувашеведении трактовке в истории чувашского языка можно различать четыре этапа¹.

Первый этап, который длился с начала XVIII в., с появления первых сообщений о чувашском языке и образцов разного объема латиницей и кириллицей² на нем, и закончился изданием в Казани в 1836 г. «Начертания правил чувашского языка и словаря...» В.П. Вишневого. Он может быть определен как этап ознакомления с чувашским языком. На данной стадии главной задачей науки было ответить на вопрос: чувашский язык по своему происхождению относится к тюркской или финно-угорской семье языков.

Второй этап открывается вышедшей в 1841 г. в Берлине краткой монографией В. Шотта «De lingua Tschuwaschorum» и завершается изданным в 1908 г. в Будапеште «Чувашским словарем»³ Х. Паасонена. Данный этап, помимо накопления чувашского языкового и диалектологического материала, характеризуется началом описательных и сравнительно-исторических исследований в области чувашского языка. Антал Регули, одна из выдающихся личностей эпохи, в 1843 и 1845 гг. собирал материалы среди чувашей, однако он свои материалы не успел опубликовать⁴. В 1875 г. в Казани вышел в свет труд Н.И. Золотницкого «Корневой чувашско-русский словарь», который мы вправе считать зачином первого чувашского этимологического словаря местного издания. Один из самых значительных исследователей эпохи Н.И. Ашмарин создал имеющие до настоящего времени решающее значение труды как в области современного описательного («Материалы для исследования чувашского языка. I–II. Казань, 1898; «Опыт исследования

К л а р а А д я г а ш и – доктор Венгерской академии наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы Филологического факультета Дебреценского университета (Венгрия).

чувашиского синтаксиса». I. Казань, 1903), так и в области исторического языкознания («Болгары и чувашы», 1902). Также результаты данного этапа обогатили исследования посетивших чувашей венгерских исследователей (Берната Мункачи, Йожефа Папай, Дюлы Мессароша и Дюлы Немета)⁵.

Третий этап отделяет от предыдущих стадий появление чувашской письменности и чувашского литературного языка. Чувашская письменность была создана в 1871 г. И.Я. Яковлевым, но ее распространению потребовалось время. (На территории Чувашской автономной области и на территории всех ее более поздних правопреемниц разработанный Яковлевым алфавит после некоторой корректировки стал официальным алфавитом чувашского языка.) Главная черта данного этапа истории исследований заключается в том, что научные изыскания временно были отодвинуты на задний план практическими заданиями, нацеленными на борьбу с безграмотностью⁶ (составление школьных учебников и словарей, организация обучения языку, создание свода правил правописания), выполняя которые, значительных результатов достигла новая, явившаяся молодой, но способной включиться в научные исследования чувашская интеллигенция. Важнейшей научной задачей данного этапа была подготовка к изданию большого «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина⁷. Сравнительно-исторические исследования на данном этапе проводились в Москве и Ленинграде, а также и за границей⁸, в связи с тем, что, начиная с 20 годов XX в., марризм чрезвычайно неблагоприятно влиял на культивирование данной области науки. Третий этап завершился в конце Второй мировой войны.

На четвертом этапе – с 1945 г. до наших дней – в Чувашской автономной республике возобновились условия исследования чувашского языка, с другой стороны, за границей, в первую очередь в Венгрии, продолжались начатые сравнительно-исторические изыскания. В Чувашском научно-исследовательском институте чувашский язык организованно исследовался с помощью языковых экспедиций и последующей за ними обработкой материала в самых разных аспектах, подробное изложение которых излишне из-за наличия основательной, охватывающей все области чувашского языкознания сводной библиографии, изданной в 2004 г. Е.И. Батченко⁹. Эта работа содержит и избранный список трудов по чувашской тематике, вышедших за рубежом.

* * *

Август Альквист собирал свой чувашский материал в 1856 и 1857 гг. Определяющая концепция его чувашского материала, оставшегося в виде рукописи, строилась на знании первого этапа чувашских исследований в истории науки. Готовый материал – продукт второго этапа. Однако значимость его можно оценить в свете результатов лексикологических, диалектологических, этимологических, а также и описательных изысканий и работ по функциональной грамматике второго и третьего этапа чувашских исследований.

Самые ранние письменные памятники чувашского языка относятся к первой половине XVIII в.¹⁰ Несмотря на то, что подробный исторический анализ всех памятников чувашского языка до сих пор не был проведен, самая ранняя их группа (чувашский словник¹¹, возможно, относящийся ко 2 камчатской экспедиции), а позже анализ языковых образцов¹² «Первой чувашской грамматики» 1769 г.¹³ доказали, что все известные памятники отражают состояние и фонемный состав¹⁴ современного чувашского языка¹⁵. Главным критерием их принадлежности к современному этапу чувашского языка является то, что образцы языка без исключения отражают, с одной стороны, завершение начавшихся еще в ранней среднебулгарской эпохе тенденций редукации и закрытости системы волжско-булгарских гласных звуков¹⁶, а также отражают позиционные варианты (*fortis/lenis*) произношения, фонем, совпадающих с фонемами современной системы согласных звуков и палатализацию этих же вариантов в окружении переднерядных гласных. Однако исследователи, подвергшие анализу язык памятников, выводы сделали относительно состояния исторических источников языка XVIII в. не с помощью использования сравнительно-исторического метода болгаро-тюркской исторической фонетики¹⁷, а сравнив графическую форму каждого зафиксированного слова с его современным диалектным – *анатри* или *вирьял* – произношением. Нужно отметить, что, согласно общепринятому мнению, фонемная система гласных звуков верхового диалекта сохранила результаты первой фазы процессов редукации¹⁸ и становления закрытости, происходившие в среднечувашскую эпоху и в эпоху современного чувашского языка:

Др.-чув.	Средн.-чув.	Совр. чув./вирьял
$o > u$	$u > \ddot{u} > \text{□}$	□
$ц > ь$	$ь > \text{□} > \text{□}$	□

Низовой диалект с делабиализацией редуцированных дальше развил это изменение:

Др.-чув.	Средн.-чув.	Совр. чув./анатри
$o > u$	$u > \ddot{u} > \text{□} > \check{a}$	$> \check{a}$
$ц > ь$	$ь > \text{□} > \text{□} > \check{c}$	$> \check{c}$

В результате этого в его составе звуков к концу среднечувашской эпохи произошла значительная потеря фонем.

Др.-чув.	Ранне-ср.чув.	Поздне-ср. чув.	
		Virjal	Anatri
$o > u$	$u > \ddot{u}$	$\ddot{u} > \text{□}$	$\ddot{u} > \check{a}$
u	$u > \ddot{u}$	$\ddot{u} > \text{□}$	$\ddot{u} > \check{a}$
n	$n > \text{□}$	$\text{□} > \check{a}$	$\text{□} > \check{a}$

$\begin{matrix} \text{||} > \text{||} \\ \text{||} \end{matrix}$
i

$\begin{matrix} \text{||} > \text{||} \\ \text{||} > \text{||} \end{matrix}$
i > ĭ

$\begin{matrix} \text{||} > \text{||} \\ \text{||} > \text{||} \end{matrix}$
ĩ > ě

$\begin{matrix} \text{||} > \text{č} \\ \text{||} > \text{č} \end{matrix}$
ĩ > ě

Приведенная потеря фонем отражается во всех письменных памятниках, возникших после 1730 г., и означает, что формирование системы вокализма низового (*анатри*) типа тоже завершилось до конца среднечувашской эпохи.

А. Альквист, как один из последних представителей так называемой «дофонемной» эпохи, тоже записывал чувашские слова фонетически. Ниже следующая таблица содержит его систему знаков в сопоставлении с системой Паасонена, современной стандартной системой кириллицы и латинским фонематическим письмом.

Альквист	Паасонен	Современная кириллица	Латинская транскрипция	
			анатри	(вирьял)
а	а	а	а	
ä e e	е	е э	е	
о	о	о	—	о
у	у u	у	u	
ü	ü	ү	ü	ö
yie	i	ы	ı	
iy	i	и	i	
yiauo	ö e	ä	ä	ö
iyeeo	ä ö	ö	ä	ö
w	v	в	v	
kg	k g	к	k	
l	l	л	l	
l'	l'	ль	l'	
m	m	м	m	
n	n	н	n	
n'	n'	нь	n'	
p b	p b	п	p	
r	r f	р	r	
s z	s z	с	s	
š z	š ž	ç	š	
t d	t d	т	t	
t'	t' d'	ть	t'	
č' c	č' dž	ч	č	
h g g	x	х	x	
č' g	š ž	ш	š	
j i	j	й	y	

Русско-чувашский словник помимо русских заглавных слов фиксирует чувашские произносительные варианты. Зафиксированное на первом месте чувашское слово передает верховое произношение, а второй вариант, если он имеется, низовое соответствие слова.

Фонетическая фиксация слова у Альквиста сопутствует последовательному обозначению ударения. Место ударения в словниках Альквиста в словах, содержащих редуцированные гласные, не совпадает с правилами ударения в современном чувашском языке. Общая причина этого в том, что во время их фиксации происходили процессы изменения системы ударения. С другой стороны, во многих случаях Альквист знак ударения использовал не для обозначения ударности : безударности гласных звуков, а чтобы передать разницу между полным и редуцированным образованием звуков. Бесспорная ценность словников Альквиста в том, что он, если даже не с помощью знаков современной фонематической системы, но последовательно отмечает характерные для верхового диалекта лабиальные редуцированные звуки по всему своему многочисленному лексическому материалу. В таком количестве только в словаре Паасонена встречаются слова, содержащие лабиальные редуцированные звуки, однако собранный ими материал совпадает только частично. Ашмарин в своем словаре тоже считал очень важным обозначение фонетических расхождений¹⁹ отдельных диалектов. В начале XX в. для сбора материала словаря он вовлек всю чувашскую интеллигенцию, и к 1928 г. появился первый том семнадцатитомной серии. Изданием словаря сам руководил до самой смерти, 1933 г., и, соответственно, в первых шести томах, вышедших под его руководством, рядом с каждым заглавным словом для фиксации фонетических и фонологических расхождений, а в первую очередь для фиксации различий лабиальных и нелабиальных редуцированных гласных стоит точная фонетическая транскрипция. В остальных томах от 7 до 11 транскрипция появляется эпизодически, тогда как начиная с 12 тома, вышедшего в 1937 г., она уже полностью отсутствует. Словарь Ашмарина является последней всеобъемлющей лексикографической работой, в которой систематическое обозначение лабиальных редуцированных звуков хоть и частично, но осуществилось. После Второй мировой войны на чувашской земле радио вещало и в деревнях. Чувашские радиопередачи осуществлялись на чувашском литературном языке (общеизвестно, что он зародился на основе низового диалекта), и литературный язык оказал настолько сильное влияние на верховой диалект, что в нем употребление лабиальных редуцированных очень быстро было вытеснено. Сергеев в своем диалектологическом словаре 1967 г. не предпринимает уже попытки последовательного обозначения верховых лабиальных редуцированных звуков²⁰. Как раз из-за этого становится незаменимым словарь Альквиста для исследований по историческому словообразованию, которые проводятся в наши дни в тюркологии с большой интенсивностью. Отмеченные и в аффиксах лабиальные редуцированные звуки помогают в этимологической дифференциации их многочисленных омонимичных морфем (этимологический анализ слов см. в III

томе). В результате в будущем может оказаться более точной реконструкция аффиксальной системы пратюркского языка.

Другая общая особенность памятников чувашского языка в том, что записывающие не ставили себе в цель собрание лексики или грамматики именно чувашского языка, а работали по общему образцу, отразившему характерные особенности важнейшей лексики и грамматики, употребляемых в России нерусских языков. Этим образцом являлась анкета, составленная для опроса всех языков, выявленных 2-ой камчатской экспедицией, которая включила в себя 300 самых важных выражений повседневного общения. Как на то указал В.Г. Егоров²¹, образцом первых описательных грамматик (чувашской, марийской, удмуртской), по всей видимости, служили грамматика русского языка 1755 г. Ломоносова²² и ее восходившие к классическим языкам предшественники.

В 1856 г. Август Альквист сознательно готовился к своей чувашской экспедиции. Его целью было на основе языковых фактов – из первых рук – доказать истинное происхождение чувашского языка. Основой его знания чувашской лексики служили переводы Евангелий, а сведения в области грамматики он черпал из первой грамматики 1769 г. и работы Вишневского²³. Относительно двух последних работ его мнение было удручающее, что можно объяснить с помощью следующих аргументов.

1) Обе грамматики были составлены для практического обучения языку. Таким образом, сведения по грамматике исчерпаны изложением формообразования, и то в чрезвычайно упрощенном виде. Те категории чувашского языка, которые в русском языке не встречаются, не затронуты и в грамматиках, как, например, при склонении существительных их лично-притяжательные парадигмы (с особым вниманием на часто встречающиеся послеложные конструкции для выражения места)²⁴. Словообразование и объяснение грамматических функций в обеих работах отсутствуют. Авторы грамматик не заметили, что чувашский язык по своей грамматической структуре входит в число агглютинативных языков²⁵ и поэтому невозможно его описать безо всякого объяснения с помощью таких грамматических терминов, которые характерны для флективных (русского и классических) языков. По этой причине для Альквиста, образованного финно-угроведа, эти две грамматики не могли послужить основой доказательства родства чувашского языка.

2) Приложенные к грамматикам словники (в случае Первой грамматики – отдельно по частям речи, в работе Вишневского – в качестве словаря в конце грамматики) охватывают важнейшую лексику повседневного языкового общения. Ни у одной из них не обнаруживаем стремления системно приводить лексические группы чувашского языка по происхождению. Из-за этого их использование для доказательства языкового родства могло казаться довольно сомнительным.

Впрочем, что касается доказательства происхождения чувашского языка, уже в 1841 г. в распоряжении образованного научного мира была

самостоятельная книга В. Шотта (в объеме 31 страницы) – «De lingua Tschuwaschogum». Шотт, опираясь на краткие чувашские лексические материалы, собранные Г.Ф. Мюллерем и А. Фукс, а также и на грамматику Вишневого, которой пользовался Альквист, установил тюркское происхождение чувашского языка. В его исследовании после краткого общего введения (С. 3–7) в первой части (С. 7–15) перечисляются фонетические изменения чувашского языка по сравнению с фонетическими изменениями турецкого языка (й-протеза перед нелабиальными гласными, в-протеза перед лабиальными гласными, исчезновение заднерядных *g* и *q* в ауслауте, а также спирализация интервокального *g*). Далее изменение $\eta > n, m$ демонстрируется при сравнении с татарским и киргизским языками. Наглядно показывает на десяти примерах, что турецкому *y*- в чувашском соответствует *ь* (в его транскрипции *sj*), турецкому *z* в чувашском всегда соответствует *r*, а *ь* – всегда *l*. Фонетическое сравнение он завершает, продемонстрировав изменение $ti > ui$. Во второй тематической части (С. 15–31) он трактует семантику и образование множественного числа, затем по отдельным частям речи – самые важные явления чувашской описательной морфологии: падежные окончания именной парадигмы и управляемые ими послелого, склонение личных и притяжательных местоимений, лично-притяжательное склонение имен в сравнении с турецким языком, глагольное спряжение в разных наклонениях и причастных формах в сравнении с турецким, уйгурским, редко с ногайским языками. Шотт в своей краткой работе не исследовал основной словарный фонд для доказательства языкового родства.

В оставленных Альквистом записях, а также и в исследованиях, посвященных его деятельности, нет и следа того, что он был знаком с работой Шотта при подготовке к своей чувашской экспедиции. Но если даже он и был знаком с ней, то по праву у него могло быть чувство недовольства из-за того, что Шотт при доказательстве языкового родства не рассматривал отдельно словарный состав.

Эти обстоятельства могут быть причиной тому, что Альквист на свою чувашскую экспедицию поехал с заранее приготовленным списком слов. То, что русско-чувашский словник, помещенный на странице 65 «Чувашики», еще до начала экспедиции был в его распоряжении, доказывают два факта. С одной стороны, в списке русских слов по какой-то причине осталось незаполненным место нескольких чувашских соответствий русских слов, к примеру, р. бусь (С. 7), р. взятка (С. 8), р. возь (С. 9), р. воритко, вредь, вредный, вредить (С. 10), р. голень (С. 14), р. лущина (С. 16) и многое другое. С другой стороны, нередко появляются у одного и того же чувашского слова его русские соответствия-синонимы. К примеру, в старину *i'lik* (С. 11), давно *nlik* (С. 29); бояться *horb's* (С. 5), испугаться *horb's* (С. 22), березовик *kumbb* (С. 4), гриб *kumba* (С. 30) и т.д.

В словнике, составленном по русскому алфавиту, четко разделяются самые характерные лексико-тематические группы основного словарного фонда:

1) Тело человека и названия частей тела: тело, голова, лоб, лицо, глаза, веки, рот, зубы, язык, горло, уши, мозг, висок, рука, локоть, плечо, спина, талия, нога, бедро, сердце, легкие, живот, пупок, почки, печень, кожа, слюна, пот, моча, сопли, гной;

2) Термины родства: мать, отец, бабушка, дедушка, жена, муж, невеста, жених, сын, дочь, сестра, зять, сноха, внук, правнук, мачеха, сирота;

3) Рельефные и климатические названия: земля, гора, берег, небо, облако, море, озеро, болото, песок, овраг, дождь, град, гром, молния, снег, метель, солнце, свет, туман, луна, звезда, ветер, весна, лето, осень, зима, рассвет, полдень, полночь. Север, восток, юг, запад;

4) Названия животных: кобыла, лошадь, жеребенок, бык, овца, ягненок, свинья, коза, собака, кошка, кролик, петух, утка, индюк, курица, волк, медведь²⁶, олень, рысь, горностай, ласка, крыса, белка, мышь, заяц, еж, орел, тетерев, журавль, дятел, соловей, галка, грач, перепел, куропатка, синица, сова, сорока, голубь, ласточка, лебедь, воробей, ворона, кукушка, ястреб, лещ, карась, окунь, сом, моллюск, рак, судак, муха, паук, пчела, шмель, червь, сверчок, слепень, таракан, бабочка;

5) Названия растений: пшеница, ячмень, рожь, просо, овес, гречиха, хмель, лен, конопля, картофель, морковь, свекла, тыква, хрен, чечевица, горох, фасоль, капуста, огурец, мак, лук, чеснок, береза, ива, липа, клен, вяз, калина, ель, сосна, можжевельник, дуб, желудь, рябина, ольха, орех, лещина, шиповник, вишня, яблоня, клубника, земляника, брусника, смородина, черемуха, крапива, камыш, мох, гриб, плесень, полынь.

О сознательной выборке говорит тот факт, что в списке слов нет ни следа религиозной терминологии, не встречается даже название Бога, ведь эта часть словарного состава проявляется в языке на другом уровне общественного развития.

Чувашско-шведский словарь из наследия Альквиста содержит лексический материал, увековеченный в его записках под названием «Tschuwashiska sprekröf» двух чувашских сказок («Несчастный волк» и «Гусыня, несущая серебряное яйцо»)»²⁷. Эти сказки передают традиционное употребление слов, принятое в с. Ишаки, на месте пребывания в Чувашии Альквиста²⁸. Так как данное село ввиду своего географического расположения являлось активным участником чувашско-марийских и чувашско-татарских языковых связей, упомянутые дополнительные записи Альквиста отображают ареальные особенности лексики верхового диалекта. С этой точки зрения особую значимость имеют два ставших недавно известными обстоятельства. С одной стороны, Ишаки расположены в непосредственной близости к тому месту, где в средние века проживала названная своим окружением «нижними, или низовыми черемисами» народность, говорившая на неизвестном по происхождению языке²⁹. С другой стороны, сегодня мы уже знаем, что волжско-булгарский язык состоял из трех отделившихся на основе фонетических особенностей диалектов³⁰, географическое расположение которых татарское нашествие нарушило³¹. Из носителей трех диа-

лектов представители предшественника чувашского языка расселились компактно, а носители остальных двух диалектов частично присоединялись к чувашам, частично к другим иноязычным группам (в первую очередь к группам, говорившим на марийском языке). Остатки/фрагменты лексики с тех пор исчезнувших волжско-булгарских диалектов в большей степени обнаруживаются на территории верхового диалекта. Таким образом, многие из них всплывают и в собранном Альквистом чувашском материале.

Л и т е р а т у р а

¹ См.: *Ryna-Tas A. Bevezetős a csuvas nyelv ismeretibe. Takcnyvkiado, Budapest, 1978. 99–114.*

² Найденные до сих пор письменные памятники чувашского языка отражают языковое состояние так называемой новочувашской эпохи, то есть зафиксированный в них языковой материал показывает завершение тенденции становления к закрытости системы гласных звуков. Пересмотр памятников см.: *Ryna-Tas A. An Unpublished Chuvash Worldlist in the Library of the Hungarian Academy of Sciences. In: Jubilee Volume of the Oriental Collection. Budapest, 1979. P. 159–173; Agyagösi C. On the Edition of Chuvash Literary Sources. In: Chuvash Studies (ed. by A. Ryna-Tas). Budapest, 1982. P. 7–17. Критику источников списков чувашских слов XVIII в. см.: *Адягаши К. О шести чувашских глоссариях XVIII века // Советская тюркология, 1985. № 5. С. 73–88.**

³ Репринт 1974. *Studia Uralo-Altica 4. Szeged.*

⁴ Собранные им материалы обработаны и изданы Йожефом Буденцем в 1862 и 1863 гг. См.: *Budenz J. Csuvas kuzlősek őis tanulmanyok I. 1862. NyK 1: 200–268, 353–433; Csuvas kuzlősek őis tanulmanyok II. 1863. NyK 2: 15–68.*

⁵ Деятельность венгерских исследователей чувашского языка и аннотированный библиографический список их важнейших трудов см.: *Дмитриева Ю., Адягаши К. Hungaro-Tschuwashica. Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары, 2001. 240 с.*

⁶ Подробно см.: *Ефимов Л.А. Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья последней трети XIX – начала XX веков. Чебоксары, 2000.*

⁷ *Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Казань–Чебоксары, 1928–1950. Т. 1–17.*

⁸ Подробности см.: *Ryna-Tas A. I.m. 108–110.*

⁹ См.: *Чувашское языкознание (1730–2002): Библиографический указатель в 2-х ч. / Сост. Е.И. Батченко. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. Ч. 1. 192 с.; Ч. 2. 204 с.*

¹⁰ Их обзор см.: *Ryna-Tas A. An Unpublished Chuvash Wordlist in the Library of the Hungarian Academy of Sciences. In: Jubilee Volume of the Oriental Collection. P. 159–173; Agyagösi C. On the Edition of the Chuvash Literary Sources. In: Chuvash Studies (ed. by A. Ryna-Tas). P. 7–17.*

¹¹ О них как об источниках, о зафиксированном ими состоянии языка и их правописании см.: *Сергеев Л.П. О памятниках чувашской письменности XVIII века. Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 46. С. 228–263; он же. О дояковлевском периоде чувашской письменности // 100 лет новой чувашской письменности. Чебоксары, 1972. С. 47–76; Адягаши К. О шести чувашских глоссариях XVIII века.*

¹² Об обстоятельствах появления грамматики см.: *Егоров В.Г. Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. // Тюркологический сборник. М.–Л., 1951. Т. 1. С. 85–92; Шамрай Д.Д. К истории появления первой грамматики чувашского языка. Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. 12. С. 226–230; Дмитриев В.Д. Документы об издании книги «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка». Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1967. Вып. 34. С. 153–162.*

¹³ Историко-диалектологический анализ некоторых языковых образцов Первой грамматики см.: *Егоров В.Г. Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. С. 89–91.*

¹⁴ О составе фонем чувашского языка XVIII века см.: *Hovdhaugen E. The Phonemic System of Early 18th Century Chuvash. In: CAJ 1975. P. 274–286.*

¹⁵ К памятникам чувашского языка XVIII в. относится еще один труд значительного объема, так называемый словарь Дамаскина 1785 г. (См.: *Дамаскин. Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих, имянно Российн, Татар, Чювашей, Мордвы и Черемис. По высочайшему соизволению и повелению Ея Императорскаго Величества премудрей Госыдарыни Екатерины Алексеевны, императрицы и самодержицы Всероссийской, по алфавиту Российских слов расположенной и в Нижегородской семинарии от знающих оныя языки священников и семинаристов и под присмотром преосвященного Дамаскина, епископа Нижегородского и Алаторского, сочиненной в 1785 г.*) Однако его использование и научную оценку сильно ограничивала труднодоступность памятника (находится в виде рукописи в Нижнем Новгороде, ранее закрытом советском городе). Всесторонний анализ его чувашского словника до сих пор заставляет себя ждать.

¹⁶ *Ryna-Tas A. Bevezetjäs a cıvasvas nyelv ismeretjibe. 88.*

¹⁷ Исторической фонетике чувашского языка посвящены многочисленные публикации, полный список которых я здесь не могу дать. (См. подробно: *Адягаши К. Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала. Ч. II. Историко-сопоставительное и ареальное исследование // Studies in Linguistics of the Volga region. Vol. III. Debrecen. В печати. 2008.*) Свою монографию на эту тему Л.С. Левитская не публиковала. Монографическую обработку части данного вопроса (историческая реконструкция чувашских гласных звуков) опубликовал О.А. Мудрак. См.: *Мудрак О.А. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных. (Опыт реконструкции и интерпретации). М., 1993.*

¹⁸ О появлении редуции в системе чувашских гласных см. мою готовящуюся к изданию монографию (Роль черемисского фактора в историческом изменении чувашской системы звуков. Академическая докторская диссертация. Дебрецен, 2002. Рукопись).

¹⁹ Полное описание фонетических особенностей верхового диалекта см.: *Сергеев Л.П. Вокализм верхового диалекта чувашского языка // Чувашский язык, литература и фольклор. Чебоксары, 1972. Вып. 1. С. 173–206; он же. Консонантизм верхового диалекта // Чувашский язык, литература и фольклор. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 39–125.*

²⁰ См.: *Сергеев Л.П. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1967.*

²¹ *Егоров В.Г. Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. Тюркологический сборник. С. 87.*

²² *Ломоносов М.В. Российская грамматика // Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1755/1952.*

²³ *Вишневский В.П. Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии. Казань, 1836.*

²⁴ Об их существовании Альквист мог узнать из чувашского текста Евангелий.

²⁵ Естественно, выявление расхождений по типам на теоретическом уровне в эту эпоху пока нельзя ожидать, однако на основании опыта можно было бы догадаться, сопоставив средства выражения разных языков.

²⁶ Свидетельством того, что словник был заранее составлен, говорит то, что его составитель точно не знал, какие животные обитают в географическом пространстве носителей данного языка.

²⁷ Учитель чувашского языка для Альквиста в Ишаках записывал для него сказки, используя дидактический метод: по предложениям, давая значение каждого предложения в заметках на полях. Запись – кириллицей – двух чувашских сказок следовала практике, принятой в XVIII в. в чувашских церковных семинариях. Она впервые проявляется в «Первой грамматике», затем в словаре Дамаскина. В данной системе знаков нет возможности различить переднерядные редуцированные от заднерядных, а также переднерядные полные лабиальные гласные от заднерядных. В ней смешиваются буквы, используемые для передачи свистящих звуков. Вследствие всего этого и непоследовательной фиксации глухих и полувзвонких позиционных аллофонов согласных звуков, текст, записанный таким образом, неспособен точно отражать звучание слов. Альквист, в своем старании получить более глубокие знания в области

чувашского языка с помощью двух сказок в качестве образца, сталкивался с фактом, согласно которому имелась существенная разница между звучанием записанного текста и всамделишным чувашским произношением. В связи с этим над записанными кириллицей чувашскими словами он надписал своей собственной транскрипцией правильное звучание слов. Надписанные фонетические формы в тексте сказок появляются почти через слово. Неназванный Альквистом учитель чувашского языка наверняка подготовил к сказкам и список слов, написанный кириллицей, однако, из-за несовершенства записи, Альквист словник переписал в своей, более точно передающей произношение собственной транскрипции, латиницей. Значения с русского перевел на шведский язык, затем весь список переделал в соответствии с латинским алфавитом. Так мог возникнуть чувашско-шведский словник, находящийся на страницах 179–207 его наследия. Об образце кириллицей свидетельствует всего лишь случайная ошибка: в чувашско-шведском словаре после слов на анлаутный *t*- следуют слова на анлаутные *c* и *ll*, как это закономерно в русском алфавите. Это объясняется только таким образом, что Альквист, когда начал составлять список по последовательности латинского алфавита, забыл о словах на начальные *c* и *ll*, находившихся в конце словаря кириллицей, и по этой причине ставил их в конец списка дополнительно туда, где они в первоначальном образце занимали место по русскому алфавиту.

²⁸ О деятельности Альквиста в Ишаках см. подробнее: *Winkler E. August Ahlqvist als Erforscher des Tschuwaschischen*. In: *Studies in Linguistics of the Volga Region*. Debrecen, 2008. Volume IV. XXXVII–LIX.

²⁹ *Agyagósi K. Der sprachliche Nachlaß der Spdt-Gorodec Bevölkerung in den tschuwaschischen und marischen Mundarten*. In: *Folia Uralica Debreceniensia*, 2000. № 7. S. 3–24; *Адягашуи К. Название ueremis в средневековых источниках*. Пермистика 9. Ижевск, 2002. С. 102–108.

³⁰ *Agyagósi K. Mittelbulgarische Dialekte – mittelbulgarischer Sprachzustand*. In: *Einheit und Vielfalt in der türkischen Welt. Materialien der 5. Deutschen Turkologen konferenz Universität Mainz. Turcologica* (hrsg. von L. Johanson), 2007. № 69. S. 24–36.

³¹ См.: *Agyagósi K. Die historische Wandlung der ethnischen Struktur des Wolgagebiets*. In: *Die ural-altaischen Völker. Identität im Wandel zwischen Tradition und Moderne*. Hrsg. Von Gerson Klumpp und Michael Кнъррел. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica Band 63. 2003. P. 9–14.

K. A d y a g a s h i. The place of A. Alkqvist in the history of the Chuvash language studies.

In order to prove the Turkic origin of the Chuvash language, in 1856-1857 Finnish scientist August Alkqvist collected linguistic material in the village of Ishaki located in the Kozmodemjanskiy district of the Kazan province. His scientific heritage is of great value, for there is fixed a great number (> 3000) of words belonging to viryal dialect with a regular designation of the reduced vowels that is most important for the reconstruction of pra-Turkic word-formation.

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3

© Н.В. Никольский

ЧУВАШИН-ГОВЕЛЬЩИК*

Грезивший большой наукой талантливый уроженец д. Юрмекейкино Ядринского уезда Казанской губернии Н.В. Никольский (1878–1961), получив высшее духовное образование и пропитавшись в Казанской духовной академии «духом Н.И. Ильминского», как и многие его грамотные современники из «инородцев», в начале XX столетия влился в общественное движение за национальный подъем нерусских волжских народов. Его участники ратовали за подъем этнического самосознания своих соплеменников, за их сближение с русскими. Они считали, что всего этого можно добиться через «духовное обрусение» чувашей, мари, удмуртов и других этносов. В научно-педагогической деятельности нерусской интеллигенции, являвших собой птенцов гнезда Ильминского, существенное место занимала миссионерская составляющая. Творческая биография Н.В. Никольского в данном плане не исключение. Окончив Казанскую духовную академию, он сразу же приступил к научной и преподавательской деятельности в учебных заведениях и научных обществах Казани, в чем, как хорошо известно, весьма преуспел. Одновременно Н.В. Никольский стал активно сотрудничать с Переводческой комиссией Православного миссионерского общества (ПМО). При его непосредственном участии до 1917 г. увидел свет ряд изданий ПМО (на чувашском языке): богослужебная литература, учебники и учебные пособия, Жития Святых, нравственно-назидательные, «противоисламические» и прочие издания. Несколько небольших сочинений миссионерского плана вышло и из-под пера самого еще начинающего этнографа и историка.

В советское время, в силу известных обстоятельств и причин, Н.В. Никольский, естественно, умалчивал о своем активном участии

Николай Васильевич Никольский (1878–1961) – доктор исторических наук, просветитель, педагог и общественный деятель.

* Подготовка к публикации, Предисловие, Комментарии и Примечания Г.А. Николаева.

в миссионерской работе. И большинство исследователей жизни и научно-педагогической деятельности выдающегося ученого не особо стремились акцентировать внимание научной аудитории на названной сфере его деятельности. Таким образом, некоторым ранним сочинениям первого чувашского профессора до настоящего времени еще как бы отказано в праве на гражданство. Цель настоящей публикации, включающей две работы исследователя — выправить сложившуюся историографическую ситуацию.

Сочинения Н.В.Никольского “Чувашин-говельщик” и “К жизнеописанию преподобного Серафима Саровского чудотворца” увидели свет на страницах “Известий по Казанской епархии”, издаваемой при Казанской духовной академии (Казань, 1904. № 10. С. 326–335; № 24. С. 782–784). Публикуемые работы печатаются по их тексту. Авторский стиль сохранен. Редакторская правка имела место в исключительных случаях: исправлялись лишь явные ошибки и опечатки. Сохранены авторские примечания, особенности в написании топонимов. Слова и словосочетания, добавленные и введенные при редактировании, а также необходимый перевод чувашских текстов, который дан за цитатой или словосочетанием, заключены в квадратные скобки. В квадратных скобках даны и части сокращенных автором слов, восстановленные редактором. Чувашский текст автора выделен курсивом.

* * *

В одном из чувашских сел Казанской губернии раздался редкий удар маленького колокола¹. Церковный сторож, полуодетый чувашин, стоял на церковной ограде и через небольшие промежутки времени натягивал веревку, конец которой был привязан к язычку одного из колоколов. Редкий, заунывный звон был слышен в окрестных деревнях, расположенных в одной и двух верстах вокруг села. Кое-где на дорогах по направлению к селу стали показываться белые фигуры. Унылые звуки колокола продолжали раздаваться своим чередом. Прошло минут сорок, и храм почти наполнился народом. Очевидцу представилась такая картина. На правой стороне храма стояли мужчины-чуваши, на левой – женщины-чувашки. Почти в самой середине храма рядами выстроились мальцы-чувашлята – во главе со своим учителем. Впереди их стоял возрастной чувашин с двумя или тремя книгами на чувашском языке. Несколько поодаль от него, к амвону² был поставлен аналой³, а на нем положен часослов⁴ на чувашском языке, открытый на каноне⁵ св. Андрея Критского⁶. Все стояли молча. Наконец, толпа заколыхалась и почтительно расступилась. В храм вошел священник, брюнет лет сорока, с печатью какой-то думы на лице. Он трижды благоговейно⁷ перекрестился, сделал малый поклон предстоявшим и медленно поступью пошел в алтарь⁸. После минутного молчания послышалось громкое, отчетливое, убежденное: «Пирĕн Турă яланах мухтавлă» ... («Благословен Бог⁹ наш»). Тот, который стоял с книгами впереди школьников, не торопясь, внятно, толково, почти

разговорным тоном начал: «Аминь¹⁰» и зачитал по-чувашски псалмы¹¹ по-вечеря¹². После продолжительного чтения он остановился. Раздалось тихое, плавное, с отчетливым произношением каждого слова пение: «*Мана пуляшакан*» ... («Помощник и покровитель» ...), а вслед за этим – скорбное: «*Хёрхенсем мана, эй Туря, хёрхенсем мана*» («Помилуй мя¹³, Боже, помилуй мя»). Во время пения священник вышел из алтаря и, встав перед аналоем, начал чтение канона св. Андрея Критского на чувашском языке. Он читал по-чувашски без русского акцента. Расчленял каждое слово, делал, где нужно, логическое ударение. Чтение носило характер прочувствованной молитвы¹⁴, переживаемой покаянной скорби о грехах¹⁵. Поэтому каждый тропарь¹⁶ канона невольно просился в душу¹⁷ чувашина. Проникая в самые тайники грешной души, канон Андрея Критского заставил чувашина задуматься над своей жизнью, определить ее ценность с точки зрения вечной жизни. Чем более он анализировал, при помощи выслушиваемого канона, свое душевное состояние, тем более убеждался в своей греховности, виновности перед Богом. «Бездна грехов лежит на мне, – думал он про себя, – и нет мне прощения». Покрытый греховными струпами¹⁸, он не дерзал именоваться «чадом Божиим», но умиленным сердцем повторял за певчими¹⁹: «*Хёрхенсем мана, эй Туря, хёрхенсем мана*» («Помилуй мя, Боже, помилуй мя»). В связи со скорбью о себе самом, у говельщика²⁰ явилось чувство скорби и о сородичах, которые умерли в язычестве²¹. Мучимый состраданием к этим беднякам, томимый тоской по недостигнутому идеалу, он из глубины души («*чунтан-вартан*») молил Господа²² избавить его «от ада²³ преисподнейшего» и направить жизнь его в сторону добра²⁴. По мере того, как чувашин молился, душа его все более и более окрыляется надеждой на милосердие Божье. Внимательно выслушиваемая служба повечерия на чувашском языке вызывает в чувашине сознание безмерности и неизследимости милосердия Божия и надежду на прощение грехов. Одушевляемый этой надеждой, он старается молиться как можно сосредоточеннее; свою молитву старается обратить не только в просьбу о помиловании, но и в назидание себя; из молитвословий и песнопений он старается выяснить, чего и как он должен избегать, чтобы стать ближе к Богу. Это же стремление побуждает чувашина не уходить из церкви и по окончании службы: он ждет, не будет ли сказано какое-либо назидание пастырем²⁵ церкви, пастырем, в котором чувашин видит своего «учителя веры». Не обманулся чувашин в своих ожиданиях: истинный служитель церкви, нелицемерный ревнитель христианского просвещения чуваш, появился в эпитрахили²⁶ на амвоне. «*Ашишйён, Ывалйён, Св. Сывляшйён ячёпе*» («Во имя Отца и Сына и Св. Духа²⁷»), – начал он. Миссионерский огонек, который пылал в душе этого пастыря, сразу же отразился и в его беседе с прихожанами. Пламенная речь священника, вылившаяся у него прямо из сердца, сообщила чувашину отчетливое представление о сущности поста²⁸, а также твердую решимость препроводить пост согласно с церковными правилами. Не изящна была речь священника с точки зрения формальной гомилектики²⁹, не богата она была

ораторскими приемами, зато прямо просилась в душу чувашина и освещала ее светом Христовым³⁰. Радостное чувство, которое чувашин испытывал при сознании того, что христианская истина нашла себе уголок и в его тесной душе, побудило его вслух заявить священнику: «*Рахмат, спасибо сана, атте*» («Спасибо, спасибо тебе, отче»).

Служба кончилась. Все разошлись по домам. Теперь говельщик мог заняться домашними делами: дать корм скотине, нарубить дров для топки печи и т.д. Но эти обязанности было кому выполнить и без говельщика. Поэтому он устремляет свое внимание на нечто другое. Ему хочется почитать религиозно-нравственную книжку на родном языке. К несчастью, у него нет своих книг. Движимый желанием непременно почитать что-либо, он идет к своему церковно-приходскому попечителю³¹. Последний, под руководством своего священника, не один уже год занимается распространением в своей деревне книг на чувашском языке. Его пример заразительно подействовал на чувашина-соседа, некоего Ивана Андреева, который простер свое попечение о распространении христианских знаний и за пределами прихода³². Таким образом, говельщик чувашин, при желании иметь книгу, мог всегда добыть ее у указанных лиц. Чего не было у одного ревнителя книжного учения, то можно было найти у другого. К прискорбию говельщика, он не мог ни у одного из указанных лиц добыть книгу о загробной жизни³³; «этой книги, – заявили ему в унисон попечитель и Ив[ан] Андреев, – уже нет; те экземпляры, которые были, давно разошлись». Делать было нечего. Пришлось довольствоваться тем, что предложили сами продавцы, т.е. «Указание пути в царство Небесное³⁴», «Духовный пастырь», «Последование ко св. причащению и по причащении», «Житие преп. Серафима Саровского³⁵» и «Молитвенник³⁶» на чувашском языке. За какие-нибудь 20 коп. говельщик приобрел все означенные книги и с сияющим лицом возвратился домой. Когда говельщик чувашин покупал эти книги, он не знал, о чем именно в них говорится, когда же прочитал, то остался в восторге: «*Илнӗ кӗнекесем уксаран та хаклӑ пулчӗс*» («Купленные книги оказались дороже денег»), – говорил он своим домашним.

Читая и размышляя над содержанием читаемых книг, чувашин-говельщик снова бичует себя за порочную жизнь. Порок теряет для него свою прелесть. Чувашин чувствует ко греху отвращение и старается передать это чувство и своим детям. «Не водитесь, – говорит он своим ребятам, – с дурными людьми, а живите в обществе с хорошими, ибо около дурного научишься дурному, около хорошего – хорошему». Чтобы эту истину разъяснить малолеткам получше и по возможности расположить их к добру, он прибегает к помощи картин. Идет он к своему запертому ящичку, в котором были сложены купленные на прошедшем базаре картины изд[ания] Сытина³⁷ и Фесенко³⁸. Вынимает одну из них. «Идите, дети, смотреть на картину. Вот здесь два дерева. Одно хорошее, другое – сухое. Одно ветвистое с плодами, другое – без листьев и совершенно сухое. Под первым стоит стол. Вокруг него сидят отец и мать семейства и малые ребята, из коих один читает

Евангелие³⁹. Все слушают и назидаются. Вот вам еще семья. Эти собираются спать, а потому твердят вечернюю молитву. А эти, что справа у края, идут в церковь к богослужению. Поодаль от них, несколько выше, расположены нищелюбцы⁴⁰, страннолюбцы⁴¹, изображены миролюбивые и трудолюбивые люди. Все они здоровы, опрятны, радостны. Вот как живут хорошие люди.

Теперь посмотрим, как живут те, которые нарисованы под сухим деревом. На столе, вблизи самого дерева, стоят бутылки. Сам хозяин оборванный, пьяный, вот-вот, кажется, раздерется с женой. Ребята у него полуодеты, худые. В хате бедно, темно, грязно. Рядом с этой семьей, в соседнем доме живут такие же негодные люди. Вот, это – ватага⁴² гуляк: она дерется, бранится, ссорится, у нее одна дорога – кабак».

«Ребята, отчего они так плохо живут?» – «Бога, должно быть, не боятся, и людей не стыдятся», – послышался ответ. «Так-так, бойтесь же Бога. Живите дружно, читайте больше Евангелие. Живите так, как Христос⁴³ велит. Не ходите во след диавола⁴⁴. Ведь те, кои пьянствуют, дерутся, – поступают по внушению диавола. За них нужно Бога молить, чтобы он исправил их». Повесив показанную детям картину на стену, чувашин затем вынул из ларчика другую, издания того же Сытина. Здесь было изображение смерти грешника и смерти праведника. Вид черных, противных, страшных демонов⁴⁵, окруживших одр⁴⁶ умирающего грешника, навел ужас на ребятишек-чувашлят, так что один из них начал даже кричать. Закрыв эту половину картины, говельщик-чувашин приступил к разъяснению той ее половины, где была изображена смерть праведника. Этот встретил свою смерть как давно желанную гостью, с улыбкой на лице. Его душа была взята ангелами⁴⁷ и вознесена на небо.

Вслед за этой картиной была показана детям еще одна: «Богач и Лазарь⁴⁸», издания Фесенко. Вид огненного моря, в котором нестерпимо мучился немилостивый богач, приводил в ужас впечатлительных ребят и невольно заставлял их произнести: «Хорошо бы избежать этого огня». Мысль детей сама собой обратилась к раю⁴⁹ и они начали расспрашивать своего отца о рае и его утехах. Хорошо начитанный в религиозно-нравственных книгах на родном языке, родитель сумел кратко, ясно, приспособительно к пониманию детей, передать учение христианское о рае. Религиозная беседа была прикончена вечерней молитвой, которую читал отец. Молитвы: «Богородице Дево⁵⁰», «Отче наш⁵¹», «Достойно есть⁵²» на чувашском языке были пропеты отцом и его двумя старшими детьми – школьниками. Утром говельщик спешил к утрени⁵³, которая, будучи совершаема на родном языке, оставляла в нем большое впечатление, заставляла его не только молиться, но и назидаться. Такое действие богослужения чувашин испытывал на себе в продолжении всей седмицы⁵⁴, так как богослужение все время совершалось для него на чувашском языке. С радостью ходил он в свой сельский храм на вечерние и утренние богослужения и как бы нехотя уходил из храма. «*Кунта пире исьм сырли ситерессё*» («Здесь нас кормят изюмом»), – отвечал он образно на расспросы о богослужении.

Незаметно прошли для говельщика первые четыре дня Великого поста⁵⁵.

В пятницу после обедни⁵⁶ было объявлено говельщикам о том, что они должны очистить свою совесть покаянием⁵⁷.

Зная из Евангелия на чувашском языке и проповеди священника на том же языке, что невозможно получить от Бога прощение грехов, если сам кающийся не простит других и не просит прощения у других, чувашин-говельщик идет к обидчикам и обиженным и приносит перед ними повинную. Теперь говельщик смело идет на исповедь⁵⁸ и чистосердечно рассказывает духовному отцу о своих грехах. Последний, владея чувашским языком, старается облегчить исповедание кающегося, задает ему вопросы, время от времени показывает грешнику на икону⁵⁹ и Евангелие, как показателей невидимого присутствия Спасителя⁶⁰, приемлющего исповедание грешника. Чтобы нагляднее представить кающемуся пользу чистосердечной исповеди, духовник показывает картину изд[ания] Фесенко с изображением «видения Адreja Юродивого⁶¹». Чувашин тронут назиданием священника до слез; усиливается припомнить забытые грехи, но память что-то плохо работает. Понимая этот момент, пастырь дает вопросы по требнику⁶² на чув[ашском] яз[ыке]. Кающийся по поводу данных вопросов припоминает несколько других, и исповедь затягивается минут на тридцать или сорок. Наконец, священник разрешил грешника и стал увещевать покаявшегося впредь не грешить. Ты пал? Восстань! Ты согрешил? Исправься! Не велико твое покаяние, но велико человеколюбие Владыки⁶³. Пока ты имеешь дыхание – совершай покаяние. Каждая греховная рана имеет свое, соответствующее и готовое для нее, врачевство. Ты имеешь церковь, которая низводит дары Духа святого. Ты имеешь сонм⁶⁴ мучеников⁶⁵ и много другого, что может обратить тебя от греха к праведности. И праведники не были чужды грехов, но они тотчас же каялись. Так, сам Давид⁶⁶ взывал: «Слезамии моими постель мою омочу» (пс. VI. 7) и ап[остол] Павел⁶⁷ говорит: «Помилован бых, яко неведый гоних Христа (I Тим. I, 13)»⁶⁸.

Часов в семь вечера были прочитаны вечерние правила. Читал тот же самый чувашин, который читал и раньше. На этот раз он читал с большим умилением, чем во все предыдущие дни. Почти недельное пощение, проповеди⁶⁹ и исповедь на родном языке сказались в настроении всех богомольцев. Жадно они ловили каждое слово чтеца. Молились не иначе, как на коленях. Домой вернулись уже поздно вечером. У всех на уме был завтрашний момент. Никто не мог спокойно думать о предстоявшем Св. Причастии⁷⁰. Чувашина мучило, с одной стороны, сознание недостойности, с другой – желание соединиться с Христом⁷¹. Долго он молился дома о том, чтобы господь Бог не опалил его огнем, опаляющим недостойных причастников. Ложась в постель, он все время думал о предстоящем духовном торжестве. Сон его был самый беспокойный. В уме чувашина, потрясенного за неделю, один за другим проходили библейские лица. О многих из них за неделю он узнал то, что они так же, как и он, нуждались в всепрощении Божиим. Осо-

бенно долго говельщик думал о разбойнике благоразумном⁷², которому Господь «путесотворил вход» в царство небесное. Не мог забыть чувашин и жизни Марии Египетской⁷³. Вспоминая о тех или других библейских и исторических лицах, он мысленно молился им о заступничестве перед Богом; особенно сильно воздыхал он к заступничеству Божией Матери⁷⁴ и св. Николая Чудотворца⁷⁵. Религиозные думы не дали чувашину заснуть как следует. Вздремнув на непродолжительное время, он встает, берет из божницы⁷⁶ «Молитвенник» и «Последование ко св. причащению и по св. причащении» на чув[ашском] яз[ыке], трижды крестится, повергается на колена и вычитывает положенные молитвы. Может быть, он долго простоял бы на молитве, но удары колокола звали его в церковь. Здесь читали утренние правила ко св. причащению. Самый канон ко св. причащению читали по-славянски, потому что не было перевода на чувашский язык. Чувашин, особенно женский пол, во время этого чтения молился плохо. На лицах женщин-чувашек видно было какое-то недоумение. Они как будто спрашивали: о чем это читают? Знали они, что читают обыкновенные утренние правила, но какие именно, этого они не могли понять⁷⁷. Им хотелось бы молиться, но слова чтеца не проникали в их умы, а через умы – в их сердце. Чтение канона на славянском языке для чуваш прошло бесследно. К счастью их, вслед за канонем на славянском языке, начали читать молитвы ко св. причащению на чувашском языке. Вялый, недоумевающий вид чувашина тотчас же сменился живым, разумным взглядом. Чаше стали заноситься руки на чело⁷⁸, многие встали на колена и в этом положении пробыли до конца правил. Понятное, в высшей степени назидательное, последование ко св. причащению на чув[ашском] яз[ыке] возбудило в чувашах сердечный вопль о том, чтобы «огнь, попялая недостойных, не опалил его, но очистил, освятил, омыл его от грехов». Начавшаяся вслед за правилами литургия⁷⁹ должна была рассказать чувашину наглядно историю искупления. Благодаря прочитанной книге на чув[ашском] яз[ыке] «О церкви и церковном богослужении», чувашин в малом выходе⁸⁰ священнослужителей видел выход Спасителя на общественное служение, в Великом выходе⁸¹ – шествие Господа на вольные страдания. Последующие молитвословия готовили его к важнейшему моменту христианского богослужения – к самой Евхаристии⁸². Для чувашина была в высшей степени трогательна неизреченная любовь Спасителя, отдавшего Себя на заклятие ради человека и «в снедь верным». Движимый чувством беспредельной благодарности к Спасителю, чувашин в лице своих детей-школьников запел: «Сана юрлатпӑр, Сана тав тӑватпӑр» («Тебе поем, Тебя благодарим»). Неискусное, зато прочувствованное пение чувашских мальчиков, доводит до слез предстоящих. Момент причащения становился все ближе и ближе. Наконец, священник вышел из алтаря со Св. Чашей⁸³; священник начал: «Братие⁸⁴, вот еще минута, и вы воспримете в себя Самого Господа. Вы совершите такое дело, на которое сами ангелы взирают со страхом и трепетом. Христианин, ты возвеличен пред всеми разумными существами, никто, кроме тебя, не удостоился этого бла-

женства». Приведши затем примеры из житий Василия Великого⁸⁵ и Григория Двоеслова⁸⁶, свидетельствовавших о величии и непререкаемой действительности и действительности таинства св. причащения, священник, обращаясь к чувашину на его языке, сказал: «Исповедуй же свою веру пред сею Чашею, говори за мной: «*Ёненетш*»... («Верую, Господи, и исповедую»). Говельщики охотно вняли голосу священника. На некоторое время начался говор, но не говор беспорядка, а голос веры в таинство.

Богослужение было закончено чтением благодарственных молитв на чувашском языке. Когда прихожане прикладывались ко Св. Кресту⁸⁷, священник поздравил их с принятием св. таин[ства]⁸⁸ и высказал пожелание, чтобы они хранили залог сей нерушимым и невредимым. «Спасибо, батюшка», – послышалось в ответ от прихожан.

По выходе из храма чувашин-говельщик глядит на всех как на братьев. «Примется ли он за обыкновенное течение своих дел, в службе, в семье, где бы ни был, в каком бы ни был положении, сохранит невольно в душе своей высокое начертание любовного обращения с людьми, принесенного с небес Богочеловеком⁸⁹. Он невольно становится милостивей и любовней с окружающими. Если сам под властью другого, то охотней и любовней ему повинуетя как Самому Спасителю. Если видит просящего помощи, сердце его больше, чем когда-либо, расположено помогать, чувствует больше наслаждения, с любовью дает он неимущему. Если он неимущий, – он благодарно принимает малейшее даяние: растроганное сердце его теряется в благодарении и никогда с такою признательностью не молит он о своем благодетеле»⁹⁰.

Комментарии и примечания

¹ К своему сочинению в начале текста Н.В. Никольский предпослал следующее примечание: «Эта статья составлена мною на основании личных наблюдений и имеет для себя данные в отчетах Братства св. Гурия и в моих извлечениях из разных архивов».

² *Амвон* (греч. – край горы) – возвышенное, как правило, полукруглое и выдвинутое в середину христианского храма место, с которой священнослужители читают богослужебные книги и произносят проповеди.

³ *Аналой* (греч. – подставка для книг) – высокий четырехугольный столик с покатым верхом, употребляемый в богослужении.

⁴ *Часослов* – церковно-богослужебная книга для общественного богослужения. Включает в себя неизменяемые молитвословия ежедневных церковных служб, чины и молитвы к службам дневного круга, краткие изменяемые песнопения, месяцеслов, пасхалию и прочую богослужебную информацию справочного плана.

⁵ *Канон* (греч. – буквально: прямой шест) – 1) свод основных положений или правил по той или иной специальности, имевших аксиоматический или догматический характер; 2) в широком смысле: все постановления церкви, как относящиеся к вероучению, так и касающиеся устройства церкви, ее учреждений, дисциплины, религиозной жизни церковного общества, а также иногда и творений отцов церкви; 3) название книг Ветхого и Нового Завета; 4) особая группа христианских богослужебных песнопений, входящих в состав утрени и связуемых в одно целое единством предмета. В контексте повествования имеется в виду четвертое значение. См.: Христианство: Энциклопедический словарь: В 2 т.: т. 1: А–К / Ред. кол.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 672, 673.

⁶ *Андрей Критский* (?– 720 или ок. 726) – христианский святой, проповедник и гимнолог. Родился в Дамаске, жил в монастыре св. Саввы в Иерусалиме, в конце VII в. был поставлен архиепископом о. Крит. Автор многочисленных церковных гимнов-песнопений.

⁷ *Благоговейно* – с глубочайшим почтением.

⁸ *Алтарь* (лат. – возвышение, жертвенник) – 1) возвышение, служащее для жертвоприношения; 2) в православной церкви возвышенная часть храма, обращенная на восток, огражденная от остальной особой оградой – иконостасом. В алтаре находятся престол для совершения таинства евхаристии, жертвенник, на котором приготавливаются Святые Дары (проскомидия), кафедра епископа, места для пресвитеров, ризница. Имеет три входа (двери), завешенные особыми завесами. Согласно учению православной церкви, знаменует собой горный мир, где обитает Бог, а также место, откуда Христос шествовал на проповедь, где страдал и претерпел крестную смерть, где было Его воскресение и вознесение на небеса. Поэтому в алтарь могут входить только священнослужители. Мирянам, кроме царей, вход туда через царские врата воспрещается. В контексте повествования имеется в виду второе значение. См.: *Христианство: Энциклопедический словарь*. В 2 т.: т. 1. С. 58, 59.

⁹ *Бог* – основное религиозное представление. Наделенная высшим разумом, абсолютным совершенством, всемогуществом верховная сущность, сотворившая мир и управляющая им. Согласно учению христианской церкви, «высочайшее имя, с которым соединяются все чистые и светлые упования человечества». См. *Христианство: Энциклопедический словарь*. В 3 т.: т. 3: Т–Я. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. С. 337– 342.

¹⁰ *Аминь* (евр. – истинно, верно) – слово, употребляемое в конце христианских молитв как выражение полного согласия с истинностью сказанного, подтверждение верности Богу.

¹¹ *Псалмы* – хвалебные песни, посвященные Богу.

¹² *Повечерие* – одно из богослужений суточного круга в русской православной церкви, совершаемое вечером. Различают великое и малое повечерие. Включает чтение псалмов и разных молитв.

¹³ *Мя* – меня.

¹⁴ *Молитва* – 1) моление, обращенное к Богу, к святым. Как обращение к Богу молитвы разделяются на просительные, благодарственные и славословия. По внешней форме они могут быть сгруппированы на внутренние (мысленные) и на устные (словесные), по способу организации – на общественное и на частные; 2) установленный канонический текст, произносимый при обращении к Богу, к святым. В контексте повествования имеется в виду первое значение. См.: *Христианство: Энциклопедический словарь*. В 3 т.: т. 2: Л–С. С. 142.

¹⁵ *Грех* – согласно учения богословов, всякое, как свободное и сознательное, так и не свободное и бессознательное, отступление делом, словом и даже помышлением от заповедей Божиих и нарушение закона Божия. В нравственном богословии указываются различные виды грехов. Главнейшие из них следующие: грехи опущения (не исполняется то, что повелевается); грехи действия или нарушения (делается то, что прямо воспрещается); грехи вольные (человек с полным сознанием совершает противозаконное, не употребляя даже усилия сопротивляться такому влечению); грехи невольные (совершаемые по незнанию, неосторожности, неосмотрительности, по духовной или физической немощи); грехи простительные (совершаемые по слабости и немощи, сознательным осуждением поступка и с нежеланием); грехи тяжкие. К разряду последних принадлежат грехи смертные (по упорству человека в грехах и преданности злу истребляют в человеке любовь к Богу и делают человека мертвым для восприятия божественной благодати). По тяжести величайший грех – против Святого Духа, который может состоять в хуле на Бога. См.: *Христианство: Энциклопедический словарь*. В 2 т.: т. 1. С. 430–433.

¹⁶ *Тропарь* – жанр православной церковной музыки; церковное песнопение.

¹⁷ *Душа* – согласно религиозным и мифологическим представлениям, сущность, оживотворяющая тело человека, способная покидать его навсегда или на время, вселяться в другие тела или вести самостоятельное существование.

¹⁸ *Струп* – сухая кора, образующаяся на заживающей ране, ссадине, ожоговой поверхности.

¹⁹ *Певчие* – исполнители богослужебных песен. Православная церковь имела их при каждой епископской кафедре, соборном или приходском храмах.

²⁰ *Говельщик* – у православных лицо, готовящееся таинству причащения. Приготовление заключается в соблюдении поста и воздержании, посещении богослужений в храме и в домашних молитвах.

²¹ *Язычество* – термин богословского происхождения, применяемый по отношению к первобытным верованиям и политеизму.

²² *Господь* – одно из имен Божиих (Быт. II: 4; Исх. III: 4).

²³ *Ад* – согласно учению христианской церкви, место, где пребывают злые духи, и души грешников подвергаются мучениям.

²⁴ *Добро и зло* – этические категории, применяемые для оценки общественных явлений и поступков отдельных личностей.

²⁵ *Пастырь* – священник, «духовный пастух».

²⁶ *Эпитрахиль* – здесь опечатка. Правильно: *епитрахиль (навыйник)* – одно из богослужебных облачений священника, надеваемое на шею. Являл собой лентовидный плат, который священник надевает поверх подризника или рясы, плотно охватывающий шею сзади, а спереди свободно спускающийся через грудь книзу. Обозначал благодать, полученный священником от Господа, а также бремя ответственности, лежащее на нем. Без данного одеяния священник не совершал ни одного из богослужений и священнодействий и не произносил проповедей в церкви. См.: Христианство: Энциклопедический словарь. В 2 т.: т. 1. С. 533.

²⁷ *Отец, Сын и Святой Дух* – три ипостаси Бога.

²⁸ *Пост* – 1) воздержание на определенный срок от скоромной пищи и другие ограничения по предписанию церкви; 2) период, в течение которого, по предписанию церкви, запрещается употребление скоромной пищи и действуют некоторые другие ограничения. В контексте повествования имеется в виду первое значение.

²⁹ *Гомилектика* – дисциплина, преподаваемая в духовных учебных заведениях. В ней анализируются различные виды проповедей, техника их подготовки, структура, приемы произношения.

³⁰ *Свет Христово* – учение Иисуса Христа.

³¹ Примечание Н.В. Никольского: «В настоящее время церковно-приходские попечители выбираются по 1 из каждой деревни».

³² *Приход* – низшая церковно-административная единица. Обычно объединяла село с храмом и прилегающие к нему ближайшие населенные места.

³³ *Загробная жизнь* – мифологическое и религиозное представление, богословское учение, согласно которым человек после смерти не уходит в небытие, а продолжает существовать в форме духовного или духовно-телесного существ, или воскрешается божеством из мертвых. В христианской религии загробная жизнь берет свое начало с воскресения из мертвых.

³⁴ *Царство Небесное, Царство Божье (Божие)* – согласно учению христианской церкви, идеальный общественный порядок, который наступит после «страшного суда». Воскреснут все мертвые и вместе с живыми явятся на суд, где каждый получит по заслугам: грешники будут осуждены на вечные муки в аду, а праведники войдут в Царство Небесное, где будут вечно блаженствовать в раю.

³⁵ *Серафим Саровский (1759–1833)* – христианский преподобный, старец-пустынножитель и затворник. В миру Прохор Сидоров Мошнин. Место рождения – г. Курск. В 1793 г. рукоположен в иеромонаха. В течение многих лет находился в затворничестве. Приложил большие усилия к устройению и расширению Дивеевской женской общины, Ардатовской женской обители и др.

³⁶ *Молитвенник* – то же, что и молитвослов. Названная богослужебная книга содержит в себе извлечения из книг, используемых при общественном богослужении. В нее включено большое число молитвословий.

³⁷ *Сытин И.Д. (1851–1934)* – известный отечественный книгоиздатель. Уроженец с. Гнездниково Солигаличского уезда Костромской губернии. Русский. 13 сентября 1866 г. приехал в Москву и был определен «мальчиком» в книжную лавку известного московского купца-меховщика П.Н. Шарапова. 7 декабря 1876 г. открыл собственную литографическую мастерскую. 1 января 1883 г. открыл свою первую книжную лавку, а в феврале 1876 г. основал

товарищество на вере «И.Д. Сытин и К⁰». В 1890-е годы превратился в крупнейшего издателя. Выпускал дешевые, типографически хорошо исполненные учебники, детские книги, сочинения классиков и прочую литературу, в том числе и религиозную. За 1901–1910 гг. «Товарищество И.Д. Сытина», в частности, издало 4 похоронника и молитвенника, 192 духовно-нравственных сочинения и 215 картин религиозного содержания.

³⁸ *Фесенко Е.И.* – известный отечественный книгоиздатель. Родом из Чернигова. В 1869 г. обосновался в Одессе, где устроился учеником печатника. В 1883 г. уже имел собственную типографию. Один из крупных издателей религиозной литературы.

³⁹ *Евангелие* (греч. – доброе известие; благая весть) – раннехристианские сказания о «земной жизни» Иисуса Христа. Известны около тридцати Евангелий, из которых только четыре церковью признаны «богодухновенными» (от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна). Входят в состав новозаветской части Библии.

⁴⁰ *Нищелюбцы* – в контексте повествования лица, с любовью и почтением относившиеся к нищим.

⁴¹ *Страннолюбцы* – в контексте повествования лица, с любовью и почтением относившиеся к странникам и паломникам.

⁴² *Ватага* – шумная толпа, сборище.

⁴³ *Христос*, Иисус Христос – основатель и центральный образ христианства. Жил и проповедовал в Палестине в I в. Все христианские церкви, кроме монофизитских, почитают Его как Богочеловека. Земная жизнь Иисуса Христа и суть его учения изложены в Новом Завете.

⁴⁴ *Диавол* (греч. – клеветник, обольститель) – согласно учению христианской церкви (падшие, злые) духи; духи злобы; бесы. Церковь признает злое духа созданием Творца, бывшего первоначально добрым ангелом, но впоследствии отпадшим от Бога, и, как следствие, ставшим представителем зла и тьмы. См.: Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т.: т. 1: А – К. С. 474.

⁴⁵ *Демон* – в религии: злой дух, сатана.

⁴⁶ *Одр* – кровать, постель, ложе.

⁴⁷ *Ангел* (греч. – вестник, посланник) – согласно учению христианской церкви, сотворенные Богом бесплотные существа. Являются посредниками между Ним и людьми. Исполняют на земле Его веление. Они могли подвергаться искушениям. При этом могли устоять в добре, как светлые ангелы, или пасть, как злые духи. В христианстве их принято разделять на чины и лики: 1) серафимы, херувимы, престолы; 2) господства, силы, власти; 3) начала, архангелы, ангелы.

⁴⁸ *Богач и Лазарь* – евангелистские персонажи. Согласно притче, Богач «одевался в порфиру [верхняя одежда из дорогой материи пурпурного цвета] и виссон [нижняя одежда, белая, из очень тонкой египетской льняной материи, ценившейся на вес золота] и каждый день пиршествовал блистательно». Лазарь же «лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали струпья его». После смерти Богач оказался в аду, а нищий Лазарь был отнесен ангелами на лоно Авраамово, то есть в рай. Когда Богач попросил Авраама послать Лазаря, чтобы тот «омочил конец перста своего в воде и прохладил» его язык, то последовал ответ: «Чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь» (Лк. 16:19–25). Названный притч стал основой для русского духовного стиха, сохранившимся в большом числе вариантов. В нем евангелистский сюжет претерпел некоторые изменения. Богач и Лазарь являются родными братьями. Первый отрекается от брата и даже травит Лазаря собаками. Согласно тексту некоторых вариантов, Богач хвастается перед Лазарем, что сумеет «отмолиться от Бога, отсыпаться от смерти». Оба умирают, но разной смертью. У Богача ангелы исторгают душу железным крюком через левое ребро (вариант: темя), а у Лазаря – через сахарные уста. После смерти Богач попадает в ад, а Лазарь – в рай. См.: Христианство: Энциклопедический словарь: В 2 т.: т. 1. С. 268.

⁴⁹ *Рай* (перс. – сад) – согласно учению христианской церкви, место вечного блаженства праведников после смерти. Этой награды удостоивались лишь лица, при жизни верно служившие Богу.

⁵⁰ «*Богородице Дево*» – христианская молитва. Ее текст: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою; благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших». См.: Православный молитвослов. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. С. 32.

⁵¹ «*Отче Наш*» – молитва Господня. Христианской церковью признана исходящей из уст Самого Господа Иисуса Христа. Согласно Евангелия от Матфея, молитва была преподана Им в Нагорной проповеди: «Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь» (Мф. 6:9–13). Евангелие от Луки сообщает, что Иисус Христос научил Своих учеников молитве по их просьбе. Ее текст более краткий: «Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; И прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» (Лк. 11:2–4). Структурно «Отче Наш» разделяется на воззвание, семь прошений и славословие. Последнее гласит: «Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь» (Мф. 6:13). Церковь несколько изменила его содержание: «Ибо Твое есть царство, и сила и слава Отца и Сына и Святого Духа». Преследуемая цель – молящиеся должны относить молитву Господню не к одному первому Лицу Св. Троицы, а ко всем трем. С апостольских времен «Отче Наш» употребляется в общественном и частном богослужениях. Христианская церковь предписывала верующим произносить молитву Господню ежедневно не менее трех раз. См.: Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т.: т. 2: Л–С / Ред. колл.: С. С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. С. 263–264.

⁵² «*Достойно есть*» – христианская молитва. Ее текст: «Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем. Слава Отцу и Сыну и святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Господи, помилуй. Господи Иисусе Христе, сыне Божий, моли ради Пречистыя Твоея Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых помилуй нас. Аминь». См.: Православный молитвослов. С. 42, 43.

⁵³ *Утренняя* – одно из богослужений суточного круга в русской православной церкви, совершаемое утром.

⁵⁴ *Седмица* – семь дней, неделя.

⁵⁵ *Великий пост* (Великая четырехдесятница) – время строгого воздержания христиан. Продолжается семь недель (седмиц) – до Пасхи. Установлен в первые века христианства.

⁵⁶ *Обедня* – русское народное название литургии. Происходит от слова «обед». Литургия совершается перед обедом или до обеда.

⁵⁷ *Покаяние* – исповедь. См. сноску 58.

⁵⁸ *Исповедь* – церковное покаяние, признание в своих грехах перед священником, отпускающим грехи от имени церкви и Бога.

⁵⁹ *Икона* (греч. – образ, вид) – живописное или образное изображение божеств, святых, религиозных сюжетов и т.п., являющиеся предметом религиозного поклонения.

⁶⁰ *Спаситель* – в контексте повествования Иисус Христос. В Евангелии находим: «Родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» (Мф. 1: 21). Названное слово в Библии употребляется также и в отношении Бога, и в отношении людей.

⁶¹ *Андрей Юродивый* – христианский святой. По мнению ряда церковных деятелей, жил в X в. На основании житии данного святого на Руси в начале XII в. установлен праздник Покрова.

⁶² *Требник* – богослужебная книга, употребляемая в частных или особенных случаях. Включает в себя священнодействия и молитвословия, совершаемые в особых условиях места и времени по просьбе (нужде) одного или нескольких верующих. По содержанию требы разделяются на большой, малый и дополнительный.

⁶³ *Владыка* (господин, обладатель, верховный правитель, государь) – почетный титул духовных особ в Русской православной церкви. В контексте повествования имеется в виду Владыка Небесный – Господь.

⁶⁴ *Сонм* – собрание, множество.

⁶⁵ *Мученик* – согласно учению церкви, святые, засвидетельствовавшие свою верность Богу страдальческой смертью за веру.

⁶⁶ *Давид* – второй царь израильский, царь священник. Христианская церковь считает его творцом псалмов.

⁶⁷ *Апостол Павел* – проповедник христианства в I в., миссионер, богослов, автор 14 посланий.

⁶⁸ Сноска Н.В. Никольского: Творения Св. I. Златоуста. Т. V.

⁶⁹ *Проповедь* – выступление на религиозно-догматические или религиозно-нравственные темы. Различают несколько видов проповедей – беседа, катехизическая беседа, поучение, слово. Согласно требованию православной церкви, все проповеди должны завершаться «призыванием или разъяснением» необходимости спасения. Проповеди произносятся в конце литургии.

⁷⁰ *Святое Причастие* – одно из главнейших христианских таинств. В православной церкви к ней допускаются все верующие после должного приготовления постом и покаянием. Согласно учению христианской церкви, при его совершении приверженцы веры под видом вина и хлеба вкушают «тело и кровь Христа».

⁷¹ *Соединиться с Христом* – в контексте повествования под видом вина и хлеба вкушать «тело и кровь Христа».

⁷² *Разбойник благоразумный* – евангелистский персонаж. Согласно Евангелиям, вместе с Иисусом Христом на Голгофе были распяты два разбойника. Они вели себя по-разному. Один из них злословил Христу, бросив в Его адрес фразу: «Если Ты Христос, спаси Себя и нас». Другой же вел себя по-иному – он унимал повешенного соседа-злодея: «Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал». К Иисусу же Христу обратился с просьбой: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!». Последовал ответ Иисуса: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23: 39–43).

⁷³ *Мария Египетская* – преподобная VI в. Согласно преданию, в молодости она была проституткой. Присоединившись к паломникам, шедшим в Иерусалим, приняла христианскую веру. В пустыне 47 лет жила в покаянии.

⁷⁴ *Божья Матерь* – согласно учению христианской церкви, Мать Господа Бога Иисуса Христа. Имеет много других титулов: Богородица, Царица Небесная, Святая Дева, Матерь Ангелов и т.д. По преданию, родилась от Иоакима и Анны. Обручена с Иосифом. В Назарете получила благую весть о рождении Спасителя мира. Молитвы, обращенные в Ее адрес, в среде христиан считаются особо действенными.

⁷⁵ *Николай Чудотворец* – один из самых почитаемых христианских святых, архиепископ Мирликийский. Согласно учению церкви, прославился чудотворениями как при жизни, так и после смерти. Критически обработанного его жизнеописания не существует. Имя святого окружено массой народных сказаний, легенд, песен и духовных стихов. Почитается даже частью мусульман и язычниками.

⁷⁶ *Божница* – 1) часовня; 2) богадельня; 3) шкаф, предназначенный для постановки икон, образов. В контексте повествования имеется в виду последнее значение.

⁷⁷ Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., доля грамотных женщин в Казанской и Симбирской губерниях составляла соответственно лишь 1,05 и 1,3 %. См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. СПб., 1903. Т. XIV. С. XI; Симбирская губерния. СПб., 1904. Т. XXXIX. С. VIII.

⁷⁸ *Чело* – лоб.

⁷⁹ *Литургия* (греч. – богослужение) – главное христианское богослужение, на котором совершается таинство причащения.

⁸⁰ *Малый выход (выход)* – церковный обряд, в ходе которого диакон, отворив царские врата алтаря, несет на престольное Евангелие через горнее место и выносит его северной дверью

в предшествии светильника; за Евангелием следует священник.

⁸¹ *Великий выход (вход)* – церковный обряд, совершаемый в ходе приготовления даров и верующих к принесению жертвы в ходе причащения.

⁸² *Евхаристия* (греч. – благодарение) – причащение. См. сноску 70.

⁸³ *Святая Чаша* (потирь) – сосуд, употребляемый при причащении. Является принадлежностью жертвенника. В нее при совершении таинства вливается вино, смешанное с водой. Согласно учению церкви, она должна напоминать верующим о чаше страданий Иисуса Христа.

⁸⁴ *Братие* – форма обращения христиан друг к другу.

⁸⁵ *Василий Великий* (329– 379) один из отцов церкви, епископ Кесари Каппадокийской. Доказывал преимущество христианской веры над античной наукой. Автор ряда богословских сочинений (наиболее известный из них «Шестоднев»), содержащих основы космологии, пастырских руководств и проповедей. Разработал свой вариант литургии, до сих пор принятый в православии. См.: Христианство: Энциклопедический словарь: В 2 т.: т. 1. С. 339–342.

⁸⁶ *Григорий Двоеслов* – Григорий I Великий (ок. 540–604). В православной церкви он известен под именем «Двоеслова». Святой, папа. Родился в знатной римской семье. С молодых лет увлекся изучением трудов отцов Церкви, тяготился мирской жизнью. Основал ряд монастырей, стал монахом. В 590 г. избран папой. Автор многих сочинений. См.: Христианство: Энциклопедический словарь: В 2 т.: т. 1. С. 436, 437.

⁸⁷ *Святой Крест* – 1) символ, священная ценность христианства; 2) наперсный крест; 3) принадлежность находящегося в алтаре престола. В контексте повествования имеется в виду последнее значение.

⁸⁸ *Святые Таинства* – в христианской религии термин, используемый для обозначения знака или символа священной вещи, явления или случая, приобщающих верующих к божественной благодати. Православная церковь признает семь таинств: крещение, причастие, рукоположение, покаяние, миропомазание, брак и елеосвящение. В широком смысле слово «таинство» обозначает знак или символ, несущий нечто «скрытое», непостижимое и действительное. См.: Всемирная энциклопедия: Религия / Гл. ред. М.В. Адамчик; Гл. науч. ред. В.В. Адамчик и др. Мн.: Современный литератор, 2003. С. 249–254.

⁸⁹ *Богочеловек* – определение, содержащееся в Библии в отношении Иисуса Христа. Раскрывает понятие о Его лице: 1) в Иисусе Христе два совершенных естества – истинное божество и истинное человечество; 2) эти два естества составляют единое лицо. Подробнее см. Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т.: т. 3: Т–Я / Ред. колл. С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. С. 348– 363.

⁹⁰ Сноска Н.В. Никольского: *Гоголь Н.В.* Сочинения. Изд[ание] Павленкова. СПб., 1902. С. 1475.

В чувашском селе Хочашеве¹ Балдаевской волости (ныне Шуматовской волости – *прим. авт.*) Ядринского уезда в начале XIX столетия проживала семья Михайловых. Отца семейства звали Герасимом, мать – неизвестно, дочь – Матроной. Эта семья не отличалась достатком. Поэтому, чтобы более или менее сносно владеть своим существованием, она принуждена была кормиться заработками. По обыкновению некоторых чуваш-бедняков того времени, Михайловы нанимались в работники к русским, жившим на левом берегу реки Суры. Находясь среди русских, чуваша-работники усваивали русский язык, а также христианские понятия своих хозяев. Так, по крайней мере, было с родительницей Матроны. Христианская настроенность ее сказалась в путешествии ее по святым местам². Так, в 1828 г. она предпринимает путешествие в Саровскую обитель³, отсюда направилась в Киев и другие св[ятые] места. В Саровскую обитель набожная чувашка взяла и свою 12-ти летнюю дочь Матрону.

Побывав у пр[еподобного] Серафима и получив благословение от святого отца⁴, она почему-то оставила дочь в дер[евне] Ягодкиной⁵. Матрона здесь жила 4 года. Совместная жизнь с русскими оказала благотворное влияние на Матрону: она стала хорошо понимать русскую речь и, может быть, побуждаемая к тому хозяевами, почасту бывала у преп[одобного] Серафима⁶, получала от него благословение и наставления, видела чудеса св[ятого] старца⁷. Душевное расположение Матроны не укрылось от духовного взора пр[еподобного] Серафима. В одно из посещений его чувашкой Матроной он, благословляя ее, сказал: «Когда ты подрастешь, будешь монахиней⁸».

Предсказание пр[еподобного] Серафима сбылось. В 1844 г. Матрона Герасимова поступила в Свяжский женский Иоанно-Предтеченский монастырь⁹. По указу Казанской духовной консистории от 31 июля 1847 г. за № 4358,

Николай Васильевич Н и к о л ь с к и й (1878–1961) – См. С. 101.

* Подготовка к публикации, Комментарии и Примечания Г.А. Николаева.

Матрона «причислена к сестрам монастыря». Указом той же консистории от 22 марта 1856 г. за № 2039, согласно прошению, уволена в с. Хочашево «для призрения больной матери». Ухаживая за больной родительницей, Матрона не переставала думать об окончательном уходе в монастырь. Похоронив мать, а в лице ее последнюю связь с миром, она взяла увольнительное от общества свидетельство и направилась в Цивильский женский монастырь¹⁰, где и приняла постриг с именем Маргариты. Дело это было в 1872 г. Спустя 25 лет, в 1897 г. монахиня Маргарита была возведена в звание настоятельницы чувашской женской общины св. царицы Александры¹¹. В 1902 г. 90-летняя настоятельница Маргарита возвращается на покой в Цивильский женский монастырь, где вскоре умирает, оставив в наследство чувашам заветы преп[одобного] Серафима о доброй христианской жизни. По словам собеседника Маргариты – чувашина, образ преп[одобного] Серафима глубоко запал в душу Маргариты. Нужно было самому видеть Маргариту в ту пору, когда она рассказывала что-либо о святом подвижнике, чтобы понять все обаяние его личности. «*Серафим сиччен каланӑ чух хайӑн куçсулӑ шӑпӑртатса юхатчӑ*» [«Про преподобного Серафима вспоминала со слезами на глазах», – рассказывал чувашин.

Комментарии и примечания

¹ *Хочашево* – в настоящее время село Ядринского района Чувашской Республики, центр одноименного сельского поселения.

² *Святые места* – здесь места, имеющие отношение деяниям Иисуса Христа, Божией Матери, святых, а также событиям в истории христианской церкви. Пользуются особым почитанием у верующих и служат объектами паломничества.

³ *Саровская обитель* – Сатисо-Градо-Саровская пустынь. Основана в XVII в. пустынножителями на месте татарского городка Сараклы. Расположена в 47 км от г. Темникова. Первая церковь сооружена в 1706 г. Известность монастырю принесла повседневность иноков: она отличалась исключительной строгостью. См.: Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т: т. 2: Л–С / Ред. колл.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. С. 512, 513.

⁴ *Святой отец* – форма обращения к лицам духовного звания, священнослужителям.

⁵ Идентификация данного населенного пункта затруднена. Он не значится в списке сельских поселений Нижегородской губернии, составленном к 1 января 1910 г. Не исключено, что речь в статье Н.В. Никольского идет об одном из четырех нижеперечисленных населенных мест: д. Ягодная Лесная (Балахнинский уезд); д. Ягодное (Нижегородский уезд); д. Ягодное (Сергачский уезд); с. Ягодное (Княгининский уезд); д. Малое Ключево (Ягодное). См.: Список населенных мест Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1911. С. 4, 120, 145, 174.

⁶ Речь идет о Серафиме Саровском (1759–1833), христианском преподобном, старце-пустыннике и затворнике. В миру Прохор Сидоров Мошнин. Место рождения – г. Курск. В 1793 г. рукоположен в иеромонахи. В 1797 г. вступил на путь подвижничества. В течение многих лет находился в затворничестве. Приложил большие усилия к устройению и расширению Дивеевской женской общины, Ардатовской женской обители и др. В 1903 г. канонизирован.

⁷ *Святой старец* – пожилой монах; отшельник; духовный наставник верующих.

⁸ *Монахиня* – инокиня; состоящая в религиозной общине верующая, давшая обет вести аскетическую жизнь.

⁹ Свяжский женский Иоанно-Предтеченский монастырь основан в конце XVI в.

¹⁰ Свое начало берет с Цивильского Тихвинского мужского монастыря, основанного 1671–1675 гг. В 1870 г. был преобразован в женский, нештатный общежительный монастырь

во имя Божией Матери Тихвинской. В 1927 был закрыт. Возрожден в 1997 г. Святыни монастыря: Тихвинская икона Божией Матери (1675 г.) и икона великомученицы Варвары. См.: *Браславский Л.Ю.* Православные храмы Чувашии: Справ. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. С. 49, 50; Русская Православная Церковь. Монастыри: Энциклопедический справочник / Под общ. ред. архиепископа *Бронницкого Тихона*; Сост. *А.В. Никольский*. М.: Изд-во Моск. Патриархии: Республика, 2000. С. 253, 254.

¹¹ Речь идет о женской обители, основанной в 1898 г. вблизи с. Кошлауши Ядринского уезда Казанской губернии. Имела наименование «Община Св. мученицы царицы Александры». В 1901 г. преобразована в монастырь. См.: *Браславский Л.Ю.* Указ. соч. С. 55, 56.

N.V. N i k o l s k i y. Chuvash-govelshik.

N.V. N i k o l s k i y. On the biography of wonderworker Reverend Seraphim Sarovskiy.

At the beginning of XX century N.V. Nikolskiy joined to the public movement for the national activity of Volga non-Russian nations and their intimacy with Russians. He, as many other its members, considered that all that is possible to achieve through the Christian enlightenment of Chuvash, Mari, Udmurt and other ethnicity. These published works are the missionary constituent of the creative work of the beginner at researching. In the soviet time N.V. Nikolskiy held back about this aspect of his working to the certain reasons. Thus he denied some of his earlier researches the right to be published. The aim of these articles is an improvement of the existing situation.

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3

© Ю.В. Гусаров

© Н.В. Герасимова

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
КУШНИКОВ

Яркая, многогранная личность земского врача Дмитрия Алексеевича Кушникова, его скромность и преданность делу, высокий профессионализм и щедрость души производили глубокое впечатление на современников. Нравственным долгом интеллигенции он считал служение народу, чему посвятил свою жизнь. Долгие годы Кушников был связан с Чувашским краем, проявив себя видным медицинским и общественно-политическим деятелем.

Имя Кушникова вписано не только в историю, но и в историографию Чувашии. В 1920-е годы его общественно-политическая деятельность оценивалась полярно: если Д.П. Петров (Юман) назвал Кушникова защитником интересов народа, одним из пионеров революционного движения в крае, то В.В. Тюмеров заклеил как кадета, обманувшего народное доверие¹. В последующие десятилетия имя Кушникова было предано забвению. В 1960 г. руководитель Чувашского госархива высказал идею подготовки сборника, посвященного Кушникову², которая, к сожалению, не была реализована. Только с 1970-х годов имя Кушникова стало упоминаться в исследованиях по истории медицины и политической истории Чувашии³. В постсоветский период, когда проявился персонифицированный интерес к истории небольших партий, были опубликованы газетные очерки о Кушникове, материал о нем стал включаться в учебные пособия и труды краеведческого плана⁴. Путь к исторической истине не обходится без издержек: под пером отдельных современных авторов Кушников предстает политиком-радикалом: пропагандистом, связанным с казанскими социал-демократами, руководителем подпольного кружка сельской интеллигенции, причастного к организации аграрных беспорядков и даже владельцем боевого арсенала⁵, что не согласуется с выявленными документами. Столетие Государственной думы России было отмечено появлением ряда сочинений, уделивших внимание Кушникову-парламентарии⁶. Уровень накопленных знаний отразили

Юрий Владимирович Гусаров – кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Наталья Викторовна Герасимова – кандидат исторических наук.

новейшие региональные и корпоративные энциклопедии⁷. На сегодня лучше изучена общественно-политическая, нежели профессиональная деятельность Кушникова, тем более – его личная жизнь. При этом многие аспекты его биографии остаются или вовсе неизученными, или малоисследованными. Историко-краеведческая литература содержит множество ошибок, голословных утверждений и недостоверных фактов, хронологическую путаницу. От указанных изъянов не свободны даже справочные издания. Между тем в Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР) хранится личный фонд Кушникова, переданный в 1954–1960 гг. его сыном П.Д. Кушниковым⁸. Он включает личные документы: удостоверения, письма, фотографии, газетные статьи и др., достаточно полно характеризующие жизненный путь и деятельность земского врача. П.Д. Кушников составил краткую биографическую справку об отце, основанную на документах и личных воспоминаниях⁹. Богат материалами о Кушникове фонд Чебоксарской земской управы ГИА ЧР, коллекция документов о революции 1905–1907 гг., хранящаяся в Чувашском Национальном музее¹⁰. Настоящая публикация преследует цель обобщить известный и ввести в научный оборот новый материал о жизни и деятельности Д.А. Кушникова.

Дмитрий Алексеевич Кушников родился 15 октября 1850 г. (по старому стилю) в семье сельского священника с. Караево Казанского уезда Казанской губернии (ныне с. Никольское Лаишевского района Татарстана)¹¹. Его дед Семен был крепостным крестьянином помещиков Кушниковых, владевших имением в с. Кушниково Чебоксарского уезда. Получив вольную от господ, он работал диаконом Преображенской церкви в родном селе. По традиции все три его сына стали священнослужителями¹². Они носили разные фамилии. Отец Кушникова Алексей Семенович (1818–1897) получил ее по месту рождения при поступлении в Казанское духовное училище¹³. В 1841 г. он окончил Казанскую семинарию и два года работал священником в с. Кульга Лаишевского уезда. В 1843 г. был переведен в с. Кабаны Казанского уезда, где числился за штатом и преподавал в приходской школе. В 1848 г. А.С. Кушников был назначен священником в Николаевскую церковь с. Караева¹⁴. Здесь он женился на Марии Флегонтовне (1828–?) и вскоре в молодой семье родился сын, который при крещении получил имя Дмитрий¹⁵. В 1890-е годы А.С. Кушников проживал в с. Кабаны, где и умер заштатным священником¹⁶.

Мать Дмитрия от природы была щедро наделена добротой и сердечностью. Отец, напротив, хотя и обладал большой энергией и силой воли, но отличался жестким характером¹⁷. Следует отдать должное его пастырскому усердию: он искренне радел о нуждах прихожан. Известно, что в с. Караево он бесплатно обучал в своем доме до 15 крестьянских детей¹⁸. В 1891 г. за 50-летнее пастырское служение был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, дававшим право на потомственное дворянство, но не воспользовался им¹⁹.

В 1862 г. А.С. Кушников определил сына в духовное училище Казани²⁰. В 1866 г., подобно многим выпускникам бursы, Дмитрий продолжил бого-

словское обучение, поступив в Казанскую духовную семинарию²¹. Основанная в 1733 г., она готовила священников для многонациональной Казанской епархии. Поэтому большое место в учебном процессе в ней отводилось изучению чувашского, марийского и татарского языков. Устав духовных училищ 1867 г. приблизил программу семинарского обучения к гимназическому, расширив преподавание общеобразовательных дисциплин. Они изучались в столь значительном объеме, что до 1871 г. выпускники семинарий могли поступать в университеты²². Схоластическое преподавание догматов церкви убивало интерес к учебе. Многие семинаристы учились спустя рукава. Не был исключением и Дмитрий, свидетельством чему служит табель об его успеваемости: Священное писание – 3, логика – 3, история Русского государства – 4, математика – 4, греческий язык – 3+, латинский язык – 3, татарский язык – 3, французский язык – 2²³. В семинарии он подружился с С.М. Вишневым – сыном священника из с. Сугут-Торбиково Ядринского уезда. Подобно Дмитрию, ему нравилась медицина. Их мечты сбываются – в 1870 г. они одновременно поступят в Казанский университет. Правда, путь Кушников к высшему образованию оказался ухабистым.

Дмитрий посещал популярный у студенчества Казанский театр на Театральной площади. В 1867–1887 гг. (с перерывами) здесь держал антрепризу (драматическую и оперную труппы) талантливый актер и антрепренер, воспитанник Московской театральной школы П.М. Медведев (1837–1906)²⁴. В его театре ставились классические драмы, комедии, оперы и оперетты. На подмостках блистали прославленные актеры М.Г. Савина, В.Н. Давыдов, П.А. Стрепетова и др. На праздновании юбилея любимицы публики актрисы Алексеевой Кушников от лица казанских студентов сказал смелую речь, которая стала причиной его исключения с 4-го курса семинарии. По словам Кушников, дело можно было замять, но ему претила духовная карьера, поэтому он согласился покинуть семинарию по собственному желанию. А.С. Кушников же считал, что сын должен продолжить династию и слышать не хотел об университете. Не сумев сломить решимости Дмитрия, он лишил его родительского крова и материальной помощи. С этого момента сын ни разу не видел отца²⁵.

Для поступления в университет Кушникову как семинаристу-недоучке требовалось получить «аттестат зрелости» того времени – сдать экзамены за курс классической гимназии. Он поклялся, что если поступит в университет, посвятит себя служению угнетенным²⁶. В 1870 г. Дмитрий был зачислен вольнослушателем на медицинский факультет Казанского университета, а в следующем году стал его студентом²⁷. Позже, вспоминая это трудное время, он с гордостью говорил своим детям: «Я работал грузчиком на Волге, харкал кровью, но в университет экзамены сдал»²⁸.

Казанский университет являлся крупным научным центром с известными научными школами в разных отраслях знаний. На медицинском факультете преподавала плеяда блестящих ученых: анатом-физиолог П.Ф. Лесгафт, офтальмолог Е.В. Адамюк, основатель казанской школы гистологов

Н.А. Виноградов, физиологи Н.О. Ковалевский и Ф.В. Овсянников. «Корень учения горек, зато плоды его сладки», – гласит народная мудрость. Учебный день студентов-медиков был занят лекциями, занятиями в анатомических и лабораториях, работой в клиниках при университете. Большинство студентов пореформенной поры были стеснены в средствах: одевались скромно, а многие – очень бедно. Они посещали дешевую столовую Общества попечения о бедных в Суконной слободе, где за скромную плату можно было заказать обед из тарелки супа и гречневой или пшенной каши с салом²⁹.

Студенты подрабатывали частными уроками, перепиской лекций, пели в церковном хоре, на летние каникулы устраивались помощниками земских врачей, оспопрививателями или фельдшерами и т.п. Не получая помощи от семьи, Кушников был вынужден наниматься на тяжелую физическую работу, заработав порок сердца³⁰. Большую часть заработка приходилось тратить на наем жилья, за которое студенты, проживая по 2-3 человека в комнате, платили в складчину. Многих спасали государственные, земские и частные стипендии³¹ (известно, что Кушников являлся личным стипендиатом профессора-гистолога А.Е. Голубева³²). Нуждающихся в средствах выручала студенческая ссудная касса, где можно было занять денег под залог стипендии или получить пособие. Подспорьем в учебе служили факультетские библиотеки, за пользование которыми взималась плата 1 руб. в месяц³³.

1860–1870-е годы были отмечены борьбой студенчества и демократической профессуры за обновление преподавания и развитие материалистической науки. Начавшись с протестов против бюрократического произвола в университетах, она приняла форму так называемых студенческих историй. Одна из них, имевшая связь с вопросом о высшем женском образовании, получила известность как «дело» казанского профессора П.Ф. Лесгафта. В 1859–1860 гг. женщины-вольнослушательницы начали посещать занятия в некоторых вузах, однако, из-за их активного участия в студенческих волнениях 1861 г., университетский устав 1863 г. закрыл женщинам доступ в вузы. Несмотря на запрет, П.Ф. Лесгафт неофициально допускал на свои лекции по анатомии учениц акушерского класса и даже «посторонних дам». В 1871 г. среди последних была известная в будущем революционерка-народница В.Н. Фигнер с сестрой Лидией, чье появление в студенческой аудитории стало большой новостью³⁴. Но громкие последствия имело назначение профессором (с разрешения Ученого совета) на должность ассистента анатомического театра слушательницы акушерских курсов Е. Мужской³⁵. Оно переросло в столкновение Лесгафта с попечителем Казанского учебного округа П.Д. Шестаковым и раскололо профессуру на противоположные лагеря. Протестуя против вмешательства попечителя во внутренние распорядки анатомического театра, в 1871 г. П.Ф. Лесгафт опубликовал в «Санкт-Петербургских ведомостях» две критические статьи о порядках в университете. «Дело Лесгафта» получило общественный резо-

нанс и дошло до царя Александра II. В 1871 г. Лесгафт был уволен из университета без прошения и без права преподавания в вузах (вновь получил его в 1874 г.)³⁶.

Вокруг П.Ф. Лесгафта сплотилось передовое студенчество и прогрессивная профессура. Семь профессоров, в числе которых был и уроженец с. Большие Шемердяны Ядринского уезда геолог Н.А. Головкинский и наставник Кушников А.Е. Голубев, в знак протеста подали в коллективную отставку. Несколько студентов решили перевестись в Петербургский университет – поближе к уехавшему в столицу Лесгафту³⁷. Перед отъездом профессора однокурсники Кушников предложили ему сфотографироваться с ними на память. Акция протеста была сорвана губернатором, обязавшим фотографа предоставить полиции снимки студенческих групп с опальным ученым. Эти действия вызвали у молодежи негодование. В доносах попечителю Кушников и его товарищи (П. Гоняев, И. Дубенецкий, П. Осташевский, И. Березницкий и др.) были названы «рьяными приверженцами» Лесгафта³⁸. Позднее, в минуты откровения Д.А. Кушников вспоминал о своем участии в студенческих волнениях и тогдашней реакции³⁹.

5 июня 1875 г. Кушников получил диплом лекаря⁴⁰, а через два дня женился на дочери умершего священника с. Караваяво Спасского уезда Казанской губернии Варваре Петровне Католинской (1858–1891)⁴¹. Вскоре он получил приглашение на службу в Восточную Сибирь от двух крупнейших золотопромышленных компаний⁴². Так начала сбываться его юношеская мечта – «служить угнетенным». С июля 1875 г. по июль 1878 г. Кушников работал на Окманских приисках в Сибири, а затем до сентября 1879 г. занимался при клиниках Казанского университета⁴³. В феврале 1879 г. он успешно сдал экзамены и 2 марта получил свидетельство уездного врача⁴⁴. 12 октября того же года дипломированный специалист стал работать земским врачом 2-го медицинского участка Свияжского уезда⁴⁵, который включал 7 волостей. В конце 1870-х годов на его территории имелось 4 приемных покоя (фельдшерских пункта), в начале 1880-х годов – лечебница и 2 покоя.

Большую часть своего времени врач тратил на разъезды: был обязан дважды в месяц посещать приемные покои и волостные правления для приема амбулаторных больных, а также выезжать на экстренные вызовы. В обязанности врача входили также: контроль за работой оспопрививателей и хозяйственным состоянием больницы и приемных покоев, борьба с эпидемиями и др.⁴⁶ Первое время при Кушникове не было фельдшера и акушерки, что увеличивало объем работы. Ко всему и служебная квартира врача располагалась на окраине уезда в с. Уланово⁴⁷.

В сентябре 1882 г. Д.А. Кушников участвовал в работе V съезда земских врачей Казанской губернии, который рассмотрел ряд важных вопросов: об организации доступной для населения земской медицинской помощи, о создании врачебных советов при уездных управах, об утверждении должностных инструкций для медицинского персонала и прочие⁴⁸. Забегая впе-

ред, скажем, что в Чебоксарском уезде были реализованы рекомендации съезда по организации прогрессивной на то время стационарной системы врачебной помощи (с больницей и амбулаторией с аптекой при ней, когда врач жил при больнице и вел прием больных, выезжая на участок при крайней необходимости: эпидемиях, отдельных тяжелых заболеваниях, трудных родах и др.), что принесло хорошие результаты⁴⁹.

При участии Кушников и его коллег Свияжский уезд был разделен на санитарные участки во главе с выборными попечителями, призванными вести наблюдение за эпидемической обстановкой и своевременно оповещать участковых врачей об ее обострении. Но врачи не могли реализовать всех прогрессивных начинаний из-за отсутствия должной поддержки со стороны земской управы. В январе 1883 г. разразился конфликт между врачами С.П. Урениусом и Кушниковым, с одной стороны, и председателем Свияжской земской управы П.И. Голубевым – с другой. Поводом для него явилось сокращение Голубевым отпуска врачам дорогостоящих медицинских препаратов. Медицинские работники были недовольны и тем, что управа ограничивала их инициативу при решении профессиональных вопросов⁵⁰. Конфликт развивался более двух месяцев и завершился добровольной отставкой двух врачей и четырех фельдшеров, получив огласку в печати⁵¹.

В марте 1883 г. Кушников остался без работы, но уже 25 апреля по приглашению Чебоксарского земства возглавил 3-й медицинский участок, созданный в 1882 г.⁵² Здесь имела больница в с. Исменцы на 10 кроватей (открыта в 1882 г.) и два фельдшерских пункта: в с. Карачево (Никольское тож) и д. Козловка с небольшими аптеками⁵³. Первое время Кушников жил в Козловке. Штат участка состоял из 1 врача, 3 фельдшеров, 1 фельдшерицы-акушерки, которые обслуживали территорию площадью 1604 квадратных версты. По количеству жителей (38,4 тыс. чел. – 1884 г.) он занимал второе место после Мариинско-Посадского медицинского участка. Это была настоящая глубинка с чувашским населением, где не было культурного общества и даже «сколько-нибудь сносного жилья». Как писал П.Д. Кушников, в участке царили хронические болезни – «трахома, чесотка и сифилис», так что там даже врачу «поначалу было показаться не безопасно»⁵⁴. Поэтому согласие обремененного семьей Кушников возглавить данный участок современниками было расценено как геройский поступок⁵⁵.

На новом месте работы Кушников встретил коллегу П.С. Петрова, с которым вместе занимался еще при клиниках университета⁵⁶, и близко сошелся с видным земским деятелем, врачом Чебоксарской городской больницы Р.О. Заленским (1840–1902). Выпускник Московского университета Заленский получил универсальную специализацию, которая сослужила добрую службу: работая с 1873 г. в Чебоксарах, в условиях нехватки квалифицированного персонала он совмещал почти все медицинские специальности. В 1878 г. Р.О. Заленский был призван в армию и служил младшим ординатором в военном госпитале. За усердие, проявленное в борьбе с эпидемией тифа, был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В 1879 г. вернулся в Чебоксары⁵⁷.

Кушников столкнулся со множеством трудностей. Чувашские крестьяне были невежественны в вопросах медицины и гигиены и не доверяли врачам. В домах и на подворьях царила антисанитария, навоз сваливался в овраги, загрязняя источники воды, что грозило вспышками эпидемий. Население, как писал Кушников, при тяжелых заболеваниях обращалось «сначала к ёмзе»⁵⁸, укрывало от врачей заболевших. Лишь доброжелательностью и терпением можно было преодолеть отчуждение пациентов от врачей. Чтобы «не оттолкнуть от себя население»⁵⁹, Кушников избегал применять судебные и полицейские меры к нарушителям противоэпидемических правил.

Много проблем порождало незавидное материальное положение крестьянства. В 1884 г., перечисляя неудачи в борьбе с инфекционными заболеваниями, Кушников писал, что не удалось справиться с антисанитарией в быту, отправить в больницу пациентов из-за отсутствия у них теплой одежды и провести дезинфекцию белья по той же причине, открыть временный стационар вблизи Козловки из-за отсутствия подходящего помещения и др.⁶⁰. Несмотря на все усилия, ему, по собственному признанию, «и на 1/100» не удалось приблизиться к требованиям профилактической медицины⁶¹. «Бедность и некультурность населения часто настолько велики, что ставят врача в невероятные условия..., – писал он позднее. – Родовой акт требует большой чистоты, а в земской практике 2 гузовки соломы – все, что может предложить семья»⁶².

Не имея возможности «всюду поспеть, за всем усмотреть и тем более собственноручно все сделать», он объявил борьбу халатности и бездействию со стороны медицинского персонала (оспопрививателей, фельдшеров) и санитарных попечителей из крестьян⁶³. В отместку за наказание нерадивые участковые попечители, умудрявшиеся реагировать на эпидемию в период ее пика или даже окончания, пытались настраивать население против врача⁶⁴. По просьбе Кушникова земская почтовая станция была переведена из с. Беловолжского в д. Козловку, что облегчило поездки медиков по участку⁶⁵.

Волости 3-го участка (Воскресенская, Никольская, Покровская) насчитывали 120 селений⁶⁶. Они входили в число лидирующих по заболеваемости населения, а приемные покои в с. Карачево и д. Козловке – по количеству принятых больных⁶⁷. Рабочий день Кушникова продолжался 10–12 часов⁶⁸. Молодой врач так много ездил по участку, что это вызывало жалобы со стороны земских ямщиков⁶⁹. Однажды, заболев, он просил управу не искать ему замены, «ибо, – как писал, – я еще могу делать указания фельдшерам»⁷⁰. Поразительно, как при этом он успевал заниматься и аналитической работой. Только в 1884–1887 гг., помимо ежегодных отчетов, требующих большого прилежания и труда, для обсуждения на врачебном совете им были подготовлены рукописи: «Краткий очерк развития Чебоксарской аптеки», «О мерах по предупреждению эпидемий по III участку», «Заметка по вопросу собирания санитарных сведений», «Материал к движению народонаселения в III медицинском участке Чебоксарского уезда за 1870–

1885 г.» (с таблицами и диаграммами); им был также изучен вопрос о развитии перемежающейся лихорадки в уезде за 1883–1886 г.⁷¹ В 1887 г. он вызвался изучить статистический материал о возрастном составе населения уезда⁷².

Работу земского врача иначе как каторжной не назовешь. Продолжительность рабочего дня не регламентировалась. А вот в каких условиях приходилось ему работать: «Прибольничные амбулатории с 1-2 кабинетами устраивались в маленьких деревянных домах. В них были небольшие залы ожидания, вмещавшие 8-10 человек детей и взрослых. Пришедшие на прием крестьяне простаивали на улице в любое время года. В тесной и душной комнате врач осматривал больных и производил некоторые манипуляции, заполнял «скорбные листы», выписывал рецепты, так как он обычно работал без помощника. Перевязочных кабинетов, хирургических кабинетов в амбулатории не было»⁷³. По приемным дням раз в неделю врач вел прием больных в фельдшерских участках, а там, где их не было, в зданиях волостных правлений. Коллега Кушников врач П.П. Заболотнов писал, как в волостном правлении с. Кужмары ему выделили тесную, плохо освещенную, заставленную разной рухлядью комнатку, «так что двоим в ней едва [можно] повернуться, вследствие чего нет возможности как следует осмотреть больных». Да еще многочисленные посетители правления производили такой шум, что нельзя было выслушать больных⁷⁴. Кушников признавался, что из-за спешки при приеме пациентов в базарные дни приходилось назначать лечение по выдающемуся симптому, отказываясь от постановки точного диагноза⁷⁵. Нередко, злоупотребляя отзывчивостью врача, больные с легкими заболеваниями вызывали его на дом. Кушников сетовал, что из-за подобных пациентов, способных без затруднений явиться на прием, приходилось непроизводительно тратить время и силы⁷⁶. Работу врача осложняла нехватка среднего медицинского персонала, недостаток лекарств и медицинских материалов⁷⁷. Нередко из-за отсутствия ветеринаров их обязанности возлагались на земских врачей. В 1884 г. Кушников просил управу освободить его от забот по ветеринарии, так как был «завален своей работой»⁷⁸.

Передовые принципы, на которых основывалась земская медицина – общедоступность, бесплатность – были едва ли осуществимы в условиях, когда один врач обслуживал 30-40 тыс. человек, а мест в лечебных заведениях катастрофически не хватало. Многих больных приходилось лечить амбулаторно. Отказывали в госпитализации и в безнадежных случаях. Вот цифры: в 1905 г. в 3-м медицинском участке за помощью к врачу и фельдшерам обратилось 16837 чел. (51,3% от всего населения, по 67 чел. в день), из них только 705 чел. (4,2% от обратившихся) получили стационарное лечение⁷⁹. Кушников признавал, что реальная заболеваемость превышала медицинскую статистику в 3-4 раза из-за ограниченных возможностей населения пользоваться врачебной помощью⁸⁰. Недостаток финансирования имел следствием слабость материальной базы больниц и аптек, большую текучесть кадров медицинского персонала и др. И все же успехи земств в охране народного

здоровья были очевидными: они смогли создать оригинальную систему общественной медицины и нашли эффективные пути осуществления медико-санитарных задач.

Правда, это достигалось ценой самоотверженного труда земских врачей. Будучи общими специалистами, они выполняли широкие функции: вели стационарное лечение и прием амбулаторных больных, занимались оспопрививанием, родовспоможением, борьбой с эпидемиями, делами санитарной полиции и судебно-медицинской экспертизы, медико-санитарным просвещением, медицинской отчетностью, перепиской с управой, решали административные и хозяйственные вопросы подведомственных больниц (прием на работу и увольнение прислуги, отопление, освещение, питание больных, снабжение их бельем и др.), привлекались к медицинскому освидетельствованию призывников и др.⁸¹ При этом социально врач был защищен слабо. Один из казанских врачей в 1895 г. с болью говорил: «Земский врач, честно и добросовестно оберегающий самые дорогие интересы человека – его здоровье, нередко в материальном и моральном отношении поставлен весьма незавидно. Труд врача неправильно оценивается, его будущность ничем не обеспечена. Мысль о преждевременной старости, являющейся результатом непосильных трудов и постоянных волнений, вечно тяготеет над ним. Врач не может не сознавать, что, отдавая все свои знания, свои силы делу, которому он так предан, работая для блага других, он сам со своей семьей на старости лет легко может очутиться в безвыходном положении»⁸².

20–26 июня 1885 г. в Казани работал VI губернский съезд земских врачей. Чебоксарское земство на съезде представлял Р.О. Заленский, Кушников же приехал на него по собственной инициативе. Среди основных съезд обсудил и вопросы о мерах борьбы с холерой и постановке земской медицины в уездах. Кушников выступил с критикой практики попечительского надзора за возникновением холеры, эпидемия которой грозила стране. По его словам, она мало отличалась от существовавшей системы административного контроля за появлением других эпидемий и была столь же неэффективна. Он предложил дать врачам право наказывать недобросовестных участковых попечителей и предоставить врачебным советам права комитетов общественного здоровья⁸³. Кушников принял участие в обсуждении многих вопросов, связанных с организацией медико-санитарного дела: способах дезинфекции белья в больницах, лечении душевнобольных, организации санитарных исследований и др. Съезд поддержал его совместное с И.В. Годневым предложение о привлечении к ликвидации эпидемии холеры оставших ротных фельдшеров, которых было достаточно в каждом уезде⁸⁴. На заключительном заседании съезда Д.А. Кушников и С.М. Ершов были избраны членами губернской медицинской комиссии, которую было рекомендовано учредить губернскому земскому собранию⁸⁵. Как ее член, в сентябре он выезжал в Свияжск и Казань по делам подготовки следующего съезда⁸⁶. В ноябре 1888 г. Чебоксарский врачебный совет командировал Кушникова и П.П. Заболотнова на Казанскую губернскую конференцию

участковых земских врачей, где обсуждались актуальные вопросы организации медицинской помощи⁸⁷.

В 1886 г. был утвержден проект (архитектор Аникин) деревянной больницы в д. Исмели (старое название – Аккозино) на 17 штатных и 8 запасных кроватей, где еще в 1880 г. планировалось открыть приемный покой⁸⁸. Инициатором ее строительства являлся Кушников, который в 1883 г. указал земскому собранию на необходимость строительства больницы в своем участке⁸⁹, а на врачебном совете неоднократно высказывался за ее размещение в д. Аккозино как центральном пункте уезда, в чем встретил поддержку со стороны председателя управы А.П. Астраханцева⁹⁰. В 1886 г. между врачами смежных участков Н.П. Петровым и Кушниковым состоялась договоренность о том, что заведовать новой больницей будет второй. Врачебный совет утвердил это соглашение, изменив схему заведования приемными покоем. Учитывая необходимость разгрузить Кушникова для работы в больнице, приемный покой в Козловке был передан в заведование врачу 4-го участка П.П. Заболотнову, который переехал туда на жительство. В ведении Кушникова был оставлен приемный покой в с. Карачево на две кровати⁹¹. В ответ на перемещение врача сельские старосты 14 селений обратились к земскому собранию с просьбой об оставлении Кушникова в Козловке⁹², что говорит о его высокой репутации в народе.

Исмелевская больница была построена в 1887 г. под «непосредственным наблюдением» Кушникова на земле, бесплатно уступленной земству сельским обществом д. Аккозино. Стоимость строительства составила 8 тыс. руб.⁹³ По словам современников, доктор относился к больнице как к «любимому своему детищу»: участвовал в обсуждении ее проекта, входил в комиссии по приему больницы от строителей⁹⁴. Позднее он принимал активное участие в обсуждении вопросов строительства медицинских учреждений в уезде⁹⁵, заслужив репутацию «опытного строителя»⁹⁶. При больнице имелся флигель для квартиры фельдшера с аптекой и приемной комнатой для осмотра больных, кухня, кладовые для белья, баня с прачечной, усыпальница и др. Врач жил в наемной квартире в Исмелевской слободке. В 1901 г. благодаря усилиям Кушникова был построен «заразный барак» (инфекционное отделение)⁹⁷.

По просьбе Кушникова в Исмели из Козловки были переведены фельдшер Козлов и фельдшерица-акушерка Смирнова, а старшим служителем (завхозом) назначен отставной ротный фельдшер Р.Г. Григорьев⁹⁸. 1 июля, за месяц до открытия больницы, Кушников с персоналом переехали в Исмели, «чтобы вся больничная обстановка производилась под его (персонала – *Авт.*) личным наблюдением»⁹⁹. Вот еще один штрих к портрету Кушникова: в 1890 г., учитывая ограниченность земского бюджета, он отказался от постройки квартиры для врача в Исмелях в пользу строящейся больницы в Мариинском Посаде¹⁰⁰.

Современники писали, что Кушников отдавал работе «большую часть своего времени», по первому зову спешил на помощь¹⁰¹, предпочитал само-

стоятельно делать даже то, что можно было поручить помощникам: «вообще во всем и всегда сам старается принять участие»¹⁰². Он проявлял постоянную заботу о среднем медицинском персонале: ходатайствовал о премировании за хорошую работу, добивался надбавок к зарплате и др.¹⁰³ При этом был требователен к подчиненным, следил за порядком в больнице, заботился о питании больных и др.¹⁰⁴ Пациент Кушникова чувашский учитель Н.М. Охотников вспоминал: «Никогда я не забуду, как Вы заботливо каждый раз водили меня в свою больницу, аптеку и кухню при больнице. Здесь я был очевидцем того, какою чистотою пользуются чувашаи и какой стол они могут иметь в больнице при маленьком сравнительно содержании»¹⁰⁵. Вот суточный расход продуктов на одну порцию (суп, каша) в Исмелевской больнице: 1 фунт мяса, 2 фунта черного хлеба, 0,5 фунта разных круп, соль, лук, специи, овощи, 5 золотников скоромного масла, приправа. В качестве добавки – молоко и хлеб без ограничений: «Лишь бы больной съедал выданное и не болел от переполнения желудка»¹⁰⁶. Друзья отмечали, что Кушников «вместе с наукой нес больному, быть может, еще более ценное – бодрящее слово участия и материальной помощи», поэтому «крестьяне весьма любили всегда готового на помощь словом и делом, беспокойного доброго врача»¹⁰⁷.

Несмотря на все старания, Кушникову не удалось открыть операционную: операции проходили в общем коридоре больницы и на дому у больных. Из-за отсутствия условий приходилось отказываться от сложных операций (полостных и на крупных суставах), направляя больных в Чебоксары¹⁰⁸. «Сегодня только диву даешься, – пишут историки медицины, – как, не имея элементарных условий, [...] врачи могли производить такие операции, как трепанация черепа, ампутация голени, иридэктомия, экстракция катаракты, уретромия и т.п. А это как раз те операции, которые были сделаны в Исмелевской больнице в 1889–1890 гг.»¹⁰⁹. Добавим, что в указанный период в Исмелях было выполнено 108 операций¹¹⁰. По отчетам Кушникова, ежегодно он делал до 25 крупных операций¹¹¹. Слава о докторе перешагнула границы участка, и пациенты приезжали к нему издалека.

Активная деятельность земского доктора не осталась незамеченной. В декабре 1889 г. по решению земского собрания было возбуждено ходатайство о награждении Кушникова орденом Св. Станислава 3-й степени как «инициатора всех вопросов, клонящихся к улучшению земской медицины». Оно не было удовлетворено, поэтому в следующем году земство наградило врача премией в 200 руб.¹¹² В 1889 г. Кушников подал прошение о предоставлении ему права государственной службы, которое было удовлетворено в апреле 1890 г.¹¹³

Общественная деятельность земских врачей в пореформенный период затрагивала главным образом область социальной санитарии и гигиены. Указывая на связь здоровья с экономическим благополучием человека, Кушников писал, что антисанитария в быту, невежество матерей, недоедание и болезни, которые с колыбели преследовали чувашских детей, имели следствием то, что они вступали в жизнь «с недостаточной энергией к борь-

бе за существование»¹¹⁴. Пытаясь повлиять на ситуацию, медики инициировали социально-экономические мероприятия по улучшению жизни и бытовых условий населения, пропагандировали знания по гигиене. На земском собрании 1891 г. отмечалось, что Кушников «отличался особо выдающейся деятельностью и всегда являлся инициатором каждого полезного в деле организации медицины [...] нововведения»¹¹⁵. В 1902 г. по поручению земской управы он впервые в Чебоксарском уезде организовал ясли-приют в д. Выселок Тогаево (Аккозино тож) для содержания крестьянских детей в дневное время во время страды. Создание яслей-приютов позволяло оздоравливать детей, страдавших в летний период от кишечных заболеваний, предохранять от несчастных случаев и осуществлять за ними постоянное медицинское наблюдение, о чем, делясь полученным опытом, говорил Кушников на уездном земском собрании (оно выразило ему благодарность)¹¹⁶. Организацией яслей-приютов он занимался до 1904 г.: арендовал помещения, заключал договоры о поставке продуктов и дров, приобретал необходимый инвентарь, осуществлял общее наблюдение за ходом работы яслей¹¹⁷. По его наблюдению, чувашское население восприняло новшество своеобразно – как способ «кормления бедных»¹¹⁸. В голодный 1891 г. Кушников включился в кампанию помощи пострадавшим крестьянам. По словам современника, он делился с голодающими «скудными средствами», которые отрывал от своей семьи¹¹⁹. Стремясь помочь бедным пациентам, Кушников ходатайствовал об их лечении за счет земства, предлагал бесплатно отпускать лекарства из земской аптеки всем (городским и сельским) учителям и др.¹²⁰ Он оказал содействие в направлении нескольких талантливых детей на учебу в Казань¹²¹.

Земские врачи Чебоксарского уезда могли повышать профессиональный уровень, выезжая в научные командировки в университетские города. Они посещали спецкурсы казанских профессоров, в частности, лекции по офтальмологии Е.В. Адамюка, проходили обучение на краткосрочных курсах, организуемых Обществом врачей Казани¹²². К их услугам имела профессиональная библиотека, созданная в 1889 г. по инициативе Кушникова при Чебоксарской больнице. По его предложению были также открыты народные библиотеки для чтения при больницах (он же первое время занимался их комплектованием)¹²³. В 1889 г. чебоксарские врачи установили связь с правлением IV съезда Общества русских врачей им. Н.И. Пирогова. По поручению врачебного совета Заленский и Кушников составили для Пироговского общества записку о развитии земской медицины в уезде за 25 лет¹²⁴.

Научные интересы Кушникова не ограничивались медициной. В 1888 г. он откликнулся на приглашение подведомственной Императорской Академии наук Главной физической обсерватории (Петербург) заняться метеорологическими наблюдениями (гроза, град, осадки) и заказал дождемер для грозовой метеостанции¹²⁵. Метеорологические наблюдения стали одним из его увлечений¹²⁶.

28 марта 1891 г. от туберкулеза умерла жена Кушникова (похоронена на церковном кладбище в с. Беловолжское)¹²⁷, оставив на его руках детей: Веру (1876–1910), Владимира (1883–1950) и Сергея (1886–1913). Ранее, 16 марта, Кушников подал заявление об оставлении службы в земстве с 20 апреля «по не зависящим» от него обстоятельствам¹²⁸ (по положению, одновременно он был уволен и с государственной службы¹²⁹). Вскоре Кушников уехал в Сибирь с молодой гражданской женой, мещанкой г. Мариинского Посада Анной Петровной Рожковой (1874–?)¹³⁰. В билете на выезд сообщались ее особые приметы: «Рост – 2 аршина 4 вершка, волосы [и] брови – русые, глаза – голубые [...], лицо – чистое»¹³¹. Анна Петровна была не только замечательной красавицей, но и отличалась живым умом. 18 июля 1893 г. Кушников и А.П. Рожкова обвенчались в походной церкви на Ниманских приисках¹³². В своей избраннице Кушников обрел любящую жену, друга и единомышленника.

Н.М. Охотников писал Кушникову в прощальном письме: «Многоуважаемый и дорогой Дмитрий Алексеевич. От природы я молчаливый, не умею выражать свои чувства и желания. Хотя чувства и желания мои в настоящее время, во всяком случае, притуплены вследствие болезни, но на прощании с Вами не может мое больное сердце не высказать Вам свою благодарность, благодарность искреннюю за то внимание Ваше, какое Вы имели неустанно к моему семейству, к моим больным детям. [...] Чувство благодарности всегда влекло меня в Вашу квартиру. Во всякий удобный час я старался явиться к Вам. Так было, конечно, по вакатам (во время каникул — *Авт.*), когда я жил вблизи от Вашей больницы. [...] Конечно, чувашки не в состоянии оценить Ваши полезные труды, но это Вас – искреннего труженика – не должно печалить. Я, решившийся идти по пути просвещения чувашки, и как природный чувашенин, много горюю о том, что мои соплеменники не могут различать добра от зла. В таком случае мне является мысль, не всякий ли народ, находящийся в таком низком культурном состоянии, понимает не больше их или только с небольшим различием. В числе сотни, а может и тысячи, найдется один человек, понявший Ваши заботы о больных – достаточно пока и этого для нашего бедного народа. [...] Затем уверяю Вас, моя память постоянно будет помнить Ваши приятельские отношения к нам. От души прошу и впредь не забывать нас, бичуринцев»¹³³. В аттестате, выданном Чебоксарским земством, указывалось, что Кушников «отличался особенно энергичной деятельностью по исполнению своих служебных обязанностей»¹³⁴. Врачебный совет отметил, что с его увольнением земство потеряло «прекрасного труженика и товарища»¹³⁵. В октябре 1891 г. земское собрание выразило Кушникову благодарность «за [...] неутомимую и полезную деятельность на службе Чебоксарского земства и сожаление об оставлении им службы»¹³⁶.

Следующие семь лет Кушников проработал врачом на Софийском прииске (ныне г. Софийск) частной Ниманской золотопромышленной компании в Амурской области (название – по р. Ниман, притоки которой – Ольга,

Учугей-Элга, Тоэн-Элга – были богаты золотыми россыпями¹³⁷). Богатый и дикий Сибирский край был превращен царизмом в острог. Здесь отбывали ссылку или поселение деятели революционного народничества. У Кушникова появилось много знакомых в их среде. Управляющим Софийских приисков был участник Парижской Коммуны М.П. Сажин (1845–1934). Он был знаком с С.Г. Нечаевым, являлся близким сотрудником М.А. Бакунина. Отбыв пять лет каторги по делу о «хождении в народ», был переведен на поселение в Восточную Сибирь, где пробыл до 1900 г. В 1888 г. он был приписан к крестьянскому сословию, с 1890 г. служил на золотых приисках. В 1892 г. был назначен управляющим Ниманскими приисками и пять лет прожил в г. Софийске вместе с женой Евгенией Николаевной, урожденной Фигнер (1858–1931), сосланной по делу о взрыве в Зимнем дворце в 1880 г.¹³⁸ Сажины полюбили внимательного и отзывчивого доктора. Выяснилось, что Е.Н. Сажина являлась уроженкой Тетюшского уезда Казанской губернии и имела сестер, которых Кушников знал по «делу» П.Ф. Лесгафта.

Дружеские отношения связывали Кушникова и с другими народниками, служившими в Ниманской компании: Я.А. Роттом, И. Гедройцем, С.С. Синегубом, П.Д. Баллодом и др. Петр Давидович Баллод (1837–1918) был душой софийского «общества». Сын латышского пастора, он в 1856 г. поступил в Медико-хирургическую академию (Петербург), в 1858 г. перешел на физико-математический факультет Петербургского университета. Был связан с революционными кружками, организовал подпольную «карманную типографию», выпустив ряд прокламаций. За участие в студенческих волнениях 1861 г. был исключен из университета, а в 1862 г. – заключен в Петропавловскую крепость. В 1864 г. Баллода приговорили к лишению всех прав состояния и к 7 годам каторги на рудниках с последующим поселением навсегда в Сибири. Он отбыл каторгу вместе с писателем Н.Г. Чернышевским на Александровском заводе, после чего был поселен в Якутской области. С 1873 г. служил на Ленских приисках. В начале 1890-х годов выдающиеся способности и твердый характер помогли ему стать во главе золотых приисков Ниманской компании на Амуре. Баллод многое сделал для улучшения жизни якутов, а борьба с коррупцией сделала его почти легендарной личностью. Во время отлучек Баллода по улусам Кушников нередко исполнял его обязанности главноуправляющего компании¹³⁹. В 1900-х годах Баллод создал золотопромышленную компанию «П.Д. Баллод и К^о», которая вскоре разорилась¹⁴⁰.

Мы мало знаем о жизни Кушникова в Сибири. П.Д. Кушников писал, что много сибирских фотографий отца в начале 1930-х годов он послал В.Н. Фигнер для передачи в Общество политкаторжан¹⁴¹. Делясь с друзьями воспоминаниями о «революционной работе» в Сибири, Кушников рассказывал о том, как столичный градоначальник Ф.Ф. Трепов «вызывал его в Петербург только для того, чтобы посмотреть на него, как он выглядит: может ли действовать на массу и т.д.»¹⁴².

В декабре 1896 г. супруги Кушниковы подали в Амурский окружной суд ходатайство об узаконении совместных внебрачных детей: Петра (ро-

дился 6 января 1892 г.) и Александра (родился 25 января 1893 г.). В январе 1897 г. суд вынес положительное решение, найдя причину пропуска годовичного срока подачи ходатайства уважительной ввиду отдаленности местожительства просителей от г. Благовещенска и дурного состояния «путей сообщения»¹⁴³. Ранее в семье Кушниковых родился третий сын Дмитрий (1894–1901), позже на свет появились Ольга (1900–?) и Борис (1903–?).

В Сибири семья врача обрела достаток. Кушников получал высокое жалованье: 3000 руб. в год, 1,5 тыс. руб. «столовых» денег и регулярные денежные награды. Компания предоставила ему квартиру с освещением, отоплением, оплатой услуг горничной и прачки¹⁴⁴. По совету Баллода Кушников приобрел на имя жены несколько паев Ниманской компании. Но он оказался неискушенным в финансовых вопросах и при возвращении из Сибири ценные бумаги попали в руки дельцов¹⁴⁵.

Помимо лечения персонала прииска, в обязанности Кушникова входило предупреждение и ликвидация эпидемий среди коренного населения: чукчей, якутов, тунгусов. Он добился успехов в борьбе с оспой. 18 апреля 1893 г. якуты на ярмарочной сходке составили благодарственный лист Кушникову «ввиду того, что он сам неутомимою деятельностью прививал предохранительной оспой около трехсот человек, и на разные случайные болезни своим врачеством оказал большие помощи»¹⁴⁶. Также и в аттестате, выданном доктору при увольнении из компании, были отмечены его «особенное усердие и добросовестность» при выполнении профессиональных обязанностей¹⁴⁷.

В 1891 г. Кушников организовал первую в Якутии метеорологическую станцию и вел наблюдения на общественных началах¹⁴⁸. Его работа получила высокую оценку у специалистов. 17 мая 1895 г. Конференция Академии наук утвердила врача корреспондентом Главной физической обсерватории на Софийском прииске¹⁴⁹.

В 1898 г., когда подросли дети и пришло время обучать их в школе, Кушниковы поселились в г. Благовещенске¹⁵⁰. В июле того же года они вернулись в Казань, где Кушников занялся частной практикой врача по внутренним болезням, ожидая начала работ компании «Надежда» на Ниманских приисках, куда был приглашен на работу врачом и лаборантом¹⁵¹. В середине февраля 1899 г. на его казанский адрес: Собачий переулок, д. Стадлера, пришло приглашение Чебоксарской земской управы занять вакантное место врача в Исмельях. Вскоре он получил более подробное письмо за подписью ее членов А.И. Коренькова и А.П. Павлова: «Услыхавши [...], что Вы прибыли в Казань, мы весьма обрадовались. [...] Народ, как высший класс, так и крестьяне, очень желает Вас и с нетерпением ждет Вашего приезда»¹⁵². 20 февраля председатель земской управы К.Л. Донауров прислал телеграмму с условиями оплаты. В ответ Кушников просил установить прежнее жалованье (1500 руб. в год), обещая отработать его «с лихвой», на что получил согласие¹⁵³ (земское собрание установило зарплату на 100 руб. выше¹⁵⁴).

9 марта 1899 г. Кушников выехал из Казани, но сильная пурга заставила его заночевать в Тюрлеме. 10 марта он приехал в Исмели, а уже на следующий день провел первый осмотр больных¹⁵⁵. Кушников сразу включился в работу: в качестве эксперта выступил на земском собрании по вопросу о борьбе с трахомой, необходимости строительства новой больницы в д. Козловка, предложил меры по предупреждению неожиданного оставления фельдшерами службы. После его выступления на врачебном совете о необходимости профилактических мер против распространения трахомы земское собрание выделило средства для выдачи пособий чувашским крестьянам на переделку печей по-белому. Тогда же по предложению Кушникова было изменено штатное расписание Исмелевской больницы и выделены средства на ее ремонт¹⁵⁶.

В ведении Кушникова находилось большое больничное хозяйство: стационар на 6 палат, амбулатория с аптекой, инфекционный барак. В 1900 г. по его плану в здании, где размещались амбулатория с аптекой, был проведен ремонт с перепланировкой комнат, что создало «значительные удобства» для персонала¹⁵⁷. С раннего утра до поздней ночи Кушников находился на работе: с 5 до 6 ч. утра осматривал больных в стационаре, затем вел прием в амбулатории, после чего отправлялся по участку для посещения акушерских, эпидемических и тяжелых больных¹⁵⁸. Он активно занимался кадровыми вопросами по подбору и приглашению полезных чебоксарскому земству специалистов. На время отпуска коллег из соседних участков Кушникову, подобно другим врачам, поручалось заведование частью обслуживаемой ими территории¹⁵⁹. Приходилось выполнять и разовые поручения управы. Так, в 1901 г. он был командирован за Волгу для борьбы с эпидемией скарлатины с последующим докладом о ее результатах на врачебном совете¹⁶⁰. Подводя итоги 1901–1902 гг. Кушников писал: «... Было немало эпидемий, и работы по временам было настолько много, что мы едва таскали ноги, и, право, выносило только исключительно здоровье»¹⁶¹.

К началу XX в. Чебоксарский уезд был разделен на пять медицинских участков: 1-й с центром в Чебоксарах, 2-й – в Мариинском Посаде, 3-й – в д. Исмели, 4-й – в д. Козловка, 5-й – в Звениговском затоне. В 1895 г. по обеспеченности койко-местами 3-й участок занимал 2-е место после 1-го (соответственно: 1,4 и 4 кроватей на 1000 чел.)¹⁶². На поприще земского здравоохранения трудились 5 земских и 1 ветеринарный врач, 11 фельдшеров, 2 фельдшерицы и 3 фельдшерицы-акушерки, 1 акушерка, 1 служитель ветеринарного покоя, 1 провизор с 2 помощниками, 29 чел. прислуги при больницах и др.¹⁶³ В 1890-е годы Чебоксарское земство тратило на медицину более 40% своего бюджета, что было выше показателей чувашских уездов Симбирской и Казанской губерний¹⁶⁴.

Все годы службы в Чебоксарском уезде Кушников являлся активным членом врачебного совета (неоднократно исполнял роль его секретаря) – коллегиального органа при земской управе, руководившего развитием медицины, где поднимал острые вопросы о санитарном состоянии источни-

ков воды, медико-санитарном просвещении населения, строительстве общественных бань для борьбы с чесоткой, усилении врачебного контроля за санитарным состоянием школ и др. По отзывам, он «горячо» и с воодушевлением отстаивал свое мнение¹⁶⁵, демонстрируя широкую профессиональную эрудицию. К слову, в 1901 г. Кушников подготовил историческую записку о деятельности врачебного совета, которая легла в основу его устава; когда же в 1899 г. врачебный совет был лишен права решать кадровые вопросы, касающиеся врачей, Кушников выступил против, получив поддержку со стороны коллег и земских гласных¹⁶⁶. Можно сказать, что без участия Кушникова не обходилось ни одно заметное дело, связанное с местным здравоохранением. С его подачи в уезде была введена инструкция по борьбе с эпидемиями, разработанная врачами Московского губернского земства; оспопрививание стало проводиться по приходам; стали выделяться средства на ремонт колодцев и др.¹⁶⁷ Неоднократно он вносил предложения по экономии средств на медицинские цели¹⁶⁸. В 1905 г. врачебный совет одобрил устав «Мариинско-Посадской земской лечебницы для неизлечимо больных и хроников памяти В.Е. Короткова», разработанный Кушниковым совместно с П.С. Петровым¹⁶⁹. В 1903 г. как земский врач Кушников вошел в состав экономического совета при уездной управе¹⁷⁰.

Широкой натуре врача было тесно в профессиональных рамках. Он принимал активное участие в общественной жизни. С 1890 г. избирался попечителем расположенных на его участке земских начальных училищ¹⁷¹ (в 1900–1908 гг. являлся попечителем Кугеевского и Тогаевского, в 1905–1908 гг. – Покровского училища¹⁷²), ответственно подходя к своим обязанностям. Так, в 1904 г. добился дополнительного финансирования Тогаевского училища в связи с его переездом в новое здание¹⁷³. Много внимания уделял организации народных чтений и библиотек¹⁷⁴.

С момента создания (1899 г.) несколько лет Кушников являлся сборщиком пожертвований благотворительной организации – Бичуринского отдела Казанского общества трезвости, в 1902 г. – его секретарем¹⁷⁵. В сентябре 1899 г. отдел открыл чайную на базаре в с. Исмели, надзор за хозяйственной деятельностью которой был возложен на Кушникова¹⁷⁶. С февраля 1900 г. стало действовать другое его учреждение – бесплатная народная библиотека в с. Бичурине, в работе которой Кушников также принимал участие. В том году членом отдела стал его друг К.В. Лаврский. На рождество 1900 г. при активном участии Кушникова, который подарил украшения и гостинцы, а также собрал 67 руб. пожертвований, отдел организовал в местных школах елки. Праздники прошли «очень оживленно»: дети пели песни, рассказывали басни, играли в разные игры; для них было устроено чаепитие, розданы подарки и угощения. Кушников был отмечен как самый деятельный член общества, отличившийся в деле улучшения его финансового положения и организации развлекательных мероприятий¹⁷⁷.

Одновременно Кушников сотрудничал с организованным в 1901 г. Чебоксарским комитетом аналогичного по задачам Попечительства о на-

Земский врач Д.А.Кушников
(1876 г.)

родной трезвости (ПНТ): ему был поручен надзор за народной библиотекой-читальней в Исмелях, открытой в 1902 г.¹⁷⁸ В 1903 г. он был назначен участковым попечителем ПНТ¹⁷⁹. Известно, что в чайной с. Исмели и в библиотеке с. Бичурино Кушников организовывал популярные среди крестьян народные чтения естественно-научной тематики с демонстрацией «туманных картин» (аналог современных слайдов). Поскольку основная масса слушателей не знала русского языка, чтения проходили так: «Лектор по-русски прочитывает до того места, где показывается картина. Когда картина отброшена на экран, то или сам лектор, если он хорошо знаком с чувашским языком, или кто-нибудь другой, повторяет прочитанное по-чувашски, поясняя при этом и изображенное на картине. Таким образом слушатели отлично усваивают читанное»¹⁸⁰. Общества трезвости приобретали литературу и картины для чтений, но известно, что Кушников дополнительно заказывал их в Казани¹⁸¹. Он регулярно навещал свою семью в Казани (в 1901 г. взял отпуск для устройства сыновей в реальное училище¹⁸²), в свою очередь, жена с детьми приезжала в Исмели. *(Продолжение следует.)*

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

¹ *Петров Д.П.* 1905-мёш сұл чăвашсен хушшинче пулнă ёссене асăнни (1905 год. Воспоминания о событиях среди чувашей). Шупашкар, 1925. С. 73, 98; *Тюмеров В.В.* Чăвашсем хушшинче 1905–1907 мёш сұлсенче пулнă револютсилле пăлхавсем (Токкументсем тăрăх кёскен пăкса тухни). (Революционное движение среди чуваш в 1905–1907 годах (Краткий обзор документальных материалов. На чув. языке). Чебоксары, 1926. С. 58–59.

² Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 525. Оп. 1. Д. 4. Л. 4. Сохранились черновые наброски директора архива И.И. Музыкантова к биографии Д.А. Кушникова, сделанные в 1978 г. См.: Ф. 2452. Оп. 1. Д. 32.

³ *Алексеев Г.А.* Здравоохранение в Чувашии. Чебоксары, 1972; *Алексеев Г.А., Алексеев В.А.* Участие земских врачей Чувашии в революционном движении // Советское здравоохранение, 1974. № 8; *Демидова И.И.* Вырăс тухтăрĕсем революциченхи чăвашсем хушшинче (Русские врачи дореволюционного Чувашского края) // Тăван Атăл, 1974. № 2; *Демидова И.И.* Роль русских врачей и фельдшеров в улучшении медико-санитарного состояния чувашской пореформенной деревни // Вопросы социальной гигиены и организации здравоохранения. Вып. 2. Чебоксары, 1977; *Алексеев В.А., Мердеев А.В.* Развитие хирургической помощи в дореволюционной Чувашии // Там же; *Гаврилова Л.М.* Земская интеллигенция Чувашии во второй половине XIX–начале XX вв. (Врачи, ветеринары, агрономы) // Вопросы истории Чувашии XIX – начала XX вв. Чебоксары, 1988.

⁴ *Герасимова Н.В.* Земский врач // Чебоксарские новости, 1993. 16 января; *Ксенофонов Г.Н.* Доктор Кушников – депутат второй Государственной думы // Советская Чувашия, 1997. 24 июля; *Клементьев В.Н.* Козловка. Исторический очерк. Чебоксары, 1997; История родного края. Учебное пособие. Хрестоматия. Ч. 1. Чебоксары, 1993. С. 333–335.

⁵ *Алексеев Г.А., Алексеев В.А.* Указ. соч. С. 79; *Алексеев Г.А., Галкина Н.Д.* Медики Чувашии в общественном движении (К истории Чувашского края досоветской эпохи). Чебоксары, 2003. С. 87–88.

⁶ Государственная Дума России: Энциклопедия. Т. 1. М., 2006. С. 329; *Усманова Д.М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. Казань, 2006.

⁷ Чувашская медицинская энциклопедия. Т. 1. Чебоксары, 1997. С. 297; Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 241; Казанский университет: Биобиблиографический словарь. Т. 1. Казань, 2004. С. 285; Татарская энциклопедия. Т. 3. Казань, 2006. С. 547–548; Чувашская энциклопедия. Т. 2. Чебоксары, 2007. С. 411.

⁸ Петр Дмитриевич Кушников (1892–1960) – метеоролог. Подростком провел несколько лет в Чувашии. Окончил гимназию в Саратове, в 1916 г. – Казанский университет. Был призван на военную службу и окончил Михайловское артиллерийское военное училище в Петрограде. Служил прапорщиком-артиллеристом на Юго-Западном фронте. От юнкеров училища был избран депутатом Петроградского Совета. С 1918 г. служил в народной армии Комуча, затем Колчака, с конца 1919 г. по середину 1920 г. – в Красной Армии. С 1921 г. работал в вузах Казани: до 1930 г. являлся ассистентом Казанского университета и, одновременно, преподавателем Казанского института сельского хозяйства и лесоводства (с 1929 г. – доцент, с 1930 г. – заведующий кафедры физики и метеорологии), в 1932–1937 гг. по совместительству преподавал в Институте инженеров коммунального строительства. В 1938 г. был репрессирован. В 1947–1949 гг. работал в Казанском Институте сельского хозяйства, затем вновь был арестован. С 1952 г. работал научным сотрудником Игарской сельскохозяйственной опытной станции, затем доцентом Томского инженерно-строительного института. В 1960 г. проживал в Саратове. См.: Казанский университет: Биобиблиографический словарь. Т. 2. С. 647; ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д.1, 2, 4.

⁹ ГИА ЧР. Ф.525. Оп.2. Д.1.

¹⁰ Рукописный фонд Чувашского Национального музея (ЧНМ). Вспомогательные материалы (ВМ) 4036, 4037. Папки 3, 3 а, 3б, 3в.

¹¹ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 5. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 1.

¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 3. Л. 1.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 1; Д. 3. Л. 1.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²¹ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 377. Л. 87 а.

²² Федоров В.А. Духовная православная школа // Очерки русской культуры XIX в. Т. 3. М., 2001. С. 379–380.

²³ НА РТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 377. Л. 37 а.

²⁴ Кантор Г.М. Музыкальный театр в Казани XIX–начала XX вв. Казань, 1997. С. 41, 53; Шалапин Ф.И. Страницы из моей жизни. Маска и душа. М., 1990. С. 449.

²⁵ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²⁶ Там же.

²⁷ Казанский университет. Биобиблиографический словарь. Т. 1. С. 285.

²⁸ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²⁹ Флерин Н.Ф. Быт студентов Казанского университета // Ученые записки Казанского университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Т. ХС. Кн. 5. Казань, 1930. С. 59–60.

³⁰ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

³¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Медицинский факультет. Д. 1307. В 1875 г. из 44 студентов-пятикурсников медицинского факультета Казанского университета земские стипендии получал 21 чел., казенные – 7, личные – 2.

³² ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

³³ История Казанского университета. Казань, 2004. С. 169.

³⁴ Фигнер В.Н. Запечатленный труд: Воспоминания. М., 1964. Т. 1. С. 109.

³⁵ Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/5–1929/30). Казань, 1930. Т. 2. С. 29, 30.

³⁶ Аристов В.В. Страницы славной истории (Рассказы о Казанском университете). Казань, 1987. С. 50, 51; История Казанского университета. С. 139.

³⁷ Фигнер В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 112.

³⁸ Корбут М.К. Указ. соч. Т. 2. С. 64.

- ³⁹ Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4039. Папка 3-в. С. 5, 26.
- ⁴⁰ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
- ⁴¹ Там же. Д. 7. Л. 1.
- ⁴² Там же. Д. 44. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 737. Л. 99 об.–100.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 525. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 737. Л. 99 об.–100; Отчет о действиях Свияжской уездной земской управы с 1 сентября 1878 по 1 сентября 1879 года и Постановления земского собрания, состоявшегося в XV очередном заседании со 2 по 6 октября 1879 года. Казань, 1879. С. 237.
- ⁴⁶ Пятый губернский съезд врачей Казанского земства. Сентябрь 1882 года. Казань, 1882. С.39.
- ⁴⁷ Отчет о действиях Свияжской уездной земской управы с 1 сентября 1878 по 1 сентября 1879 года... С. 155.
- ⁴⁸ Пятый губернский съезд врачей Казанского земства. С. 26; ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 481. Л. 32 об.
- ⁴⁹ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 653. Л. 105–105 об.
- ⁵⁰ Медицинский «вопрос» в Свияжском земстве (Письмо С. Урениуса и Д. Кушников) // Волжский вестник, 1883. 3 апреля.
- ⁵¹ А. В...в. Нам пишут. Свияжск // Волжский вестник, 1883. 27 февраля; Еще по поводу медицинского «вопроса» в Свияжском земстве (письмо П. Голубева) // Волжский вестник, 1883. 17 апреля; *Кушников Д.* Еще по поводу медицинского «вопроса» в Свияжском земстве (Ответ г. Голубеву) // Волжский вестник, 1883. 1 мая.
- ⁵² Постановления XVIII очередного Чебоксарского уездного земского собрания с приложениями смет денежных расходов, раскладок на земские повинности на 1883 год и отчета о действиях земской управы. Казань, 1883. С. 5.
- ⁵³ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 516. Л. 157.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 525. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.
- ⁵⁵ История родного края: Учебное пособие. С. 333, 334.
- ⁵⁶ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1380. Л. 44–48.
- ⁵⁷ Там же. Д. 1271. Л. 344; Д. 1274. Л. 344 об.–348.
- ⁵⁸ Там же. Д. 481. Л. 71–71 об.
- ⁵⁹ Там же. Д. 618. Л. 7 об.
- ⁶⁰ Там же. Д. 481. Л. 71–75.
- ⁶¹ Там же. Д. 543. Л. 6 об.
- ⁶² Отчет Чебоксарской уездной земской управы по земскому хозяйству за 1905 год. Козьмодемьянск, 1907. С. 149.
- ⁶³ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 516. Л. 4–4 об., 16, 89, 90, 174.
- ⁶⁴ Шестой губернский съезд врачей Казанского земства 20–26 июня 1885 года. С. 23.
- ⁶⁵ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 516. Л. 116 об.–117.
- ⁶⁶ Там же. Д. 740. Л. 15; Д. 516. Л. 198–199.
- ⁶⁷ Там же. Д. 481. Л. 98, 120 об.
- ⁶⁸ Там же. Д. 516. Л. 258.
- ⁶⁹ Там же. Д. 481. Л. 57 об.
- ⁷⁰ Там же. Д. 516. Л. 276.
- ⁷¹ Там же. Д. 481. Л. 64–65 об., 66–70 об., 71–75, 141, 141 об.; Постановления XXIII очередного Чебоксарского уездного земского собрания с приложениями отчетов управы, смет, раскладок и отчетов земских врачей. Казань, 1888. С. 563.
- ⁷² ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 653. Л. 4 об.
- ⁷³ *Алексеев Г.А., Адрианов В.В.* Условия труда и быта медицинских работников до-революционной Чувашии // Вопросы социальной гигиены и организации здравоохранения. Вып.2. Чебоксары, 1977. С. 89.
- ⁷⁴ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 516. Л. 331.
- ⁷⁵ Там же. Д. 543. Л. 1.

- ⁷⁶ Там же. Д. 1375. Л. 216 об.
- ⁷⁷ Там же. Д. 737. Л. 6–6 об.
- ⁷⁸ *Гаврилова Л.М.* Указ. соч. С. 38.
- ⁷⁹ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1629. Л. 40.
- ⁸⁰ Там же. Д. 543. Л. 1 об.
- ⁸¹ *Алексеев Г.А., Адрианов В.В.* Указ. соч. С. 89.
- ⁸² Цит. по: *Алексеев Г.А., Адрианов В.В.* Указ. соч. С. 99.
- ⁸³ Шестой губернский съезд врачей Казанского земства 20–26 июня 1885 года. С. 23–24; ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 573. Л. 22.
- ⁸⁴ Шестой губернский съезд врачей Казанского земства 20–26 июня 1885 года. С. 19, 28, 44.
- ⁸⁵ Там же. С. 74.
- ⁸⁶ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 481. Л. 116 об.
- ⁸⁷ Там же. Д. 653. Л. 103 об., 105, 109.
- ⁸⁸ Постановления XVI очередного Чебоксарского уездного земского собрания, состоявшиеся в заседании с 25 сентября по 26 сентября и с 28 ноября по 2 декабря 1880 года, с приложениями... Казань, 1881. С. 28–29.
- ⁸⁹ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 543. Л. 6 об.
- ⁹⁰ Там же. Д. 481. Л. 75, 115 об.
- ⁹¹ Там же. Л. 142 об.
- ⁹² Там же. Д. 598. Л. 160.
- ⁹³ Там же. Л. 139.
- ⁹⁴ История родного края: Учебное пособие. С. 333; ГИА ЧР. Ф. 15 Оп. 1 Д. 518. Л. 98, 111, 122.
- ⁹⁵ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 763. Л. 115; д. 1375. Л. 258, 362; д.518. Л. 98, 111, 112.
- ⁹⁶ Постановления XXXVIII очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1902 года. С. 185.
- ⁹⁷ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1375. Л. 295.
- ⁹⁸ Там же. Д. 481. Л. 143.
- ⁹⁹ Там же. Д. 518. Л. 130 об.–131.
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 739. Л. 9; д. 653. Л. 237.
- ¹⁰¹ История родного края: Учебное пособие. С. 334.
- ¹⁰² XXV-летний юбилей земского врача Д.А. Кушникова // Волжский вестник, 1903. 29 августа.
- ¹⁰³ Постановления ХLI очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1905 года и Чрезвычайного собрания 25 февраля 1906 года. Казань, 1906. С. 50; Постановления XXXVIII очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1902 года. С. 156, 166.
- ¹⁰⁴ *Алексеев Г.А., Галкина Н.Д.* Указ соч. С. 44.
- ¹⁰⁵ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 24. Л. 1 об.–2.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1452. Л. 174–175.
- ¹⁰⁷ *Гусев Н.* Светлой памяти Д.А. Кушникова // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря; Д.А. Кушников (некролог) // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря.
- ¹⁰⁸ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 740. Л. 16 об.
- ¹⁰⁹ *Алексеев В.А., Мердеев А.В.* Указ. соч. С. 71.
- ¹¹⁰ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 740. Л. 16.
- ¹¹¹ Там же. Д. 739. Л. 10, 10 об.
- ¹¹² Там же. Д. 812. Л. 20–20 об.
- ¹¹³ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 812. Л. 20 об.; ф. 525. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- ¹¹⁴ Там же. Д. 1452. Л. 72 об.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. 525. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.
- ¹¹⁶ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1381. Л. 61.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 13 об., 22 об., 71 об.; д. 1559. Л.2, 3; Постановления XXXVIII очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1902 года. С. 153, 154.

- ¹¹⁸ Свод важнейших постановлений губернского и уездных земских собраний Казанской губернии 39 очередной сессии 1903 г. Казань, 1904. С. 98.
- ¹¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 516. Л. 50; д. 481. Л. 144.
- ¹²¹ Там же. Ф. 525. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ¹²² Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 323. Л. 1; *Алексеев Г.А.* Здравоохранение в Чувашии в XIX–начале XX вв. Чебоксары, 1993. С. 127.
- ¹²³ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 653. Л. 125, 137, 274 об., 275 об. и др.
- ¹²⁴ Там же. Л. 124 об., 134 об., 136.
- ¹²⁵ Там же. Д. 644. Л. 1, 17 об.
- ¹²⁶ Д.А. Кушников (некролог) // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря.
- ¹²⁷ ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 8. Д. 77. Л. не нум.
- ¹²⁸ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 812. Л. 19.
- ¹²⁹ Там же. Л. 17 об.
- ¹³⁰ Там же. Ф. 525. Оп. 1. Д. 12. Л. 1; Д. 3. Л. 3 об.
- ¹³¹ Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.
- ¹³² Там же. Л. 1 об.
- ¹³³ Там же. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–2 об.
- ¹³⁴ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 812. Л. 20.
- ¹³⁵ Там же. Д. 653. Л. 293 об.
- ¹³⁶ Там же. Ф. 525. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
- ¹³⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза–Ефрона. Т. XXI. СПб., 1900. С. 154.
- ¹³⁸ Деятели революционного движения. Биобиблиографический словарь. М., 1928. Т. 2. Вып. 4. С. 1408. *Фигнер В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 304, 309; БСЭ. Т. 21. 3-е изд. М., 1975. С. 162.
- ¹³⁹ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ¹⁴⁰ *Лемке М.К.* Политические процессы в России 1860-х годов. М., 1923. С. 505, 506, 598; *Прибылев А.К.* К делу Д.И. Писарева // Каторга и ссылка. М., 1924. Кн.10. С. 42, 43; Деятели революционного движения России. Биобиблиографический словарь. М., 1928. Т. 1. Ч. 2. С. 27–29; Всемирный биографический словарь. М., 2000. С. 55.
- ¹⁴¹ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
- ¹⁴² Рукописный фонд ЧНМ. ВМ 4039. Папка 3-в. С. 3–4.
- ¹⁴³ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 2. Д. 3. Л. 1, 2.
- ¹⁴⁴ Там же. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ¹⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 1; д. 8. Л. 1.
- ¹⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.
- ¹⁴⁷ Там же. Д. 14. Л. 1.
- ¹⁴⁸ Там же. Д. 2. Л. 1 об.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 15. Л. 1
- ¹⁵⁰ Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 1; оп.1. Д. 2. Л. 2.
- ¹⁵¹ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1274. Л. 115; Адресная книжка Казанской губернии на 1900 год. Казань, 1900. С. 153.
- ¹⁵² ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–1 об.
- ¹⁵³ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1274. Л. 47, 50, 53, 55.
- ¹⁵⁴ Постановления XXXV очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1899-го года. С. 128.
- ¹⁵⁵ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1274. Л. 95.
- ¹⁵⁶ Постановления XXXV очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1899-го года. С. 44, 45, 77, 84–86, 91. Отчеты Чебоксарской уездной земской управы хозяйственный и денежный за 1900-й год с приложениями. С. 33.
- ¹⁵⁷ Отчет Чебоксарской уездной земской управы по земскому хозяйству за 1901 год. Козьмодемьянск, 1902. С. 145.
- ¹⁵⁸ XXV-летний юбилей земского врача Д.А. Кушникова // Волжский вестник, 1903. 29 августа.

¹⁵⁹ Отчет Чебоксарской уездной земской управы по земскому хозяйству за 1903 год. Козьмодемьянск, 1905. С. 40; Отчет Чебоксарской уездной земской управы по земскому хозяйству за 1901 год. С. 143.

¹⁶⁰ Отчет Чебоксарской уездной земской управы по земскому хозяйству за 1905 год. С. 148; ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1380. Л. 353 об.

¹⁶¹ Постановления XXXVIII очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1902 года. С. 166.

¹⁶² ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 653. Л. 419.

¹⁶³ Там же. Д. 1380. Л. 549.

¹⁶⁴ *Алексеев Г.А., Галкина Н.Д.* Указ. соч. С. 29.

¹⁶⁵ История родного края: Учебное пособие. С. 334; *Алексеев Г.А., Галкина Н.Д.* Указ. соч. С. 45; Постановления XL очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1904 года. Козьмодемьянск, 1905. С. 361; ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 653. Л. 40, 40 об., 44, 111.

¹⁶⁶ Постановления XXXV очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1899 года. С. 40; Постановления XXXVI очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1900 года. С. 55.

¹⁶⁷ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 653. Л. 39, 112 об; Постановления XL очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1904 года. С. 361, 364.

¹⁶⁸ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 653. Л. 119, 169.

¹⁶⁹ Там же. Д. 1343. Л. 43.

¹⁷⁰ Постановления XLI очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1905 года и чрезвычайного собрания 25 февраля 1906 года. С. 305.

¹⁷¹ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 763. Л. 164 об., 165 об.

¹⁷² Там же. Д. 1375. Л. 424, 425 об.; Постановления XL очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1904 года. С. 446; Постановления XXXVI очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1900 года. С. 189.

¹⁷³ Постановления XL очередного Чебоксарского уездного земского собрания 1904 года. С. 277.

¹⁷⁴ Д.А. Кушников (некролог) // Камско-Волжская речь, 1911. 22 декабря.

¹⁷⁵ Отчет Бичуринского отдела Казанского общества трезвости // Деятель, 1900. № 6–7 (июнь–июль). С. 286; Бичуринский отдел Казанского общества трезвости // Деятель, 1902. № 2. С.96.

¹⁷⁶ Обзор деятельности и отчет Бичуринского отдела Казанского общества трезвости за 1900 год // Деятель, 1901. № 4 (апрель). С. 171.

¹⁷⁷ Там же. С. 171, 172.

¹⁷⁸ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 557. Л. 42.

¹⁷⁹ ГИА ЧР. Ф. 302. Оп. 1. Д. 23. Л. 28.

¹⁸⁰ Отчет Бичуринского отдела Казанского общества трезвости // Деятель, 1900. № 6–7 (июнь–июль). С. 286.

¹⁸¹ ГИА ЧР. Ф. 525. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; д.19. Л. 1, 2.

¹⁸² Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1380. Л. 174, 374.

U.V. G u s a r o v, N.V. G e r a s i m o v a. Dmitriy Alekseevich Kushnikov.

Dmitriy Alekseevich Kushnikov (1850–1911) was an outstanding social and political figure in Chuvashiya early in the XX century. On graduating from Kazan university (1875) he worked as a doctor at the gold mines in Eastern Siberia, as well as in Kazan, Sviyazhskiy and Cheboksarskiy uyezds of Kazan province. In 1905–1907 participated in social and political life in Chuvash country. In 1907 he was elected as a deputy to the second State Duma from Kazan province and entered into the group of Constitutional Democrats. He made an important contribution to the development of applied medicine in Chuvash country.

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3

© *Lászly Viktor. Volgán innen, Volgán túl. Naplyjegyzetek a magyar xshaza vidékéről.* Budapest: Balassi Kiado, 2002. 404. [Ласло Викар. На этом и на том берегу Волги. Дневниковые записки с краев венгерской прародины]. Budapest: Изд-во «Балашши», 2002. 404 с.*

Уже более ста лет внимание венгерских ученых-гуманитариев приковано к народам российского Волго-Уралья. Их исследовательский интерес к данному региону страны отнюдь не случаен. Некогда, в седой древности, предки венгров, ханты и манси составляли одну общность лесостепного Зауралья. Впоследствии, выделившись из состава угров, древние мадьяры долгое время – до переселения в Западную Европу и обретения там современной Родины – жили бок о бок с предками мари, мордвы, удмуртов, башкир, татар и чувашей в бассейнах Волги и Камы, а также на Урале. Подобное сожитие не прошло бесследно и оставило многочисленные отметины в культуре каждого из них – в языке, фольклоре, традиционных религиозных верованиях, традициях, costume, музыке и прочих сферах жизни. Скрупулезно изучая историю и культуру народов, с кем их далекие предки вступали в прямые или опосредованные контакты, венгерские ученые-гуманитарии восстанавливают контуры бытия собственного этноса. Тем самым под толщей времени находят и облагораживают родники, питающие силой ставшую частью европейской цивилизации нацию.

Изучение историко-культурных связей венгров и их исторических соседей – одно из мощных и исключительно результативных направлений в гуманитарной науке Венгрии. Оно представлено трудами нескольких поколений исследователей. Антал Регули, Армин Вамбери, Йозеф Буденц, Андрей Дешко, Габриел Балинт, Йозеф Папай, Юлия Херман (по мужу Вихман), Бернат Мункачи, Алдар Бан, Дюла Мессарош, Эдмунд Беке, Золтан Кодай, Бела Барток, Габор Берецки, Андраш Рона-

Ласло Викар – венгерский музыковед, фольклорист, участник фольклорных экспедиций по странам Евразии, профессор.

Перевод с венгерского языка на русский Юдит Дмитриевой, Предисловие, подготовка к печати, Комментарии и Примечания Г.А. Николаева.

Таи, Клара Адягаши ... К ним еще могут быть причислены десятки фамилий, чьи сочинения составляют надежную основу указанного направления исследовательских поисков. В их числе и известный музыковед, фольклорист Ласло Викар.

Родился будущий ученый 9 июня 1929 г. в г. Сомбатхей, расположенном в Западной Венгрии в медье Ваш. Получил основательное музыкальное образование: в 1951 г. окончил музыкально-педагогический факультет Высшей школы им. Ференца Листа в Будапеште; там же: в 1956 г. – факультет музыковедения, в 1959 г. – аспирантуру. С 1960 г. становится научным сотрудником Группы по исследованию народной музыки при Академии наук; с 1977 по 1996 гг. возглавляет Группу по исследованию народной музыки Института музыковедения Венгерской академии наук. Научным руководителем начинающего исследователя стал композитор, музыковед-фольклорист (впоследствии – в 1946–1949 гг. – Президент Венгерской академии наук) Золтан Кодай (1882–1967). Это обстоятельство во многом определило направление его научных изысканий на многие и многие годы вперед – этномузыка; венгерская народная музыка и ее связь с музыкой исторических соседей венгров. Кроме Венгрии, собирательская работа Ласло Викара охватила Чехословакию, Корейскую Народно-Демократическую Республику, Китай, СССР, Финляндию и Турцию. В ходе многочисленных фольклорных экспедиций ему удалось записать порядка 8000 народных мелодий. Тем самым он претворил замысел своего учителя Золтана Кодая – изучить на месте аутентичное музыкальное искусство народов.

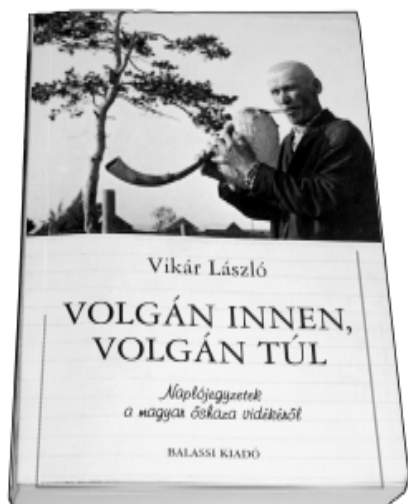
Изучение народной музыки в бассейнах рек Волги, Камы и Белой заняло особое место в научных изысканиях Ласло Викара: как по длительности – оно заняло несколько десятилетий, так и по результативности – аналитическая база, созданная им в ходе экспедиций в этот регион, открыла возможность для создания многочисленных обстоятельных сочинений. Из трудов автора в первую очередь к числу последних могут быть причислены фундаментальные сборники марийских, чувашских, татарских и удмуртских народных песен, созданные музыковедом совместно с филологом Габором Берецки. (См.: «Cheremis folksongs. By Lószly Vikór and Góbor Bereczki». (Akadümiai Kiady, Budapest, 1971. 544 p.); Chuvash folksongs. By Lószly Vikór and Góbor Bereczki». (Akadümiai Kiady, Budapest, 1979. 579 p.); Votyak folksongs. By Lószly Vikór and Góbor Bereczki». (Akadümiai Kiady, Budapest, 1989. 520 p.); Tatar folksongs. By Lószly Vikór and Góbor Bereczki». (Akadümiai Kiady, Budapest, 1999. 507 p.). Они отвечают самым строгим требованиям, предъявляемым к подобного рода изданиям. С их выходом в свет англоязычная научная аудитория получила превосходный материал для углубленного изучения образцов музыкального творчества четырех российских народов. На новую ступень поднялось музыковедение и в Волго-Уральском регионе.

Основательные личности основательны во всем. Находясь на российской земле, Ласло Викар чуть ли не ежедневно вел дневник, куда заносил все, что с ним приключалось, и чему он был свидетелем. За многие месяцы экспедиций путевые записи превратились в объемную рукопись, насчитывающую не одну сотню страниц. Своему «летописанию» музыковед придавал лишь прикладное значение. Они были дороги ему прежде всего как память о прошлом. И если бы не настойчивые просьбы своего сына, они так бы и продолжали бережно храниться в его личном архиве. Лишь в начале XXI столетия путевые записи Ласло Викара получили новую жизнь. Вышедший в свет на венгерском языке объемный труд – насчитывает 404 стр. – получил емкое и романтическое название: «На этом и на том берегу Волги. Дневниковые записи с краев венгерской прародины». Включает в себя Предисловие, десять глав, Библиографию, Образцы нот и сделанные в ходе экспедиций фотографии. Охватывает отрезок времени с 13 июня 1958 г. по 27 ноября 2000 г.

Из дневниковых записей Ласло Викара в многоцветье бытовых красок предстает широкая панорама жизни советского и российского общества. Тут есть место всему – и восхищению, и категорическому неприятию бытия. По большому счету, дневниковые записи музыковеда это есть не что иное как отражение в зеркале западной цивилизации советской и российской действительности. Автор записей – утонченная натура. Его наблюдения насыщены эмоциями, тонким юмором. Ему комфортно в среде единомышленников, он безумно рад каждому носителю истинной народной музыки. Но ему претит официоз, он с трудом переносит заорганизованные мероприятия, никак не может привыкнуть к отсутствию в российской глубинке сервиса. У «летописца» свое видение мира, свои оценки окружающей действительности. Наблюдения насыщены, образно выражаясь, натурой. Он отнюдь не беспристрастный повествователь... Впрочем, субъективность – объективное свойство источников личного происхождения.

Отметим и следующую особенность его дневниковых записей. Они выражаются в стремлении автора не лакировать наблюдаемое. Возможно, если бы автор решился издать их в более молодом возрасте, они имели бы другую тональность. Но в зрелые годы на все смотришь по-другому: исчезают суетность, ложные ценности; мир воспринимается уже в другом измерении. Время, надо полагать, избавило созданную Викаром-повествователем рукопись от вмешательства Викара-цензора.

Настоящая публикация представляет собой извлечения из дневниковых записей, отражающих пребывание Ласло Викара только в Чувашской АССР: 1964, 1966 и 1968 гг. Она печатается в соответствии с существующими правилами публикации исторических источников, снабжена Комментариями и Примечаниями. Сохранены авторский

Обложка книги Ласло Викара «На этом и на том берегу Волги.
Дневниковые записки с краев венгерской прародины».

Ласло Викар, Габор Беречки и Юрий Илюхин со студентами музыкального училища.
Чувашская АССР, с. Сундырь.
Фото В.Исаева. 1966 г.

**Ласло Викар, Габор Берецки и Юрий Илюхин записывают песню от Агнии Грачевой.
Чувашская АССР, с. Татаркасы.
*Фото В. Исаева. 1966 г.***

**Ласло Викар и Габор Берецки при записи песни.
Чувашская АССР, д. Ямолкино.
*Фото В.Исаева. 1966 г.***

стиль, особенности в написании топонимов. Слова и словосочетания, добавленные при редактировании, помещены в квадратные скобки. Иноязычный текст дан курсивом.

Выражаем свою признательность господину Ласло Викару и членам его семьи за согласие на публикацию настоящих извлечений на страницах научного журнала «Чувашикий гуманитарный вестник». Хочется надеяться, что она приблизит день, когда дневниковые записи в полном объеме увидят свет на русском языке.

[С. 47] 13 июня 1964 г.

... После обеда [в Казани] у нас осталось всего столько времени, чтобы успеть в ближайший аэропорт, который почти что находится в городе, и на аэротачке¹ типа ЛИ-2 впятером – готовы на все – подняться в татарское воздушное пространство, чтобы, следуя серебристой полосе Волги, через 40 минут приземлиться в чувашском воздушном пространстве, в аэропорту Чебоксар².

Из одного приятного сюрприза попадаем прямо во второй и третий, доказывающие, что чувашаи – самые заботливые хозяева, самые лучшие организаторы и самые пунктуальные существа во всем Поволжье.

[С. 48] Одним словом, приветствия, цветы, телерепортеры, радио, интервью уже в аэропорту.

Чувашская столица со 150-тысячным населением оставляет очень приятные впечатления со своими четырех-, пятиэтажными домами, оживленным движением, ухоженными парками и аллеями.

Заметно чище, ухоженнее, чем то, что до этого видели в «великой стране»³. В гостинице номер с ванной, еда по заказу (!), молоко, соки, газировка, а с балкона видна Волга.

Что будет со мной, если и дальше так пойдет?

14 июня 1964 г.

Такого даже дома нет: заказали замечательный завтрак в номер.

Но я совсем не располагаю свободным временем. В 9 часов уже стою в конце улицы; на берегу Волги рассматриваю деревянное, покрашенное в зеленый цвет, легко качающееся, большое, многоэтажное здание причала. Дальше вчетвером вместе с директором⁴ Чувашского научно-исследовательского института⁵ по прекрасно забетонированному шоссе мчимся в сторону Цивильска⁶, в окрестностях которого на лесных полянках сегодня Праздник песни и труда⁷.

Со сцены, украшенной флагами и надписями на чувашском языке, собравшуюся и аплодировавшую ритмично десятитысячную толпу приветствует министр образования и заявляет, что на праздник прибыли и знаменитые иностранные гости.

Мне дарят галстук, одеколон и ткань на рубашку (!).

Далее произносятся речи, в большинстве на чувашском языке. Только одно выступление – мое – звучит на французском. Его переводят на русский язык. В нескончаемую программу вносит изменения только то затихающий, то заново начинающийся дождь, в унисон которому народ то надевает, то снимает сделанные из «Чувашской Правды»⁸ бумажные треугольники.

Программа, впрочем, адская: одетые в стилизованные крестьянские рубахи и ужасно размалеванные танцоры, безыскусные выступления певцов и музыкантов, фальшивые хоры. Не слышно ни одной настоящей старинной чувашской народной песни.

После обеда звучат все новые речи, оценка жюри, раздача призов, прямая трансляция по радио и телевидению. Народу становится все больше, ибо приближается время большого народного банкета: вечерний бесплатный пир под открытым небом.

[С. 49] Я все хуже себя чувствую. Мучаясь, засыпаю в своей чебоксарской постели.

15 июня 1964 г.

Утром вспоминается песня моего детства: «Холодный ветер дует, мама ...». К 9 часам едем в институт, где, наклонившись над большой картой, начинаем день с составления маршрута.

Находчивые журналисты просят у меня текст выступления по радио и газетные статьи.

Целый день просматриваем имеющиеся в архиве института рукописи, насчитывающие несколько тысяч старинных мелодий. Я начинаю выборку. Такой огромный и систематизированный материал я не видел ни в Ленинграде [в настоящее время – г. Санкт-Петербург], ни в Москве.

Под вечер с одним молодым сотрудником отправляемся сначала домой, затем в театр. В Чувашской филармонии⁹ выступает Болгарский народный ансамбль. Телевидение снимает и со сцены отдельно приветствуют сидящего в министерской ложе иностранца.

Программа, естественно, типичная. Первая половина – идейная, вторая – народная. На самом деле неплохая. Среди инструментальных и танцевальных номеров с замечательным ритмом исполняется и «Вечерняя песнь» З. Кодая¹⁰. (Вряд ли из-за меня, хотя и не исключено.)

После представления с выступившими артистами я встречаюсь на сцене и с большим восторгом поздравляю их по-французски же. Все прекрасно, но выясняется, что болгары на сегодняшний день не считаются со своим тюрко-чувашским происхождением, а с полной грудью стоят на стороне славян, то есть русских.

В 10 вечера пешком иду домой. Прекрасен красный закат над Волгой.

16 июня 1964 г.

В институте я штудирую рукопись 620 мелодий известного народного певца Гавриила Федорова¹¹. Этот бесценный сборник собирается издать милый, слеповатый Юрий Александрович Илюхин¹².

Между тем наносит мне визит сочиняющий в основном партийные песни председатель Чувашского союза композиторов Филипп Миронович Лукин¹³. Целый день я переписываю чувашские народные песни.

[С. 50] Награда мне за это – в 8 вечера – блинчики с творогом. После этого, собравшись с силами, пишу свое выступление по радио, потом сам же перевожу его. Подозрение расстройства желудка рассеиваю, проглатывая 10 таблеток сульфазидина¹⁴.

День не очень богат событиями.

17 июня 1964 г.

Сплошные выступления. Я – в фотографиях – появляюсь в здешней чувашской и русской газете, а также выступаю по Чувашскому телевидению. Эту передачу, конечно, я не увидел. Рано отправляемся на запад, в соседние с мариийскими Еласами¹⁵ места, где мы уже побывали в 1958 году, чтобы лично убедиться в удивительной схожести здешних фин-но-угорских и тюркских мелодий.

Пейзаж напоминает залайский в Венгрии: небольшие леса на холмистой местности. Дорога ценна еще тем, что с нами едет и пожилой директор Чувашского научно-исследовательского института. (Только позже выяснилось, что его интересовало не столько сбор народных песен, сколько светловолосая переводчица.)

Околица, открывающиеся ворота, и мы уже находимся в тихом Малом Карачкино¹⁶. Располагаемся на траве, окружающей здание клуба, переделанное из церкви. Поражает то, что мы всего в 10 км от Елас. Не пройдет и часа, как появятся четыре женщины 50–60 лет во всем черном, и по очереди исполнят песни такой же тональности, как это сделали 6 лет назад горные мариийцы¹⁷.

Совпадение еще и в том, что каждая песня имеет верхний квартовый¹⁸ сдвиг, но «по просьбе иностранца» транспонируется и в нижний квинтовый сдвиг. Им, видно, все равно. После записи двадцати образцовых мелодий нас кормят сметаной, что хорошо гармонирует с взятым с собой бутербродом с икрой. И это я, чудесным образом, запиваю холодным молоком.

Угнетает тот факт, что и здесь очевидны следы трахомы.

Наше следующее пристанище – Малые Тюмерли¹⁹. Здесь меня поражает незрячий молодой человек. Во дворе своей черной избы без единой мебели, где в зыбке, качающейся на ветке дерева [С. 51], спит его сын, он играет на трех разных «музыкальных инструментах»: 1. свистулке из листьев дерева, 2. скрепленных проволокой кусках железа, 3. костяной дудочке.

Под вечер мы тащимся домой по оставшемуся с царских времен и вымощенному огромными булыжниками военному и торговому тракту Москва–Казань. Если бы здесь была Мама, она бы представила себя царицей Екатериной²⁰.

18 июня 1964 г.

В полдесятого опять выезжаем в район, но я с раннего утра не сплю, чтобы не проспять, так как мои часы остановились. По-видимому, я все больше усваиваю русский язык (!), потому что понял по радио, что сборная СССР по футболу нанесла поражение сборной Дании 3:0.

Начинаем свой путь по хорошему вчерашнему тракту, но в скором времени попадаем на второстепенные и третьестепенные проселки. Наша конечная цель: Тораево²¹. (Задним числом: не очень-то и стоило сюда приехать.) В течение двух часов нет ничего, кроме неизвестности с обеих сторон. Они не понимают, что хотим мы, а мы не понимаем, что они не понимают.

Позже, наконец-то, подходят несколько слабых певцов. Здешние мелодии решительно относятся к другому музыкальному стилю, нежели вчерашние. После этого – против наших намерений – мы оказываемся в Ориине²². На краю деревни, в деревянном бараке, примерно 20 человек слушают, зачем мы сюда приехали. Из их среды встает только одна молодая женщина-инвалид – вместо одной ноги у нее деревянный протез. Она проходит с нами в здание клуба, переделанное из бывшей церкви, и прекрасно исполняет песни. На сегодня этого достаточно.

В Чебоксарах я ужинаю рыбой, но, наконец-то, не вареной, а жареной. Впрочем, какая разница!

19 июня 1964 г.

Сметанный завтрак, то есть сметана на завтрак. И сегодня отправляемся в полдесятого. Следуем через Цивильск более чем 100 км на юго-восток. Последние 20 км – и мы на месте. Но нам не очень-то рады.

В Яльчиках²³ нас принимает отставной полковник со своей второй, молодой женой. Чтобы нам лучше работалось, они сразу переоборудовали свою комнату: шифоньер переставили на середину комнаты, хотя мы [С. 52] и не просили. Так, по крайней мере, в нашем распоряжении стало два помещения. Разве полковнику можно сказать «нет»? За два часа я записываю двадцать песен у пяти певцов.

На полдник: водка, редиска, суп, а также солдатское приветствие и песня для хорошего настроения. Посещение достопримечательности деревни: родника в овраге. Оттуда я, как и все местные, несу домой на коромысле два ведра чистой воды. Кому-нибудь да пригодится из нас.

Неожиданно прибегает больной поэт деревни и начинает декламировать свои стихи на чувашском языке. Они меня оставляют безучастным, ибо мне не ясно, о чем в них идет речь: звучит песня кротких птичек или гордых пролетариев? Поздно освобождаемся.

20 июня 1964 г.

Насыщенный день. Сначала: пешком в радиокomitee, где за 30 рублей спел 4 песни к своему завтрашнему выступлению.

Потом: на машине в Шоршелы²⁴, в родное село третьего по счету советского космонавта, чуваша по происхождению, Николаева²⁵.

Недавно его овдовевшей матери²⁶ построили кирпичный дом и провели бетонную дорогу, чтобы мать героя не ходила по грязи.

Женщина хорошо нас принимает и угощает только что сваренным пивом. Пока я уничтожаю пиво, она мне показывает двухметровую мягкую игрушку Мишку: подарок его сыну из Берлина²⁷. Она бы и спела нам, если бы не одно обстоятельство – сегодня годовщина смерти ее мужа. Однако она охотно говорит с нами.

Вместо нее – в школе – спел друг космонавта. Записав 227 песню, я завершаю сбор марийских и чувашских песен за 1964 год.

Стандартный обед в доме учителя: водка, яйцо, рыба, хлеб, водка.

После обеда уже в Чебоксарской художественной галерее²⁸ рассматриваю последний «урожай» кистей художников. Явно по местному обычаю опять получаю в подарок галстук.

Вечером официальное прощание в обкоме партии. Для большей торжественности сначала мы беседуем за «зеленым» столом. В разговоре на 4 языках кроме меня участвует еще и один татарин. За этим следует обильнейший ужин.

[С. 53] Официальный перевод решительно мешает мне. Кажется, без него я лучше понимаю типовые русские предложения.

Ночью на машине едем домой. Однако мне предстоит еще переписать 15 мелодий, тогда будет итого $173 + \text{записанных } 227 = \text{ровно } 400$.

21 июня 1964 г.

В 9 часов отправляемся на небольшом волжском катере и за 35 минут доезжаем до Кувшинки²⁹, до места прощального мероприятия.

В ближайшем лесу эксклюзивный партийный дом отдыха, состоящий из домиков разного размера. Прогулка к озеру, но так как я не рассчитывал купаться, купаюсь и высушаю в трусах Юрия Александровича [Илюхина].

Обедаем водкой, огурцами, луком, бараниной.

Обязательное катание на лодке под палящим солнцем с переполненным животом и в сопровождении роев мух. Прогулка в сосновом лесу. На берегу в течение полутора часов мы ждем катер, чтобы вернуться домой. Директор НИИ [И.Д.] Кузнецов находит небольшую моторную лодку, но через полчаса и та перестает работать, так что побеждает великая Волга. Разные корабли, баржи проплывают мимо нас. Долго гребем до берега и там по бездорожью – по пескам, грязи – только к вечеру добираемся до края города. Оттуда уже ходит автобус.

Ничего, завтра улетаю в Москву.

23-23 июня 1964 г.

Утром по радио переводим Послесловие «Пентатоники IV» о чувашах³⁰. В Институте вручают мне полный текст теперешнего нашего сбора, набранный на машинке.

Благодаря провожающей нас команде, я первым попадаю на самолет. Секретарь обкома, чтобы я не голодал, по чувашскому обычаю передает

мне на дорогу целый *шгрттан*³¹.

Фотографирование на земле, витание в облаках, приземление в Москве.

Гостиница «Останкино»: душающая жара, пиво. На ужин салат с луком.

[С. 54] В 8 утра пешком иду к ближайшей станции метро, находящейся в нескольких километрах. В ГУМ³² -е с трудом приобретаю приемник и бритву. Покупка тапочек и сладостей в «Детском мире»³³. Шашлык и сладкое вино в грузинском ресторане.

После обеда «Фанфан-Тюльпан» с Жераром Филиппом³⁴ – на русском языке. Завтра улечу домой!...

[С. 94] 12 сентября 1966 г.

...Из [Йошкар-Олинского] самолета уже виднелась армия телевизионщиков, сотрудников радиовещания и журналистов. За ними стояли ряды встречающих нас с букетами людей. Габор Берецки³⁵ позже говорил, что его за 38 лет столько не фотографировали, сколько в эти минуты.

Официальное приветствие, дружеские слова, обмен букетами, приглашение сесть в машину. Но уже перед отправлением необходимо высказаться для радио о первых впечатлениях.

Город по-настоящему хорош, ухожен, чист. С 1964 года ввели в эксплуатацию три новые троллейбусные линии. На ближайших холмах дома нового микрорайона, цветущие парки, полезные подземные переходы и бра-вый Чапаев³⁶ – из бронзы. Что еще надо?

[С. 95] В гостиничные номера попадаем только после быстрых ответов на вопросы журналистов, где, как ни удивительно, ждут меня три письма из дома.

После того, как быстро распаковываем вещи, в отдельном зале гостиницы тихо и очень вкусно обедаем. Между тем дают свободу и уверяют, что можем собирать материалы где угодно, обеспечат и машиной, нашли уже кучу исполнителей.

После тихого часа задерживается у нас [А.А.] Алексеев³⁷, друг Андраша Рона-Таша³⁸, но наш друг [Ю.А.] Илюхин спасает нас от него в соседнем буфете.

Хочется перечислить преимущества нашего быта по сравнению с предыдущим местом экспедиции: отдельные спальни и кабинеты, комнаты без запаха, с балконом; в ванном помещении встроенная ванна – днем и ночью течет холодная и горячая вода, фарфоровый унитаз и вокруг везде кафель; имеются даже полки (мне их в этом году даже в Париже не хватало), есть лифт и к тому же работает; горничная не старая, а наоборот, приятная, говорит любезно. На столе нашего рабочего кабинета виноград и сладости, в продаже карты и открытки, в ресторане – соль великолепна, а рядом с гостиничным умывальником мыло и разовое полотенце. Памятник Ленину не из гипса с серебром, а из бронзы, также как и памятник Чапаеву. На стене номера термометр, есть несколько картин, стол с инкрустацией и

полированный, а ключ от комнаты – маленький. По моим наблюдениям, ключ маленький – культура большая.

13 сентября 1966 г.

Директор института, [И.Д.] Кузнецов, старый, пунктуальный член партии, рано приходит в гостиницу и нервно ходит взад-вперед, пока мы бреемся.

Наш друг [Ю.А.] Илюхин приходит с новым сопровождающим. Нам удается ему объяснить, что сделает добро, если на завтрак будет только кефир.

В полдесятого на красивой «Волге»³⁹ отправляемся в Кугеси⁴⁰, где, к сожалению, надо пересесть на другую машину, потому что в сторону Мереш-поси⁴¹ уже нет асфальтированной дороги.

Полчаса карабкаемся по грязи и вскоре оказываемся в пахнувшей табаком комнате пожилой супружеской пары, где я до 5 вечера успеваю записать 20 мелодий. Юрий Александрович [Илюхин] записывает слова, а сопровождающий нас человек у соседа кипятит нам молоко и варит яйца.

[С. 96] Многие заходят к нам, интересуются, шумят, одним словом, мешают нам работать. Вдобавок, и магнитофон, и фотоаппарат перестают работать. Возможно, дома, в Чебоксарах мне удастся их починить. По пути домой опять пересаживаемся в ожидавшую нас до сих пор «Волгу». Удивительно то, что в этом современном чувашском селе почти никто не знает по-русски. Их образ жизни, обстоятельства очень схожи с жизнью марийцев.

14 сентября 1966 г.

Светит солнце. [И.Д.] Кузнецов пришел и сегодня. Следит за каждым прожитым нами часом. На вчерашней «Волге» мы сейчас же отправляемся на запад в сторону Новочебоксарска⁴² – на химкомбинат.

По асфальту мчимся со скоростью 120 км, но как только с него съезжаем, попадаем в такую грязь, что дверь машины с одной стороны вообще невозможно открыть. Вблизи пыхтят и 4 другие машины: включают задний ход, буксуют, брызжут грязью вокруг. Наконец-то, нас трактор вы-таскивает из грязи, после чего окажемся на лугу около старой, неработающей церкви села Яндашево-Шуркасов⁴³.

До обеда ничего не происходит – загораем на траве. Позже подходят несколько старушек и в ближайшем деревянном доме исполняют песни. Мы записываем у них даже свадебные рассказы.

Дело несколько осложняется тем, что [Ю.А.] Илюхина нужно забросить обратно в Новочебоксарск, откуда он уедет уже на автобусе. Мы неплохо бы пообедали, если бы аппетит не пропал из-за ближайшей «страшилки»⁴⁴, к которой приделали даже электрическую сушилку.

После обеда одна учительница так красиво и просто исполнила песни, что даже нашему водителю захотелось петь.

Я немного испуган: побаливает печень.

15 сентября 1966 г.

[И.Д.] Кузнецов приходит сегодня только к половине девятого. Через полчаса мы уже в Ишаках⁴⁵, где – 120 лет тому назад – побывал и Регули⁴⁶. Вот бы сейчас с ним встретиться.

Из Ишак выезжаем по грязной, земляной дороге. Один раз наша «Волга» застревает, но за относительно короткое время выбираемся на стерню, где уже без проблем продвигаемся вперед.

[С. 97] Доехав до середины Малых Яушей⁴⁷ вынуждены были остановиться – впереди глубокий овраг. До крайних домов деревни добираемся пешком.

Пожилой хозяин и его жена радушно нас встречают, но они не намерены пить, пока не отведаем их горького домашнего пива, пирога с капустой, вареных яиц и страшной водки. К счастью, я вижу яблоко, и мне разрешают закусить им.

К часу, наконец-то, начинаем работать. Старушка за один присест спела две дюжины песен. Такого никогда еще не было. Габор только после четырех заканчивает запись слов. На сегодня предостаточно.

На улице сильный дождь. Во время работы я думал и о том, как же отсюда выбраться. Но пока не до этого: нас опять кормят и поят. Для разнообразия к предыдущим яствам приносят еще и мед. Это утешает меня, но не Габога.

Опять дает о себе знать моя печень и просит пощады, иначе несдобровать мне.

Домой оправляемся по другой проселочной дороге, а на асфальте – со скоростью 130 км. Фокусы водителя действуют на нервы.

В гостинице я вспоминаю, что Илонка Боршай⁴⁸ и Имре Олшвай⁴ находятся в командировке в Каире⁵⁰ и, возможно, сейчас в глубине пирамиды мерзнут или, наоборот, задыхаются от жары. Из Чебоксар я им отправляю открытку с видом на большой старый волжский причал. А вдруг они получают? Все-таки не каждый день отсюда посылают привет на берег Нила⁵¹. Хотя кто знает? В октябре 1956 года солдатики, высунув головы из танков, на берегу Дуная⁵² спрашивали: это Нил?⁵³

Год назад я в Швейцарии наслаждался чудесным пейзажем.

16 сентября 1966 г.

[И.Д.] Кузнецов сегодня немножко подальше от нас – гуляет в коридоре. А [Ю.А.] Ильяхин проспал, поэтому мы только после обеда отправляемся в самый южный районный центр, находящийся в 160 км, Шемуршу⁵⁴.

Дорога через Цивильск и Канаш⁵⁵, одна из последних узловых станций, идущие в Сибирь поезда, окаймленные желто-зелеными лесами, [С. 98] купающиеся в тихих, осенних лучах солнца холмы мне напоминают край, ведущий со стороны Веспрема⁵⁶, после Яношхаза⁵⁷ в область Ваш⁵⁸.

В Шемурше нас принимает третий секретарь райкома партии и проводит в красивый деревянный дом. Здесь будем жить. Теперь мы могли бы

спокойно отдохнуть, если бы хозяйка поверила бы нам, что переданный нами ей документ на самом деле является паспортом. Смотрит, смотрит – такого еще не видела – прочитать не может, смущается. Но спустя несколько минут все же принимает «венгерский документ».

После обеда три километра идем пешком до Новой Шемурши⁵⁹, где две женщины исполнили нам до того неизвестные по стилю песни и кажущиеся из-за этого архаическими. Правда, электричества и здесь нет, но выручают батарейки. В этих краях другой диалект, и другой вид национального костюма. Стоило сюда приехать.

Когда возвращаемся обратно, уже темно. Красиво сверкают звезды.

17 сентября 1966 г.

Краткий визит первого секретаря [райкома партии]. Подходит к нам и мордовская женщина с финно-угорским лицом.

После этого на вездеходе быстро доезжаем до близко расположенного Большого Буянова⁶⁰. Перед строящейся школой стоит тарантас⁶¹ старого образца. Габор быстро становится рядом, а я снимаю фотоаппаратом, чтобы у него осталась память о необыкновенном экипаже, напоминающем времена Толстого⁶².

Позже – в необитаемом доме – два бухгалтера и одна уборщица исполняют нам песни и весьма неплохо.

Сейчас ведь нелегко найти певцов, все собирают картошку. Надо воспользоваться погодой, пока не наступила долгая, лютая зима.

Дальше сохой пашет свой огород старый аксакал⁶³. Трудно сказать, кто из них худее, он или его кляча⁶⁴? С достоинством мучаются оба.

На обед обратно возвращаемся в Шемуршу, потом с другим сопровождающим отправляемся в противоположную сторону. В 10 км отсюда настоящее мордовское поселение. Это в первую очередь важно для Габора, но может быть интересно и мне.

[С. 99] В Мордовских Тюках⁶⁵, в деревне, разделенной оврагом на две части, в течение часа ничего не происходит, лишь двое подвыпивших лиц выются вокруг нас. То справа, то слева рассматривают нас. Позже один из них спрашивает нас: не приехали ли мы к ним, чтобы провести электричество? ведь давно обещано, что наступит коммунизм. Они настолько пьяны, что еле ворочают языком, однако все же поняли, что мы не есть долгожданные электрики.

Неожиданно появляется утренняя мордовская женщина в компании еще 4-х женщин. Я впервые в жизни слышу живое, деревенское мордовское многоголосовое пение. Возможно, это длинная героическая песня. Это поражающая своей примитивностью лиана⁶⁶, с множеством строф⁶⁷, ...? После этого одна из женщин говорит и читает по-мордовски, но с большими трудностями. Что и говорить, из финно-угорских народов мордва обрусела больше всего, но песня и у них живет дольше, чем речь.

Постепенно смеркается. Старый мужчина с бородой и молодая женщина при свете керосиновой лампы⁶⁸ с большими буквами записывают тексты песен. Завтра отправляемся обратно на север.

18 сентября 1966 г.

Всю ночь шум-гам, ссоры, крики. Пьяный дебош мешает спать. Все время открывают дверь, конечно, без стука. После полуночи вдребезги пьяный человек пинком открывает дверь и грохнется на третью, пустую койку. Неприятнее этого только гуляющий на краю кровати клоп. Надо быть бдительным.

Вместо 9-ти машина подъезжает к 11-ти часам. Водитель, с кем вчера все было согласовано, не дает никаких объяснений. Габор подшучивает: а мы думали, что потерялся. Он нам без зазрения совести: «Картошку собирал на приусадебном участке». Но во время ожидания нам тоже не было скучно, так как два утренних пьяных типа пытались с нами общаться. Один из них добивался, чтобы мы прочли его свидетельство об окончании какой-то школы.

После утреннего дождя песок стал твердым, поэтому за полчаса доезжаем до Батырева⁶⁹. Не успеем еще выйти из машины, как первый секретарь [С. 100] райкома и его свита из 6-ти человек встречают нас перед домом. Дружеское приветствие и получасовая беседа в кабинете начальника. После этого в добротном, многоэтажном каменном доме получаем пустую квартиру для ночлега. И ресторан намного лучше, чем в Шемурше. Борщ, баранина и чай; после приема пищи прикатила к дому голубая (!) «Волга» и по гладкой, черной, проселочной дороге мы уже мчимся в сторону Сугута⁷⁰.

Посреди дороги лежит окровавленный, пьяный велосипедист.

Сугуты – центр колхоза. В многоэтажную деревянную школу по очереди доставляют певцов. Очень послушные, но петь умеют не особенно. Слов в основном не знают. С большим трудом, но все же работу заканчиваем при свете керосиновой лампы и ламп, питаемых огромными аккумуляторами.

Вернувшись в Батырево, мы с сочувствием видим, что столовая открыта только ради нас.

Батарейки [для кинокамеры] теперь дольше работают, чем в свое время в Мари Биляморе⁷¹, а регулятор пленки, по-видимому, ослаб, потому что постоянно требует корректировки.

Завтра мы вновь будем в Чебоксарах, потом будет Москва, что для меня уже предвестник Будапешта⁷².

Фотопленку из фотоаппарата я извлекаю ночью под одеялом, чтобы случайно не засветить. Но и так не особенно надеюсь на нее.

19 сентября 1966 г.

Прохладное, солнечное, приятное осеннее утро. Попрощаемся с первым секретарем. Голубая «Волга» мчит уже по ульяновской трассе. К половине 11 подъезжаем в Комсомольское⁷³. Интересно, сколько тысяч сел с таким названием имеется в Советском Союзе?

Отсюда еще 21 км по проселочной дороге до Новых Мурат⁷⁴. По пути мы становимся целой армией, потому что в двух других машинах едут любопытствовать множество журналистов и фотокорреспондентов.

По пути большое впечатление – татарское село, но, прежде всего, его кладбище, окруженное деревянным забором. В нем огромные деревья отбрасывают тянущимися до самой земли ветками тень на могилы. На воротах знак Мохаммеда⁷⁵ – истершийся полумесяц.

[С. 101] На опушке красно-золотистого кленового леса, в большом клубе, похожем на деревенский хлев, раскладываем свое снаряжение. Один фотограф распорядится, куда нам стать. Он хочет нас сфотографировать на улице во время сбора материала, потому что фон там лучше. Мы быстро от него освобождаемся.

Бородатый старик начинает петь, но едва только начинает, как появляется секретарь парткома и выясняется, что надо идти возложить венки. В это время школьники подошли к памятнику героям. Директор вешает на Габора огромный венок величиной с мельничный жернов (я рад, что он, таким образом, выбрался в начальники). Он так и тащит его около 100 метров с великим благоговением. Возложение венков тоже снимают. Мы двое, так как еще живы, получаем лишь букет цветов. Как считает главный фотограф, первоначальное рукопожатие вышло плохо, надо его повторить.

Просят меня произнести речь. Этого еще не хватало к параду. Я – по-венгерски – скажу только, что мы приехали сюда в качестве послов мира и науки. Габор изрядно мучается, пока переводит.

Я только позже понял, что в эту деревню нас привезли для возложения венков. Потом мы возвращаемся к своему аксакалу. Трудно навести тишину среди приумножающихся бездельников. А секретарю партии [то есть парткома] все хочется, чтобы старик вместо пения говорил о колхозе. Но тот не поддается. Наоборот. Он начинает возмущаться чем-то и никак не может остановиться. Что же будет с ним, когда мы уйдем?

Начинается дождь, вновь поехали в Комсомольское.

В столовой хочешь не хочешь – надо есть. Подходит к нам подвыпивший тип, каждому по очереди пожимает руку и высокомерно спрашивает про Венгрию. Через пару минут его уберут от нас.

Наконец-то, возвращаемся в находящиеся в 120 км Чебоксары. Всю дорогу идет дождь. Около водителя я устаю, как будто сам вожу машину.

[С. 102] 20 сентября 1966 г.

Тамашу⁷⁶ сегодня 9 лет.

Холодно. С [И.Д.] Кузнецовым вместе идем в Чувашский НИИ. Время до обеда Габор проводит среди языковедов, а я – среди рукописей. Я делаю выборку и произвожу выписки из великолепных материалов 30-х годов.

В столовой Совета Министров: щи, баранина, чай. Там мы встречаем 86-летнего, но молодежавшего профессора-языковеда [В.Г.] Егорова⁷⁷. Он такое же лицо среди чувашей, как и [В.М.] Васильев⁷⁸ среди марийцев.

Большая сенсация – в 20-миллионной московской «Правде»⁷⁹ вышла статья с фотографиями о нас!

По моей просьбе [И.Д.] Кузнецов проводит меня в православный собор

по набережной Волги, где я присутствую на двухчасовом богослужении, посвященном рождению Богоматери Христа.

Присутствуют около 500 человек, большинство которых женщины средних лет или пожилые. Они непрерывно крестятся. Главный священник с огромной бородой и добрым лицом с помощью 10 рядовых священников, одетых в сказочно красивые платья, поет, шествует, благословляет и непрерывно окуривает ладаном⁸⁰.

Внутреннее убранство светится призрачным светом, сотнями горят свечи перед иконами⁸¹. Прихожане преклоняются, целуя их. В соборе, где множество позолоченных, серебряных, черных, красных надписей кириллицей⁸², два хора на четыре голоса, отвечая друг другу, сотни раз повторяют «Господи, помилуй!», а попы, чередуясь, незаметно поднимаясь полутонами⁸³, поют православные молитвы⁸⁴. Дьяконы⁸⁵ с длинными волосами ходят от алтаря⁸⁶ до алтаря. Незабываемое зрелище.

В гостинице нас ночью будят, чтобы завтра оплатили за проживание.

[С. 103] 21 сентября 1966 г.

Целый день то дождь, то солнце, то и то, и другое одновременно, и тогда «красивая радуга ложится венком на небо».

Оплачиваем за проживание в гостинице. Советскому человеку 2 рубля в сутки, несоветскому – 6.

Ученый секретарь института [В.Д.] Дмитриев⁸⁷ приносит нам два зимних пальто, чтобы мы не простыли.

На микроавтобусе Чувашского Радиокomiteта⁸⁸ в компании [Ю.А.] Илюхина, его 9 учеников и фотографа отправляемся на запад. 30 удачных километров по асфальтовой дороге, потом около Татаркасов⁸⁹ застреваем в грязи. Все, дальше никак.

Пешком, напевая песни, идем через овраг, разделяющий деревню на две части до стен, называемых Домом культуры. Наше принужденное ожидание кончается тем, что находят на скорую руку двух певцов. Бедняги слабы, как утренняя роса.

Между делом студентам я рассказываю о сборе народных песен, о возможности классификации мелодий. А фотограф, как обычно, все суетится. Позже наша машина все-таки подъезжает. Ее трактором вытащили из грязи.

Обедаем в районном центре⁹⁰, в Большом Сундыре⁹¹, где как будто уже все было приготовлено для нас, однако нас никто даже не встретил. Случайно узнаем о женщине, живущей недалеко отсюда в Ямолкине⁹², и сразу же идем к ней. Микроавтобус обустроиваем как помещение для записей. Женщина поет хорошие песни и превосходно. Иногда приходится прерывать запись из-за того, что соседская свинья с такой силой трется о колесо автобуса, что вся «студия» дрожит.

Но свинья нам нипочем, тем более, что женщина приглашает нас в дом, угощает яичками, творогом, яблоками и обоим дарит вышитый платок.

Девушки в это время собирают красную калину, по-венгерски *канё*. Некоторые и едят ее. Между прочим, ужасно невкусно, но ягоды красивые.

По дороге домой проезжаем прямо через наполненный водой овраг, и одна из студенток от испуга вместо ручки двери хватается за кран огне-тушителя. В результате мы покрываемся белым дымом, а она сама плюхается в воду.

[С. 104] 22 сентября 1966 г.

Сегодня ничего особенного с нами не происходило. К примеру, на радио не могли сразу переписать наши записи. Удалось сделать как надо только во второй раз. Но теперь уже в 2 раза быстрее. В универмаге никак не мог решиться, что же купить. Больше всего понравилась пачка безопасных английских лезвий для бритвы. Но не настолько, чтобы купить. Я их оставил для чувашей.

[А.А.] Алексеев провел у нас три долгих часа. Трудно было его терпеть даже притом, что пили неплохое болгарское вино.

23 сентября 1966 г.

Утром он возвращается и тащит меня в музей, где женщина, одетая в национальную одежду, ждет меня с песней.

Сразу после обеда получаем «освободившие» нас билеты на самолет и выступаем в НИИ с лекцией перед аудиторией в 50 человек. Многие включаются в беседу, интересуются. Габор переводит на русский и обратно.

После этого корреспондент «Советской России»⁹³ надоедает своими шаблонными вопросами. Вечером приходят дорогие гости. Восторженная группа вчерашних студентов хочет узнать, кто и как в Венгрии обучается музыке? Они исполняют чувашские народные песни в один голос и русские народные песни в несколько голосов. После этого объявляем настоящий конкурс: кто запишет быстрее всех тему фуги⁹⁴ первой части конкретного произведения Баха⁹⁵? После того, как уже почти все написали, мы все вместе поем, только и сотрясается наша гостиница. (Через несколько лет такая же сценка повторилась и в парижском универмаге «Самаритин» со мной и с одним из продавцов после успешного приобретения зимнего пальто. Данное произведение Баха одинаково чудесно хоть в Чебоксарах, хоть в Париже.)

Чем только не угощаемся (саратовским печеньем, казанскими конфетами, невкусными чувашскими яблоками) пока обмениваемся подарками. Мы им дарим книжечки с венгерскими народными песнями, [Ю.А.] Илюхину пластинку, салфетку из Калоча⁹⁶, а мы получаем для своих жен вышитые чувашские фартуки. Нам так хорошо вместе, что расстаемся с трудом. Эта встреча, наконец-то, не вынужденный визит, не официальная беседа [С. 105], не парадный ужин. Среди нас нет пьяных, нет вокруг никакой грязи.

Московское радио передает 2 градуса мороза.

24 сентября 1966 г.

В 9 часов уже в нашей комнате сидит умный, соображающий корреспондент агентства ТАСС. В 10 пакуемся на Главпочтамте. Здесь – потому что

принято, что все, что хотим отправить, надо собрать в присутствии служащего почты – чтобы никто не посылал, к примеру, бомбу. Это, хоть и происходит медленно, но преимущество в том, что дают и ящик, и коробку, а также и гвозди, молоток, бумагу, клей, ручку даже и горячий красный сургуч, которым штампуются конец веревки. Габор отправляет в пяти коробках 10 кг книг всего за несколько копеек.

К нашему приходу домой в вазе стоит большой букет. Это, по-видимому, внимание вчерашней молодежи. Надо только кому-нибудь начинать, а дальше само пойдет. Все тексты собранных в предыдущие дни чувашских песен отдают нам в папке, в напечатанном виде, совсем без ошибок и с переводом на русский язык. Когда, кто и как это смог сделать? По ночам, тайком?

На самом деле приближается зима. Без перчаток мои руки сильно мерзнут.

Президент Республики⁹⁷ и его заместитель мои старые знакомые, и теперь оба меня принимают очень тепло. В отдельном зале ресторана стол ломится от яств. Я сосчитал: было 6 видов напитков + салаты, мясо, фрукты. Свежий виноград, возможно, прямо доставлен с Кавказа или Черного моря.

Не обижаются, что я не пью водку. Не пьет и Филипп Миронович [Лукин]. Зато нужно принимать пищу и произносить бесчисленные тосты. Так, меня хвалят за знание русского языка, что я вынужден это много раз доказывать.

То один, то другой начинает петь, настроение приподнятое, только так звучит чувашская «*Асран кайми*»⁹⁸ (национальная песня). Я догадываюсь, что такое редко происходит в внушающем строгость и серьезность здании Совета Министров. Между двумя гостями заявляют и то, что мы стали почетными сотрудниками Чувашского научно-исследовательского института.

[С. 106] Несмотря на отсутствие женщин, это редкое событие оканчивается поцелуями и обнимками.

[Ю.А.] Илюхин нас провожает в гостиницу и шепотом говорит, что и его жена⁹⁹ хотела бы познакомиться с нами, но, так как она является потомком украинских аристократов, боятся нас пригласить к себе. Пусть придет сюда! Три раза нужно ей звонить, пока она решается. Очень нежное, обаятельное существо, и полностью чужое в этом окружении. Видно, что вся ее жизнь – это страх и напряжение. Два часа выпитывает наши слова. Что может в ней происходить?

25 сентября 1966 г.

Солнечное осеннее утро. [И.Д.] Кузнецов подъезжает на маленьком автобусе, на котором едем в речной порт. С небольшим опозданием прибегают Лукин и Илюхин (то есть Филипп и Юрий), последний – без жены. Она всегда остается дома. Отправляемся на отдельном катере вверх¹⁰⁰ по Волге. От волн, вызванных сильным ветром, нас защищает большое пластмассовое ветровое стекло. До устья речки Уржумки¹⁰¹ мы тужимся против течения.

После высадки в течение 3 часов бродим на заливных лугах, рощах, низменностях Волги. На каждом шагу краснеют калина и шиповник. По земле везде много съедобных грибов. Половина Чебоксар питается ими. Странно было узнать, что мы находимся всего в десяти километрах от марийской Липшы¹⁰², где пару недель тому назад собирали материал. Мы нередко делаем так, как олени Бартока: сбиваемся с пути и расстаемся с надеждой, что когда-нибудь найдем исходную точку, где нас ждет катер. Кое-как добираемся до Волги и там одного рыбака удается уговорить перевести нас на другой берег, поближе к президентской даче¹⁰³ в Кувшинке.

Подобно голодным волкам, начинаем есть маринованные грибы, уху, курицу, дыню, перемешанную с яблочным соком водку. К окончанию трапезы подплывает и катер ЦК¹⁰⁴.

До дома волжский ветер ласкает наше лицо.

Перед сном делает нам сюрприз хор вчерашних студентов.

Упаковать вещи уже нет сил. Завтра утром.

[С. 107] 26 сентября 1966 г.

На высоте 4000 м между небом и землей, между Чебоксарами и Москвой, на борту самолета АН-24 пишу эти строки. Внизу идет дождь, но тут наверху светит солнце, а небо чистое, голубое. Под нами бесконечный, толстый, подобно снежному полю, ослепительно белый слой облака. Куда ни смотрим, везде виднеется только этот бело-голубой мир.

В 7 утра начали упаковывать вещи, но через полчаса уже 4 провожающих сидели у нас в комнате. Под проливным дождем выехали в аэропорт. Габор на [самолете] ИЛ-14-ом полетел в Йошкар-Олу¹⁰⁵; на 2 месяца вернулся к марийцам. А московский самолет еще надо было ждать. Наконец, и [Ф.М.] Лукин и заместитель председателя Прокопьев¹⁰⁶ тоже подъехали. Снова обнимались и целовались, после чего в 11 часов я оставил на земле этих добрых чувашей. Немножко боюсь летать, так как в прошлый раз над землей я чувствовал себя неважно. Однако сейчас, слава Богу, мне достаточно комфортно. Воздушные винты сначала мурлычат в темпе 3/4, позже – уже в 2/4...

[С. 114] 30 мая 1968 г.

... Мы продолжаем свой путь на борту АН-24 в сторону Чебоксар. Я даже успеваю вздремнуть часок, хотя на самолете это не в моих привычках. Стрелка часов доходит до десяти, когда, оставив под собой горномарийские села, приземляемся в аэропорту Чебоксар на берегу Волги. [Ф.М.] Лукин и маэстро [Ю.А.] Илюхин встречают нас с тюльпанами и ландышами в компании симпатичных студенток.

На машине президента [администрации республики] приезжаем в гостиницу «Чувашия», где 301 номер таков, каков и был в предыдущие годы. (Возможно, он нас ждал, как 427 в Техасе?¹⁰⁷) Трудно передать, что я чувствую, когда мы снова здесь.

Быстро и решительно набрасываем план: до 16 июня побудем в дюжине селений двух восточных и четырех западных районов, где до сих пор еще не записывали песни. Если можно, пусть два из них будут мордовскими.

В ресторане Филипп Миронович Лукин восторженно рассказывает о своих впечатлениях в Будапеште. Ему больше всего понравилась Ханна Хонти¹⁰⁸, он от нее в восторге.

[С. 115] Причина очереди на главной улице: привезли стиральный порошок в Чебоксары. Габор хотел бы купить тетради, но их еще не привезли.

Вечернее купание в рыже-желтой воде ванны.

31 мая 1968 г.

Ненужные в провинции вещи мы сдаем в камеру хранения. Пиджаки принимают только на плечиках, что с разрешения дежурного по этажу сначала нужно принести из номера.

В первую поездку с нами едет и композитор [А.В.] Асламас¹⁰⁹. Всю дорогу он – с огромным старанием – записывает ноты своего нового вальса.

Центр самого восточного района: Янтиково¹¹⁰. Ловкая первая секретарша [райкома партии] уже на главной площади быстро и сердечно распоряжается. Наш ночлег, как всегда, в деревянном доме. Его половина именует музыкальной школой. Это из-за нас только или на самом деле так? В нашей комнате много растений + пять коек и шахматная доска.

Через некоторое время серая «Волга» уже мчит нас в сторону Тюмерево¹¹¹. При выходе из машины нас встречает молодежь с гармонью. На шее одного из парней длинное, белое полотенце. Перед каждым домом они понемножку пляшут. Проводы в армию. У одного старика за новую десятирублевую бумажку я покупаю его самодельную скрипку для музея этнографии Венгрии. Дядька смотрит-смотрит на деньги, такие он вряд ли видел. Он складывает их в четвертинку и, когда они с ноготь, засовывает в верхний карман пальто. В 10 вечера приезжает журналист, но выясняется, что не к нам, а просто пришел спать в деревню. Перед домом я курю трубку; светятся звезды.

1 июня 1968 г.

Стало пасмурно.

После восьми через грязный луг мы переходим в столовую, чтобы съесть на завтрак глазунью¹¹² и выпить чаю.

Одна милая учительница обещает певцов. Те, конечно, не идут, но молодую женщину наряжают в старый народный костюм, и она готова даже под морозящим дождем плясать, только бы мы ее снимали на кинокамеру.

В 10 часов подъезжает синяя коробка, маскированная под автобус, и отвозит нас на 8 км дальше в Турмышы¹¹³, где в данный момент дороги еще проходимы.

[С. 116] В деревянном здании школы, стоящей на краю села, старый учитель с большой бородой читает нам приветственную речь, составлен-

ную из отрывков партийных выступлений, нам обоим вручает по букету сирени и с удовольствием поет.

Дождь льет, как из ведра.

Лучший певец собирается на свадьбу, но он уже полностью опьянел, по этой причине уже не сможет спеть нам, хотя и имеет подобное желание.

Приезжает Леонид Павлович Сергеев¹¹⁴, дружественный языковед с широким лицом, и он сменяет такого же дружественного, слеповатого Юрия Александровича [Илюхина]. Возможно, им было в тягость терпеть 2–3 дня иностранцев и деревенскую жизнь. Но у нас не было выбора, мы должны были все вынести.

После обеда час еще ждем, но так как ничего не происходит, с кислым лицом отправляемся на машине в новый пункт назначения. По пути – в Канаше – Юрий покидает нас, а мы потом 20 км хорошей, затем по трясущей, страшно ухабистой дороге едем еще 37 км на юго-восток. Наш водитель, выделывая кренделя, словно аттракционы в цирке, за 2,5 часа привозит нас в Яльчики.

«Дом приезжих»¹¹⁵ ждет нас с большой комнатой, в которой круглая, трехметровой высоты, серебряная по цвету печка.

«Рыжий закат на горизонте».

2 июня 1968 г.

Так как за ночь подсохло, мы пешком идем в центр – в новый кирпичный многоэтажный дом – завтракать и нанести визит секретарю райкома. В результате нашей встречи у нас пополнение: симпатичный мужчина с татарской физиономией. Мы вшестером втискиваемся в вездеход и направляемся в ближайшее Байдеряково¹¹⁶. Там, увидев секретаря, быстро находят нескольких певцов, и мы делаем много хороших записей. Леонид Павлович мучается с «ай-йа-йа-рай-йа-йа»¹¹⁷, встречающимися в пятой строке песен.

Обед в Яльчиках с будафокским бренди¹¹⁸. После этого направляемся на ближайшую, просторную площадь, где на празднике «Песни и спорта»¹¹⁹ при прекрасной погоде я снимаю на кинокамеру вид народной борьбы. Сегодня праздник «Сабантуй»¹²⁰, и, возможно, [С. 117] это самый знаменитый день в этих краях. В середине огромного людского круга по одному крепкому мужчине; каждый из них пытается так схватить белым полотенцем своего соперника за талию, чтобы поскорее уложить его на землю – положить на обе лопатки. Напрягаются огромные силы – они состоят из одних мышц, оба борца и публика орут. Если необходимо, вмешивается судья. (Черт техники¹²¹ и сейчас не спал. Я потом только понял, что, когда я подошел поближе к борцам, киноплёнка у меня кончилась.)

Все с удивлением смотрят на мою кинокамеру и джинсы. Так как последние – это символ враждебного американского империализма, многие даже щупают меня и с любопытством смотрят, ждут эффекта, результата от этого. Эффекта не получается.

Соседняя деревня Новое Булаево¹²², где в библиотеке сначала получаем по букету цветов, потом восемь хороших песен от трех старушек.

Во время ужина язык Габора (от выпитого ?) развязывается, и он поражает местных жителей со своими историями из жизни Сталина¹²³ и Хрущева¹²⁴. Дочь хозяйки поет хорошие мелодии и исполняет даже плач.

(Только на следующее утро заметил, что некоторые сосуды обоих глаз от чего-то лопнули).

3 июня 1968 г.

Солнечное утро.

В старой рюмочной мы пьем только чай. После этого мы гуляем по пустому коридору секретариата [райкома] партии и ждем своего нового, молодого сопровождающего.

Наша нынешняя деревня Тоскаево¹²⁵.

До начала киносъемок я снимаю голубое небо, белые облака, черную землю, зеленый посев ржи, и на их фоне старую, но работающую и сегодня ветряную с большими лопастями мельницу. (Возможно, пригодится и на обложку пластинки.)

Вскоре последует хорошая серия в исполнении мужчины и трех женщин с прекрасными голосами. В конце песни они даже спляшут. К тому времени, как завершаем съемку, небо затягивается облаками, а по радио объявляют, что на севере уже идет дождь.

[С. 118] Быстро собираем вещи, прощаемся, и в машине я бережно держу старую скрипку, чтобы она не сломалась. Никогда больше в первый день экспедиции не буду покупать скрипку без футляра.

По пути мы проезжаем через село, в котором нет ни одного дерева. Догадываемся, что оно татарское.

В Чебоксарах я нахожу потерянный еще несколько дней тому назад складной ножик, купленный мною в Хельсинки¹²⁶. Перед сном уничтожаем 25 молей.

4 июня 1968 г.

Мое с Габором нутро примерно уже одинаковое, так как восемь дней едим и пьем одно и то же. Но на свете есть и такие страны, где все обычно происходит по-другому, потому что там заранее спрашивают, что мы бы желали бы есть и пить.

Сегодня у нас день отдыха. До обеда мы пишем и покупаем почтовые марки. Попытка Габора купить тетради и сегодня не приносит успеха. После обеда мы ждали [Л.П.] Сергеева, потому что он хотел свой день рождения отпраздновать с нами, но он, в конце концов, не пришел.

Однако мы не остались без посетителей.

Неожиданно пришла молодая супружеская пара с маленькой дочкой. Женщина 22 лет, по происхождению венгерка, примерно такого же возраста молчаливый муж—чуваш, большеглазая Жужика еще не определилась. К ней мать обращается по-венгерски, а отец — по-русски. Муж, будучи советским солдатом, служил в Пештлёринце¹²⁷. А Роза Чех, имеющая аттестат зрелос-

ти, проживала в Дабаше¹²⁸ и вот решила приехать в Чебоксары, чтобы здесь родить, хотя и очень скучает по родине. Они ничего не хотят от нас, просто читали в газете, что мы здесь, и решили прийти к нам, посмотреть на нас. С таким случаем мы еще не сталкивались, хотя, возможно, он не единичный. Женщины способны на все.

Как только они ушли, приходит Юрий [Илюхин] и проводит с нами целый час. За это время ничего не происходит. Только то, что ресторан закрывается, и мы остаемся без ужина. Но это не самое главное.

Опять упаковываем вещи, потому что завтра утром летим в юго-западный мордовский район, в Порецкое¹²⁹, что на берегу Суры.

[С. 119] 5 июня 1968 г.

В три часа ночи уже светает.

Не завтракаем, потому что у буфета гостиницы уже при открытии длинная очередь.

В 9 часов взлетаем на борту АН-2. Подобные самолеты на войне были разведчиками. Оставшиеся из них служат в гражданской авиации. Нас 12 человек теснится на двух деревянных скамейках, поставленных вдоль машины. Еще на земле мы принимаем по 1 таблетке дедалона¹³⁰, так как сильный ветер, и никто из нас не желает почувствовать себя плохо от качки. Мы летим приблизительно на высоте 1000 м. Наш чувашский друг, штампующий вальсы [А.В.] Асламас, сначала только потеет, а потом вынужден воспользоваться специальным пакетом. Я смотрю на него с сочувствием и думаю, почему же он сочиняет именно вальсы? В 10 часов благополучно приземляемся на порецком лугу. Наш приз – букет цветов. Быстрая планерка в бывшем русском купеческом доме (сейчас он принадлежит [райкому] партии), построенном из красного кирпича, и мы уже катимся на добротной твердой проселочной дороге в находящееся в 8 км Напольное¹³¹.

Вместе с председателем колхоза и директором школы мы выбираем подходящий класс, где имеется розетка и можно начинать записи, потому что пришли 5 старушек в белых платочках. Вначале они исполняют многоголосые мордовские песни, и, если я правильно понимаю, то одна берет мелодию сверху, другая – немного ниже, а остальные две идут между ними, то вверх, то вниз, но все это происходит в диапазоне квинты¹³². Это ни слухом не выделишь, и не запишешь. Не помогает ни разница в тембре¹³³, ни текст. Я пытаюсь (какой же балда¹³⁴), записать их по отдельности, но я терплю полный крах. Верхняя «мелодия» еще даже ничего, но средние без ведущих не знают, что им делать. Похоже на то, если из цыганского оркестра выбрать одну из скрипок, чтобы она одна продемонстрировала партии, обычно играющиеся, когда весь оркестр в сборе. Очевидно, это невозможно. Если марийцы и чувашаи поют исключительно только лирические песни, то здесь все наоборот, имеется только эпика: длинная героическая песня из многих строф и фрагменты исторической песни.

[С. 120] Скоро появляется и плач, что у мордвы – живая традиция. Уговаривать их не надо, они с удовольствием причитают. Так красиво,

искренне плачут, что всех присутствующих заставляют плакать. Они причитают, перенимая плач друг у друга. Текстов, оплакивающих покойников, и плача невест хватает, а «мелодия» – одна. Они очень гордятся красивым плачем и хвалят друг друга за это. Это редкая, ценная и сохраняющая традиции музыка, хотя ее монотонная примитивность не может конкурировать с красивыми песнями горных черемисов. Но хорошим бывает не только то, что красиво.

С трудом справляемся с записью текстов. Они поражают нас тем, что, услышав свой голос, начинают плакать или смеяться, но иногда и сами не могут сказать, какие слова произносили минуту тому назад. Может встретиться и особый диалект, а также и произношение. Слово для нас потеряно, если в их присутствии его не записать. Вспоминаются многие бредовые «исследователи народной музыки» по всему свету. Можно ездить, заставлять людей петь что угодно, записать; все это правильно записать, систематизировать, сопоставлять – весьма трудно.

Председатель в полчетвертого приглашает нас на обед, и мы его слушаемся, потому что он несколько лет служил в Сомбатхейе¹³⁵. Об этом он рассказывает с большой радостью, тем более – когда узнает, что один из нас оттуда¹³⁶. Другая тема из солдатской жизни: из этой деревни четыреста человек погибло в Великой Отечественной войне. (В одном из плачей даже три раза фигурирует имя Гитлера¹³⁷-убийцы). Напротив [здания районного] комитета партии стоит довольно красивый памятник погибшим героям.

По их просьбе мы переписываем им сегодняшние записи. Все уставшие, но довольные.

Вечером в Порецком пьем только воду.

Порвалась ручка моей сумки, черт возьми!

6 июня 1968 г.

Я еще в постели; недалеко идет дождь. Вскоре на небе засияла радуга: совсем как дома.

[С. 121] Как только встал, заметил, что ночью, пока я спал, меня хранил на стене портрет Леонида Ильича Брежнева¹³⁸.

Место, где должны мыться, неопишимо. Пока чаевничаем в отдельном помещении столовой, узнаем плохую весть: убили Джона Фицджералда Кеннеди¹³⁹ в Техасе.

На улице Габор шагает впереди с [Л.П.] Сергеевым, а я иду сзади вместе с [А.В.] Асламасом, когда из-за дорожных кустов неожиданно выскакивают ко мне две старухи. Обе низко и часто кланяются (как будто из «Бориса Годунова»¹⁴⁰ появились) и передают мне свернутую из газетной бумаги, рукописную, но заверенную многими подписями бумагу и просят:

– Золото мое, миленький мой, помоги нам... мы пришли сюда на рассвете из соседнего села... узнали, что ты иностранец... похлопочи ... только ты в силах помочь, ты сможешь сделать так, чтобы снова открыли нашу церковь...

Я поражен и молчу. Не знаю, что и делать, поэтому, не раздумывая, подхожу с этой бумагой к Габору. [Л.П.] Сергеев сразу хватает ее и очень возмущенный мчится в [районный] комитет партии, чтобы поскорее доложить о «неслыханном скандале». Мы в большом смущении. Что теперь будет с этими женщинами?

На машине местных руководителей мы едем в село Сыреси¹⁴¹, находящееся отсюда в 25 км. В центре села старая, закрытая, покрашенная в голубой цвет деревянная церковь.

В школе масса старых картин и лозунгов, свидетельствующие об отсутствии вкуса. Много народу собирается вокруг нас. Хватает и певцов. Нам удастся записать красивые плачи, интересные сказки и даже гетерофонную¹⁴² свадебную песню, в которой одновременно прощаются мать и дочь. Одна дает совет, другая высказывает благодарность.

В два часа на двух машинах через большой луг, расположенный около деревни, мы едем на пойменные луга Суры, где вблизи пасеки под открытым небом в ведрах уже варится свежая рыба. Пейзаж вокруг, даже несмотря на комары, очень красив. Сначала прогуливаемся до берега реки, по величине походящей на Тису¹⁴³, потом на скрытом в лесу озерке катаемся на лодках. Многие здешние мужчины служили в Венгрии и с восторгом рассказывают о своем «заграничном» опыте. Мы бы отложили обед, но это невозможно сделать. Начинается [С. 121] пир горой. Из пластмассовых тазиков на газеты вываливают вареную рыбу, катятся яйца, огурцы, текут мед и водка. Если бы не кружилась голова, я мог бы даже снимать фильм.

Порецкое покидаем в полумертвом состоянии.

Уставшие приезжаем в расположенные отсюда в 35 км Шумерлю¹⁴⁴. Относительно хороший ночлег. Вода есть, но туалет закрыт. Самое главное, что собрали хороший мордовский материал.

7 июня 1968 г.

Проснувшись, в расположенной на другом конце «города» столовой я пью только кислый яблочный сок. Здешний партком не может дать машину, поэтому присылают машину те, к которым собираемся ехать, а именно – Красные Четаи¹⁴⁵.

В кювете около дороги сначала встречаем застрявшую в грязи лошадь с телегой, потом – заглохшую, без движения – автомашину.

После приезда нам сразу же сообщают, что в гостинице теперь размещена больница, поэтому мы будем жить в школьном общежитии. Это не беда. В большом, ухоженном саду нас принимает второй секретарь (женщина) [райкома] партии; она сразу же провожает нас в соседнее село Питеркино¹⁴⁶. В кабинете тамошнего председателя [колхоза] мы без всякого интереса слушаем отчет о замечательных достижениях хозяйства: что и сколько уродилось в прошлом году, сколько ожидается в этом, где будут ремонтировать дороги, какое поголовье крупного рогатого скота.

Не без труда, поскольку он увлечен своим рассказом и нас почти не слушает, все же удается обратиться к нему с просьбой о выделении, по возможности, тихого кабинета и приглашении для прослушивания нескольких пожилых женщин. По-видимому, нас не совсем правильно поняли, ибо приходят не несколько, а целая армия женщин. Каждая из них хочет спеть, хотя бы по одному разу. Управлять ими довольно трудно. (В конце концов, грех жаловаться: они показали нам даже так называемый «венгерский квинтовый сдвиг»).

В духоте и летней жаре много фотографируем и снимаем на кинокамеру.

Хорошо бы немножко отдохнуть, но об этом не может быть и речи. До сих пор было все так, как мы хотели, а теперь будет так, как они хотят.

[С. 123] Вновь будет пикник, аналогичный вчерашнему на Суре. Предварительно катаемся на лодках. Алюминиевые миски, вареная рыба, газетная бумага, но так как здесь есть и доярки, и они хорошо поют, к водке – я в виде исключения – получаю и сметану. Стоило бы записать исполняемые ими песни, но тысячи лягушек перебивают их пение.

В шесть часов начинается дождь и возвращаются коровы, так что доярки покидают нас. В общезитии несчастная администраторша, выражая свою заботу о нас, так натопила, что мы задыхаемся. А окна, из-за долгой зимы, не открываются. Остается трава в саду. Отдыхать и там можно. То есть, можно было бы, если бы никто не приходил. Однако идут. Сначала пьяный председатель колхоза с тремя женщинами, захотевшими говорить с венгерскими товарищами. Затем пьяный молодой человек, отец которого, по всей видимости, похоронен в Эрде¹⁴⁷. Он просит нас съездить туда, проверить, так ли это.

8 июня 1968 г.

Я на свой 39-й день рождения получаю в подарок милого старика из ближайшего села Атнары¹⁴⁸, который с большим терпением и на самом деле очень красиво играет на своей «кюсле»¹⁴⁹. Я записываю его и на магнитофон, и снимаю на кинокамеру.

От этой удачи все приходим в восторг и решаем, что вместе со стариком мы тоже пойдем в Атнары: вдруг попадутся хорошие информаторы. А пока что сидячий около знамени председатель колхоза информирует нас: на 1 гектаре вырастили 9 центнеров зерна (Габор тихо замечает, что это в лучшем случае только одна треть, выращиваемой в области Бекеш). Их самая лучшая несушка ежегодно несет 80 штук яиц (выражение лица Габора непередаваемо).

Невысокого роста, некрасивый, но подвижной человек, который раньше работал учителем, но теперь уже партийный секретарь и дирижер [местного] хора, начинает петь. Скоро приходят новые игроки на *кюсле*, а также молодые, красивые, одетые в национальную одежду женщины, и к нашей огромной радости увеличивают количество наших записей новыми, хорошими вариантами мелодий.

После обеда идем в Тоганаши¹⁵⁰, что тоже относится к атнарскому колхозу. (Здесь позволю себе заметить, что в состоянии непрерывной перестройки даже несколько сел может входить в один колхоз. Что с точки зрения нашей работы даже нежелательно, это то, [С. 124] что на картах значится только центр колхоза, а первоначальные названия деревень не пишутся. А названий колхозов – по-видимому, из-за политических причин, – намного меньше, чем названий деревень. В результате этого в рамках одной АССР может существовать и существует даже 10–20 колхозов имени Ленина, Красного Знамени или Коммунизма).

Одним словом, в Тоганахах в середине яблочного сада и ухоженной пасеки мы обедали под новым, сделанным из дерева навесом. (Не хочу переоценить значимость нашего визита, но подозреваю, что его на скорую руку возвели для нас.)

Главное меню – «генеральская уха», в которой – на чувашский лад – сварили одного петуха и множество карасей. Можете попробовать дома! После нее еще мед в сотах, лук, яйца, грибы. Нигде ни куска газетной бумаги, только фабричный венгерский коньяк и чувашское домашнее пиво.

После всего этого, к счастью, есть возможность и поваляться на траве.

После полпятого направляемся на близлежащую птицефабрику, где, по аналогии ферм крупного рогатого скота, исключительно живут и работают только женщины. Это, возможно, их беда, но не наша, потому что мы здесь тоже записываем несколько хороших народных песен.

Нашей работе мешает только неожиданная гроза. Спасительное направление – только Сура. 30 км через леса и поля; град, радуга, грязь, пыль, болото, и, наконец, после часа сумасшедшей дороги достигаем впадающую в Волгу Суру – на границу чувашских земель и Горьковской области. Отсюда виднеется огромный железнодорожный мост, через который туда и сюда уже при нас пару раз промчались транссибирские поезда.

В лучах заходящего солнца мы не в силах сопротивляться воде. С той стороны реки нас зовет песчаный берег. С самозабвенной радостью переплываем быстротечную, холодную реку.

Только зашло солнце, а вместо него уже светит луна.

Рыбаки приглашают нас на уху (без петуха). На высоком берегу недалеко от гнезд стрижей склоняемся над ведром с ухой. Место более чем романтическое, живописное даже, но во время еды мне становится плохо. Надо, конечно, и выпить [С. 125].

– Это тебя вылечит, – утешает председатель колхоза, – потому что «сурская уха» только с водкой хороша, особенно после купания. Знай, что даже царице Екатерине отсюда возили рыбу, – добавляет он.

Страшно себя чувствую.

Уже темнеет, когда покидаем реку. По пути домой в одной небольшой деревне (называется Байдеряково¹⁵¹) сидящие перед домом жители останавливают нас, хотят нас увидеть. Одна старушка притаскивает полное ведро пива и не успокаивается, пока не выпьем три стакана из ее варева.

На непрекращающиеся вопросы мы кое-как отвечаем при свете луны. Из последних сил открываем дверь красночетайского общежития. Можно сказать, хорош был день рождения.

9 июня 1968 г.

У здешних сегодня Троица¹⁵², старинное, языческое название: симик¹⁵³. Великий праздник – время великой пьянки.

Это здесь маскируют «Праздником песни», устраиваемой в лесной долине «Чавал» [не исключено: *Завал*]. На машине партсекретаря вместе с массой, спешившей туда, мы направляемся на место. Остальные на грузовиках, лошадях, пешком, телеге, кто на чем может. К нашему приходу, говорят, собралось уже около 10 тысяч. Погода замечательная, как и производственные результаты, доложенные оратором. Лучшей бригаде вручается Красное знамя. Мою венгерскую речь Габор переводит на русский язык. Танцоры все без исключения исполняют стилизованные, обученные танцы, а певцы – за исключением одного – одни лишь советские партийные песни в сопровождении гармонии.

К счастью, я за это время имел возможность записать и народные песни. Звук со сцены все больше подавляет хруст от шелканья семечек подсолнуха. Публика снует туда-сюда, обращает внимание максимум только на борьбу. Удалось записать на кинокамеру атнарский хор и танцоров.

Первый секретарь парткома приглашает нас на прогулку. Ходим-бродим по лесу, когда неожиданно выясняется, что на близлежащей лужайке около пасеки готовится традиционная, запиваемая коньяком уха. Неудобно, но и обременительно и невыносимо [С. 126] это гостеприимство. По всей вероятности, так как здесь никогда не бывали иностранцы, возможно, даже и москвичи, секретари партии друг у друга спрашивают:

- Что вы с ними делаете, чем их кормите?
- Рыбой, огурцами, медом, грибами, водкой, да и венгерским коньяком.
- Ладно! Если вы так, мы также.

Но так как каждый хочет превзойти другого, кое-чего от себя еще прибавляют.

За нашим столом сидит громоголосая, толстая старуха. В слегка подвыпившем состоянии начинает говорить неприятные вещи сначала только о чувашах, но далее и о венграх. Она думает, что ей это позволительно.

Спустя несколько часов трезвы только мы вдвоем с водителем. Вся уважаемая публика пьяна.

Домой едем как сардины в банке – семь человек в машине. Так как нет дороги, напряженно смотрим на зигзаги, выполняемые водителем среди деревьев леса.

В яблочном саду красночетайской школы – где в этом году не будет яблок – происходит вытрезвляющая беседа. Мы прощаемся с нашей милой хозяйкой и местными руководителями, которые, в конечном итоге, очень сердечно, но в то же время и очень обременительно заботились о нас в

течение двух с половиной дней. Ольга Николаевна¹⁵⁴ на память получает от нас игольницу с вышивкой из Калочи.

Следующий пункт, где мы останавливаемся, это считающийся уже городом, имеющий в большей части русское население и изобилующий широкими улицами, аллеями и хорошенькими деревянными домами, располагающийся на тракте Горький–Казань Ядрин¹⁵⁵, к тому же являющийся железнодорожным узлом¹⁵⁶, в связи с чем имеющий оживленное движение.

Мы вчетвером получаем пятиместную комнату – вдруг еще кто придет. Только начинаем осматривать город, как встречаем двух главных чиновников, и, таким образом, вечер проводим с ними.

В десять, наконец-то, остаемся втроем – луна, трубка моя и я.

10 июня 1968 г.

Готовится теплый летний день, на небе нет ни облачка.

Сначала посещаем райком партии, где выясняется, что одна пожилая женщина – член районного комитета – является и членом Верховного Совета СССР. Судя по ее возрасту, можно делать вывод, что она еще могла увидеть Ленина.

[С. 127] Второе событие этого утра – я съел кислую сметану с еще более кислыми помидорами.

В Верхних Ачаках¹⁵⁷ молодой председатель колхоза встречает нас неприветливо. В школе летняя грязь, беспорядок после учебного года. Несколько приглашенных женщин с неохотой поют и недоумевают, для чего же такое никчемное занятие в такую горячую пору. Даже наш коллега [А.В.] Асламас с непониманием слушает мой трактат о возможной транспозиции¹⁵⁸ второй половины мелодий. Такой сегодня день.

После записи целой дюжины вариантов мелодий мы едим ставший уже традиционным «обед» председателя колхоза. Будь что будет, но я заявляю, что водку не буду пить.

После обеда мы работаем в Персирланах¹⁵⁹ в кабинете директора школы. Большая часть записанных песен это – гостевые. Частично присутствует в них квинтовый или квартовый¹⁶⁰ сдвиг. Есть среди них песня, оканчивающаяся на *ре*, в чем нас поражает то, что певец конечную ноту достигает сверху, через квартовый прыжок.

Возвратившись в Ядрин, я подвожу итог: в этом году записано нами 167 песен. Пока я размышляю о том, много это или мало, мы узнаем, что первый секретарь партии (она) с удовольствием бы познакомилась с нами.

Что делать? Надо идти.

Задуманное развлечение терпит скуку, так как никому из нас не о чем говорить.

Что делать? Надо идти кушать.

Я злюсь, но я бессилен. Нет больше сил: ни есть, ни пить. Конечно же, опять уха с водкой.

После полуторачасового мучения отправляемся посмотреть город. А женщина-секретарь только и произносит:

– Это здесь школа..., это магазин ..., это почта ..., это новый дом...
Наконец-то, заворачиваем в сторону дома, но после прощания Габор еще приглашает ее:
– Зайдите, послушаем пару песен из нашего нового сбора.
Прослушали, но никто из нас не произнес ни слова. Так дальше нельзя.

[С. 128] 11 июня 1968 г.

Я тихо сижу в комнате, Габор и [Л.П.] Сергеев спят. [А.В.] Асламас десятый день аранжирует свой вальс «Ленинский проспект».

Утром я поступил против себя же, потому что ни тело, ни душа не желали, но я все же съел уху из стерляди. Вид этой древней, но существующей и ныне рыбы в известной степени компенсировал меня за саму уху. В стерляди нет косточек, а на хребте, как и у крокодила, хрящевая чешуя. Только у этой намного меньше. А его мясо – я искренне признаюсь – вкусно.

Наша вчерашняя партнерша, секретарь партии, женщина средних лет, наняла и наслала на нас журналистов, которые хотят от нас хорошо звучащих предложений и в это время еще и фотографируют.

Место нашего сегодняшнего «районного» привала село Советское¹⁶¹ (старое чувашское название Шуматово), где в здании многоэтажной школы нас ждут уже певцы. Из них самый старый и лучше всех это 84-летний дедушка, служивший когда-то в церковном хоре запевалой. Большинство мелодий относятся к тем мелодиям с квинтовым сдвигом, последнюю строку которых, на наш взгляд, поют октавой¹⁶² выше, то есть там, где она переходит в мелодию с верхним квинтовым сдвигом. Но по нашей просьбе они могут ее переделать и в нижнюю квинту. Им как будто все равно.

Очень симпатичный сорокалетний и почти слепой директор школы (помимо всего этого еще и аспирант) с гордостью показывает свой музей, в который собирает старинную одежду, вышивки, народные узоры, монеты.

Обед в школе: холодный, кислый суп с зеленым луком, пельмени и копчено-сладкая вода, что здесь называют компотом.

Из-за нехватки певцов мы отправляемся в Аликово¹⁶³. Дают нам хороший ночлег, но заколоченные окна и здесь не можем открыть. Тем не менее, через них все видно. В середине широкой улицы два пруда для уток. Местная молодежь весело плескается в грязной воде.

Мы очень просим сегодня больше не заниматься нами. Ужин чуть не заканчивается со скандалом, потому что мы просим только кефир. Молодая женщина обещает нам его скоро принести. Но потом все же не несет. Вместо нее с луком и мясом появляется начальник. Извивается, улыбается, как гоголевский персонаж, и повторяет «*мгнтгр пул*» (будь упитанным). Выясняется, что кефира нет, но мы не привередливые, соглашаемся и на простой чай.

[С. 129] Говорят, в пруду живет мускусная крыса, но мы заняты своей комнатой. В ней потолок и края бревен обклеены зеленой бумажной лентой, а занавес на не открываемых окнах желтый, как лимон; абажур с лампы

либо сняли, либо сэкономили. Габор считает, что «голая лампочка висит». Наше новое увлечение – это лежащее на столе большое, старинное домино. Странность перед сном: откуда-то слышится «Серенада» Лассуса¹⁶⁴.

12 июня 1968 г.

К утру небо заволочло тучами. Дует холодный ветер. Только вчера потели, а сегодня можно бы натянуть и свитер.

Ночью очень хорошо спали. Впервые здесь была кровать с подобающей шириной, можно было повернуться на ней. (Я здесь вспоминаю американские *kingsize bed*-ы [буквально с англ.: королевского размера кровать], которые для меня были слишком широки. Нет ничего лучше «*aurea mediocritas*» [по-латыни: золотая середина]).

Довольно рано предстает пред нами завтрак под названием «бистроганов»¹⁶⁵ (гуляш с луком и картошкой) + чай.

В находящемся отсюда в 4 км Илишеве¹⁶⁶ все еще работает старая ветряная мельница. Я снимаю ее на кинокамеру. Два милых старика приглашают меня во внутрь. Огромные лопасти крутятся на деревянном зубчатом колесе, а вниз падает мука. Все это бесплатно. Если ветер слишком сильный, можно затормозить веревкой. Кто хочет получить муку, приносит зерно, сыплет в воронку и готово. При штиле, конечно, не крутится мельница, стоит ее «крыло». Вот настоящий коммунизм!

В аккуратную учительскую комнату чистой школы через некоторое время приходит женщина из соседнего села. Поет красиво, умно, просто. Временами жестикулирует руками. Записываем от нее 22 песни, а она даже случайно не ошибается. Хотел было снять ее на кинокамеру, но как только вышли во двор, начался дождь.

На обед вкусные щи (красная капуста, мясо, овощи, лук). У русских – как и у наших пастухов – эта похлебка главное блюдо. «Интересно, – отмечает Габор, только у щей русское название. Остальные блюда, более или менее, но искаженные, с чужим названием: котлета, ромштекс¹⁶⁷, бефстроганов». После выдающейся духовной и плотской пищи, мы решаемся вернуться в свой аликовский ночлег.

[С. 130] Наша дальнейшая программа продолжается в швейной мастерской, где работают одни женщины. С большим терпением на швейных машинках чинят, латают рваную одежду округи. Помимо этого, к счастью, умеют и петь.

На ужин – по своей просьбе – я получаю творог со сметаной. Однако я с ужасом замечаю, что сегодня вечером все получают только это. Представляю, что они также страдают от этого, как и я от их водки. В завершение дня в воротах перед сном мы еще толкуем с одним пьяным о политике.

13 июня 1968 г.

Когда просыпаемся, застаем холодную и ясную погоду.

Не знаю, насколько я их озадачил, но на завтрак мне принесли из местной больницы кефир.

В полдевятого мы находимся уже в пути в сторону Раскильдино¹⁶⁸, находящемся отсюда на юго-востоке. В кабинете председателя колхоза сначала мы вынуждены настраивать очень фальшивый «кюсле», потом беремся за записи. Я снимаю на кинокамеру и на всякий случай еще и фотографирую. На обратном пути останавливаемся в Таутове¹⁶⁹, где один старик обещается сыграть на барабанах, если обнаружит свой затерявшийся где-то инструмент. Однако его поиски ни к чему не приводят, поэтому он только поет. На обед кормят остатками вчерашней трапезы, но уже с молдавским коньяком и минеральной водой.

В Чебоксарах с большим трудом отвоевываем 301-ю комнату, так как надо выселить того, кого, пока мы находились в районе, заселили туда. Только много времени спустя попадаем в нее, но наша радость не полная, потому что сегодня нет горячей воды. Вместо этого Габор меня хочет устроить в парикмахерскую гостиницы. А парикмахерша:

– Он же не ребенок, и сам может сказать, что хочет.

В конце концов моет мне голову, стрижет волосы, и за все это я плачу только 55 копеек.

Наш вечерний гость Юрий Илюхин приносит новые газетные статьи о нас, а от имени жены дарит две красивые чувашские скатерти.

14–15 июня 1968 г.

И к утру не появилась горячая вода, потому что испортился весь агрегат. Нет другой возможности для стирки носков, кроме как греть воду в самоваре.

В обед с удивлением читаем на двери ресторана: «закрыто на обед» – из-за обеда обслуживающего персонала.

Эти дни посвящены большим переписываниям [магнитофонных записей], все новым и новым репортажам и сентиментальным прощаниям.

Характерно (и жалко), что они переписали только чувашский материал; а записанные здесь же мордовские героические песни и плачи их уже не интересовали. Вот что мы еще заметили: вся аппаратура радиовещания и телевидения произведена в Венгрии. Возможно, и их мы посылаем в качестве возмещения, как и волжские корабли? В каждой деревне речь заходила о том, что из местных жителей десятками, тысячами погибали в Великой Отечественной войне. Мы встретили немало молодых чувашских мужчин, служивших в армии у нас в Венгрии.

Я не считал, сколько с первым лицом республики (или же его заместителем) по поводу прощания уединялись снова и снова в строго закрытый ресторан-люкс, где хрусталь, пальмы и диваны создавали различающийся в определенной мере от деревенского быта атмосферу. Не говоря уже о блюдах, напитках и официантах в белых перчатках.

Интересно, на какой ступени общественного развития человек становится сознательным?

Как уже выяснилось из хроники предыдущих дней, в этих краях очень часто меняется погода: то засуха донимает, то холод морозит. Возможно, на

подсознательном уровне это тоже влияет на формирование здешних крайностей и на всю окружающую зыбкость?

По нашим наблюдениям, с 1964–66 гг. снабжение здесь не то, чтобы улучшилось, а напротив, стало еще хуже. Кроме деревянной полочки для чая и нескольких стилизованных народных скатертей мы ничего и не приобретаем. Но всего этого предостаточно, так как иностранцев здесь не бывает, а местным они и не нужны. Сервис тоже менее дружелюбен, чем прежде. Зачем им быть любезными, если платят мало? Столы и скатерти грязные. При уборке столов пепел и окурки при нас вываливают в остатки еды.

[С. 132] В последний вечер слышны звонкие крики и выкрики. Около входной двери лежит пьяная женщина, а рядом с ней маленький ребенок. Два милиционера заталкивают их в машину для задержанных. Здесь внутри, к счастью, настроение более тихое. Со многими мы переходим на «ты». Полуночный телефонный звонок из дома тоже приносит нам мирные звуки.

Со стороны Волги ветер гоняет серые грозовые тучи. Хорошо было бы, если он их разогнал, чтобы завтра у нас была приятная прогулка по Волге до Казани.

16 июня 1968 г.

В сопровождении своих друзей – в хорошую погоду – к десяти мы уже на причале. Сообщают, чуть попозже около полудня отправится пароход «Ползунов», следующий из Ярославля¹⁷⁰ в Горький¹⁷¹, Ульяновск¹⁷², Куйбышев¹⁷³, Сталинград¹⁷⁴ и Астрахань¹⁷⁵, то есть до Каспийского моря. Расстояние почти 3000 км по Волге он проходит за 7 с половиной дней.

Прекрасно светит солнце. Сначала я фотографирую на берегу Волги, потом – в зале ожидания, на первом этаже зеленого качающегося дома-причала.

Прошел полдень, а парохода все нет. Ждем, только ждем, но он не появляется. У соседнего причала причаливает теплоход «Космонавт Гагарин» и вскоре отправляется в путь. По громкоговорителю сообщают, что наше судно прибудет через час.

Час проходит, но его все нет и нет. Скуку заедаем двумя бутербродами с рыбой.

В два часа сообщают, что в Козьмодемьянске¹⁷⁶ загружают картошку, поэтому оно и не идет.

Около трех часов ветер начинает гонять хмурые, грозные тучи. Не проходит и 10 минут, как нас покрывает ночная тьма, свистит ветер, неся грязь и пыль, бушуют волны, хлещет дождь. И лишь тогда вдали появляется ожидаемое нами судно.

Нас безапелляционным тоном направляют к другому плавающему деревянному причалу: сообщают, что «Ползунов» причалит туда.

[С. 133] Людская масса с сумками-баулами бежит под сильным шквалистым ветром. В разгул стихии в тот момент, когда проходим по мостику,

водой уносятся сходни – и за нами все рушится, как карточный домик. Трап сваливается вместе с пассажирами в Волгу. Готовившееся причалить судно шторм бьет об берег, и он садится на мель. Апокалипсическая сцена: все бегают, кричат, свирепствует гроза. Через несколько минут люди, кто мокрый, кто грязный, все же выкарабкиваются.

Сейчас уже пониженным тоном объявляют, чтобы каждый вернулся к первоначально объявленному причалу.

Ветер и дождь прекращаются, гроза уходит. Спотыкаемся на разбросанных досках, пока судно по сантиметру пытаются заново спустить на воду. Через тридцать напряженных минут это все же удается.

Ровно в три часа очень даже спокойно входим в имеющую с двух сторон большое колесо с лопастями, уже мирно выпускающую дым, изнутри с деревянным покрытием, снабженную люстрами и старинной мебелью, по-видимому, построенную еще до революции колымагу¹⁷⁷. Хотя наша каюта и уютная, но окно в латунной раме, резонирующее от гудения котла, не открывается.

В четыре врезаемся в воды Волги. После необыкновенной посадки – каков же человек – как будто ничего не произошло, легкими шагами идем на разведку.

К вечеру уж никак не приедем, хорошо, если еще сегодня доедем до татар.

Внизу в нижнем трюме настоящая трущоба: дневной и ночной приют. В полутьме сердце сжимается от вида уставшей, грязной людской массы, запрессованной между мешками с картошкой. Особенно тогда, когда видишь, что московские туристы вольготно гуляют, сидят на верхней палубе.

На чувашской стороне – высокий берег, на другой – марийские леса. Я фотографирую медленно приближающиеся, неуклюжие баржи и быстро мчащиеся мимо нас крылатые «Ракеты»¹⁷⁸. По-видимому, от тяги барж буксиром перешли на толкание. Это хоть и требует большего внимания, но, должно быть, более дешево. Маленькие крылатые «Ракеты» служат перевозчиками на короткие расстояния.

[С. 134] Через час останавливаемся в Мариинском Посаде¹⁷⁹, потом – в Звенигове¹⁸⁰. Мариинский Посад хоть и на чувашской стороне, но, судя по названию¹⁸¹, здесь когда-то жили марийцы. В Звенигово два года тому назад мы провели уже две ночи. Здесь мы с Габором, отдохнув на одном из островов, впервые переплыли Волгу. В Новочебоксарске, где строится новая, огромная гидроэлектростанция, мы сейчас не причалили, только издалека видели контуры гигантского строительства. Кажется, она будет сдана в эксплуатацию к 1970 г., и тогда на западе от нее Волга повысится на 16 м и зальет располагающиеся ниже дома Чебоксар. (В 1974–1975 гг. мы вновь побывали там, но уже не могли вспомнить, что же ушло под воду.)¹⁸²

С поворотами реки поворачивает и наше судно. Ландшафт как будто сам преподносит нам все лучшие и лучшие возможности для фотографирования. Наше судно, хоть и быстроходное, но все же не торопится. В стоянках может пройти и час, пока услышим сигнал отправления.

Волшебство плавания по Волге неопишимо. Человек глубже чувствует, больше видит, чем если бы передвигался по суше. Постоянная смена цвета воды (голубой, зеленый, серый, коричневый, черный), бесчисленные ряды то голых, то проросших сосновыми борами скал предоставляют все новые и новые впечатления. Совсем чуть-чуть не хватает, чтобы человек почувствовал себя персонажем русского романа столетней давности.

На чувашском берегу Козловка¹⁸³ будет последним портом. До нее мы еще любуемся неопишимо красивым закатом. Огромный красный диск над тьмой воды опускается в глубь, но еще длительное время окрашивает небо и бродячие облака. Мы проплываем мимо деревянного плота длиной в несколько сот метров. На плоту – кто знает, откуда и с каких пор плышет – маленький домик. (Точно такие же дома спустя 20 лет я видел и на Аляске¹⁸⁴.) По всей вероятности, он следует на волжский лесопильный завод, чтобы там превратиться в бумагу.

Около Козловки открывают ресторан. К окончанию ужина уже темнеет. На палубе холодный ветер и, посмотрев внимательно, видим, что и здесь загружают картофель.

В каюте хорошенько покрываюсь купленным за рубль постельным бельем...

Комментарии и примечания

¹ *Аэротачка* – имеется в виду самолет. С легкой иронией подобным образом названо имевшее небольшую вместимость воздушное судно местных авиалиний.

² *Чебоксары (Шупашкар)* – столица Чувашской АССР. Административно-хозяйственный центр одноименного района. Поселение городского типа на его месте возникло еще в XIII в. В 1469 г. топоним «Чебоксари» впервые упомянуто в русской летописи. В 1555 г. на территории города построена русская крепость. В настоящее время административный, экономический и культурный центр Чувашской Республики.

³ *«Великая страна»* – в контексте повествования речь идет о Татарской АССР. Подобное наименование, надо полагать, дано ей в связи с тем, что до вхождения в состав Московии волжские татары имели свою государственность.

⁴ Речь идет об *И.Д. Кузнецове*. Годы жизни: 1906–1991 гг. Доктор исторических наук, профессор, организатор науки, литературный критик и публицист. Основная область научных интересов – крестьяноведение. Автор многочисленных научных трудов.

⁵ *Чувашский научно-исследовательский институт* – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Учрежден 18 августа 1930 г. на базе Совета науки и культуры. С 1994 г. Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН).

⁶ *Цивильск* – город районного подчинения Чувашской АССР. Административно-хозяйственный центр одноименного района. Основан в 1589 г. как военно-опорный пункт Московского государства на месте чувашского поселения *Зёрп ү*. В настоящее время сохраняет свой прежний статус – город районного подчинения Чувашской Республики.

⁷ *Праздник Песни и труда* – 1) массовое мероприятие, приурочиваемое обычно к дате образования национальной автономии; 2) чувашский весенний праздник *акатуй*.

⁸ *«Чувашская Правда»* – имеется в виду, республиканская газета «Советская Чувашия», издававшаяся в Чебоксарах. До августа 1991 г. являлась органом Чувашского обкома КПСС, Верховного Совета и Совета Министров Чувашской АССР.

⁹ *Чувакская филармония* – концертная организация, обеспечивающая на территории Чувашии выступления своих и гастролирующих артистов, а также концертное обслуживание чувашской диаспоры. Создана в 1936 г. В настоящее время Государственное учреждение культуры «Чувакская государственная филармония».

¹⁰ *Кодай Золтан* (1882–1967) – видный венгерский композитор, музыковед-фольклорист, педагог и музыкальный общественный деятель, член Венгерской академии наук. Автор научных трудов, в том числе посвященных изучению чувашско-венгерских связей.

¹¹ *Федоров Г.Ф.* (1878–1962) – певец, исполнитель чувашских народных песен. В 1929–1957 гг. с его помощью записано около 800 народных песен, которые вошли в ряд сборников.

¹² *Илюхин Ю.А.* (род. 1925) – чувашский музыковед, автор множества исследований о чувашской народной и профессиональной музыке.

¹³ *Лукин Ф.М.* (1913–1994) – чувашский композитор, хоровой дирижер, музыкальный общественный деятель. Основная область музыкального творчества – вокальная музыка.

¹⁴ *Сульфазганидин* – здесь опечатка, правильно: Сульфазуанидин (Sulfazuanidine). Противомикробный лекарственный препарат. В медицинской практике применяется для лечения бактериальной дизентерии.

¹⁵ *Еласы* – село Горномарийского района Марийской АССР. Жители – марийцы. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Республики Марий Эл.

¹⁶ *Малое Карачкино* – село Ядринского района Чувакской АССР. Жители – чувашки. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Ядринского района Чувакской Республики.

¹⁷ *Горные марийцы* – марийское население, живущее на правобережье Волги и в Поветлужье.

¹⁸ *Квартовый (квинтовый) сдвиг* – характерная особенность структуры традиционных марийских и чувашских мелодий, встречающаяся и в старинных венгерских песнях.

¹⁹ *Малые Тюмерли* – деревня Ядринского района Чувакской АССР. Жители – чувашки. В настоящее время входит в состав Малокарачкинского сельского поселения Чувакской Республики.

²⁰ *Царица Екатерина* – Екатерина II.

²¹ *Тораево* – село Моргаушского района Чувакской АССР. Жители – чувашки. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувакской Республики.

²² *Оринино* – село Моргаушского района Чувакской АССР. Жители – чувашки. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувакской Республики.

²³ *Яльчики* – в 1964 г. село Батыревского района Чувакской АССР. Жители – чувашки. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения и района Чувакской Республики.

²⁴ *Шоршелы* – село Мариинско-Посадского района Чувакской АССР. Жители – чувашки. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувакской Республики.

²⁵ *Николаев А.Г.* (1929–2004) – летчик-космонавт СССР, генерал-майор авиации, дважды Герой Советского Союза, кандидат технических наук, общественный деятель. Совершил два космических полета.

²⁶ Речь идет о *Николаевой А.А.* (1900–1987). За многолетнюю активную трудовую и общественную деятельность, большие заслуги в воспитании детей-тружеников и летчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза А.Г. Николаева 4 сентября 1985 г. занесена в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувакской АССР. Ее муж – Григорий Николаевич – ушел из жизни еще в 1944 г. Надо полагать, Ласло Викар счел А.А. Николаеву «недавно овдовевшей» из-за того обстоятельства, что она отказалась ему спеть, сославшись на годовщину смерти мужа.

²⁷ Имеется в виду Восточный Берлин – столица ГДР. В 1990 г. единство Берлина было восстановлено. С 1991 г. столица ФРГ.

²⁸ *Чебоксарская художественная галерея* – культурное учреждение, обеспечивающая экспонирование, хранение и реставрацию произведений живописи, графики, скульптуры и

декоративно-прикладного искусства. Основана в 1939 г. В настоящее время Чувашский государственный художественный музей.

²⁹ *Кувшинка* – поселок в черте г. Чебоксары. Расположена на левом берегу Волги. Жители – чувашаи и русские.

³⁰ Речь идет о сочинении Золтана Кодая. См.: *Kodály Z. Цифокь зене. Utoszo a IV, ьзethez. (Mi kцзьnk a csuvasz perzenйhez?)* [Пентатонная музыка. Послесловие к IV выпуску. (Зачем нам нужна чувашская музыка?). Budapest: Magyar Korus, 1947 // *Kodaly Z. Visszatekintes I.* 169–170.

³¹ *Шерттан* – чувашское национальное блюдо, предназначенное в первую очередь для угощения особо почетных гостей. Приготавливалось следующим образом: тщательно промытый желудок барана начинялся жирной бараниной без костей, зашивался суровыми нитками, клался на сковороду и на 3–4 часа ставился в протопленную печь. Стекавшаяся жидкость сливалась. Полученный мясной пищевой продукт имел свойство долго храниться и при этом не терять свои вкусовые качества.

³² ГУМ – Государственный универсальный магазин. Расположен на Красной площади.

³³ «*Детский мир*» – в 1964 г. универсальный магазин на проспекте Маркса (детские товары).

³⁴ «*Фанфан-Тюльпан*» – французский кинофильм. Жанр – комедийный. История крестьянского паренька, которому цыганка нагадала женитьбу на принцессе; неоднократно экранизировалась. В данном случае речь идет о фильме, снятом в 1952 г. Главные роли в нем сыграли Жерар Филипп и Джина Лоллобриджида. Режиссер фильма – Кристиан Жак. «Фанфан-Тюльпан» завоевал призы на Каннском и Берлинском кинофестивалях. Фильм стал культовым для целого поколения романтически настроенных молодых людей мира.

³⁵ *Берецки Габор* (род. 1928) – венгерский финно-угровед, доктор филологических наук, исследователь поволжско-финских языков, народной поэзии и этимологии, участник фольклорных экспедиций в Поволжье. Автор многочисленных трудов.

³⁶ *Чапаев В.И.* (1887–1919) – уроженец д. Будайка под Чебоксарами (в 1940 г. вошла в черту города), полководец, герой Гражданской войны. В Чебоксарах В.И. Чапаеву установлен памятник, его именем назван завод, улица, открыт музей.

³⁷ *Алексеев А.А.* (1934–2005) – чувашский языковед, автор ряда статей по лингвистике.

³⁸ *Рона-Таш Андраш* (род. 1931) – видный венгерский алтаист, действительный член Венгерской академии наук. Область научных интересов – ранняя история венгров. Автор многочисленных научных трудов. Участник научных экспедиций в Чувашии и в Поволжье.

³⁹ «*Волга*» – надо полагать, имеется в виду легковой автомобиль ГАЗ–21 «Волга», производившийся на Горьковском автомобильном заводе. Пришел на смену первому советскому послевоенному легковому автомобилю ГАЗ–М–20 «Победа». Первые «Волги» сошли с конвейера в 1956 г. Выпускались до 15 июля 1970 г. Количество мест – 5.

⁴⁰ *Кугеси* – село, районный центр Чебоксарского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время является также центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

⁴¹ *Мерештоси* – деревня Чебоксарского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время входит в состав Шинерпосинского сельского поселения Чувашской Республики.

⁴² *Новочебоксарск* – город республиканского подчинения Чувашской АССР. Своим возникновением обязан химическому комбинату, строительство которого началось в 1960 г. Тогда же был заложен и первый жилой дом будущего города. Растущий поселок получил статус города-спутника Чебоксар. По мере роста вбирало в себя близлежащие населенные места. Современное название получил 11 августа 1965 г. Был образован одноименный районный Совет депутатов трудящихся, подчинявшийся Чебоксарскому горсовету. 27 декабря 1971 г. отнесен к категории городов республиканского подчинения, что имело своим следствием преобразование Новочебоксарского райсовета в городской Совет депутатов трудящихся. В настоящее время сохраняет свой прежний статус – город республиканского подчинения Чувашской Республики.

⁴³ *Яндашево-Шуркасы* – село в черте г. Новочебоксарска. Жители – чуваши. С 1 января 1968 г. исключено из списка населенных мест. Слилось с г. Новочебоксарском.

⁴⁴ «*Страшилка*» (иронич.) – надо полагать, имеется в виду столовая.

⁴⁵ *Ишаки* – село в Чебоксарском районе Чувашской АССР. Жители – чуваши. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

⁴⁶ *Регули Антал* (1819–1858) – венгерский этнограф, путешественник, языковед, чл.-корр. Венгерской академии наук, зачинатель финно-угорского сравнительного языкознания. В 1843 и 1846 гг. проездом побывал в некоторых чувашских селах Чебоксарского, Цивильского, Козьмодемьянского и Ядринского уездов Казанской губернии, где собирал лингвистический и фольклорный и материал.

⁴⁷ *Малые Яуши* – село Вурнарского района Чувашской АССР. Жители – чуваши. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

⁴⁸ *Илонка Боршаи* – надо полагать, коллега Ласло Викара.

⁴⁹ *Имре Оливаи* – надо полагать, коллега Ласло Викара.

⁵⁰ *Каир* – столица Объединенной Арабской Республики (Арабской Республики Египет).

⁵¹ *Нил* – река в Африке.

⁵² *Дунай* – река в Европе. Ее длина в пределах Венгрии составляет 410 км.

⁵³ Речь идет о вооруженном выступлении в Венгрии, направленном на свержение правящего режима. 23 октября 1956 г. волнения в Будапеште переросли в вооруженное восстание. Вскоре оно охватило и другие города страны. Возникло двоевластие. В противовес друг другу были сформированы два правительства: во главе с И. Надем и Я. Кадаром. И. Надь объявил о выходе Венгрии из Варшавского договора и обратился к ООН с просьбой о защите страны. В свою очередь и Я. Кадар обратился за помощью к СССР. Драматическая ситуация разрешилась с вводом советских войск. К 11 ноября основные очаги сопротивления оппозиции были подавлены. Военное столкновение привело к жертвам с обеих сторон.

⁵⁴ *Шемуриша* – село одноименного района Чувашской АССР. Жители – чуваши, мордва и русские. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

⁵⁵ *Канаш* – город республиканского подчинения Чувашской АССР. Свое начало берет с д. Шихраны и одноименной железнодорожной станции. В 1920 г. станция и поселок получили новое название – Канаш. В 1925 г. растущий поселок получил статус городского поселения. В настоящее время Канаш продолжает свой прежний статус – город республиканского подчинения Чувашской Республики.

⁵⁶ *Веспрем* – медье (область) в Венгрии, находится к северу от озера Балатон. Административный центр – г. Веспрем.

⁵⁷ *Яношхаза* – город на западе Венгрии, в медье Ваш.

⁵⁸ *Ваш* – медье на западе Венгрии. Административный центр – г. Сомбатхей.

⁵⁹ *Новая Шемуриша* – деревня Шемуршинского района Чувашской АССР. Жители – чуваши. В настоящее время входит в состав Шемуршинского сельского поселения Чувашской Республики.

⁶⁰ *Большое Бьяново* – деревня Шемуршинского района Чувашской АССР. Жители – чуваши. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

⁶¹ *Тарантас* – четырехколесная крытая повозка на длинных дрогах.

⁶² *Толстой Л.Н.* (1828–1910) – граф, великий русский писатель, автор классических литературных произведений.

⁶³ *Аксакал* – в контексте повествования деревенский почтенный старец.

⁶⁴ *Кляча* (разг. пренебр.) – плохая (обычно старая) лошадь.

⁶⁵ *Мордовские Тюки* – деревня Шемуршинского района Чувашской АССР. Жители – мордва. В настоящее время входит в состав Шемуршинского сельского поселения Чувашской Республики.

- ⁶⁶ Здесь образное сравнение.
- ⁶⁷ *Строфа* – в стихотворном произведении: часть текста с повторяющейся организацией ритма и рифмы, содержательно объединяющая несколько стихов.
- ⁶⁸ *Керосиновая лампа* – осветительный прибор, работающий на керосине. Состоял из стеклянной трубки, фитильного механизма для обеспечения соответствующего режима горения пламени и емкости для керосина.
- ⁶⁹ *Батырево* – село одноименного района Чувашской АССР. Жители – чуваша и русские. В настоящее время является также центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.
- ⁷⁰ *Сугуты* – село Батыревского района Чувашской АССР. Жители – чуваша. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.
- ⁷¹ *Мари Билямор* – село Мари-Гурекского района Марийской АССР. Жители – марийцы. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Республики Марий Эл.
- ⁷² *Будапешт* – столица Венгерской Народной Республики (Венгерской Республики).
- ⁷³ *Комсомольское* – село одноименного района Чувашской АССР. Жители – чуваша и русские. В настоящее время является также центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.
- ⁷⁴ *Новые Мураты* – деревня Комсомольского района Чувашской АССР. Жители – чуваша. В настоящее время входит в состав Тугаевского сельского поселения Чувашской Республики.
- ⁷⁵ *Мохаммед* – реальное историческое лицо, пророк, основатель ислама.
- ⁷⁶ *Тамаш* – сын Ласло Викара.
- ⁷⁷ *Егоров В.Г.* (1880–1974) – крупный чувашский ученый, исследователь чувашского языка, тюрколог, доктор филологических наук. Область научных интересов – сравнительно-историческое изучение чувашского языка, языковая типология, практическая лексикография и др. Автор многочисленных научных трудов.
- ⁷⁸ *Васильев В.М.* (1883–1961) – марийский просветитель, лингвист, этнолог, фольклорист и общественный деятель. Автор многочисленных научных трудов, первый доктор наук среди марийских языковедов.
- ⁷⁹ *«Правда»* – общественно-политическая газета. В 1960-е годы – орган ЦК КПСС.
- ⁸⁰ *Ладан* – ароматическая смола, употребляемая при богослужении.
- ⁸¹ *Икона* (греч. – образ, вид) – живописное или образное изображение божеств, святых, религиозных сюжетов и т.п., являющиеся предметом религиозного поклонения.
- ⁸² *Кириллица* – одна из двух древнейших славянских азбук. Свое название получила от имени просветителя Кирилла, разработавшего азбуку славян.
- ⁸³ *Полутон* – в музыке: самый малый интервал 12-ступенчатого европейского музыкального строя.
- ⁸⁴ *Молитва* – 1) моление, обращенное к Богу, к святым; 2) установленный канонический текст, произносимый при обращении к Богу, к святым.
- ⁸⁵ *Диакон (дьякон)* – третий по старшинству частный титул белого духовенства, священнослужитель низшей ступени христианской церковной иерархии.
- ⁸⁶ *Алтарь* (лат. – возвышение, жертвенник) – возвышенная часть православного храма, обращенная на восток и отделенная от остальной его части иконостасом.
- ⁸⁷ *Димитриев В.Д.* (род. 1924) – видный чувашский ученый, организатор науки, доктор исторических наук, профессор. Основные научные труды посвящены этногенезу и этнической истории чувашского народа, средневековой истории Чувашии и Среднего Поволжья.
- ⁸⁸ *Чувашский Радиокomiteт* – Комитет радиофикации и радиовещания при Совнарком Чувашской АССР. Создан 8 марта 1932 г.
- ⁸⁹ *Татаркасы (Малые, Большие)* – деревня Моргаушского района Чувашской АССР. Жители – чуваша. В настоящее время входит в состав Большесундырского сельского поселения Чувашской Республики.

⁹⁰ Здесь ошибка. Село *Большой Сундырь* являлось районным центром (Сундырского района) с 16 января 1939 г. по 20 декабря 1962 г.

⁹¹ *Большой Сундырь* – село Моргаушского района Чувашской АССР. Жители – чувашши. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

⁹² *Ямолкино* – деревня Моргаушского района Чувашской АССР. Жители – чувашши. В настоящее время входит в состав Большесундырского сельского поселения Чувашской Республики.

⁹³ «Советская Россия» – общественно-политическая газета. В 1960-е годы орган Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР.

⁹⁴ *Фуга* – музыкальное произведение, основанное на последовательном повторении одной музыкальной темы несколькими голосами.

⁹⁵ *Бах И.С.* (1685–1750) – немецкий композитор, органист, клавесинист. Непревзойденный мастер полифонии. Философская глубина и высокий этический смысл произведений поставили его творчество в ряд шедевров мировой культуры.

⁹⁶ *Калоча* – город в Венгрии, в медье Бач-Кишкун.

⁹⁷ *Президент Республики* – надо полагать, что здесь имеется в виду председатель Президиума Верховного Совета Чувашской АССР. В 1968 г. этот пост занимал С.М. Илюков (1915–1998) – государственный и партийный деятель, кандидат юридических наук.

⁹⁸ «*Асран кайми*» – чувашская народная песня. Имеет несколько вариантов текста. Одна из них: «*Алран кайми аки-сухи, / Асран кайми атти-анни! / Тургран-Пулехрен асли зук, / Атти-аннинчен пахи зук! [Из рук не выпускаемые плуг-соха, / Из памяти не выходящие отец-мать! / Тура-Полеха старше нет, / Отца-матери дороже нет!]*». См.: Сто строф. Из чувашской народной афористической поэзии / Сост. М.Г. Кондратьев. Чебоксары, 1998. С. 29.

⁹⁹ Речь идет об Илюхиной В.С. (1924–2008). Согласно свидетельству Ю.А. Илюхина, его супруга уроженка пос. Новая Басань Черниговской области; потомок дворянского рода Головачевских.

¹⁰⁰ Здесь ошибка. Ласло Викар и его спутники на самом деле плыли вниз по Волге. Устье речки Уржумки находится ниже Чебоксар. Поднявшийся на Волге сильный ветер, как можно заключить из дневниковых записей, был направлен против течения реки. В подобной ситуации небольшие плавающие средства на Волге нередко ветер и вызванные им волны сносят в направлении, противоположном течению реки.

¹⁰¹ *Уржумка* – речка в Звениговском районе Марийской АССР (Республике Марий Эл). Левый приток Волги.

¹⁰² *Липша* – деревня Звениговского района Марийской АССР. Жители – марийцы. В настоящее время входит в состав Кокшамарского сельского поселения Республики Марий Эл.

¹⁰³ *Президентская дача в Кувшинке* – имеется в виду, надо полагать, дача, принадлежавшая кому-то из руководства Чувашской АССР.

¹⁰⁴ *Катер ЦК* – имеется в виду небольшой катер, направленный к сотрудникам экспедиции Чувашским областным комитетом КПСС.

¹⁰⁵ *Йошкар-Ола (Царевококшайск, Краснококшайск)* – город республиканского подчинения, столица Марийской АССР (Республики Марий Эл). Первоначальное название: Царевококшайск (производное от Царева города на Кокшаге). Город основан в 1584 г. как военно-опорный пункт Московского государства. В 1919 г. переименован в Краснококшайск, в 1928 г. – в Йошкар-Олу (по-марийски: Красный город).

¹⁰⁶ Возможно, здесь речь идет о Прокопьеве И.П. (род. 29 июля 1926 г.). Впоследствии известный партийный деятель, кандидат экономических наук, член Союза писателей России.

¹⁰⁷ *Техас* – штат на юге США. С юго-востока омывается водами Мексиканского залива.

¹⁰⁸ *Хонти Ханна* (наст. имя и фам. – Хайналька Хюгель) (1893–1978) – венгерская певица и танцовщица, артистка оперетты. Обладая естественной грацией, создала яркие, правдивые сценические образы. В 1955–1956 гг. в составе труппы Столичного театра оперетты с большим успехом гастролеровала в Ленинграде и в Москве.

¹⁰⁹ *Асламас (псевд.; наст. фам. Васильев) А.В.* (1924–2000) – композитор. Автор ряда опер, ораторий, вокально-симфонических поэм, концертных произведений для различных инструментов, песен, хоров, романсов и балета «Нарспи и Сетнер».

¹¹⁰ *Янтиково* – село одноименного района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время является также центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹¹¹ *Тюмерево* – деревня Янтиковского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹¹² *Глазунья* – ячница, в которой желток не сболтан с белком.

¹¹³ *Турмыши* – село Янтиковского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹¹⁴ *Сергеев Л.П.* (род. 1929) – чувашский языковед, доктор филологических наук, профессор. Основные научные работы посвящены диалектологии, описательной и исторической лингвистической географии, описательной морфологии, лексикографии чувашского языка.

¹¹⁵ *«Дом приезжих»* – наименование местной гостиницы.

¹¹⁶ *Байдеряково* – село Яльчикского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время входит в состав Яльчикского сельского поселения Чувашской Республики.

¹¹⁷ *«Ай-йа-йа-рай-йа-йа»* – припевные слоги в чувашских народных песнях.

¹¹⁸ *Будафокское бренди* – надо полагать, то же самое, что и бренди из Будафока. Будафок – XXII район Будапешта (Венгерская Республика).

¹¹⁹ *Праздник «Песни и спорта»* – имеется в виду весенний праздник чувашей, посвященный земледелию – *акатуй*. Это зрелищное массовое мероприятие Ласло Викар квалифицирует Праздником «Песни и спорта», что, если иметь в виду содержание данного массового действия, вполне допустимо.

¹²⁰ Низовые чувашаи свой весенний праздник, посвященный земледелию, нередко называли *сапан туйĕ*: *сапан* (по-татарски – плуг) + *туйĕ* (по-чувашски – свадьба).

¹²¹ *Черт техники* – здесь кинокамера.

¹²² *Новое Булаево* – деревня Яльчикского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время входит в состав Яльчикского сельского поселения Чувашской Республики.

¹²³ *Сталин И.В.* (наст. фам. Джугашвили) (1878 или 1879–1953) – советский политический и государственный деятель, Генералиссимус Советского Союза. Проводил форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию крестьянского хозяйства. Главный организатор массового террора. В годы Великой Отечественной войны вместе с президентом США Ф.Д. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем был инициатором создания антигитлеровской коалиции, одержавшей победу над фашистской Германией. Один из главных инициаторов советского «атомного проекта».

¹²⁴ *Хрущев Н.С.* (1894–1971) – советский политический и государственный деятель. Один из инициаторов «оттепели» во внутренней и внешней политике страны, реабилитации жертв репрессий. Проводил противоречивую и непоследовательную внешнюю и внутреннюю политику, что привело к смещению его со всех занимаемых постов в октябре 1964 г.

¹²⁵ *Тоскаево* – деревня Яльчикского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время входит в состав Яльчикского сельского поселения Чувашской Республики.

¹²⁶ *Хельсинки* – столица Финляндии.

¹²⁷ *Пештлёринц* – XVII район Будапешта (Венгерская Республика).

¹²⁸ *Дабаш* – город в центральной части Венгрии, в медье Пешт.

¹²⁹ *Порецкое* – село одноименного района Чувашской АССР. Жители – русские. В настоящее время является также центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹³⁰ Имеется в виду *Дименгидринат (Dimenhydrinatum)*. Одно из его названий – *Дедалон*. Лекарственный препарат, имеющий выраженную противорвотную активность. В медицинской практике применяется для предупреждения и купирования (снятия) проявлений морской и воздушной болезни, при тошноте и рвоте различного происхождения.

¹³¹ *Напольное* – село Порецкого района Чувашской АССР. Жители – мордва. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹³² *Квинта* – в музыке: интервал в объеме пяти ступеней.

¹³³ *Тембр* – в музыке: окраска звука; один из признаков музыкального звука, по которому различают звуки одинаковой высоты и громкости, но исполненные на разных инструментах, разными голосами или на одном инструменте, но разными способами, штрихами.

¹³⁴ *Балда (прост. бран.)* – бестолковый человек, дурак.

¹³⁵ *Сомбатхей* – город на западе Венгрии, административный центр медье Ваш.

¹³⁶ Ласло Викар имеет в виду себя. Он родился 8 июня 1929 г. в г. Сомбатхей.

¹³⁷ *Гитлер* (наст. фам. Шикльгрюбер) Адольф (1889–1945) – фюрер (вождь) национал-социалистической партии, глава немецко-фашистского государства, главный нацистский военный преступник.

¹³⁸ *Брежнев Л.И.* (1906–1982) – советский партийный и государственный деятель. Один из организаторов смещения Н.С. Хрущева. В период его пребывания на высших партийных и государственных постах в стране возобладали консервативные тенденции.

¹³⁹ В тексте ошибка. Джон Фицджералд Кеннеди (1917–1963) – 35-й президент США, был убит в Далласе в 1963 г. 5 июня 1968 г. в результате покушения в ходе предвыборной кампании в Лос-Анджелесе смертельно был ранен брат Джона Кеннеди – Роберт Фрэнсис Кеннеди, баллотировавшийся на пост президента США от Демократической партии. Скончался 6 июня 1968 г. Таким образом, 6 июня 1968 г. советское радио сообщило не о смерти Джона Фицджеральда Кеннеди, а о гибели его брата – Роберта Фрэнсиса Кеннеди.

¹⁴⁰ *Как будто из «Бориса Годунова»* – имеется в виду опера М. Мусоргского.

¹⁴¹ *Сьреси* – в 1968 г. село Порецкого района Чувашской АССР. Жители – мордва. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹⁴² *Гетерофония* (греч. – другой звук) – в музыке: вид многоголосия, возникающий при совместном исполнении мелодии, когда в одном или нескольких голосах происходит отступление от основного напева.

¹⁴³ *Тиса* – река, самый большой (левый) приток Дуная. Длина в пределах Венгрии составляет около 600 км.

¹⁴⁴ *Шумерля* – город республиканского подчинения Чувашской АССР. Административно-хозяйственный центр одноименного района. Свое начало берет с одноименной железнодорожной станции и близлежащих населенных мест. В 1930 г. причислена в разряд рабочего поселка, 23 июня 1937 г. – городского поселения. В настоящее время сохраняет свой прежний статус – город республиканского подчинения Чувашской Республики.

¹⁴⁵ *Красные Четаи* – село одноименного района Чувашской АССР. Жители – чуваша и русские. В настоящее время является также центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹⁴⁶ *Питеркино* – деревня Красночетайского района Чувашской АССР. Жители – чуваша. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹⁴⁷ *Эрд* – небольшой городок в Венгрии, расположенный в медье Пешт в красивом живописном местечке на берегу Дуная в 15 км к югу от Будапешта.

¹⁴⁸ *Атнары* – село Красночетайского района Чувашской АССР. Жители – чуваша. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹⁴⁹ *«Кюсле»* – имеется в виду гусли. Чувашское название – *кӧсле*.

¹⁵⁰ *Тоганаши* – деревня Красночетайского района Чувашской АССР. Жители – чуваша. В настоящее время входит в состав Агнарского сельского поселения Чувашской Республики.

¹⁵¹ Здесь ошибка. Ласло Викар и его спутники имели ночлег в каком-то другом населенном пункте. В Красноармейском районе Чувашской АССР (Чувашской Республики) деревня под названием Байдеряково не имеется.

¹⁵² *Троица* – один из двенадцати основных церковных праздников, отмечаемый в 50-й день от Пасхи, в память Пресвятой Троицы.

¹⁵³ *Симик* (по-чувашки: *Зимӑк*) – летний праздник чувашей, посвященный поминовению усопших родственников с посещением кладбищ. В основной массе селений проводится в Троицкую родительскую субботу, в некоторых – в четверг или в пятницу.

¹⁵⁴ *Ольга Николаевна* – надо полагать, администратор общежития в с. Красные Четаи.

¹⁵⁵ *Ядрин* – город районного подчинения Чувашской АССР. Административно-хозяйственный центр одноименного района. Основан в 1590 г. как военно-опорный пункт Московского государства. В настоящее время сохраняет свой прежний статус – город районного подчинения Чувашской Республики.

¹⁵⁶ Здесь ошибка. Ядрин не является железнодорожным узлом. Оживленное движение в городе и близлежащей округе обеспечивается автодорогами. С федеральной автомобильной трассой «Волга» Ядрин соединен 9-километровым участком автомобильной дороги.

¹⁵⁷ *Верхние Ачаки* – деревня Ядринского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время входит в состав Большешемердянского сельского поселения Чувашской Республики.

¹⁵⁸ *Транспозиция* – в музыке: перенесение какого-либо музыкального произведения или фрагмента из одной тональности в другую.

¹⁵⁹ *Персирланы* – деревня Ядринского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹⁶⁰ *Кварта* – в музыке: 1) интервал в объеме четырех ступеней; 2) четвертая ступень диатонического звукоряда.

¹⁶¹ *Советское* – село Ядринского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹⁶² *Октава* (лат. – восьмая) – в музыке: интервал, охватывающий восемь ступеней диатонического звукоряда.

¹⁶³ *Аликово* – село Аликовского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время является также центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹⁶⁴ *Лассо, Лассус Орландо* (наст. имя и фам. – Ролан де Лассю) (ок. 1532–1594) – франко-фламандский композитор XVI в., один из величайших мастеров полифонии так называемого строгого стиля. Его творчество, обобщившее особенности различных национальных культур, приобрело общеевропейское значение. Автор свыше 2000 музыкальных произведений.

¹⁶⁵ «*Бистроганов*» – имеется в виду *бефстроганов*. Кушанье из мелких кусочков мяса, тушеных в сметане.

¹⁶⁶ *Илишево* – здесь ошибка; правильно: Илгышево. *Илгышево* – деревня Аликовского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹⁶⁷ *Ромитекс* – кушанье в виде отбитого и зажаренного в сухарях куска говядины.

¹⁶⁸ *Раскильдино* – село Аликовского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹⁶⁹ *Таутово* – деревня Аликовского района Чувашской АССР. Жители – чувашаи. В настоящее время является центром одноименного сельского поселения Чувашской Республики.

¹⁷⁰ *Ярославль* – город областного подчинения, центр одноименной области РСФСР (Российской Федерации).

¹⁷¹ *Горький* – город областного подчинения, центр одноименной области РСФСР (Российской Федерации). В 1990 г. городу возвращено историческое название – *Нижний Новгород*.

¹⁷² *Ульяновск* – город областного подчинения, центр одноименной области РСФСР (Российской Федерации).

¹⁷³ *Куйбышев* – город областного подчинения, центр одноименной области РСФСР (Российской Федерации). В 1991 г. городу возвращено историческое название – *Самара*.

¹⁷⁴ *Сталинград* – город областного подчинения, центр одноименной области РСФСР (Российской Федерации). В 1961 г. город переименован в Волгоград.

¹⁷⁵ *Астрахань* – город областного подчинения, центр одноименной области РСФСР (Российской Федерации).

¹⁷⁶ *Козьмодемьянск* – город районного подчинения в Марийской АССР, центр Горномарийского района. Основан в 1583 г. как военно-опорный пункт Московского государства. В настоящее время продолжает сохранять свой прежний статус – город районного подчинения Республики Марий Эл.

¹⁷⁷ *Колымага* – в контексте повествования тяжелое, громоздкое, неуклюжее средство передвижения.

¹⁷⁸ *Крылатая «Ракета»* – небольшое быстроходное судно на подводных крыльях.

¹⁷⁹ *Мариинский Посад* – город районного подчинения Чувашской АССР. Административно-хозяйственный центр одноименного района. Свое начало берет с с. Сундырь, известного с XVII в. В разряд городского поселения причислен в 1856 г. В его состав вошли с. Сундырь и близлежащие населенные места. Новый город получил название Мариинский Посад. В настоящее время сохраняет свой прежний статус – город районного подчинения Чувашской Республики.

¹⁸⁰ *Звенигово* – в 1960-е годы поселок городского типа в Марийской АССР. Расположен на левом берегу Волги. Основан в 1860 г. как поселок в устье р. Звенига. С 1927 г. поселок городского типа, с 1974 г. – город. Центр одноименного района Республики Марий Эл.

¹⁸¹ Предположение неверное. Название «Мариинский Посад» город получил в честь императрицы Марии Александровны.

¹⁸² Строительство Чебоксарской ГЭС началось в 1969 г. В 1980 г. осуществлено перекрытие Волги, в 1981 г. – наполнение ее водохранилища. Уровень воды был поднят до отметки 63 м (ниже проектной отметки на 5 м).

¹⁸³ *Козловка* – город районного подчинения Чувашской АССР. Административно-хозяйственный центр одноименного района. В русских исторических источниках Козловка как населенный пункт упоминается с 1671 г. Причислен в разряд городского поселения 20 ноября 1967 г. В его состав вошли поселок Козловка и сеть близлежащих населенных мест. В настоящее время сохраняет свой прежний статус – город районного подчинения Чувашской Республики.

¹⁸⁴ *Аляска* – штат в США. Расположен на крайнем северо-западе Северной Америки. Отделен от основной части США территорией Канады. Права штата получила в 1958 г.

Laslo Vikar. On this and on the opposite bank of the Volga-river. Dairy notes from Hungarian ancestress soil.

Well-known Hungarian musicologist and folklorist Laslo Vikar as a participant of scientific expeditions has tremped quite a lot of localities around the Volga-Urals region. Besides picking folk songs he kept his journal nearly on a daily basis. Years after, the scientist shared his observations with mass readers. He has published in 2002 his diary in Hungarian. The present publication features abstracts from the mentioned book. Before the eyes of a reader the panoramic view of life in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic of 1964, 1966 and 1968 is represented polychromatically.

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3

© М.Г. Кондратьев. Рец. на: А.И. Иванов-Ехвет. **Музы ищут приют: К истории дореволюционных русско-чувашских культурных взаимосвязей. Музыка. Театр.** Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 351 с., илл.

Культура России — это океан, вобравший в себя волны интеллектуальных усилий многих народов и эпох. Рядом с могучей русской культурой и под ее влиянием формировались культуры других — больших и малых — народов, некогда связавших с Россией свою судьбу и ставших ее полноправными представителями. Сама великорусская культура также не была изолирована от внутрироссийских влияний. В ее сложении естественно участвовали и выходцы разных народов¹. Каков же вклад этих народов в современное здание общероссийской культуры, в каких формах протекало их взаимодействие с русской, как зарождалось и крепло в них современное профессиональное художественное творчество — здесь пока много непроясненного, неучтенного, непонятого. В истории культуры российской провинции вообще много белых пятен. Пробелы в знании приводят к обызвательно-поверхностным, далеким от действительности представлениям о культуре народов России. И пока усилия специалистов сосредоточены на освещении жизни столиц и наиболее крупных культурных очагов, пока накопление культурно-исторического знания идет лишь национальными «островками», каждая культура изучается сама по себе, вряд ли можно ожидать существенных сдвигов в приближении к истине.

Об этом приходится задумываться, когда знакомишься с книгой А.И. Иванова-Ехвета «Музы ищут приют: К истории дореволюционных русско-чувашских культурных взаимосвязей. Музыка. Театр» (Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987). Автор взял на себя трудную задачу — показать в общероссийском контексте естественность развития и межнациональные связи музыкально-театральной культуры одной из «внутрироссийских» угнетавшихся наций, высокомерно относимых чиновниками к «неисторическим», якобы лишенным собственных культурных ценностей и будущности. А.И. Иванов-Ехвет известен как настойчивый исследователь, ведущий интенсивный поиск по дорогам истории, не удовлетворяющийся известными фактами и общими положениями. И в первой своей монографии «По следам находок» (Чебоксары, 1977. С. 112), и в еще большей степени в нынешней он значительно расши-

Михаил Григорьевич Кондратьев — доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук.

ряет источниковедческую и фактологическую базу истории художественной культуры Чувашии. Масштабы его поиска выходят за рамки чувашеведения. За поднятым материалом явственно различается крупная проблематика культурно-исторических процессов, шедших в глубинах многонациональной России пореформенного времени.

Скажем сразу, что прочтение его книги, итога многолетнего собирательского труда, — нелегкое, хотя и по-своему увлекательное дело. Исследуемая тема — многоаспектна, не поддается краткой формулировке. В центре внимания — явления и процессы чувашской (попутно и некоторых соседних народов) музыкальной культуры и просвещения в их связи с воздействием демократической русской культуры. Рядом и в тесном взаимодействии с ростками музыкального любительства распространялось и театральное. Сведения о нем собраны буквально по крупицам. Предметом исследования А.И. Иванова-Ехвета становятся также общественно-политические идеи демократически настроенных слоев российского общества и личная культура деятелей русского и «инородческого» просвещения и музыкально-театрального движения.

Для читателей вне Чувашии, без сомнения, окажутся интересными вводимые (во многих случаях впервые) в современный научный оборот материалы о русской музыке и ее представителях в национально-«инородческом» Поволжье, о музыкальной культуре народов региона в отражении русской музыкальной этнографии, о музыке этих народов в творчестве русских композиторов, о провинциальном музыкально-театральном быте с его любительскими оркестрами, хорами, театральными кружками, этнографическими экскурсами и т.д. на примере отнюдь не только губернских, но и уездных, волостных, сельских очагов культуры — ибо и там бился пульс человеческой мысли и творчества.

Конечной целью исследований А.И. Иванова-Ехвета представляется последовательное описание «модели» возникновения профессионального искусства в духовной жизни народа, чьи творческие потенции веками душились атмосферой империи. Из представленного автором фактического материала явствует, что рождение профессионального музыкального искусства в Чувашии не было насаждением чуждых национальной культуре европеизированных форм. Правильнее говорить о более глубоком и сложном процессе: распространении просвещения и передовой общественной мысли, содействии формированию кадров национальной интеллигенции, высвобождению духовной жизни из-под опеки церкви. Через посредство учителей — выходцев из самого народа, способных организовать обучение музыке, исполнительские коллективы и даже собственно создание национальных музыкальных произведений, и возникает почва и факты этого небывалого прежде для традиционной духовной культуры чувашского народа явления — профессионального музыкального искусства в современных формах.

Тема русско-«инородческих» связей в той или иной сфере художественной культуры не нова. В тексте книги приводится много свидетельств и высказываний деятелей русской и чувашской культур, размышлявших об этом предмете и в XIX, и в начале XX в. Однако книга А.И. Иванова-Ехвета оставляет впечатление определенной новизны и свежести. Это обусловлено прежде всего обилием фактов и материалов, впервые извлеченных из множества источников (более сорока газет и журналов, около трехсот книг и статей, изданных с XVIII по XX вв., архивы и музейные фонды Чебоксар, Москвы, Ленинграда, Ульяновска, Казани, Владимира). Многие факты имеют столь весомый характер, что впору именовать их своего рода «открытиями». Для истории культуры — как чувашской, так и русской — существенно обнаружение и анализ творческого претворения интонаций чувашского фольклора в квартете «Волга» Н.А. Афанасьева² (раздел «Чувашские мелодии в творчестве «русского Паганини»), в «Князе Игоре» А. Бородин («Где же искать истоки Востока?»). Автором разысканы рукописи сына Л.Н. Толстого Сергея Львовича, изучавшего музыкальную этнографию и создавшего, по предположению автора, «вскоре после выхода симбирского сборника» чувашских народных песен (1908 г.) инструментальные пьесы на этой основе (см. раздел «Тайны одной рукописи»). Поиски повели автора и за пределы темы — к обнаружению документов и свидетельств, касающихся неизвестных сторон идейно-политического облика выдающихся представителей русского музыкального искусства — например, о связях «Могучей кучки» с «Землей и волей» (это позволило А.И. Иванову-Ехвету опубликовать ряд статей на страницах журнала «Советская музыка»). Вскрытие и конкретизация содержания непосредственных контактов нарождающейся чуваш-

ской интеллигенции с «богами» русского национального искусства — в их числе А.П. Бородин, М.А. Балакирев, Л.Н. Толстой, С.В. Смоленский, а также фигуры «второго» (по наивысшим меркам) ряда В.А. Мошкова, С.Г. Рыбакова и других позволяет уточнять критерии оценок, например, соотносить с высокой планкой общероссийского масштаба значимость национально-культурной деятельности С.М. Михайлова, И.Я. Яковлева и питомцев его школы, других просветителей и музыкантов. Да и помыслы и дела самих «богов», черпавших духовные силы и идеи на широчайшей российской, в том числе и «иностранческой», почве, в свете этих контактов представляются более объемно.

Когда столь разнообразный фактический материал подвергается первичной обработке и вводится в масштабный (общероссийский) контекст — а именно в этом видится главная задача и ценность книги — доверие читателя может поддерживаться только непрерывным соизмерением явлений, особой тщательностью в качественных определениях. Здесь не все в равной степени удается автору. Скажем, можно как-то оправдать безоговорочное употребление эпитета «прославленный хор» по отношению к коллективу Агренева-Славянского (С. 179), вызывавшему у больших музыкантов сугубо критическое отношение. (Просто «прославленным» он мог восприниматься только в провинции.) Но характеристика учебного хора Симбирской чувашской учительской школы: «Всегда высокопрофессиональный, а в иные моменты — один из лучших в Симбирске» (С. 219) в соотношении с общим контекстом книги приводит к выводу, что в этом второстепенном губернском городе действовало несколько высокопрофессиональных хоров, что, безусловно, требует доказательства. Романтически неумеренным выглядит и эпитет «крупнейший», щедро бросаемый по отношению ко многим, действительно незаурядным, деятелям просвещения и культуры (например, об этнологах Н.В. Никольском, Н.И. Смирнове и языковеде Ф.Т. Тимофееве — С. 22, 163, 248). Определение «видный музыкальный фольклорист» (С. 227) по отношению к талантливому собирателю Т.П. Парамонову, не имеющему ни одной самостоятельной научной публикации, оправдано лишь в сугубо «местной» системе оценок. Подобных примеров на страницах книги немало.

С «двойным» подходом к качественным определениям смыкается и попытка увязать знаменитую в истории чувашской культуры постановку оперы (больших эпизодов из нее) «Иван Сусанин» с празднованием столетия Отечественной войны 1812 г. (С. 219). Фактически же это уникальное художественное предприятие, требовавшее общественной поддержки и средств, совпало с широко отмеченным в России трехсотлетием династии Романовых и в тот момент не могло не быть посвященным именно ему. (Без этого, не исключено, оно могло и не состояться.) Но и преувеличивать значение этого внешнего момента не следует. Собственно художественный смысл события был верно оценен уже рецензентом губернской газеты, в своей статье даже не коснувшись возможных «верноподданныхских» мотивов постановки³. Тактичнее, наверно, было бы, не вводя в заблуждение читателя, не поднимать вопроса о связях с датами.

Существенным недостатком являются невыверенные датировки первых опытов композиторского творчества в Чувашии. Так, о В.П. Воробьеве пишется в разделе «На рубеже веков»: «...С этого времени он начинает записывать народные песни и пробовать себя в композиторской работе» (С. 178). Сам же Воробьев пробуждение своего композиторского сознания относил к более позднему времени — возвращению из Петербурга в 1914 г. Первое же сочинение его датируется декабрем 1924 г.⁴ Аналогично сомнительно и о начале творчества Г.Г. Лискова в 1907 г. (С. 294). Сам Лисков в автобиографии называет дату — 1912 г.⁵ Требуют оговорки и документирования датировки первых произведений Ф.П. Павлова (С. 263; расходящиеся с данными научного аппарата его Собрания сочинений) и С.М. Максимова. О последних туманно сообщается, что возникли они «в предреволюционную пору» (С. 294), хотя сам Максимов вполне конкретно указывал, что появились они после Февральской революции 1917 г. в связи с подготовкой чувашского национального съезда в Симбирске⁶. На фоне этого поспешным — без соответствующего анализа музыкального текста — выглядит и определение нотных записей периода рубежа веков А. Турхана как «композиторских опытов» (С. 174).

Несомненно, уровень точности сообщаемых сведений мог бы возрасти едва ли не на порядок, будь автором разработан научно-справочный аппарат — прежде всего, именной, а также географический указатели. Свыше тысячи упоминаемых лиц, десятки произведений,

целая сеть населенных пунктов — очагов культуры (тем самым автор делает заявку на преодоление сложившегося в чувашеведении («симбирскцентризма») — в этом и богатство исследования, но в этом же и сложность его восприятия и освоения. К сожалению, ни автор, ни научный, ни издательский редакторы не преодолели разнобоя в именах и инициалах. Один и тот же человек может именоваться: Мук или Мукк, Элкер или Эльгер, Ф.Н. Николаев, в другом месте — Ф.Н. Сергеев, в третьем — Ф.Н. Сергеев-Николаев (С. 257—260); Г.Г. (так в тексте) Тал-Мрза — Г.В. Зайцев-Тал-Мрза (С. 265 и 297). Два исторических лица представлены в четырех «комбинациях»: Н.Н. Волженин — Н.Н. Волжанин — Л.А. Волжанин — Архип Волжанин (см.: С. 182—191), причем деяния одного из них на стр. 189 приписаны другому⁷. Недоумение у музыкантов может вызвать упоминание о композиторе Я. Мендельсоне (дважды: С. 179 и 219), известном в русскоязычной литературе как Феликс Мендельсон, о «видном критике» Н.Д. Кругликове (С. 167; имеется в виду С.Н. Кругликов, а, может, Н.Д. Кашкин?).

Своеобразие книги придают композиция и стиль изложения. При общей хронологической последовательности семи глав, она распадается на сорок три рассказа. Жанр «рассказов историка» освобождает автора от жесткой последовательности в изложении фактов (вплоть до полного отхода от темы русско-чувашских связей в разделе «Ученик Н.Г. Чернышевского, друг М.П. Мусоргского»). В содержании «рассказов» прослеживаются три авторских и один «вставной» планы. Это (1) очерки, обобщающие общероссийский и местный музыкально-театральный быт, (2) портретные монографические зарисовки с разнообразными дополнениями (этот план — основной), далее (3) выделяется повествование о самом процессе собирания материалов, проходящее «пунктиром» по всей книге. Наконец, (4) по мере необходимости в тексте возникают музыковедческие экскурсы, сделанные по просьбе автора специалистами, уточняющие историческую и художественную ценность сочинений. Манера повествования, несколько витиеватая, затейливая, соответствует такой «многоплановости», требующей то последовательного описания предмета, то прямого обращения к читателю, то диалога с музыковедом. Способствуя занимательности, местами она же затрудняет восприятие «фасредоточенностью», периодическими отступлениями, ощущается как рыхлость, несобранность мысли.

По скромной формулировке автора, его книга представляет читателю «первично обработанные материалы» (С. 256; аналогично: С. 5). С этой точки зрения, стоявшая перед ним задача выполнена. Но результат значительно превосходит «первичную обработку». Труд А.И. Ианова-Ехвета поднимает важные вопросы истории межнациональных культурных взаимодействий. Исследование историка, конечно, не заменит музыковедческого и театроведческого анализа. Но мимо поднятых фактов и материалов, уже выстроенных в социально-историческом плане (чего часто не хватает собственно искусствоведческим исследованиям), думается, не пройдут специалисты по истории как чувашский, так и русской музыки и театра.

Л и т е р а т у р а

¹ Информативно ценным штрихом иллюстрирует это эпизод из «Воспоминаний» выдающегося чувашского просветителя И.Я. Яковлева, относящийся к началу XX в.: «... На этом обеде сошлись инородцы — сын мой [профессор] А.И. Яковлев, чуваш, [адвокат Ф.Н.] Плевако (киргиз или калмык) и [профессор В.О.] Ключевский (отец которого был из мордвы, а мать русская). По этому поводу Плевако сострил, сказав, что сошлись истинно русские люди». Данный фрагмент мог бы стать выразительным эпиграфом к исследованию темы. Подтекстом шутки знаменитого юриста было осознание великодержавно-националистического противопоставления русских и «инородцев», то есть «главного» и «иных» народов империи. См.: *Яковлев И.Я.* Воспоминания. Чебоксары, 1983. С. 166.

² Подтверждающий проницательность Л.Н. Раабена, указавшего эту связь еще в 1961 г. См.: *Раабен Л.Н.* Инструментальный ансамбль в русской музыке. М., 1961. С. 22.

³ *К.Г.* Опера у чуваш (К юбилейным празднованиям в Симбирске) // *Симбирянин*, 26 февраля 1913. № 1694.

⁴ Эти сведения опубликованы в сборнике статей «О чувашском искусстве» // *Труды ЧНИИ*. Чебоксары, 1977. Вып. 75. С. 118–119.

⁵ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. VI. Ед. хр. 200. Л. 4, 9.

⁶ См. авторское предисловие к сборнику «Чувашские народные песни» (Симбирск, 1918).

⁷ Подробнее об Л.А. Архипове (Волжанине) и Н.Н. Волженине см.: Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1974. С. 21.

* * *

Рецензия написана в марте-апреле 1988 г. Хранилась в личном архиве М.Г. Кондратьева.

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3

© Б.Б.Чиндыков. Рец. на: **Narspi. Çuvaçça Bir Aşk Çukıyşy. Hazırlayan Prof. Dr. Emine YILMAZ // Atatürk Kùltür Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Türk Dil Kurumu Yayınları: 876.** Ankara, 2006. 274 s. [Нарспи. Чувашская история любви. Перевод и подготовка проф. Эмине Йылмаз // Издания Турецкого лингвистического общества Высшего Общества по турецкой культуре, языку и истории имени Ататюрка: 876. Анкара, 2006. 274 с.]

В 2006 г. Турецкое лингвистическое общество (Türk Dil Kurumu / TDK) выпустило в свет поэму классика чувашской литературы К.В. Иванова «Нарспи» на чувашском и турецком языках. Перевод поэмы на турецкий язык и подготовку издания в целом осуществила профессор университета Хаджеттепе в Анкаре Эмине Йылмаз (Джейлан).

По словам исследователя и переводчика, «поэма «Нарспи», являющаяся самым значительным произведением в творчестве Константина Иванова, признанного самым большим мастером современной чувашской литературы, [...] принесшая автору всемирную славу, многократно переиздававшаяся по-чувашски и по-русски, переведенная, наряду с башкирским, татарским и азербайджанским, также и на марийский, мордовский, украинский, удмуртский, венгерский, болгарский, сербско-хорватский, итальянский и немецкий языки¹, почти не известна в турецкой литературе» (С. 7). «Толчком к переводу поэмы на турецкий язык явился специальный номер выходящей на чувашском языке газеты «Урал сасси» (Голос Урала), посвященный К.В. Иванову, который случайно привез мой учитель проф. Талат Текин, в дни празднования столетнего юбилея Иванова находившийся в Уфе», – рассказывает в предисловии к книге Э. Йылмаз (С. 7).

В начале 90-х годов прошлого столетия Эмине Йылмаз училась в аспирантуре университета Хаджеттепе, где ее научным руководителем был проф. Талат Текин, автор таких значительных исследований, как «Грамматика орхоно-тюркского языка», «Японский и турецкий: родственные языки?», «Дунайские булгары и их языки», «Орхонские эпитафии», «Эпитафии и язык волжских булгар», «Тюркский стих XI века», «Язык гуннов», «Тоньюкукские эпитафии», «Бирк-Битиг. Книга предсказаний». Следует заметить, что в свое время проф. Текин резко выступил против тенденции классифицирования тюркских языков как «турецкого/тюркского языка (Тыгқсе)» того или иного народа (например, Çuvaçistan Тыгқеси вместо Çuvaçça). «Ни один серьезный тюрколог не может считать чувашский язык диалектом турецкого или какого-то другого тюркского языка. В науке нет и не должно быть места всетюркости», – заявил он в статье «Семья тюркских языков», заметив при этом, что между чувашским и турецким языками гораздо больше различий, чем между немецким и английским².

В 1992 г. Эмине Йылмаз успешно защитила диссертацию «Историческая фонетика чувашского языка» и начала преподавать в родном университете на отделении турецкого языка и литературы, где изучаются также и другие тюркские языки и культуры. В те же годы стали публиковаться ее первые статьи по тюркологии, основное место среди которых занимает

Борис Борисович Чиндыков – писатель, драматург, переводчик.

тема чувашского языка. На сегодняшний день опубликованы следующие монографии исследователя: «Чувашские пословицы и поговорки»³ (1996), «Историческая и современная фонетика чувашского языка»⁴ (1997), «Историческая и современная морфология чувашского языка»⁵ (2002), на которые появились рецензии и в чувашской периодике⁶.

Работа над переводом «Нарспи» была начата ею тогда же, в юбилейный ивановский год, и основная часть перевода была выполнена по газетной публикации. Затем, после сравнения газетного текста с чувашским книжным текстом, который ей прислала Раиса Сарби в 1993 г., а также с венгерским изданием поэмы, в рукопись турецкого перевода были внесены некоторые изменения. В «Исторической и современной морфологии...», изданной в 2002 г., в качестве языковых примеров Э. Йылмаз приводит, наряду с пословицами и поговорками, поэмой Шелеби «Сказание о завоевании [города] Биляра» и рассказом М. Белова «Вдова солдата», также и строки из поэмы «Нарспи». Судя по тому, что в «Источниках текстов» к данной монографии поэма «Нарспи» указана как издание, ожидающее своей очереди на публикацию, можно говорить о том, что к началу 2000-х годов рукопись перевода была передана в Турецкое лингвистическое общество (ТДК). Видимо, так и не дождавшись своевременной публикации книги в ТДК, Э. Йылмаз опубликовала ее в издательстве «Ёнджю» (Цнсь) в Анкаре в 2004 г. Мы не нашли ни одной публикации об этом издании ни в научных изданиях, ни в прессе Чувашии. Судя по списку опубликованных работ Э. Йылмаз на сайте университета Хаджеттепе, первое турецкое издание «Нарспи» практически один-в-один совпадает с изданием ТДК и также включает в себя текст поэмы на чувашском языке, его транслитерацию на латинице, перевод на турецкий язык и словарь-индекс – так что данную рецензию в равной мере можно считать рецензией и на первое турецкое издание поэмы.

Книга состоит из вводной историко-литературоведческой, основной литературно-художественной и практической лексикографической частей. В первую часть, названную «Введение», включены следующие разделы: «Константин Васильевич Иванов», «Чуваши и чувашская литература», «Нарспи», «Источники». Вторую часть составляют три текста «Нарспи», два из которых являются чувашским оригиналом поэмы (на кириллице и на латинице), а третий текст – это перевод поэмы на турецкий язык. Лексикографическую часть книги составляет чувашско-турецкий «Словарь-индекс», представляющий по сути словарь языка поэмы «Нарспи».

Раздел «Константин Васильевич Иванов» состоит из небольшой биографии поэта, а также библиографических списков «Издания произведений К.В. Иванова» и «Работы о творчестве К.В. Иванова», в которых раздельно приведены издания на чувашском, русском и других (помимо русского) языках.

В разделе «Чуваши и чувашская литература» автор кратко излагает историю чувашского языка и литературы, особо подчеркивая при этом, что чувашский язык является единственным г/л-тюркским языком относительно стандартного общетюркского z/ç, являясь также единственным представителем существовавших в прошлом западнотюркских языков. Касаясь истории чувашской литературы, исследователь подчеркивает, что становление чувашской литературы, с одной стороны, подпитывалось богатейшими традициями народной литературы и, с другой, испытывало сильное влияние русской литературы.

Самый объемный раздел в первой части издания — «Нарспи», имеющий два подраздела: «Исследование содержания» (статья «Тема и сюжет», «Язык и повествование», «(Этно) Культурные составляющие») и «Исследование формы» (статьи «Строфика», «Размер стиха», «Рифмовка», «Характеристика рифм», «Жанр»). Как пишет Э. Йылмаз, «история красавицы *Нарспи*, которую, разлучив с бедным джигитом Сетнером, отец насильно выдает замуж за богатого и пожилого *Тәхтамана*, отнюдь не чужда традиционному турецкому обществу» (С. 19). На наш взгляд, нельзя не согласиться с замечанием исследователя о концовке поэмы: «В сущности, сюжет поэмы с точки зрения причинно-следственных связей очень слаб. То, что причиной происходящего в конце поэмы несчастья являются воры, а не насильственная выдача Нарспи замуж, [по-настоящему] не доносит послания (мессиджа) Иванова» (С. 21).

Говоря о языке и стиле повествования, Э. Йылмаз цитирует А. Рона-Таша из его послесловия к венгерскому переводу поэмы: «Язык Иванова чист как кристалл, это язык настоящей поэзии. В его поэзии нет специально придуманных красивостей и построений. Для Иванова чуждо прятаться за фальшивое искусство и хитроумные словеса. В поэзии Иванова, во многих

местах, имеется немало образцов чувашских народных песен. Поэтому это очень своеобразный язык...» (С. 22). Э. Йылмаз также обращает внимание на то обстоятельство, что Константин Иванов, несмотря на то, что был художником, в поэме очень скудно использует прилагательные и цвета, все больше прибегая к глаголу, особенно к его деепричастной форме. На взгляд турецкого исследователя и переводчика, «обильное использование глагола отражает следы [мышления] кочевого народа, живущего/жившего подчиняясь природе. Этой своей особенностью поэзия [«Нарспи»] близка старой турецкой народной поэзии» (С. 23). «Другая особенность языка поэмы, которая обращает на себя внимание, – это частое употребление подражательных слов: *йăлтăр-ялтăр, шăлтăр-шалтăр, шăнкăр-шăнкăр, йăпăрт-япăрт, чăнкăр-чанкăр, мăкăртат, шавла, шăхăр, лапăштат* и др., – пишет исследователь. – Звуки *ч* и *ш*, которые преобладают в подражаниях, действительно делают звучание поэмы похожим на звон колокольчика, как это верно заметил С. Лашман» (С. 24).

В подразделе «(Этно)Культурные составляющие» автор рассматривает пословицы и поговорки, загадки, заговоры и заклинания, народные песни и другие произведения устного народного творчества, а также особенности использования в поэме непереводимых на другие языки слов и словосочетаний, передающих исконно чувашские реалии и тесно связанные с ними народные традиции (*вăй-килли, шыв-шур пуçĕ пуçласан, сĕмĕк, пĕлĕк, хăрпан* и т.д.), и приходит к заключению, что с лингвокультурологической точки зрения «поэма является очень важным источником для сравнительной фольклористики» (С. 25). «Во многих строках поэмы можно заметить примеры синтеза древних шаманистических [в современном турецком языке под этим словом часто подразумевается то, что мы называем «язычеством». – Б.Ч.] традиций чувашей с их относительно новой верой – христианством, которые находят отражение в их повседневной жизни», – замечает Э. Йылмаз (С. 27).

В историко-литературоведческой части книги Э. Йылмаз во многих своих положениях солидаризируется с авторитетными мнениями Й. Бенцинга, Дж. Крюгера, А. Рона-Таша и некоторых других исследователей творчества К.В. Иванова. В подразделе «Строфика», объясняя свое решение печатать текст поэмы четырехстрочными строфами, «хотя в источнике, использовавшемся при подготовке настоящего издания, она напечатана двадцатистрочными строфами» (С. 28), она ссылается на перевод отрывка поэмы «Нарспи» Дж. Крюгером в его известном «Учебнике чувашского языка», где также использована строфа из четырех строк⁷. (Следует заметить, что в большинстве русских изданий поэмы также применяется четырехстрочная строфа.) Между тем в английском издании «Антологии чувашской поэзии» Г. Айги в переводе П. Франса поэма представлена тремя цельными двадцатистрочными строфами⁸. Такой подход, на наш взгляд, точнее передает не только букву, но и дух оригинала, ибо у Иванова строфа играет не только роль ритмико-синтаксического «цемента», но и несет в себе пространственно-временное организующее начало. Рисунок строфы в четыре строки, безусловно, приближает поэму к народной песне, но при этом теряется энергетика, мощь и ширь «ивановской» строфы и поэмы в целом – это все равно, что «онегинскую» строфу А.С. Пушкина разделить на четверостишия.

Здесь, наверное, сыграла свою роль определенная формальная близость и родство чувашской и тюркской народной поэзии⁹. В основе метрики поэмы «Нарспи» лежит силлабический стих из семи слогов – форма, являющаяся одним из самых распространенных размеров как в чувашской, так и в турецкой устной поэзии. Например, четверостишные турецкие народные песни *мани* (mani) и *тюркю* (тыгь) представляют яркий образец силлабического (*hese vezni* – по-турецки) семисложника:

*Bah-ze-ler-de saz o-lur,
Gьl a-z[л]l[г]yaz o-lur,
Ven ya-r[л]ma gьl de-met,
Gьl-bьn ыт-рь аз o-lur¹⁰ (мани)*
или
*Tar-la-la-ra da-la-l[л]m,
O-rak-la-r[л] za-la-l[л]m,
Ak-eat pa-ra-m[л]a-l[л]p,
Ko-la bon-cuk a-la-l[л]m¹¹ (тюркю).*

*[Пахчасенче вир (курăкĕ) пулать,
(Кĕi) чечек суратъ – су пулать,
Эп савнине (кĕi) чечек темес,
Кĕi чечек ĕмĕрĕ сахал пулать.]*

*[Уй-хирсене чăмар-и,
Сурласене янраттарар-и,
Касна укзамăра илсе
Алла (сыхма) шăрса илер-и.]*

Схожесть и близость традиционного чувашского и турецкого народного стихосложения, а также типологическая близость грамматик чувашского и турецкого языков предоставили турецкому переводчику уникальную возможность полноценного родственного перевода поэтессы чувашской литературы. И, действительно, перевод Э. Йылмаз по степени адекватной передачи значимых элементов источника во многих местах практически тождествен оригиналу:

<i>Оригинал:</i>	<i>Турецкий перевод:</i>	<i>Обратный перевод с турецкого:</i>
<i>Пуш уйăхĕн вĕçĕнче Хĕвел пăхрĕ айăтса, Силти чăваш ялĕнче Юр ирĕчĕ васкаса. (...) Еиçĕ курăк хушиинче Сап-сарă чечек ўсет, Аслă Силти ялĕнче Нарспи ятлă хĕр ўсет. (...) Ватă чун та хытнă чун, Хытса кайнă кĕçĕ çав. Çамрăк чун та пĕчĕк чун Чунĕ ытла çемĕ çав.</i>	<i>Mart ay□ sonlar□nda, Gьnee bakar s□cac□k. Çuvac kuь Silpi'de Kar eririr zabucac□k. Yecil zimler izinde Sapsar□ zizek бьуь: Вьуьк Silpi куьnde Narspi adl□ k□z бьуь: Yael□ уьrek, kat□d□r; Kat□laem□e kezedir: Genz уьrek, minik уьrek, Can□ yumucac□k□r.</i>	<i>Пуш уйăхĕн вĕçĕнче Хĕвел пăхатъ айăтса. Чăваш ялĕ Силтире Юр ирĕлет васкаса. Еиçĕ курăк хушиинче Сап-сарă чечек ўсет. Аслă Силти ялĕнче Нарспи ятлă хĕр ўсет. Ватă чун хытă çав, Хытса кайнă кĕçĕ çав. Çамрăк чун, пĕчĕк чун, Чунĕ ытла çемĕ çав.</i>
<i>Кайăк чунĕ пулсассăн, Йĕрĕчĕ те кулĕчĕ; Çуначĕсем пулсассăн, Вĕçĕчĕ те кайĕчĕ. (...) Сетнер тутлă çывăратъ Çулĕ юман кутĕнче, Нарспи ларатъ тĕлĕрсе Сетнер пуçĕ вĕçĕнче.</i>	<i>Kue уьre□t olsa da, A□lasa hem gьlse de. Kanatlar□ olsa da, Uziverse de gütse. Setner tatl□ çuyyor, Yьksek mece kuьnde. Narspi rьya gьrьyor; Setner'in bac ucunda.</i>	<i>Кайăк чунĕ пулсассăн, Йĕрĕчĕ те кулĕчĕ. Çуначĕсем пулсассĕн, Вĕçĕчĕ те кайĕчĕ. Сетнер тутлă çывăратъ Çулĕ юман кутĕнче. Нарспи тĕлĕк тĕлленет Сетнер пуçĕ вĕçĕнче.</i>

Сопоставительный анализ приведенных отрывков показывает, что переводчику удалось достаточно полно сохранить содержание и стиль подлинника. В переводе сохранена смысловая точность и передано своеобразие оригинала, поэтому на языке перевода поэма звучит так же выразительно, как и на языке подлинника.

В данном акте перевода мы имеем тот случай, когда отношения эквивалентности достигнуты на всех содержательных уровнях оригинала и перевода¹². Так, например, на уровне языковых знаков в приведенных отрывках эквивалентность устанавливается как использованием слов одного уровня с одинаковым объемом понятий, одинаково идентифицирующих один и тот же денотат на языке оригинала и на языке перевода: чувашское *хĕвел* и турецкое *gьnee*, чувашское *юман* и турецкое *mece*, чувашское *кайăк* и турецкое *kuе* и т. д., так и использованием слов, характеризующих понятия разного объема: например, турецкие слова *уьksek*, *yecil*, *tatl□* по своему значению шире, чем чувашские *çулĕ*, *еиçĕ*, *тутлă*, но в контексте сообщения основные значения этих прилагательных полностью совпадают и соответствуют друг другу. В то же время для установления эквивалентности на уровне сообщения в одном из приведенных отрывков переводчику пришлось внести в перевод некоторые преобразования на уровне языковых знаков и высказывания.

Например, один из ключевых моментов в философии поэмы, часто упускаемый из виду под гипнозом предыдущих строк поэмы, звучит так: *Анчах вăйлă этем те / Хăй тĕнчине пăхăнать*. По-турецки это передано, на наш взгляд, очень удачно, строками *Fakat gьzlb insan da / Kendi nefsiine esir*. Сочетание *хăй тĕнчи* в оригинале может восприниматься и как “окру-

жающий мир, в котором живет человек”, и как “внутренний (свой) мир человека”. В переводе оно передано словом *nefis*, которое в турецком языке, будучи заимствованием из арабского, означает “сам, сам собой, собственное естество” и является одним из важнейших категорий философии исламского мистицизма (которое при переводе исламской литературы на русский язык передается как *нафс*).

Другой пример удачного преобразования – перевод сочетания *Нарспи ларать тӗлӗрсе* как *Narspi r̥ya g̥ur̥y̋or* (“Нарспи видит сон”), несмотря на то что при этом упущено значение глагола *ларать* и нарушена структура сообщения (хотя в целом очевидно стремление воспроизвести в переводе структуру оригинала в максимальной степени). Частичное несовпадение в приведенном отрывке сообщения оригинала и сообщения перевода вызвано тем, что сообщение, избранное для описания ситуации в языке оригинала (“Нарспи сидит и дремлет”), с художественной точки зрения неприемлемо для носителей языка перевода. Неприемлемо именно с художественной точки зрения, ибо, если отбросить в сторону эквивалентность на уровне цели коммуникации (в данном случае цель коммуникации – художественный перевод, т. е. воссоздание на турецком языке равного по силе эмоционального воздействия произведения, изначально написанного на чувашском языке, что требует от переводчика адекватной передачи на языке перевода всех тех эмоционально-образных ассоциаций и нюансов, которые имеются в оригинале и в идеале должны “впечатлеть” и эмоционально затронуть рецептора (читателя) переводного произведения в той же степени и мере, как это делает оригинал), то, казалось бы, ничто не мешает перевести сочетание *ларать тӗлӗрсе* на турецкий язык как *uyuklayıp oturuyor*, и это будет оправдано и верно по существу в переводе нехудожественном (например, в тексте медицинского описания состояния пациента – и именно так оно и должно было бы переводиться, но никак не иначе). Однако буквальная невоспроизводимость данного сочетания в тексте турецкого художественного перевода обусловлена тем обстоятельством, что чувашский глагол *тӗлӗрме*, переключаясь с однокоренным глаголом *тӗлленме* и существительным *тӗлӗк*, имеет дополнительные ассоциативно-образные смыслы “видеть легкий сон, предаваться иллюзиям, грезить”, которые отсутствуют в турецком глаголе *uyuklamak*, хотя по своему вещественному содержанию он наиболее точно передает значение чувашского глагола. Зато аналогичной эмоционально-образной характеристикой в турецком языке обладают слова и словосочетания, описывающие иные денотаты: идиоматическое словосочетание *r̥ya g̋ur̋mek* («видеть сон») с существительным арабского происхождения и исконно тюркский глагол *d̋elemek* (“фантазировать, воображать, представлять себе”), корень которого *d̋e-*, как и чувашский корень *тӗл-*, восходит к древнетюркскому *tl* («сон, сновидение»). Особенностью звуковой оболочки всех этих слов является то, что эмоционально-интонационную нагрузку в них несут небные гласные переднего ряда – *ɛ* в чувашском *тӗлӗр-* и *ь* в турецких *d̋e-* и *r̋ya*. Эти гласные, безусловно, тоньше и изящнее гласных заднего ряда, они более иллюзорны и идеалистичны по сравнению с материалистичностью последних и в целом точнее передают то душевное состояние, в котором находится Нарспи в описываемой ситуации (девушка, которая сбежала с любимым в лес со свадьбы и теперь сидит и дремлет в лесу рядом с любимым). Естественно, что в этой ситуации *ларать тӗлӗрсе* означает не просто “сидит и дремлет”, скорее речь идет о том, что героиня находится в забытьи, что она ушла от реальности и погружена в свои иллюзии – на это же указывает и автор поэмы, который буквально через строчку говорит о том, что *Нарспи тӗлӗк тӗлленет* (“Нарспи видит сон”). Таким образом, переводчику удалось добиться эмоционально-художественной точности при переводе строки *Нарспи ларать тӗлӗрсе* путем отказа от наиболее близкого по содержательному значению соответствия *Narspi uyuklayıp oturuyor*, используя взамен него *Narspi r̋ya g̋ur̋y̋or*, которое в эмоционально-смысловом плане стоит гораздо ближе к оригиналу, в том числе и благодаря схожему звукообразу. На наш взгляд, переводчик остановил свой выбор именно на этом словосочетании, а не на синонимичном *d̋e̋ly̋or / d̋e̋leyerek oturuyor*, исходя из требований не только метрики и рифмовки, но и звуковой организации стиха, в том числе и аллитерации, которая в тюркской, в т.ч. и чувашской, народной поэзии всегда играла большую роль.

Благодаря такому эквиметричному и эквиноматопозитическому переводу в турецком переводе “Нарспи” ярко пульсирует ощущение эмоционального фона чувашского мира и проступает “древний тюркский ландшафт” в рисунке чувашского стиха (единственно, что

немного меняет тональность музыки оригинала, точнее – пауз, которые, как известно, в искусстве драмы играют большую роль, чем диалоги и монологи – это отказ от авторской двадцатистишной строфы, о чем мы писали выше).

Наряду с этим перевод поэмы, в которой, по словам классика чувашской поэзии Педэра Хузангая, “встает целой энциклопедией чувашской жизни”¹³, высветил ряд принципиальных различий, характеризующих восприятие окружающего мира носителями турецкого и чувашского языков. Например, слово *сарă*, характеризующее Нарспи, в переводе передано родственным *sar* []. Казалось бы, это наиболее точный и аутентичный перевод, однако если *сарă хĕр* (аналогично как *сарă кин*, *сар качă* – в турецком переводе *sar* [] *gelin*, *sar* [] *genz*) для чувашского читателя это прежде всего красивая, пригожая девушка и вовсе необязательно белокурая и светловолосая (более того, как признается Педэр Хузангай: «Вообще говоря, чувашское «сарă хĕр» не означает «русая девушка», это соответствует русскому «красная девица», как «сарă хĕвел» – не есть «желтое солнце», а только «красное солнышко». В моем воображении она всегда черноволосая»¹⁴), то турецкое *sar* [] *k* [] воспринимается именно как блондинка, ибо турецкое *sar* [], оставаясь просто цветообозначением (в отличие от чувашского концепта *сарă*), не содержит в себе символа красоты, тепла и доброты. Может быть, в данном случае стоило отойти от буквы оригинала и перевести *сарă хĕр* на турецкий как *gazel k* [], *al* [] *ml* [] *k* [], *dilber* или подыскать еще какой-нибудь схожий синоним. Но, скорее всего, автор перевода не стал делать этого по той причине, что тогда в переводе была бы утеряна национальная окраска чувашского шедевра, так как в чувашском идеале красоты, выражением которого и является образ Нарспи, определение *сарă* имеет не только образное, но и прямое значение (впрочем, как и в идеале женской красоты турецких мужчин).

Перед любым переводчиком всегда стоит дилемма: либо попытаться полно передать этническую специфику переводимого произведения, либо отказаться от этой специфики и поставить во главу угла легкость и доступность языка перевода. Э. Йылмаз пошла по первому пути, и потому слова и словосочетания, выражающие специфические реалии чувашского мира, большей частью даны ею без перевода, но с подробным разъяснением в словаре-индексе: *вăй-килли*, *йĕс пукан*, *калăм*, *кавак хуппи*, *киремет*, *пăлĕх*, *çăварни*, *çимĕх*, *турăх*, *хăрпан*, *урхамах*, *шыв-шур пуçĕ*... В тех же случаях, когда значения таких слов и выражений все же переданы единицами турецкого языка, возникает ощущение того, что турецкие соответствия представляют из себя не совсем то, что имеется в виду в чувашском тексте: например, *сăхман* переведено как *giysi* (в турецком языке это просто *одежда*), *лаç* как *tutfak* (кухня), *çинçe* как *bayram* (празднество, торжество), *тевет* как *çift* (покрывало), *тенĕ* как *tak* [] (украшение, прикалываемое к груди жениха или невесты), *шĕлкеме* как *d* [] *meler* (монеты), *хушну* как *tepelik* (традиционный головной убор азиатских женщин), *вăйă* как *oyun* (игра, игрище, представление), *чир-чĕр ертен йĕрĕх* как *hastal* [] *k de* [] *mie*, *евĕ* как *d* [] *nyr* (сват /сватья), *хура пăртра* как *kara evde* (в черном доме). Однако передать все эти реалии адекватно на уровне слов в принципе невозможно, ибо язык перевода всегда – это иной культурный код (иначе зачем вообще переводить?), поэтому в переводоведении такие слова часто называют непереводаемыми. Поэтому здесь уместнее говорить об адекватности перевода на уровне всего произведения, и в этом плане, на наш взгляд, даже такие замены во всем тексте, как часто использованные в сценах свадьбы *сарар* (вино) вместо *сăра*, *saz* (струнный инструмент) вместо *шăнăр*, *zizme* (сапоги) вместо *çăпата* (лапти) оправданны, так как у турецкого читателя вызывают больше ассоциаций с деревенской свадьбой и народными гуляниями, нежели *bira* (пиво) и *gayda* (волынка), а что такое *çăпата*, большинству турецких читателей и вовсе непонятно.

Очень удачно переданы в переводе мимемы-имитативы, сопоставление которых в языках оригинала и перевода наводит на мысль о том, что для лингвокультурологии языковая симфония мира могла бы стать не менее плодородной почвой для исследований, чем языковая картина мира:

<i>Оригинал:</i>	<i>Турецкий перевод:</i>	<i>Обратный перевод с турецкого:</i>
Кайăк юрри, сын сасси Ян-ян ярать таврана. (...) Шăнкăр-чанкăр тенкисем Йăлтăртатса пыраççĕ. (...) Шăнкăртатса шыв юхать Çуллĕ валак пуçенче. (...) Йăлтăр-ялтăр куçсем Сар хĕр çине пăхаççĕ. (...) Кĕрĕк-кĕрĕк ташласа Пурт урайĕ силленет. (...) Ўсĕр кĕрĕ пуçенче Тĕнче вăр-вар çаврăнать. и т.д.	Кие sesi, insan sesi, Yankılanır her yanda. Çıngır-çıngır takılar, Yıldır-yıldır güçlüy. Çağ zağı su akar, Yısek oluk bağında. İç iç güzlerle, Kızın üzüne bakar. Gımbır gımbır danslarla Düemeler sallanır. Sarhoç güvey bağında Dünya fırlırlı dınbuor.	Кайăк сасси, сын сасси Янăратĕ пур енче. Шăнкăр-шăнкăр тенкĕсем Йăлтăр-ялтăр курăнаç. Шăнкăр-шăнкăр шыв юхать Çуллĕ валак пуçенче. Йăлтăр-ялтăр куçсемпе Хĕр пичĕ çине пăхать. Кĕмсĕрт-кĕмсĕрт ташсемпе Урайĕсем силленеç. Ўсĕр кĕрĕ пуçенче Тĕнче вăр-вар çаврăнать

В целом, турецкий перевод поэмы «Нарспи» сочетает в себе лучшие черты двух видов перевода: с одной стороны, это качественный филологический перевод, с печатью академического формализма с его стремлением передать все элементы формы, с другой же стороны, это высокохудожественный перевод, эмоционально «цепляющий» турецкого читателя благодаря адекватному сохранению магической энергетики и ощущения подлинности оригинала.

В заключение хочется привести хотя бы еще один отрывок из замечательного перевода Эмине Йылмаз:

<i>Оригинал:</i>	<i>Турецкий перевод:</i>	<i>Обратный перевод с турецкого:</i>
Çамки шăтăк – хупăнмĕ, Çĕри татăк – сыпăнмĕ, Пулĕх турă пуринчен Ниенле те иртеймĕ.	Dert yarası kapanmaz, İç yarası yapılmaz. Tandırın verdiğinden Hiçbir zaman kaçılmaz.	Терт суранĕ хупăнмасть, Аш суранĕ сыпăсмасть. Çулти турă панинчен Нихăсан та тарăнмасть.

Л и т е р а т у р а

¹ В примечании Э. Йылмаз указывает, что “по сообщению преподавателя кафедры тюркских языков факультета языка, истории и географии Анкарского университета (Аб DTСF Търк Lehçeleri Вцльть) Ю. Васильева, в год столетия К.В. Иванова поэма была переведена также и на якутский язык» (С. 22).

² *Talat Tekin*. Търкoloji Electirileri. Ankara, 1997. S. 244–245.

³ *Emine Seylan*. Çuvac Atasızleri ve Deyimleri. Çuvaеза-Търкзе Търкзе-Зуваеза Sızlık. Ankara, 1996. 200 s.

⁴ *Emine Seylan*. Зуваеза Зок Zaman Ses Bilgisi. Ankara, 1997. 256 s.

⁵ *Emine Yılmaz*. Зуваеза Зок Zaman Morfoloji. Ankara, 2002. 146 s.

⁶ *Андреев В.* Чăваш чĕлхине халалланă тĕпчев (Исследование, посвященное чувашскому языку) // Тăван Атăл, 1998, № 7-8, С. 70–71; *Чиндыков Б.* Турецкий ученый исследует чувашский язык // Республика, 12 февраля 2003 г. С. 6.

⁷ *Chuvash Manual*, by *John R. Krueger*. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 7. Bloomington. 1961. P. 212–214.

⁸ *An Anthology of Chuvash Poetry*. Compiled and Introduced by *Gennady Aygi*. Translated by *Peter France*. UNESCO Collection of Representative Works. Non-Russian Languages of the USSR Series. Forest Books. London & Boston. 1991. P. 135–137.

⁹ Это явление подробно рассмотрено в работе: *В. Г. Родионов*. Чувашское и тюркское стихосложение. Чебоксары, 1986.

¹⁰ *Боролина И.В.* Хрестоматия по турецкому фольклору. Выпуск 1. М., 1984. С. 30.

¹¹ Там же. С. 51.

¹² Согласно теории уровней эквивалентности, выделяется пять уровней: 1) эквивалентность на уровне языковых знаков; 2) эквивалентность на уровне высказывания; 3) эквивалентность на уровне структуры сообщения; 4) эквивалентность на уровне описания ситуации и 5) эквивалентность на уровне цели коммуникации // *Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. М., 1973. С. 61–74.

¹³ *Петър Хусанкай*. Великий чувашский поэт / *Сырнисен пуххи*. Пиллёмкёш том. Шупашкар, 2005. С. 324.

¹⁴ *Петър Хусанкай*. Здравствуй, Нарспи! / *Сырнисен пуххи*. Пиллёмкёш том. Шупашкар, 2005. С. 392.

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3

© **Е.В. Касимов**. Рец. на: **Революция 1917–1918 гг. в Марийском крае (По материалам уездных съездов крестьянских депутатов). Царевококшайский уезд** / Отв. ред. *А.А. Иванов, С.В. Стариков*; сост. *А.А. Иванов*. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2006. Вып. 1. 232 с. (История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках); **Революция 1917–1918 гг. в Марийском крае (По материалам уездных съездов крестьянских депутатов). Козьмодемьянский уезд** / Отв. ред. *А.А. Иванов, С.В. Стариков*; сост. *А.А. Иванов*. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2007. Вып. 2. 148 с. (История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках).

Материалы уездных съездов крестьянских депутатов имеют большое значение в качестве исторического источника. В них нашли отражение самые насущные проблемы истории 1917–1918 гг.: реорганизация земских учреждений и организация советской власти, попытки решения земельного и продовольственного вопросов, отделение церкви от государства, создание правоохранительных органов, налаживание школьного образования, тяжесть налогообложения и некоторые другие. Ни один исследователь, работающий в русле микроистории, не может обойтись без данного источника, воссоздающего жизнь российской провинции в условиях масштабных социальных потрясений начала XX в.

Отрадно, что А.А. Иванов взялся за такое непростое дело, как введение в научный оборот материалов уездных съездов крестьянских депутатов. Составитель вполне обоснованно прибегнул к практике серийной публикации, где каждое издание посвящено определенному уезду. В результате в 2006 г. увидел свет выпуск документов, посвященных Царевококшайскому, в 2007 г. – Козьмодемьянскому уездам. Сборники документов включают традиционные для съездов номенклатуру архивных материалов: списки и удостоверения делегатов, отношения и объявления исполкомов уездных Советов о созыве съездов, протоколы заседаний и резолюции съездов, доклады и отчеты советских учреждений. Всего в первый сборник включен в хронологическом порядке 71 документ, во второй – 154. Однако документы выпуска, посвященного Царевококшайскому уезду, информационно более насыщены, поскольку во втором сборнике основную массу документов составляют удостоверения делегатов, имеющие слабую источниковую значимость.

Сборники открываются вводными статьями, в которых подробно освещена история уездных съездов крестьянских депутатов: точная дата созыва съездов; исторические условия, в которых протекала их деятельность; доминирование тех или иных политических сил на заседаниях съездов; круг обсуждаемых вопросов и принятые по ним резолюции. Правда, в пер-

Евгений Витальевич К а с и м о в – кандидат исторических наук, докторант Чувашского государственного педагогического университета И.Я. Яковлева.

вом сборнике упущен вопрос о представительности съездов – сколько человек участвовало в работе съездов, какие волости они представляли. Как положительный момент следует отметить наличие в историографическом Предисловии обстоятельного анализа предшествующих археографических изданий, содержащих материалы уездных съездов крестьянских депутатов.

Сборники снабжены разветвленным научно-справочным аппаратом, который включает в себя историографическое и археографическое Предисловия, Список сокращений, Примечания по тексту и содержанию, Именной и Географический указатели, Список использованных источников и Указатель опубликованных документов. В этом перечне особо следует выделить археографическое Предисловие, в котором отражены информационные возможности различных видов документальных материалов и дана оценка сохранности документов. Вместе с тем примечания по содержанию текста охватывают небольшой круг событий и явлений. Так, в сборнике документов по Царевококшайскому уезду желательно было дать в примечаниях пояснения об упоминающихся в документах (№ 20, 39) III Всероссийском крестьянском съезде (С. 59), принудительном налоге на «имущие классы» г. Царевококшайска (С. 67), съезде лесоводов (С. 97) и др. Хотелось бы также надеяться, что в последующих выпусках найдется место и именным Комментариям. Тем более, что в президиумы съездов входили, как правило, члены уездного исполкома, и информация о них в достаточной мере представлена в архивных фондах.

Актуальность и значимость рецензируемых изданий не вызывает сомнений. Оно вводит в научный оборот богатый архивный материал, позволяющий интенсифицировать и поднять на более высокий качественный уровень микроисторические исследования.

ЧГВ, 2007/2008 гг., № 3

© Ю. Дмитриева. Рец. на: **Ryna-Tas András. Kis magyar xsturtínet. A magyarok korai története az őllamalapítósig / Balassi Kiadó, Budapest, 2007. 205.** [Рона-Таш Андраш. Краткая праистория венгров. Ранняя праистория венгров до основания государства. Будапешт: Изд-во Балашши, 2007. 205 с.

Любому народу свойственен интерес к собственной этнической истории. Не исключение в этом отношении и венгры. Вот уже в течение полутора веков они активно изучают свое далекое прошлое. За указанный отрезок времени увидело свет немало научных и научно-популярных работ по этой тематике. У автора рецензируемой книги, видного венгерского востоковеда и тюрколога Андраша Рона-Таша, только в середине 90-х годов XX в. появились на свет две работы, посвященные изучению вопросов ранней истории венгерского народа: «A honfoglaló magyar nép. Bevezetés a korai magyar történelem ismeretébe» (Budapest, 1996) [Венгерский народ в период обретения родины. Введение в раннюю венгерскую историю] и «Hungarians and Europe in the Early Middle Ages» (Budapest–New York, 1999) [Венгры и Европа в раннее средневековье]. Первая его монография адресована в основном преподавателям истории, студентам-историкам и языковедам, вторая – англоязычной читательской аудитории.

Вышедшая в свет в 2007 г. «Краткая праистория венгров» структурно может быть разбита на две части. В первой из них (12 разделов) прослеживается ранняя история венгров от формирования этноса и до X в. – до периода, непосредственно предшествовавшего основанию государства. Вторая часть книги включает иллюстративный и справочный материал (карты, таблицы), своего рода – энциклопедического плана – краткий словарь понятий и терминов ранней истории венгров (С. 99–141), а также подборка материалов по истории этноса.

Юдит Дмитриева – кандидат филологических наук, доцент Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск).

Последняя включает в себя переводы на венгерский язык первичных источников на иностранных языках по рассматриваемому историческому периоду (С. 141–203).

О соприкосновении истории предков венгров с историей предков чувашского народа свидетельствуют многочисленные древнечувашские заимствования венгерского языка. Время и место их заимствования, а также и продолжительность контактов являются ключевыми вопросами для венгерского чувашеведения. Они подлежат уточнению и в данной работе учебного. Им рассматривается связь венгров с сабирами, болгаро-тюрками, хазарами. В «Краткой энциклопедии ранней истории венгров», находящейся в конце книги, дается толкование заглавных слов «Булгары», «Чувашский язык», «Сабиры», «Тюркские языки», «Хазары», «Волжско-булгарская империя».

Автор монографии параллельно с формированием и передвижениями предков венгров описывает и раннюю историю всей евразийской степи (скифы, сарматы, готы, хунны, сабиры, авары и т.д.). Он дает определение многим терминам, в их числе и понятию «прародина». По его мнению, данный термин означает останки древних мадьяр при передвижении к нынешнему месту проживания. Соответственно, им выделяются три венгерские прародины: 1) угорская прародина – на юго-западе европейской части Урала; 2) Донско-Кубанская прародина – начало интенсивных тюрко-венгерских связей с середины VI в. н.э.; 3) прародина в Этелкёзе. Этелкёз, по толкованию венгерских историков, это — междуречье Днепра и нижнего течения Дуная.

Окончательное завоевание венграми нынешних территорий, по мнению ученого, происходило в три этапа между 895–902 г. н.э.

До сих пор волнующий всю венгерскую нацию и историков вопрос об оставшихся на востоке венграх А. Рона-Таш освещает в основном через данные ономастики. Сохранившиеся **в равных местностях антропонимы** *Madzsar, Madjar, Madijar* и т.д. указывают на принадлежность их носителей к венгерскому этносу. Появление восточных венгров он объясняет следующим образом. Группа обитавших в степи венгров не направилась на запад вместе со своими соплеменниками, а пошла на север с волжскими булгарами (С. 35–36). Читатель, интересующийся поисками восточных, «волжских» венгров, может почитать об этом отчеты монаха Юлиана в переводе Д. Дёрфи в хрестоматийной части книги.

В данной монографии автор большое внимание уделяет анализу и критике существующих венгерских летописей, на основе которых сложились различные литературные произведения и которые в значительной степени сформировали общественное мнение по данному вопросу.

Рядовой венгерский читатель может извлечь для себя из этой книги много полезного и интересного. Сами только названия различных ее разделов вызывают любопытство. Обратим внимание, к примеру, на девятый раздел. Он имеет следующее название: «Европа, викинги, арабы и венгерские набеги [на Европу]». Автор книги через лингвистические экскурсы прививает соплеменникам любовь к истории народа. К примеру, мало кому известно подлинное значение слова «*yperenciás*» («*yperencia*»), встречающегося только в начале сказок и в опереттах. Он его расшифровывает с помощью факта из ранней истории венгров. Древние венгры в 900-е годы, совершая набеги и защищая свои границы, переправлялись и через реку Эннс. Границей между венграми и германцами в то время была названная водная преграда. То, что выше, дальше или за пределами Эннс, то есть по-немецки «*ber Enns*», для них казалось сказочным краем. Отсюда происходит и само слово. Соответственно, «*оперенция*» стала означать «сказочный мир Запада». В книге подобные филологические толкования нередки.

В целом новая краткая праистория венгров в изложении А. Рона-Таша лаконично и ясно предоставляет читателю важнейшие сведения и последние разработки по данной теме. Помимо описания исторических событий автор затрагивает не только вопросы терминологии, но и методологии исследований. Он формирование и раннюю историю своего народа рассматривает в контексте мировой истории. Свидетельство этому – хронологические таблицы, в которых параллельно приведены события венгерской и всемирной истории.

Выход монографии А.В. Кузнецова не может не радовать, так как в этой достаточно объемной работе весьма глубоко освещен мало изученный вопрос об одной из наиболее своеобразных граней речевого этикета народов Волго-Уралья, представлены формулы приветствия и прощания в языках указанного региона. Проблема, поднимаемая автором, актуальна, своевременна, интересна, так как традиционный этикет народов данного региона не был предметом специального изучения. Работа заслуживает внимания и по той причине, что она освещает вопросы общелингвистического, этнографического, культурологического планов, рассказывает о специфике грамматического строя, функционирования формул речевого этикета народов данного региона, подробно представляя межязыковые генетические связи, исторические взаимовлияния восьми языков: чувашского, башкирского, татарского, коми (коми-пермяцкий, коми-зырянский), марийского (горномарийский, лугомарийский), мордовского (мокша, эрзя), удмуртского и русского.

Следует отметить, что данное исследование достойно восполнило существующий в тюркологии, славистике, финно-угроведении пробел в изучении формул речевого этикета (ФРЭ). Представленное автором компаративное, контрастивное, этнолингвокультурологическое изучение ФРЭ, мы считаем, должно оправданно стать базой для дальнейших системных исследований ФРЭ генетически родственных и исторически контактировавших языков Волго-Уралья и целого Евразийского региона. Оправданно и то, что объект исследования проанализирован с общекультурологических позиций, иной подход немислим по той причине, что ФРЭ в восточной традиции имели высокопоэтический характер, что в свою очередь добивалось синкретизацией различных по своим особенностям текстов: вербальных, музыкальных, хореографических, акциональных, предметных, временных и многих других. Похвально и то, что ФРЭ в данной монографии весьма тщательно рассмотрены на разных уровнях: слова (лексикологии), синтагмы (синтаксиса), культурологического текста (текстологии).

Работа заслуживает одобрения и по той причине, что в тюркологии, финно-угроведении проблемы лингвистики текста почти не затронуты. Рецензируемая исследовательская работа, по нашему мнению, достойно восполняет указанный пробел. Кроме того, выявляя различия и сходства речевого этикета и сопутствующих ему экстралингвистических элементов этикета, сложившихся в результате взаимодействия языков и культур народов Волго-Уральского региона, обращает внимание ученых на проблему изучения традиций, особенностей вербального и невербального поведения при речевых актах, способствует повышению культуры речи, налаживанию контактов представителей этносов Волго-Уралья. Автор успешно справился с изучением и представлением традиционного этикета народов Волго-Уральского региона. При этом им глубоко осмыслены грани взаимодействия тюркских (чувашского, татарского, башкирского), финно-угорских (марийских, мордовских, удмуртского и коми) языков, восточнославянского (русского) и монгольского этнических сообществ. Изучена литература, освещающая достижения последних десятилетий в изучении речевого этикета и сопутствующих ему внеязыковых средств и актов коммуникативного поведения народов изучаемого региона.

Достойно одобрения и то, что автором подробно изучены и представлены реально существующие в современных (разговорных и литературных) языках исследуемого региона вербальные средства этикетного общения, архивные источники XVIII–XX веков, материалы, добытые в полевых условиях, что сделан шаг к представлению формул речевого этикета в сравнительно-историческом, сопоставительном, этнолингвистическом, семиотическом, лингвокультурологическом аспектах.

Галина Алексеевна Ермакова – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

В целом, работа достаточно глубоко представляет формулы речевого этикета народов Волго-Уралья. Она впервые в тюркологии и финно-угроведении поднимает вопросы этнолингвокультурологического и семиотического подходов к изучению вербальных средств этикетного общения. Сделан шаг к разработке дефиниции «этикетной лексики», «вербальных средств этикетного общения», «формул речевого этикета».

Данная исследовательская работа вполне убедительна и по той причине, что в ней описаны специфические особенности функционирования вербальных средств этикетного общения с учетом половозрастных особенностей общающихся, социально-бытовых особенностей общения, ареально-географических, диалектологических, стилистических особенностей употребления, исторической динамики функционирования вербальных средств этикетного общения.

Заслугой автора является и то, что в монографии разработаны приемы и методы комплексного компаративно-контрастивно-этнокультурологического изучения вербальных средств этикетного общения – недостаточно исследованного пласта специфических коммуникативных единиц Волго-Уральского региона. В плане семантической классификации вербальных средств этикетного общения данная работа представляет общетеоретический интерес как для тюркологов, финно-угроведов, так и для специалистов в области языкознания и славистики в целом.

Ознакомление с монографией «Речевой этикет народов Волго-Уралья» дает возможность получить новые сведения об историческом развитии культуры, этикета и вербальных средств этикетного общения народов Волго-Уральского региона, а также познакомиться с национальным своеобразием традиционного речевого и акционального этикета. Данная работа может быть использована при создании энциклопедических, двуязычных, переводных, отраслевых, толковых, исторических, этимологических словарей, учебников, учебных пособий, методических разработок по проблемам национального этикета.

Монография состоит из трех глав, Введения, Заключения, Списков литературы, Сокращений, имеется Приложение – Краткий словарь речевого этикета народов Волго-Уралья.

Логика построения глав оправдана. В первой главе («Формулы речевого этикета и их функции») рассматриваются формулы речевого этикета, их функции, виды и формы. Представлено это автором достаточно глубоко, коммуникативные ситуации описаны подробно, доказательства выстраиваются на основе анализа множества примеров на должном уровне. Рассматривая вербальные средства этикетного общения (ВСЭО), автор приходит к выводу, что ВСЭО представляют собой функционально-семантическое поле речевых единиц (слов, устойчивых выражений, предложений, текстов) доброжелательного, вежливого общения в разнообразных реальных ситуациях обращения и привлечения внимания, приветствия, извинения, благодарности, поздравления, приглашения, комплимента, прощания и иных ситуациях. Он считает, что ФРЭ в отличие от ВСЭО исключают односложные единицы, но в данном исследовании ВСЭО и ФРЭ использованы как синонимические во избежание частых повторов.

В первом параграфе главы («Формулы речевого этикета: виды и формы») автор, оправданно представив пятнадцать тематических групп ВСЭО, имеющих в русском языке, выделяет двадцать видов ВСЭО, характерных, с его точки зрения, для чувашского языка; он прибавляет к пятнадцати группам, имеющимся в русском языке, еще пять групп: 1(3) «Знакомство», 2(6) «Совет и предложение», 3(17) «Проклятие», 4(19) «Запрет, табу», 5(20) «Тосты, застольные речи».

Правомерно ли включение указанных пяти групп? Нам кажется, что да, ибо включенные формулы речевого этикета характерны для чувашского этноса. Как видим, в число ВСЭО автором включены и пожелания с отрицательной коннотацией. Мы также полагаем, что ВСЭО, выражающие проклятие, необходимо рассматривать в рамках этикетного общения (ЭО), так как они выполняют те же функции в общении, что и ВСЭО с положительной коннотацией.

Множество примеров приведено при представлении ВСЭО чувашского этикета, при этом особое внимание уделено формам вопроса и директивы. При рассмотрении формы вопросительного предложения ВСЭО автором сделан акцент на освещении глагола полной

формы с частицей *-и «ли»* (*ларатӑн-и? – сидишь ли?*), эллиптической формы без частицы *-и «ли»* (*ӗслетӗн? – работаешь?*).

Анализируя форму побудительного предложения, автор рассматривает такие конструкции, как имя существительное + глагол (*Сывлӑх ыйгатӑп! – Прошу здоровья!*), имя прилагательное + имя существительное + глагол (*Ырӑ каҫ пултӑр! – Добрый вечер пусть будет!*) и иные формы.

Автор, опираясь на множество примеров, приходит к достаточно убедительному выводу о том, что ВСЭО в директивной форме, употребляемые для приветствия, не характерны как для чувашского языка, так и для других тюркских и монгольских языков. Большинство ВСЭО данной группы являются приветствиями-вопросами, употребляемыми при встрече. Особый интерес представляют модели прощальных выражений, представленных автором, его вывод касательно форм приветствия в тюркских, монгольских, других восточных традициях, являющихся диалогом, состоящим из ряда вопросов-ответов. Эти модели рассмотрены им в аспекте времени, сделан правомерный вывод о фрагментарности в настоящее время диалогов-приветствий.

Во втором параграфе первой главы («Обусловленность формул речевого этикета различными коммуникативными ситуациями») подробно проанализированы коммуникативные ситуации, формулы речевого этикета в зависимости от данных ситуаций. Автор, опираясь на исследования Э. Сепира, Р. Якобсона, выделяет речевые ситуации, подразделяемые на стандартные и переменные, констатирует точную связь ВСЭО с коммуникативными обстоятельствами, особое внимание уделяя при этом компонентам речевого общения: адресату, адресанту, контексту, сообщению, контакту, коду. В итоге он приходит к оправданному выводу, что формы ВСЭО отличаются национальным и социальным своеобразием.

Вторая глава («Формулы речевого этикета как объекты лингвосомиотического исследования») содержит два параграфа. В них основательно рассмотрены сравнительно-исторический и сопоставительный подходы к рассматриваемому вопросу. Опираясь на труды В.Г. Костомарова, Е.М. Верещагина, В.Е. Гольдина, Н.И. Формановской, автор изложил свою точку зрения относительно освещаемой проблемы. В частности, им замечено, что «многосторонние связи между отдельными финно-угорскими и тюркскими народами начали складываться еще в VII–VIII вв. нашей эры». Похвально и то, что А.В. Кузнецов представляет фонетические варианты отдельных этических лексем, особое внимание при этом уделяя лексеме «*салам*», и приводит интересные сведения касательно данной единицы языка и речи. Заслуживает быть отмеченным фрагмент текста, где рассказывается об употреблении названной лексемы удмуртскими женщинами: они посылали друг другу «*салбмы*» – лоскутки ситца, холста. Этот и другие факты аналогичного ряда, представленные в монографии, свидетельствуют о том, что автор основательно изучил поднимаемую проблему, вникнул в ее тонкости.

Третья глава («Особенности употребления формул приветствия и прощания в языках Волго-Уралья») – основная: включает более 250 страниц текста. В ней рассматриваются особенности употребления формул приветствия и прощания в языках народов Волго-Уралья, в фокусе анализа восемь языков. Все параграфы выстроены по одной схеме: сначала даются краткие сведения о языке, далее освещается речевой этикет, затем – формулы приветствия и прощания; считаем это оправданным построением, ибо это соответствует логике представления ключевой мысли.

Глубоки и содержательны параграфы, посвященные формулам приветствия и прощания. Они содержат интересный материал, представляющий пласт духовной культуры народов. В частности, акцентируя внимание на формуле приветствия чувашей, автор оправданно опирается на приветствия монголов, на диалекты алтайского языка. Основываясь на них, находит сходства, доказывает форму диалога, констатирует заимствования из арабского, персидского и русского языков.

Каждый параграф заканчивается выводами, которые верны, целны, содержательны и представляют видение автора. Монография имеет Список сокращений и Приложение – краткий словарь речевого этикета народов Волго-Уралья. На наш взгляд, созданная А.В. Кузнецовым работа глубокая, вызывает интерес и безусловно заслуживает одобрения.

© **Е.В. Паргеева**. Рец. на: **Музыкальное наследие Ходяшевых в образовательном процессе: Учебно- методическое пособие** / Сост. и педагогич. редакция нотного текста *Х.Н. Ильинской, Л.И. Мироновой*. Научный редактор *М.Г. Кондратьев*. Чебоксары, 2008. 220 с. (Из истории фортепианной культуры Чувашии.)

В 2008 г. в Чебоксарах вышло в свет учебно-методическое пособие «Музыкальное наследие Ходяшевых в образовательном процессе». Авторы этого проекта – пианисты-педагоги Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева Л.И. Миронова и Х.Н. Ильинская. Это первое в фортепианной исполнительской литературе Чувашии нотное издание, которое содержит как собственно фортепианные сочинения Виктора Ходяшева, в их числе и ранее не издававшиеся, так и фото- и письменные материалы о биографии и творчестве выдающегося композитора и его супруги – талантливого музыканта Д.С. Ходяшевой (урожденной Нодель). Подобный опыт был осуществлен в республике лишь в области хоровой литературы – нотный сборник под редакцией М. Цветковой и Г. Никифоровой «Из истории хоровой культуры Чувашии: В. Ф. Вержбицкий» (Чебоксары, 2000).

Композитор, дирижер, педагог и общественный деятель Виктор Александрович Ходяшев (1918–2000) и прекрасная пианистка и педагог Дора Самойловна Ходяшева (1913–2000), создавшие в Чебоксарах свою фортепианную школу, внесли весомый вклад в музыкальную культуру Чувашии. Научный редактор рецензируемого издания доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев в Предисловии «Круговращение ценностей», открывающем сборник, приводит доводы, объясняющие присутствие в названии сборника имен обоих супругов Ходяшевых: «Реально фортепианная культура начинает развиваться в Чувашии с укреплением фортепианного отделения в местном музыкальном училище, что напрямую связано с деятельностью Д.С. Ходяшевой. Этот процесс развернулся уже в послевоенные десятилетия. Он стимулировался развитием как местной концертно-театральной жизни, так и творчества композиторов, среди которых, конечно, заняло важное место творчество В.А. Ходяшева. Переплетение столь многообразных обстоятельств жизни личностей и факторов музыкальной истории и послужило составителям сборника основанием, чтобы соединить материалы о жизни и деятельности Ходяшевых под одной обложкой» (С. 6).

Составителями сборника была проведена плодотворная исследовательско-редакторская работа, результаты которой расширяют представления о музыке композитора, много значившей для культуры Чувашии. До настоящего времени в составе различных сборников была издана примерно половина его произведений, написанных непосредственно для фортепиано. Во вновь вышедшем издании осуществилась первая публикация практически всей второй половины фортепианных сочинений композитора, хранившихся до этого в архивах или бытовавших в исполнительской среде в рукописном виде. Большая часть из них – произведения 30-х годов XX столетия. Кроме того, авторы проекта включили в сборник номера из клавира балета Ходяшева «Чудесная вышивальщица». Весьма важный момент: один из редакторов сборника – Л.И. Миронова – сделала переложение для фортепианного ансамбля двух частей «Фортепианного трио» композитора.

Структура рецензируемого издания хорошо организована: словесный текст начального раздела и визуальный ряд Приложения обрамляют нотное содержимое центральной части сборника. Начальный раздел, кроме Предисловия «Круговращение ценностей» (автор – М.Г. Кондратьев), включает также статью составителей «Выдающиеся личности в музыкальной истории Чувашии». Следующий раздел сборника «Материалы и воспоминания о Доре и Викторе Ходяшевых» составляют статьи и воспоминания их коллег и учеников, отзывы о кон-

Екатерина Викторовна Паргеева – преподаватель кафедры музыкально-теоретических дисциплин и фортепиано Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

церах, посвященных творчеству композитора Ходяшева. Среди материалов особое место занимает фрагмент воспоминаний самого В. Ходяшева о своем учителе Г.И. Литинском (С. 7–10). Он ценен для сегодняшнего читателя тем, что, во-первых, раскрывает механизм преемственности композиторских и педагогических принципов, переданных Учителем и воплощенных и обогащенных талантливым Учеником; во-вторых, он косвенно характеризует и самого рассказчика.

Во вступительной статье составители совершенно справедливо отмечают приверженность композитора к «лучшим традициям классической и национальной музыки» и утверждают, что особый «аромат» его музыки «более всего ощутим в фортепианных миниатюрах» (С. 10). Вместе с тем в настоящем издании нет более подробного анализа представленных произведений с точки зрения музыкального языка композитора, истоков его художественного мировоззрения, хотя очевидно, что в процессе редактирования сочинений Миронова и Ильинская решали для себя эту проблему. При наличии значительного объема материалов, посвященных личностям музыкантов, отсутствие каких-либо характеристик музыки оставляет исследовательскую часть работы незавершенной. Кроме того, такой анализ, несомненно, был бы полезен исполнителям для поисков верной интерпретации произведений.

Основу данного сборника составляют фортепианные миниатюры Ходяшева. Написанные в разные годы Три пьесы, сюита «По родной стране», «Детская сюита», сюита «Серенада», Две чувашские мелодии и добавленный составителями своеобразный дивертисмент из балета «Чудесная вышивальщица» – каждый цикл по-своему передает ощущение автором жизни как стройного целого, прекрасного в своих частностях. Его пьесы рисуют для исполнителя и слушателя небольшие, но яркие образы, в музыке их замечательно переливаются всевозможные оттенки настроений. Аналогичную ситуацию наблюдаем и в Трех фугах и Теме с вариациями. Каждое из трех полифонических произведений и каждая вариация – это настроение, эмоциональная красота. Такая ориентированность опубликованных сочинений композитора на сферу эмоционального и чувственного распространяется также и на его сонатины. Заметим, что две сонатины Ходяшева, включенные в сборник, значительно обогащают национальный исполнительский и педагогический репертуар, состоящий из произведений крупной формы.

Лирическое наполнение музыки Виктора Ходяшева опирается на всепроникающую мелодичность. Мелодический дар в его творчестве «совпал» с любовью к чувашской народной песне. «Ее высокие художественные качества по глубине выражения не уступают лучшим образцам знаменитой русской протяжной песни» – вот слова самого композитора, помещенные М.Г. Кондратьевым в одной из статей раздела «Материалы и воспоминания о Доре и Викторе Ходяшевых» (С. 14). Другой важнейший источник, определивший стиль Ходяшева и отмеченный редакторами, – традиции русской и западной классической музыки. Особое влияние оказало на него наследие романтизма и импрессионизма. Чувашский музыкант воспринял у предшественников также стройность формы и принципы развития материала.

Пьесы сборника раскрывают жанровое разнообразие музыки композитора. Характерное для Виктора Ходяшева частое использование жанра токкаты (в сборнике это «Движение» из сюиты «По родной стране», «Шутка» из «Детской сюиты», Токкатина из «Серенады», токкатные движения в Третьей части Сонатины си минор, в других пьесах) и его интерпретация сближают композитора в этом отношении с К. Дебюсси. Такой специфический для русской и наследовавшей ей советской музыки жанр, как тарантелла, замечательно представлен у В. Ходяшева в «Серенаде», написанной в 1945 году – пьесами Скерцино и Тарантелла. Жанровая направленность музыки композитора обнаруживает склонность автора к запечатлению конкретного характера или настроения. Такое мироощущение художника, с одной стороны, преломило в его творчестве черты импрессионизма, с другой стороны, обогатило его музыку театральной точностью и яркостью. Не случайно им сочинено большое количество театральной музыки.

Несомненно, исполнителей порадует профессиональная редакторская работа авторов сборника. Несмотря на то, что автор сам достаточно подробно выписывал в тексте ремарки к исполнению, редакторами было добавлено немало обозначений, прежде всего, в области педализации (поскольку в рукописях педаль не указана почти нигде), а в отдельных случаях и динамические, и характерные обозначения. Заслуживают отдельной благодарности и Примечания с датами создания и публикаций сочинений композитора: не во всех нотных изданиях исполни-

тель находит информацию о времени написания произведения, между тем это зачастую очень важно для понимания стиля музыки.

В Приложении помещены фотографии, отражающие и творческую деятельность музыкантов Ходяшевых, их личную жизнь. Все это способствует пониманию масштаба личностей музыкантов и качеств, делавших их центрами творческой жизни Чувашии.

В целом авторы данного проекта Л.И. Миронова и Х.Н. Ильинская успешно вышли за рамки нотного сборника, расширив его до научно-практической работы. В названии поставлен подзаголовок «Из истории фортепианной культуры». Тем самым открыта серия подобных нотно-биографических изданий.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

(Виталий Эртиван)

(К 60-летию со дня рождения)

5

октября 2007 г. исполнилось 60 лет известному литературоведу и критику, фольклористу и этнологу, поэту, педагогу и методисту, доктору филологических наук (1993), профессору (1995), заслуженному деятелю науки Чувашской Республики (1997), члену Союза журналистов (1974) и Союза писателей Российской Федерации (1995), заведующему кафедрой чувашского и сравнительного литературоведения (1995) и декану факультета чувашской филологии и культуры (1998) Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова Виталию Григорьевичу Родионову.

В.Г. Родионов родился в д. Хора-Сирма Вурнарского района Чувашской АССР. Окончил Кольцовскую среднюю школу (1966), Цивильское культпросветучилище (1969), историко-филологический факультет Чувашского госуниверситета (1975), целевую аспирантуру при Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (1979).

Трудовую деятельность начал в городе Свердловске на Уральском электроаппаратном заводе в должности стропальщика и токаря, затем работал в родном колхозе помощником комбайнера, методистом Республиканского научно-методического центра народного творчества и культпросветработы Министерства культуры Чувашской АССР (1974), литературным сотрудником Ибресинской районной газеты «Сёнтёрүшён» (1974–1975), вторым секретарем Ибресинского райкома комсомола (1975). Начиная с 1976 г. В.Г. Родионов посвящает себя науке и педагогической деятельности: работает в Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН) в должности научного сотрудника и заведующего отделом литературоведения и фольклористики (1976, 1979–1994), с 1994 г. по настоящее время – в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова: профессор, заведующий кафедрой, с февраля 1998 г. – декан факультета чувашской филологии и культуры; более 15 лет возглавляет Диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «Литература народов Российской Федерации» и «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при вышеназванном факультете.

Глубокое желание проникнуть в проблемы национальной словесности, широта литературоведческих и фольклористических, этнологических и культурологических интересов привели В.Г. Родионова в 1976 г. в столичную аспирантуру. Три года пролетели незаметно. В

январе 1980 г. он успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Чувашское стихосложение и пути его развития». Постигая истоки народной и профессиональной поэзии, Виталий Григорьевич постепенно приходит к мысли о необходимости разработки «теоретических, концептуальных ориентиров изучения художественной словесности» (выражение Г.И. Федорова) родного народа. Скрупулезное исследование своеобразия строфики, метрики и ритмики народного стиха вылилось в докторскую диссертацию на тему «Генезис и эволюция чувашского стиха», которую В.Г. Родионов успешно защитил в 1993 г.

Виталий Григорьевич – автор более 200 научных и учебно-методических работ: им написано и издано 35 учебных пособий и учебников, монографий и научно-популярных трудов. Под его руководством и личным участием подготовлено более 30 сборников произведений устно-поэтического народного творчества и чувашских мастеров художественного слова — Н.Я. Бичурина, Е.И. Рожанского, С.М. Михайлова (Яндуша), М.Ф. Федорова, В.И. Лебедева, В.П. Вишневого, Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова, Н.И. Золотницкого, К.В. Иванова, П.П. Хузангая, С.В. Эльгера и др.

Научные разработки В.Г. Родионова основаны на системном и всестороннем анализе собранного материала. Являясь одним из основателей исторического стиховедения в чувашском литературоведении, ученый своими научными изысканиями и исследованиями во многом помог обогатить чувашскую литературу, фольклористику, этнологию, расширить границы истории развития чувашской литературы. Многочисленные труды Виталия Григорьевича по истории чувашской письменной культуры, выступления на различных научных форумах как в России, так и в ближнем (Украина) и дальнем (Турция) зарубежье по проблемам общетюркской исторической поэтики фольклора и ранних тюркско-финно-угорских фольклорных связей, поистине снискали к нему уважение и авторитет как к видному ученому-филологу, фольклористу и этнологу, крупному знатоку исторического стиховедения народов Урала и Поволжья. Под руководством В.Г. Родионова подготовлены 2 доктора и 15 кандидатов наук.

Чувашское литературоведение и фольклористика 1980-х годов прошлого столетия – это не только период смены научного подхода к методам, жанрам и стилевым особенностям художественных произведений, но и период обновления литературоведческой мысли, творческого поиска и совершенствования научно-критических исследований. Благодаря стараниям В.Г. Родионова и его сподвижников в указанное время удается освободиться от идеологических концептов по отношению к творческому наследию чувашских мастеров художественного слова, вернуть в научный обиход забытые имена и художественные произведения неизвестных писателей и поэтов как XVIII и XIX вв., так и видных мыслителей чувашской словесности первой половины XX столетия, чьи творения ранее находились под запретом. Совсем по-новому и в ином русле стало изучаться творческое наследие Ерема Рожанского, Никиты Бичурина, Виктора Вишневого, Чуваша Хведи, Василия Лебедева, Спиридона Михайлова (Яндуша), Николая Золотницкого, Михаила Федорова, Григория Тимофеева, Николая Ашмарина, Гурия Комиссарова (Вандера), Федора Павлова, Михаила Сеспеля, Алексея Милли, Метри Юмана, Виктора Рзая, Илле Тхти и др. Наряду с известными художниками слова, вставшими на литературную стезю, ученый указывает священнослужителей, представителей интеллигенции и крестьянства, как, например, Василия Якимова, Владислава Ислентьева, Ивана Оточева, Митрофана Дмитриева, Даниила Филимонова, Петра Васильева, Максима Арзамасова и др., чьи произведения в последующем становятся достоянием как для читателей, так и для литературоведов и исследователей.

Свои первые научные шаги будущий ученый предпринимает, работая еще в печатных изданиях. Так, являясь литературным сотрудником Ибресинской районной газеты, он регулярно собирал и публиковал интересные материалы о происхождении сел и деревень Чувашского края, об именах, распространенных среди чувашей, об известных писателях и поэтах, об уроженцах Ибресинского района. К слову сказать, в эти годы Виталий Григорьевич пишет немало прекрасных художественных очерков и стихов, ведет оживленную и дискуссионную переписку с деятелями литературы, культуры и искусства не только нашей республики, но и всего Союза. В указанных письмах живо отразилась литературно-культурная жизнь Чувашии 70–

80-х годов XX столетия. Неутомимый труженик их публикует в 2006–2008 гг. отдельными сборниками: «Этнос. Культура. Слово / Сост. А.Н. Лукина. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 552 с.», «Тёрлĕ тĕрĕллĕ тĕнчем. Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 2007. 188 с.», «Висĕ Савал тăрăхĕ: историпе этнографи очеркĕ. Вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 2007. 216 с.», «Сăвă. Сăмах. Сăнар. Тĕрлĕ сÿлсенче сÿрнисем. Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 2007. 476 с.», «Сÿрусем сÿретнĕ сÿннĕмсем. Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 2007. 428 с.», «Эртиван. Сăвар. Аслă халал. Шупашкар: Чăваш патшалăх ун-чĕн изд-ви, 2008. 140 с.» и др.

Еще одну уникальную особенность отметим у Виталия Григорьевича. Несмотря на свою научно-педагогическую и общественную занятость и загруженность, он инициировал в стенах родного альма-матер издание трудов известных ученых нашего Отечества. В многотомной серии под названием «Памятники словесности – Сăмахлăх палăкĕсем» печатаются рукописи, опубликованные научные статьи, извлечения из воспоминаний, дневников и писем чувашских литераторов, философов, языковедов, других известных чувашеведов XIX–XX вв. На сегодня уже издано 6 книг, в том числе работы Г.И. Комиссарова («О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма / Сост. и примеч. В.Г. Родионова; Предисловие Л.П. Куракова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 528 с.), Н.И. Ашмарина («Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма / Сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 430 с.), В.П. Вишневого («Письменная культура раннего просветительства / Сост. и прим. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 608 с.), Н.И. Золотниченко («Избранные труды: статьи, лингвистические исследования, словари, письма, отчеты, разные документы / Сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 528 с.), Г.Я. Хлебникова («Чувашская литература второй половины XX века / Сост. и автор послесл. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 416 с.») В перспективе читатели могут ознакомиться с литературоведческими трудами М.Я. Сироткина, И.И. Одюкова, В.Я. Канюкова и др.

Виталий Григорьевич Родионов – поистине ученый широкого профиля и с разносторонними интересами. Многочисленные ученики и коллеги Виталия Григорьевича желают ему неиссякаемой энергии и дальнейших творческих успехов на благо родной отечественной науки.

Основные научные труды

О ритмике чувашского народного речитативного стиха // Труды / ЧНИИ. Вып. 77. Чебоксары, 1977. С. 66–83.

Некоторые теоретические вопросы тюркского стихосложения // Филологические науки, 1979. № 6. С. 23–24.

Чувашское стихосложение и тюркская аллитерация // Современные проблемы чувашской литературы // Труды / ЧНИИ. Вып. 103. Чебоксары, 1980. С. 100–114.

Чувашская народная поэзия. Чебоксары: ЧНИИ, 1980. 144 с. В соавторстве.

Чувашское и тюркское стихосложение: Учеб. пособие. Чебоксары: Изд. Чуваш. ун-та, 1980. 80 с.

Об авторстве книги «Чувашские разговоры и сказки» // Вопросы метода, жанра и стиля в чувашской литературе. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 147–158.

Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Чувашский фольклор. Специфика жанров. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1982. С. 54–105.

К образу лебедя в жанрах чувашского фольклора // Там же. С. 150–170.

К вопросу о генезисе чувашского фольклорного стиха // Советская тюркология. Баку, 1982. № 5. С. 28–33.

Новое о деятельности Ермея Рожанского // Актуальные проблемы чувашской литературы. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 157–178.

XI. Фольклор (Г–компонента) и его место в системе этноса. XII. Профессиональная духовная культура (Кр–компонента) // Современные этнические процессы в Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 49–60.

Этнокультурные черты и история бесермян как свидетельства болгаро-чувашской преемственности // Болгары и чуваша. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 140–154.

К вопросу об уровне и характере бытования чувашского фольклора // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 118–124.

К истории создания «Словаря языков разных народов» (1785) // Чувашский язык: история и этимология. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 56–64.

К проблеме общетюркской исторической поэтики фольклора // Вопросы советской тюркологии. Материалы IV Всесоюзной тюркол. конф. Часть 2. Ашхабад, Ылым, 1988. С. 109–113.

Фольклор у чувашей // Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. С. 140–154.

Поэзия тѣпчес ыйтусем // Петѣр Хусанкай. Статьясен пуххи / ЧНТИ. Шупашкар, 1988. 37–47 с.

«Аптраман таврашне» мѣнле сырнӑ? // Савӑнтах. 66–69 с.

Чѣлхе, кѣлѣ тата пил сӑмахӑсем // Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӑ: Тѣпчевсемпе текстсем. Шупашкар: ЧНТИ, 1989. 60–68 с.

К вопросу о национальном самосознании чувашей в конце XIX–начале XX вв. // Вопросы традиционной духовной культуры чувашей. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 63–74.

Чӑваш литература вѣрентӗвӗн малтанхи утӑмӑсем // Чӑваш литератури: поэтикӑпа стиль ыйтӑвӑсем. Статьясен пуххи. Шупашкар: ЧНТИ, 1989. 5–21 с.

Чӑваш литератури йӗркеленӗ тапхӑрсем // Савӑнтах. 24–30 с.

«Чӑваш сырӑвӗн ушкӑнӗ» // Савӑнтах. 41–60 с.

Юман Мѣтри – поэт // Савӑнтах. 112–127 с.

Энергия, воплощенная в слове // Сеспель М.К. Собрание сочинений: Поэзия, проза, драматургия, письма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 8–45.

Революционерчи чӑваш литератури (XX ӗмӗрчен). Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 1989. 302 с. (А.В. Васильева).

О системе чувашских языческих обрядов // Чувашская народная поэзия. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 3–64.

Генезис и эволюция речевого стиха // Там же. С. 65–109.

По пути к храму // Бичурин (Иакинф) Н.Я. Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. С. 3–22.

К проблеме исторического взаимодействия чувашского язычества и христианства // Проблемы письменности и культуры. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 3–14.

Хроника общественно-культурной жизни чувашского народа XVIII–середины XIX вв. // Там же. С. 109–119.

К тайнам народной стихии // Павлов Ф.П. Собрание сочинений: Поэзия, драматургия, проза, очерки, статьи, письма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. С. 8–34 (с К.Д. Кирилловым).

Чувашский стих: Проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 224 с.

Чӑваш этносӗн аталану тапхӑрӑсем (Этапы развития чувашского этноса) // Сӑмах. Слово, 1993. Тѣпчевсемпе текстсем. Шупашкар: ЧНТИ, 1994. 3–19 с.

К вопросу о ранних тюркско-финно-угорских фольклорных связях // Там же. С. 70–74.

Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӑн пуххи: Проспект // Савӑнтах. 80–84 с.

Кӗрхи сӑлтӑр // Элкер С.В. Хурапа шуӑ. Тӗрлӗ вӑхӑтра сырнисем. Проза, поэзи, аса илӑсем, кун кӗнекинчен, сырусем, калавсем. Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 1994. 6–20 с.

Литература пӗлӗвӗн кӳртӗмӗ. Шупашкар: Чӑваш ун-чӗ, 1996. 60 с.

Текстологи кӳртӗмӗ. Шупашкар: Чӑваш ун-чӗ, 1999. 76 с.

Михаил Федоров: «Арсури» ӑнлантарӑвӗ. Шупашкар: Чӑваш ун-чӗ, 1999. 75 с.

К.В. Иванов хайлавӑсен пултаруӑхлӑ историйӗ. Шупашкар: Чӑваш ун-чӗ, 2000. 36 с.

Очарованная мудростью народной // Фольклорист Е.С. Сидорова: к 70-летию со дня рождения (Биобиблиографический справочник). Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 13–23 (с Н.И. Егоровым).

Игнатий Иванов: Пултаруӑх портречӗ, сырнисем. Шупашкар: Чӑваш ун-чӗ, 2001. 80 с.

Словесность в национальной школе // Народная школа, 2001. № 2. С. 44–49.

Проблемы развития личности человека и чувашская этнокультурная традиция // Семья в России, 2001. № 1. С. 73–83.

Чăваш литератури: Хрестомати: Вăтам шкулăн 10-мĕш класĕ валли. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. 431 с. (Э.И. Родионовăпа).

Григорий Тимофеев (1878–1937) // Тимофеев Г.Т. Тăхăрьял: Этнографи тĕрленчĕксем. Халăх сăмахлăхĕ. Ырса пынисем. Ырусемпе аса илÿсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. 5–13 с.

Виктор Вишневский и этапы становления чувашской письменной культуры. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2004. 48 с.

Об основных периодах жизни и творчества В.П. Вишневого // Актуальные проблемы чувашского языка и литературы / Сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф. 25–27 ноября 2004 г. Стерлитамак: Стерлитамакская государственная педагогическая академия, 2004. С. 220–230.

Особенности литературогенеза народов Урало-Поволжья // Ашмаринские чтения. Материалы межрегиональной конференции, 21–22 октября 2004 г. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. С. 137–147.

Илле Тăхти: «Помидор». Пĕр калав тишкерĕвĕ. Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 2005. 32 с.

Чувашская литература в национальной школе // Проблемы межкультурных контактов и модернизации филологического образования в национальной школе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 25–26 октября 2006 г. Йошкар-Ола, 2006. С. 115–121.

В.А. Ендеров.

СЕРГЕЕВ ТИХОН СЕРГЕЕВИЧ

(К 70-летию со дня рождения)

Доктором исторических наук, профессором кафедры истории Отечества Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, заслуженным работником культуры Чувашской Республики Тихоном Сергеевичем Сергеевым достойно, с пользой для общества пройден большой этап жизненного пути.

Родился он в д. Новые Маеи Канашского района 28 февраля 1938 г. С ранних лет в нем проявилась тяга к знаниям. В 1944 г., когда Тихону было всего шесть лет, он по собственной инициативе пошел учиться в Новомамеевскую семилетнюю школу. Окончив ее с отличными оценками в 1951 г., поступил в Цивильское педагогическое училище.

Следующий этап восхождения Тихона Сергеевича по учебным ступенькам – это историко-филологический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева, в котором он учился на историко-русском отделении с 1955 по 1960 гг. В годы учебы Т.С. Сергеев был музыкантом духового оркестра (играл на теноре и трубе), участником художественной самодеятельности, занимался туризмом, писал стихи. Регулярно занимался бегом на длинные и сверхдлинные дистанции, стал кандидатом в мастера спорта СССР по легкой атлетике, неоднократно занимал призовые места на различных соревнованиях. Т.С. Сергеев – участник освоения целинных земель.

Уже в студенческие годы сформировался интерес Т.С. Сергеева к проблемам истории культуры родного края и страны. Тогда же им были сделаны первые научные разработки. После окончания института Т.С. Сергеев отслужил два года в армии. Затем, проработав год учителем средней школы № 4 г. Чебоксары, Тихон Сергеевич сдал экстерном экзамены за первый курс аспирантуры. В 1963–1965 гг. он учился в очной аспирантуре при кафедре истории СССР Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (МГПИ). В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Культурное строительство и формирование социалистического быта в чувашской деревне в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.)» и был направлен на работу на кафедру истории Чувашского пединститута. Здесь

преподавал историю в течение двух с половиной лет, вплоть до перевода исторического факультета ЧГПИ в 1967 г. во вновь созданный Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, ставший со временем центром науки и культуры республики.

В стенах Чувашского государственного университета Т.С. Сергеев трудился 33 года, пройдя путь от старшего преподавателя до профессора. Наряду с преподавательской деятельностью, им проводилась большая общественная и административная работа. Научная деятельность – целая веха в жизни Т.С. Сергеева. Свыше сорока лет он посвятил изучению истории культуры Чувашии, Поволжья, России нового и новейшего времени. По данной проблеме им опубликовано свыше 400 работ, в том числе 20 монографий и брошюр (из них 6 в центральных изданиях), около 30 учебных и учебно-методических пособий. Изданные Т.С. Сергеевым работы используются во всех типах учебных заведений Поволжья в качестве материалов по истории родного края. Он выступил с научными докладами и сообщениями на 180 международных, всесоюзных, всероссийских, региональных и межвузовских конференциях. Закономерным итогом исследовательской работы стала успешная защита им в 1991 г. в Уральском государственном университете (г. Екатеринбург) докторской диссертации на тему «Культура Чувашии (1917–1990 годы)». В ней автор одним из первых среди историков Поволжья предпринял попытку перехода от так называемого «отраслевого» подхода к изучению вопросов истории культуры комплексно.

В диссертации, монографических работах, учебных пособиях и многочисленных научных статьях, на основе широкого круга опубликованных и архивных источников, освещены основные этапы формирования и развития культуры чувашского народа. Просветительская деятельность И.Я. Яковлева и И.Н. Ульянова, просвещение народов Поволжья и Приуралья на рубеже XIX–XX вв., развитие советской общеобразовательной и профессиональной школы, ликвидация неграмотности среди взрослого населения, подготовка специалистов народного хозяйства в средних специальных и высших учебных заведениях, развитие науки и национального искусства, деятельность культурно-просветительных учреждений Советской Чувашии и развитие средств массовой информации, история Национальной библиотеки Чувашской Республики – вот лишь небольшой перечень аспектов истории культуры Чувашии и чувашского народа, всесторонне отраженных в работах ученого. В изданной в 2001 г. «Краткой чувашской энциклопедии» из трех тысяч статей 150 принадлежат перу Т.С. Сергеева. Он продолжает сотрудничать с творческим научным коллективом Чувашского государственного института гуманитарных наук по созданию многотомной «Чувашской энциклопедии» в качестве одного из отраслевых редакторов. В первом томе энциклопедии увидели свет 44 его статьи.

В статьях и заметках, опубликованных на страницах таких центральных журналов, как «Вопросы истории», «История СССР» (ныне «Отечественная история»), «Советская педагогика» (ныне «Педагогика»), «Народное образование», «Волга», «В мире книг», а также в местных журналах «Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики», «Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева», «Марийский археографический вестник», «Халăх школĕ» (Народная школа), «Тăван Атăл» (Родная Волга), «Ялав» (Знамя), в республиканских газетах, радио- и телепередачах Т.С. Сергеев поднимает и анализирует на современном уровне актуальные проблемы духовной жизни общества, и в первую очередь – просвещения.

Т.С. Сергеев является одним из ведущих библиографов республики: он стал инициатором систематического библиографического описания и публикации всех вышедших в свет книг, брошюр, сборников, журнальных и газетных статей по истории Чувашии в виде научно-вспомогательных указателей литературы.

С первых дней существования Чувашского государственного университета (1967), которому было присвоено имя известного русского педагога-демократа и просветителя И.Н. Ульянова, Т.С. Сергеевым в течение четырех лет проводилась кропотливая исследовательская работа по созданию при университете музея И.Н. Ульянова. С тех пор он в течение трех десятилетий оставался бессменным научным руководителем этого очага культуры. Также Т.С. Сергеев принимал деятельное участие в организации музея народного образования Чувашии, музея-мемориала И.Н. Ульянова в с. Ходары Шумерлинского района, Ибресинского районного музея этнографии под открытым небом, целого ряда школьных музеев.

В октябре 2000 г. профессор Т.С. Сергеев возглавил вновь созданную кафедру отечественной истории и права Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. Таким образом, через 33 года работы в Чувашском госуниверситете, он снова вернулся в родной вуз, где вел когда-то преподавательскую работу в течение двух лет. С 2006 г. Тихон Сергеевич работает профессором кафедры истории Отечества, является членом Совета исторического факультета.

В последние годы Т.С. Сергеев активно участвует в подготовке и аттестации научно-педагогических кадров. Он являлся членом Диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Чувашском госуниверситете и Диссертационного совета по присуждению ученой степени кандидата педагогических наук при Чувашском педагогическом университете.

Руководимая профессором Т.С. Сергеевым тема «Народное образование среди чувашей и в Чувашии в XVIII–XX веках», к разработке которой подключена кафедра истории Отечества, входит в государственную научно-исследовательскую программу «Университеты России: возрождение и развитие». По этой проблеме под руководством Т.С. Сергеева один соискатель защитил докторскую, шесть – кандидатские диссертации. Теперь у профессора Т.С. Сергеева своя научно-педагогическая школа.

Большую пропагандистскую военно-патриотическую работу продолжает он в качестве заместителя председателя совета ветеранов педагогического университета. Т.С. Сергеев – непременный участник многих общественно-политических мероприятий. По своей возрастной группе он в течение многих лет держит первенство в традиционных лыжных гонках и легкоатлетических кроссах, проводимых среди сотрудников вуза, принимает участие в соревнованиях по шахматам и шашкам.

За добросовестную научно-педагогическую и общественную работу Т.С. Сергеев награжден медалями «За освоение целинных земель» (1957), «Ветеран труда» (1987), «100 лет профсоюзам России» (2005), Почетными грамотами Чувашского обкома КПСС и Совета Министров Чувашской АССР (1986) и Государственного Совета Чувашской Республики (2003). Он удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры Чувашской АССР» (1990) и нагрудного знака «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2008). За серию статей по истории народного образования в Чувашии ему вручена премия им. Н.Я. Бичурина, учрежденная Национальной академией наук и искусств Чувашской Республики. Т.С. Сергеев – член Союза журналистов России (2000). Имя Тихона Сергеевича занесено в Internet-энциклопедию «Выдающиеся ученые России», созданную Российской академией естествознания (РАЕ), и в книгу «Ученые России» (М.: Академия естествознания, 2007. Т. III).

Основные научные труды

Старые и новые Ходары (Историко-этнографический очерк). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 52 с.

Создание национальных кадров для сельского хозяйства и их роль в подъеме культурно-технического уровня чувашского колхозного крестьянства в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.) // Ученые записки Чуваш. гос. пед. ин-та. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. Вып. 28. С. 121–140.

Из истории осуществления начального всеобуча в Советской Чувашии // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1970. С. 27–42.

К вопросу о культурном строительстве и формировании социалистического быта в чувашской деревне в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.) // Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР. Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1970. С. 36–42.

Ульяново-яковлевские традиции в Ходарской средней школе Чувашской АССР // И. Я. Яковлев и его школа. Ученые записки Чуваш. гос. пед. ин-та. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. Вып. 33. С. 182–194.

Илья Николаевич Ульянов и просвещение народов Поволжья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1972. 29 с.

Детище педагога-демократа И.Н. Ульянова (К 100-летию Порецкой учительской семинарии). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 64 с.

Илья Николаевич Ульянов и просвещение чувашского народа: Указатель литературы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 81 с.

И.Я. Яковлев и Ходарская школа // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1973. С. 121–133.

Роль партийных и советских органов в организации охраны здоровья населения в период голода 1921–1922 гг. и ликвидации его последствий // Вопросы социальной гигиены и организации здравоохранения. Сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1976. Вып. 1. С. 8–15.

Из истории высшего образования в Чувашии // Вопросы воспитания и обучения студентов вуза. Сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1976. Вып. 2. С. 3–11.

Культурное строительство в Советской Чувашии в годы предвоенных пятилеток (на материалах колхозной деревни). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. 192 с.

История изучения вопросов культурной революции в Чувашии // Вопросы истории культурного строительства в Чувашии. Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 102. С. 143–158.

Развитие социалистической культуры Чувашии: Научно-вспомогательный указатель литературы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 124 с.

Социалистическая культура Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 160 с.

Формирование научно-атеистического мировоззрения учащихся в ходе изучения темы социалистического преобразования деревни в 30-х годах // Вопросы научно-технического воспитания в школе и семье. Сб. статей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. С. 62–75.

Подготовка специалистов средней и высшей квалификации в Чувашской АССР в 1961 – 1980 гг. // Культурное строительство в Чувашской АССР на этапе развитого социализма. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 77–92.

Вклад трудящихся Горьковского края в просвещение и культуру нерусских народов региона в период строительства социализма // Социалистическая революция и социалистическое строительство в Волго-Вятском регионе. Межвуз. сборник. Чебоксары: Изд-во ЧувГУ, 1985. С. 92–101.

Музей И.Н. Ульянова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1988. 15 с.

Культура Советской Чувашии. К 70-летию автономии республики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 335 с.

Страницы истории высшей школы Чувашии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. 190 с. В соавторстве.

Ликвидация неграмотности населения. Развитие общеобразовательной школы // Из истории культуры Чувашии. 1917–1985 / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 4–48. В соавторстве.

Подготовка кадров массовых профессий и специалистов со средним и высшим образованием // Из истории культуры Чувашии. 1917–1985 / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 49–84. В соавторстве.

Академик В.Д. Димитриев (В связи с 70-летием со дня рождения) // Вестник Чувашского университета, 1995. № 1. С. 128–132. В соавторстве.

Родник знаний и культуры (К 125-летию Порецкой учительской семинарии и 40-летию школы-интерната им. И.Н. Ульянова). Чебоксары: Клио, 1997. 64 с.

Изучение дореволюционного культурного наследия Чувашии // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 1997. № 1. С. 14–23.

Изучение истории культуры Чувашии новейшего времени // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 1998, № 1. С. 115–132.

Факел знаний (К 125-летию Порецкой учительской семинарии и 40-летию школы-интерната им. И.Н. Ульянова). Екатеринбург; Чебоксары: УралНАУКА, 1998. 147 с. В соавторстве.

Вклад трудящихся Горьковского края в просвещение и культуру нерусских народов региона в 1929–1936 гг. // Марийский археографический вестник, 1999. № 9. С. 126–132.

Храм мой – библиотека. История становления и развития Национальной библиотеки Чувашской Республики. Чебоксары: НБ ЧР, 1999. 146 с.

Канашцы – доктора наук. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 168 с.

Народное образование среди чувашей России и в Чувашской Республике в 1918–1928 годах: к историографии проблемы // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 2000. № 2. С. 48–55.

Подготовка боевых резервов Красной Армии в годы Великой Отечественной войны через курсовую систему обучения (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской республик) // Марийский археографический вестник, 2000. № 10. С. 121–132. В соавторстве.

Вопросы историографии, истории образования, науки и культуры Чувашии. Чебоксары: ЧГПУ, 2000. 232 с.

Горизонты сельской школы (К 130-летию Ходарской школы имени И.Н. Ульянова). Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 308 с.

Развитие культуры Чувашии (1981–1990 гг.): Научно-вспомогательный указатель литературы. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 224 с. Один из составителей.

Историки Чувашии – доктора наук: Учебное издание. Чебоксары: ЧГПУ, 2002. 171 с.

Из истории ликвидации неграмотности среди взрослого населения Чувашии в 1928–1941 годах // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 2002. № 3. С. 52–66. В соавторстве.

Возрожденный исторический (К 75-летию ЧГПУ им. И.Я. Яковлева): Научное издание. Чебоксары: ЧГПУ, 2005. 398 с. В соавторстве.

Художественная интеллигенция Чувашии в 1920–1941 гг.: Монография. Чебоксары: ЧГПУ, 2005. 205 с. В соавторстве.

Школа поисков и инноваций: к 70-летию Чебоксарской гимназии № 4. Чебоксары: ЧГПУ, 2006. 386 с.

Чувашская областная организация КПСС: Хроника 1898–1991. В 2-х кн. Кн. 2 (1956–1991). Чебоксары: Чуваш. респ. отд-ние КПрФ, 2007.

Научно-педагогическое наследие И.Н. Ульянова и современность: Историография проблемы и анализ источников // Известия Академии наук Чувашской Республики, 2008. № 1. С. 137–156.

О времени, о себе (О былых годах в прозе и стихах). Чебоксары: Новое время, 2008. 272 с.

В.Д. Димитриев, Е.В. Касимов.

ПОГОДИН ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ

(К 50-летию со дня рождения)

6

марта 2008 г. исполнилось 50 лет со дня рождения исследователя истории Чувашии, кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Научно-исследовательского института теоретических и прикладных проблем кооперации Российского университета кооперации Евгения Петровича Погодина.

Е.П. Погодин родился в г. Бугульма Татарской АССР. В 1975 г. окончил среднюю школу № 1 в г. Мариинский Посад Чувашской АССР, в 1981 г. с отличием – историческое отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. С первого по пятый курс пытливым молодой человек являлся активным участником студенческого научного общества. Любовь к историческому источнику и упорный труд позволили ему сделать еще в студенческие годы первое собственное научное открытие – аргу-

ментированно обосновать более раннюю дату образования комсомольской ячейки в г. Мариинском Посаде. Научными наставниками начинающего исследователя стали кандидат исторических наук, доцент В.Н. Любимов и известный архивист-историк В.А. Нестеров. В 1978 г. Е.П. Погодин стал победителем Всероссийского конкурса студенческих научно-исследовательских работ (диплом 1-й степени). За время учебы в университете дважды награждался почетным знаком ЦК ВЛКСМ и Министерства высшего и среднего специального образования СССР «За отличную учебу» (1978, 1979).

После окончания университета как талантливый выпускник вуза Е.П. Погодин был приглашен на работу в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук: ЧГИГН): стал трудиться в отделе истории. Молодому научному сотруднику была поручена для разработки малоисследованная тема – социально-экономическая история Чувашского края в XIX в. Кропотливая работа над ней вылилась в ряд содержательных статей: о состоянии сельскохозяйственного производства, землевладении и землепользовании, социально-экономическом развитии городов и др. Одновременно Е.П. Погодин возглавлял работу комсомольской организации института. Преуспел и на данном поприще – за хорошую организацию работы в коллективе в 1983 г. удостоился чести в составе партийно-комсомольской группы посетить Францию.

В 1984 г. был направлен в очную целевую аспирантуру Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. Оказавшись в гуще исследовательской стихии – Л.Е. Шепелев, А.Н. Цамутали, Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.С. Дякин, Б.Н. Миронов, В.Н. Гинев, В.Г. Чернуха и др., трудолюбивый чувашский аспирант в течение трех лет с большим рвением, настойчиво покорял научный Олимп: штудировал литературу в научных библиотеках, выявлял и выписывал в богатейших архивных фондах города исторические источники, выступал на заседаниях сектора истории с научными докладами и т.п. Ленинградским ученым он запомнился как скромный, эрудированный исследователь, настроенный на бесконечное погружение в суть явлений.

В 1994 г. Е.П. Погодин успешно защищает кандидатскую диссертацию по теме – «Социально-экономическое развитие Чувашии в первой половине XIX века» (научный руководитель – доктор исторических наук Л.Е. Шепелев). Проведенный анализ позволил ему сделать вывод, что экономика Чувашского края в дореформенное время находилась на стадии мелкотоварного, полунатурального хозяйства. По его мнению, она была «маловосприимчива к радикальным изменениям форм хозяйствования».

С января 1988 г. по август 2003 г. и с июля по декабрь 2007 г. Е.П. Погодин работал старшим научным сотрудником отдела истории ЧГИГН. С августа 2003 г. по август 2007 г. – заведующим кафедрой информационно-экскурсионной деятельности Филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г. Чебоксарах. С марта 2008 г. Е.П. Погодин работает ведущим научным сотрудником НИИ теоретических и прикладных проблем кооперации Российского университета кооперации (г. Москва).

Диапазон научных интересов Е.П. Погодина весьма широк – он успешно занимается проблемами экономической, культурной, социальной истории. Исследователь основательно изучает историю Чувашии. В монографии «Агропромышленный комплекс: теория, финансы, анализ исторических и современных тенденций, перспектив развития» (2007, в соавторстве), а также в целом ряде статей им сделаны важные выводы об экономическом, социальном, культурном, политическом развитии Чувашии. Заметным явлением в научном изучении истории городов Чувашии явилась его монография «Город Новочебоксарск: Исторический очерк. 1960–2005 гг.» (2006; в соавторстве). Она впервые в систематизированном виде дает изложение истории г. Новочебоксарска со дня его основания до 2005 г. Становление, развитие и современное состояние одного из самых молодых городов Поволжья, будни горожан со всеми их заботами и радостями воссоздаются в книге с документальной точностью. Е.П. Погодин – автор ряда статей в «Краткой Чувашской энциклопедии» и в многотомной «Чувашской энциклопедии». В настоящее время его перу принадлежат более 100 научных и учебно-методических трудов. Он регулярно выступает на международных, всероссийских и региональных конференциях.

Е.П. Погодин является редактором научно-теоретического журнала «Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики». В редакционной работе, как и во всем, прослеживается его взыскательный и в то же время творческий подход, научная направленность, критическое отношение к изложению фактов.

Евгений Петрович полон новых творческих замыслов, неизменно приветлив, всегда готов прийти на помощь. Дорогу осилит идущий.

Основные научные труды

Сельскохозяйственное производство в Чувашии в первой половине XIX в. // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 3–22.

Землевладение и землепользование в Чувашии в первой половине XIX в. // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 3–19.

Социально-экономическое развитие городов Чувашии в первой половине XIX в. // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 34–45.

Состав и динамика сельского населения Чувашии в первой половине XIX в. // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 48–63.

Сельскохозяйственное производство в Чувашии в первой половине XIX в. // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Сб. статей. Казань, 1986. С. 80–88.

Некоторые спорные вопросы демографического развития дореволюционной Чувашии // Социально-экономическое развитие Чувашии в период капитализма. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 5–17.

Промышленность Чувашии в первой половине XIX в. // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 52–82.

Подати и повинности помещичьих крестьян Чувашии в первой половине XIX в. // Состав и положение населения Чувашии в XVIII–начале XX вв. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 34–48.

Реформа 1863 года и земельное устройство удельных крестьян Чувашии // Исследования по дореволюционной истории Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 76–97.

Из истории брака чувашских крестьян (первая половина XIX в.) // Из истории дореволюционной Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 55–80.

Форма, численность и структура чувашской семьи первой половины XIX в. // Из истории дореволюционной Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 81–103.

Отчеты губернаторов как источник для изучения поголовья домашнего скота в середине XIX в. // Из истории Чувашии последней четверти XVIII–первой половины XIX веков. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1993. С. 43–60.

Урожайность зерновых культур в чувашских уездах Казанской губернии в первой половине XIX в. // Из истории Чувашии последней четверти XVIII–первой половины XIX веков. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1993. С. 61–83.

О некоторых мерах правительства по развитию культуры и быта чувашских удельных крестьян в середине XIX в. // Из истории аграрных отношений Чувашии и Среднего Поволжья в XIX–XX веках. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. С. 14–28.

История Чувашской Республики. Библиографический указатель. Чебоксары, 1996. 401 с. Один из составителей.

Имущественное положение чувашских и русских казенных крестьян в середине XIX в. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. Вып. 1. С. 47–69.

Предпринимательство в Чувашии в первой половине XIX в. // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: Материалы научной конференции. Чебоксары, 23–24 июня 1997 г. Чебоксары, 1998. С. 32–49.

Об историзме в изучении истории чувашского народа // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары: Чувашия, 1999. С. 71–87.

Исторические исследования // Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 1930–2000. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 117–141.

Торговля в Чувашии в первой половине XIX в. // Поволжье в системе всероссийского рынка: История и современность. Материалы научной конференции. Чебоксары, 5–6 октября 1999 г. Чебоксары, 2000. С. 31–52.

Динамика численности гильдейского купечества Чувашии в 1763–1859 гг. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. Вып. 2. С. 43–73.

Предпринимательский потенциал нерусской деревни Среднего Поволжья (XVII–XX вв.) // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Сб. материалов VI региональной науч. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 151–161.

Торгово-промышленный класс Чувашии и процессы социализации, национализации и муниципализации в Чувашии в 1917–1920-х годах // Мир предпринимательства Поволжья в исторической ретроспективе: Материалы научной конференции. Чебоксары, 15–16 ноября 2001 г. Чебоксары, 2002. С. 230–241.

Историческое мировоззрение Н.В. Никольского (в советский период его деятельности) // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского: Материалы науч. конф. Чебоксары, 2002. С. 21–27.

Психологический образ Н.В. Никольского. Некоторые наблюдения // Народная школа, 2003. № 3. С. 117–118.

Промышленная деятельность купцов Чувашии во второй половине XVII–первой половине XIX вв. // Основные аспекты трансформации постсоветского пространства в условиях полиэтнического региона. Сб. статей / ЧГУ. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 142–189.

Промышленное предпринимательство купцов Чувашии в конце XVII–первой половине XIX веков // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2004. Вып. 3. С. 30–75.

Петр Григорьевич Григорьев: штрихи к научной биографии историка // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2004. Вып. 3. С. 195–206.

Купеческая винокуренная промышленность Чувашии в последней четверти XVII–первой половине XVIII веков // Социально-экономическое развитие Чувашии: теория и практика. Сб. статей / ЧГПУ. Вып. 4. Чебоксары, 2004. С. 67–71.

Сельскохозяйственные занятия купечества Среднего Поволжья в XVII–начале XX вв. // Крестьянство и власть Среднего Поволжья: Материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 21–23 мая 2003 г.). Саранск, 2004. С. 217–223.

Город Новочебоксарск: Исторический очерк. 1960–2005 гг. Монография. Чебоксары, 2006. 256 с. В соавторстве.

Бюджет чувашской семьи в середине XIX века // Архивный вестник Чувашии. Чебоксары: Чуваш. респ. отд-е Рос. о-ва историков-архивистов, 2006. С. 43–52.

Подряды и откупа купцов Чувашии в XVII–XIX веках // Чувашский гуманитарный вестник, 2007. № 1. С. 3–22.

Правовые условия предпринимательской деятельности в российской дореформенной деревне // Труды Института крестьяноведения Южного Урала им. В.П. Данилова. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. Вып. 2. С. 20–25.

Агропромышленный комплекс: теория, финансы, анализ исторических и современных тенденций, перспектив развития. Монография. Чебоксары: Руссика, 2007. 153 с. В соавторстве.

Исторические и современные тенденции развития агропромышленного комплекса в Чувашии // Научное наследие А.В. Чайнова и современная кооперация. Материалы Междунар. науч.-практ. конф.: Сб. науч. статей. М.: Российский университет кооперации, 2008. С. 107–117. В соавторстве.

Г.А. Николаев.

ЮМАРТ ГЕННАДИЙ ФЕДОРОВИЧ

(К 70-летию со дня рождения)

Геннадий Федорович Юмарт больше половины жизни отдал науке. Известен как научный редактор, фольклорист и литературовед.

Родился он 5 мая 1938 г. в д. Задние Карыки Красноармейского района Чувашской АССР. В 1955 г. окончил среднюю школу, в 1961 г. – Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева. Получив специальность учителя чувашского и русского языков и литератур, четыре года проработал в школах Самарской области. В 1965 г. вернулся в Чебоксары и начал работать в книжном издательстве: сперва – корректором, затем – редактором художественной литературы.

С 1970 г. – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН). Работал в отделе литературоведения и фольклористики до 2000 г. Затем 6 лет был доцентом кафедры чувашской литературы Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова. С 2004 г. снова начинает сотрудничать с отделом литературоведения и фольклористики ЧГИГН. Его плодотворная и активная работа на научном поприще отмечена званием «Заслуженного работника культуры Чувашской Республики». Он является лауреатом Чувашской государственной премии им. К.В. Иванова, а также других литературных и общественных премий: Педера Хузангая, Васyleя Митты, Николая Янгаса. Г. Юмарт – участник международных конференций, различных юбилейных торжеств, посвященных Янке Купале, Максиму Богдановичу в Минске, Кришьену Борену и Яну Райнису в Риге. Был инициатором создания Чувашского отделения белоруссисов в Чебоксарах.

Интерес пытливого юноши к исследовательской работе проявился еще в студенческие годы. Он часто выступал с докладами и сообщениями на научных конференциях. Его любимыми жанрами становятся рецензии и обзоры, которые он охотно публикует в газетах и журналах республики.

Научные изыскания Г.Ф. Юмарта охватывают широкий круг проблем. Основные из них следующие: поэзия разных народов и литературные взаимосвязи; вопросы развития чувашской литературы; чувашское устное народное творчество. Большинство его статей написано в форме литературных портретов. В них, посвященных поэтам других народов, Г. Юмарт стремится как можно больше указать влияние других литератур на чувашскую. Он любит систематизировать накопленный им материал, широко использует историографические и библиографические сведения. Особенно это хорошо видно из его книги «Пушкин чăвашла янăраť» (Пушкин звучит на чувашском). В серии статей, посвященных литературным связям разных народов, исследователем использованы и переводы мировой литературы на чувашский язык, и издания произведений чувашских писателей на других языках, и труды по культурным взаимосвязям. В них дается широкая картина литературных взаимосвязей XIX–XX вв.

В научных исследованиях по истории чувашской литературы Г.Ф. Юмартом рассматриваются пути развития лирической поэзии, становление и развитие его жанровых видов 1917 г., развитие прозы. Так, им впервые более подробно описана сюжетная канва утраченного романа М. Сеспеля «Таркăн» (Дезертир). В своих изысканиях Г. Юмарт, как правило, вводит в научный оборот новые сведения. Благодаря именно его стараниям всплыло из архивной пыли немало стихотворений XIX и начала XX вв.

Не без кропотливого труда нашего юбиляра вышли в свет книга о дореволюционной чувашской литературе «Революциченчи чăваш литератури» (в двух томах), собрания произведений чувашских писателей Г. Тимофеева, И. Тхти, К. Иванова, М. Сеспеля, В. Митты. (Впоследствии эти солидные издания во многом помогли обогатить учебные пособия для чувашских школ.) Названная работа велась в содружестве с А.В. Васильевым, Е.С. Сидоровой, В.Г. Родионовым, Г.И. Федоровым и другими специалистами. Благодаря его стараниям (и Л. Трофимова) в 2006 г. в издательстве Чувашского государственного университета появилась хрестоматия «Чăваш литератури. XX ёмёр пусламăшĕ».

Участие в долгих комплексных экспедициях, свободный доступ к богатству научного архива и научной библиотеки вдохновили Г. Юмарта заняться изучением художественного творчества родного народа. Под его редактированием издан шеститомный чувашского фольклора под названием «Чăваш халăх сăмахлăхĕ» (в семи книгах). К отдельным научным изданиям текстов устного народного творчества он написал обширные предисловия.

Г.Ф. Юмарт напечатал ряд материалов о системе жанров древнечувашской словесности. Впервые выделил в отдельную группу мифологические песни – «мифла пейĕтсем». Он рассматривает генеалогические и исторические предания предков чувашей, письма и документы, монологи и др. Автор их считает памятниками нашей древней культуры.

Неутомимый исследователь плодотворно работает и на ниве текстологии. Им описана история создания малоизвестных произведений, установлены их настоящие авторы, уточнены ошибочно напечатанные места некоторых текстов. На основе исторических и фольклорных материалов текстолог выдвинул гипотезы по объяснению топонимов Варачан, Аскул (Муромский городок), Ошель, Чебоксары, Будайка. В среде любителей поэзии и прозы Г. Юмарт известен как поэт и переводчик.

Талант Г.Ф. Юмарта многогранен. Кладезь знаний, неутомимый исследователь – активно консультирует молодое поколение ученых, заряжает их своим примером.

Основные научные труды

Революциченхи чăваш лирикин сул-йĕрĕ [Пути дореволюционной чувашской лирики] // Чувашский язык, литература и фольклор. Сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 277–320.

Чăваш литературин чикĕ леш енчи сыхăнăвĕсем [Зарубежные связи чувашской литературы] // Чувашский язык, литература и фольклор. Сб. ст. / ЧНИИ. Шупашкар [Чебоксары], 1974. Вып. 3. С. 134–170.

Ваçça Аниçси (Çуралнăранпа 80 сул ситнĕ май) [К 80-летию со дня рождения Васся Анисси] // Чувашский язык, литература и фольклор. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 4. С. 384–388.

Турхан Яккăвĕпе Турхан Хĕветĕрĕн пултарулăхĕ [Творчество Я. Турхана и Ф. Турхана] // Чувашский язык, литература и фольклор. Сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 4. С. 303–329.

Революциченхи чăвашла куçарнă поэзи [Дореволюционные чувашские переводы поэзии] // Чувашский язык, литература и фольклор. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 4. С. 137–193.

Халăх кун-сулĕн юрисем [Песни о судьбе народной] // Чувашский язык, литература и фольклор. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 4. С. 366–368.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ. III том. Юрăсем [Чувашское устное народное творчество. Том III. Песни] / Шупашкар [Чебоксары], 1978. В соавторстве.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ. IV том. Юрăсем [Чувашское устное народное творчество. Том IV. Песни] / Шупашкар [Чебоксары], 1979. В соавторстве.

Чăваш литературин чикĕ леш енчи сыхăнăвĕсен мелĕсем [О зарубежных связях чувашской литературы] // Чĕлхе культурин ыйтăвĕсем [Вопросы языковой культуры] / ЧНИИ. Шупашкар [Чебоксары], 1981. С. 3–47.

Илемлĕ литературăна чăвашла куçарас ёçĕн паянхи сивĕч ыйтăвĕсем [Актуальные вопросы художественного перевода на чувашский язык] // Чĕлхе культурин ыйтăвĕсем [Вопросы культуры речи]. Сб.ст. / ЧНИИ. Шупашкар [Чебоксары], 1981. С. 3–47.

Н. Шелепи пултарулăхĕн пуçламăш тапхăрĕ // Николай Иванович Полоруссов-Шелепи. / ЧНИИ. Шупашкар [Чебоксары], 1982. С. 34–45.

«Фауст» трагеди чăвашла [Трагедия «Фауст» на чувашском (Рассказ переводчика)] // Çамрăклăхпа асталăх [Молодость и мастерство]. Сб. ст. / ЧНИИ. Шупашкар [Чебоксары], 1982. С. 85–95.

Некоторые черты фольклорных традиций в современной поэзии народов Поволжья и

Приуралья // Чувашская литература. Тенденции развития, стилевые поиски / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 67–87.

Некоторые особенности развития жанра чувашских исторических песен // Исследования по чувашскому фольклору. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 91–118.

Лирика Федора Павлова // Павлов Федор Павлович – композитор, драматург: Сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 36–45.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ. VI том. Мифсемпе халапсем [Чувашское устное народное творчество. Том VI. Мифы и предания] / Шупашкар [Чебоксары], 1987. В соавторстве.

Тишкермен пуянлăх (К.В. Ивановăн литература еткерне малалла пухса тĕпчес ыйтусем тавра) [Творчество исследовано не до конца. (К вопросу о дальнейшем изучении творческого наследия К.В. Иванова)] // Творческое наследие К.В. Иванова. [Сб. статей] / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 47–64.

Чувашская эпическая поэзия // Чувашская народная поэзия. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 110–123.

Литературно-культурный контекст в творчестве Михаила Сеспеля // Поэтика Сеспеля. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 74–79.

Ю. Скворцов – сăвăç (Ыйтăва тĕпчеси тавра) // Юрий Скворцов. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 56–63.

Сбор и изучение чувашского фольклора // Сăмах. Слово: 1993. Исследования и тексты / ЧГИГН. Чебоксары, 1994. С. 20–39.

Халăх сăмахлăх еткерĕнчи авторлăх ыйтăвĕсем тавра [Вокруг проблем авторства в фольклорном наследии] // Сăмах. Слово: 1993. Исследования и тексты / ЧГИГН. Чебоксары, 1994. С. 48–69.

Куçару (1960–1995 сÛлсенче чăвашла куçарнă илемлĕ литература) [Перевод художественной литературы в 1960–1995 гг.] // Сăнар [Образ] / ЧГИГН. Шупашкар [Чебоксары], 2000. С. 113–153.

Çеспĕл пурнăçĕпе пултарулăхне малалла тĕпчес хăш-пĕр ыйтусем [Некоторые вопросы дальнейшего изучения жизни и творчества Сеспеля] // Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия М. Сеспеля. Ч.2. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения поэта (Чебоксары, 18 октября 1999) / ЧГИГН, 2001. С. 109–115.

Ум сăмах [Предисловие] // Чăваш халăх пултарулăхĕ. Халăх эпосĕ [Чувашское народное творчество. Народный эпос] / Шупашкар [Чебоксары], 2004. С. 5–24.

Чăваш литератури. XX ĕмĕр пуçламăшĕ [Чувашская литература. Начало XX в.]. Шупашкар [Чебоксары], 2006. В соавторстве.

Ум сăмах [Предисловие] // Чăваш халăх пултарулăхĕ. Истори халапĕсем [Исторические предания]. Шупашкар [Чебоксары], 2007. С. 5–16.

Н.Г. Ефремова-Ильина.

МИХАЙЛОВ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ

(К 50-летию со дня рождения)

9

июня 2008 г. исполнилось 50 лет заведующему отделом археологии Чувашского государственного института гуманитарных наук Евгению Петровичу Михайлову.

Е.П. Михайлов родился в д. Байдеряково Чебоксарского района Чувашской АССР. В 1975 г. окончил Кугесьскую среднюю школу. Еще будучи школьником, юный Евгений свое будущее решил связать с историей. Мечта сбылась: в 1975 – 1980 гг. он студент исторического отделения историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ). Особый интерес проявляет к древней истории и археологии. Своим Учителем и наставником считает видного чувашского историка и архео-

лога, профессора Василия Филипповича Каховского. По его руководством выполняет дипломную работу, связанную с применением дендрохронологического метода датировки материалов раскопок 1979 г. в Чебоксарах. Проведенное им исследование вскоре вылилось в первую научную публикацию.

Как талантливый выпускник вуза в 1980 г. Е.П. Михайлов был приглашен в Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР – ЧНИИ (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН) и назначен младшим научным сотрудником отдела истории, вскоре был переведен в отдел этнографии и археологии. С апреля 1993 г. по сентябрь 1996 г. работал заместителем директора по научной работе Чувашского национального музея. В сентябре 1996 г. вновь вошел в коллектив ЧГИГН. С созданием здесь в январе 2001 г. самостоятельного отдела археологии возглавил названное научное подразделение.

Основные направления научных исследований Е.П. Михайлова – история археологического изучения Чувашии, краеведение, охрана памятников истории и культуры. В годы работы в институте разрабатывал различные темы по археологии Чувашии. Является автором более 50 научных публикаций, изданных в основном трудах ЧНИИ – ЧГИГН, а также в Москве и Йошкар-Оле. Принимал участие в составлении библиографических и биобиблиографических указателей и справочников по археологии и этнографии Чувашской Республики, редактор-составитель научных сборников ЧГИГН, автор ряда статей «Чувашской энциклопедии». С 1976 г. Е.П. Михайлов – участник и руководитель археологических экспедиций на территории Чувашской Республики (с 1986 г. начал проводить самостоятельные обследования по Открытым листам, выдаваемым Институтом археологии АН СССР). В ходе разведочных экспедиций совместно со своими коллегами выявил, зарегистрировал и описал большое количество неизвестных ранее объектов древности (курганы, городища, поселения, местонахождения и др.), изучал современное состояние ранее открытых памятников, археологические материалы музеев.

С созданием отдела археологии в ЧГИГН полевые исследования в Чувашской Республике заметно активизировались. При участии Е.П. Михайлова были открыты и изучены находившиеся на грани разрушения уникальный Новосюрбеевский I могильник балановской культуры эпохи бронзы и Новосюрбеевский II могильник XVII–начала XVIII вв. в Цивильском районе, раскапывалось Порецкое средневековое поселение. Совместно со своими коллегами проводил охранные археологические работы в исторической кремлевской части Чебоксар; экспедиции по выявлению, изучению арабоязычных надгробных камней на территории Чувашии.

Е.П. Михайлов постоянно в гуще научной жизни. Он участник многих археологических, музееведческих и других конференций, полевых семинаров и симпозиумов (Казань, Йошкар-Ола, Пермь, Самара, Козьмодемьянск, Юрино, Болгар, Билярск и др.), различных и разноплановых экспедиций ЧНИИ–ЧГИГН: социолого-этнографических (в городах и районах Чувашии), комплексной и по выявлению надгробных памятников «юпа» (в чувашские селения Ульяновской, Куйбышевской областей, Татарстана и других). Неутомимый исследователь оказывает содействие Чувашскому национальному музею и другим музейным учреждениям Чувашской Республики в создании экспозиций, выставок. Он стал одним из инициаторов и организаторов проведения в Чувашии международной научной конференции «Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие» (май 2003 г.), ежегодных – с 2004 г. – «Абашевских чтений» в Чебоксарском районе. С 1994 г. по совместительству работает в ЧГУ. Со студенческой скамьи Е.П. Михайлов активно сотрудничает с органами охраны памятников истории и культуры. Им составлен и дополнен новыми сведениями список археологических памятников Чувашии.

За вклад в развитие археологической науки Чувашской Республики и многолетний плодотворный труд награждался Почетными грамотами.

Основные научные труды

Опыт дендрохронологического изучения деревянных сооружений г. Чебоксар (По материалам археологических раскопок 1979 года) // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1982. С. 52–74.

Археологические памятники Чувашии (По неопубликованным источникам) // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 119–165.

Золотоордынский и казанскоханский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 3–23.

Археология и этнография Чувашской АССР. Библиографический указатель. Чебоксары: ЧНИИ, 1986. 287 с. Один из составителей.

Хозяйство и общественный строй населения Чувашского Поволжья в I тысячелетии н. э. (до прихода болгар) // Этнография чувашского крестьянства. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 5–34.

Хозяйство и общественный строй племен Чувашского Поволжья в I тысячелетии до н. э. // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 5–32.

Разведочные работы 1986–1988 гг. в районах Чувашии (Материалы к археологической карте ЧССР) // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 29–63.

Из истории изучения городищевой культуры на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1995. С. 51–64.

Археология // Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 1930–2000. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 158–170.

Василий Филиппович Каховский – исследователь археологических памятников Чувашии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. Чебоксары, 2002. № 5 (29). Личность в истории. С. 227–230.

Православное духовенство и историко-краеведческое изучение Чувашии (К вопросу о значении церковных летописей) // Общество. Государство. Религия. Материалы научно-теоретической конференции. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 72–85.

Разведочные археологические работы в Моргаушском районе Чувашской Республики в 1999 году // Новые археологические исследования в Поволжье. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. С. 257–280.

В.Ф. Смолин и Абашево (К истории археологического изучения Чувашии) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003. С. 12–34 (ЧГИГН. Институт археологии РАН. МарНИИ. Самарский государственный педагогический университет). В соавторстве.

Из истории изучения памятников эпохи бронзы Чувашии // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004. Вып. 27. С. 7–13. В соавторстве.

Исследователи этнографии и археологии Чувашии. Библиографический словарь. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. 320 с. Один из составителей.

Михаил Сеспель: неизвестная страница (апрель 1921 г.) // Фольклорное и литературное отражение художественно-эстетической памяти народа. Сборник статей по материалам научно-практических конференций. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 68–81.

Исследования в Чебоксарах // Археологические открытия 2005 года. М.: Наука, 2007. С. 369–371 (Институт археологии РАН). В соавторстве.

Б.С. Соловьев.

КОНДРАТЬЕВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ

(К 60-летию со дня рождения)

Видный современный музыкальный деятель А.Г. Васильев справедливо утверждает, что в последние десятилетия своим стремительным развитием и вхождением в общероссийский музыковедческий контакт чувашское музыковеде-

ние обязано прежде всего Михаилу Григорьевичу Кондратьеву. Обладая фундаментальной подготовленностью, обширнейшей эрудицией, феноменальным трудолюбием, он, по его мнению, «наподобие мощному тарану толкнул, дал движение научной мысли о чувашской музыке. Историю и теорию чувашского народного и профессионального музыкального искусства как безусловного факта внес в общероссийский культурный процесс...».

М.Г.Кондратьев родился 9 августа 1948 г. в г. Владивосток. Родители (отец – инженер-строитель, любительски игравший на разных музыкальных инструментах, мать – домохозяйка, любившая петь) стремились дать своим детям музыкальное образование. Будущий музыковед начал свое музыкальное образование в классе фортепиано музыкальной школы г. Канаша (1956–1961), затем продолжил занятия в Чебоксарской 1-й музыкальной школе (1961–1963; ныне – Детская музыкальная школа им. С.М. Максимова). Окончил теоретическое отделение Чебоксарского музыкального училища им. Ф.П. Павлова (1967) и музыковедческое отделение теоретико-композиторского факультета Казанской государственной консерватории (1972). Руководитель специального класса теории музыки известный музыковед А.Г. Юсфин поощрял творческий поиск учеников и поддержал студента из Чебоксар, когда он избрал темой дипломной работы чувашские народные песни. Для их записей летом 1971 г. студент съездил в чувашские села Черемшанского района Татарской АССР. С июля 1972 г. начал трудиться в Чувашском научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук). С октября 1972 по декабрь 1973 г. находился на службе в Советской Армии. После демобилизации из рядов Вооруженных Сил вновь вернулся в «храм науки»: работал младшим научным сотрудником, с марта 1974 г. – старшим научным сотрудником. С конца 1992 г. в течение двух лет работал заместителем директора по научной работе, затем – ведущим научным сотрудником, с мая 1996 г. – заведующим отделом искусствоведения–главным научным сотрудником. В 1978 г. принят в члены Союза композиторов СССР.

В середине 70-х гг. читающая Чувашия с обостренным интересом воспринимала публикации молодого музыковеда Михаила Кондратьева, который охотно «подавал голос» в периодических изданиях, откликаясь на различные музыкальные события. В своих заметках и рецензиях он оценивал театральные, концертные и телевизионные премьеры, гастрольные выступления в Чебоксарах отечественных и зарубежных музыкальных коллективов, излагал проблемы, которые обсуждались на музыковедческих конференциях. Тексты эти были свободны от тривиальных выводов, пустых комплиментов и традиционного упоминания «отдельных недостатков». Безупречное владение пером, доскональное знание материала, взвешенность суждений, доброжелательность и бескомпромиссность довольно быстро принесли автору признание и известность.

В своих первых научных публикациях М.Г. Кондратьев смело шагнул на открытые участки в музыковедении, которые впоследствии вылились в циклы статей, обрели завершенность в виде монографий. Он впервые поднял проблему музыкального ритма и особенностей поэтической структуры чувашских народных песен, обратился к исследованию ладовой системы, активно изучал интонационные возможности музыкального фольклора, ее жанровые, диалектные и стилевые членения, и, наконец, находил бесспорные параллели песенного фольклора чувашского, марийского, удмуртского, татарского и других народов, на примере музыкальных культур Волго-Уральского региона обосновал понятие музыкальной цивилизации. Кроме этого, молодой ученый регулярно участвовал в научных экспедициях по регионам, где компактно проживают чуваша. В этот период он создал портреты композиторов А.Н. Тогаева, В.М. Кривоносова, А.Г. Орлова-Шузьма, А.В. Асламаса, музыковеда Ю.А. Илюхина.

В 1984 г. в Ленинградской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по теме «Ритмические основы чувашской народной песни (К проблеме квантитативной метрической системы в музыкальном фольклоре)». Работа была примечательна тем, что в ней автор впервые дал определение музыкальной ритмической системы традиционной чувашской народной песни как квантитативной. Чувашскую ритмическую систему он ввел в круг понятий и категорий, сложившихся в общей теории ритма, показал своеобразие и проблемы музыкального искус-

ства нашего народа в контексте мировой культуры. Впоследствии эта работа вышла в виде монографии в издательстве «Советский композитор». (М., 1990. 144 с.)

Результаты многолетних исследований М.Г. Кондратьевым были обобщены в докторской диссертации на тему «Чувашская народная музыкально-поэтическая система и ее интонационные параллели», защита которой состоялась в Государственном институте искусствознания Министерства культуры Российской Федерации (май 1995 г.). На основе изучения фольклорных материалов соискателем была показана системность организации музыкально-поэтических структур чувашской народной песни, их связи с тысячелетними пластами музыкального искусства.

На основе собственных «полевых» записей, а также богатых архивных собраний он составил двухтомную антологию «Песни низовых чувашей» (1981, 1982), объемный сборник «Песни средненизовых чувашей» (1993), где ярко представлена самобытная и богатая часть музыкального фольклора двух этнографических групп этноса. Эти книги позволили вводить в научный, исполнительский и учебно-педагогический оборот новые образцы чувашского народного творчества.

В одной из своих работ М.Г. Кондратьев писал: «Древняя и средневековая история чувашского народа насыщена переселениями, культурными контактами, смешениями и разделениями. Следы этих событий и взаимодействий обнаруживаются современной наукой в народной музыкальной культуре. Они вписываются в общую картину истории народа, создавшуюся до сих пор без участия музыковедения... Из музыкальных категорий в описании этих периодов упоминалась только пентатоника, иллюстрировавшая культурные связи древних чувашей с народами Алтая и Южной Сибири».

Надо отметить, что ученый не ограничился констатацией проблемы. В ряде своих трудов он восполнил «недостающее звено», новыми яркими штрихами проиллюстрировал ключевые эпизоды многовековой истории чувашского народа.

Оценивая работы чувашского музыковеда, доктор искусствоведения Н.И. Бояркин (Саранск) отметил, что в трудах М.Г. Кондратьева «история и современность слиты воедино». Справедливость этих слов подтверждают монографии «Государственный ансамбль песни и танца Чувашской АССР. История возникновения и этапы развития. Творческие искания» (1983), «Степан Максимов: время, творчество, масштаб личности» (2002), «Композиторы Воробьевы» (2006). В этих работах, опираясь на выявленные в архивах материалы, ученый поставил перед собой цель осмыслить историю чувашского профессионального искусства в новой социально-политической ситуации. Особенно сильное впечатление производят на читателя показ трагических последствий взаимодействия государства и искусства в 20–30 годах XX в. В последних двух книгах творческие искания основоположников национальной композиторской музыки С.М. Максимова, В.П. Воробьева и Г.В. Воробьева (последнего автор называет первым классиком чувашской советской музыки), их организаторская и творческая деятельность показаны на фоне противоречивых исторических событий, где были и бурлящий энтузиазм, и бесконечная вера в национальное возрождение, и необъяснимый абсурд репрессий.

«...Всюду правда, о которой теперь можно писать. Книга написана на уровне работ самых лучших музыковедов, с которыми мы встречались», – так оценили книгу о С.М. Максимова известные музыканты – дочь композитора, пианистка Г.С. Максимова и композитор Л.В. Фейгин, проживающие в Лондоне.

Добрые отзывы читателей и специалистов получила и книга «Композиторы Воробьевы», выпущенная в серии «Замечательные люди Чувашии». Музыковед из Саранска М. Голубчикова назвала ее «бесценным вкладом не только в музыкальное чувашеведение, но и в российскую музыкальную науку в целом, а в конечном счете, – в духовную культуру нашего Отечества».

Хотя М.Г. Кондратьева нельзя назвать обладателем «легкого пера», но все же его продуктивность не может не вызвать удивления и восхищения. Вслед за вышеназванными монографиями он выпустил в Москве, в издательстве «ПЕР СЭ», весьма неожиданное исследование «Чувашская музыка: от мифологических времен до современного профессионализма». Вызывает восхищение ширина охвата и глубина выводов, в конечном итоге –

смелость автора. В семи очерках, включенных в книгу, впервые освещаются этапы более двухтысячелетней исторической эволюции чувашского этноса. Применяя современную методологию, автор проникает в толщу веков, задается вопросом: в какой исторический момент под воздействием каких обстоятельств мог сформироваться тот или иной тип, как они воздействовали на наших сородичей, какое влияние могли оказать на соседние племена? В итоге автор пытается уловить закономерность: какие проникновенные звуки, просочившись в плоть и кровь народа, могли отложиться в виде генетической памяти.

Пересказать основные труды ученого и даже направления его исследований весьма непросто. Кроме исследования вопросов этномузыковедения и исторического музыковедения, он чутко следит, в каких специфических условиях функционирует музыка сегодня, под воздействием каких факторов она развивается, какие формы ее возвышаются, а какие приходят в упадок. И слово это, такое же гармоничное, как совершенная музыка, всегда звучит ко времени и к месту.

М.Г.Кондратьев удостоен почетных званий «Заслуженный деятель искусств Чувашской ССР» (1991), «Заслуженный деятель искусств Российской Федерации» (2001). Он – лауреат премии комсомола Чувашии в области науки и техники (1982) и Государственной премии Чувашской Республики в области литературы и искусства (2003). Ученый ведет большую общественную работу как член Комиссии по государственным наградам при Президенте Чувашской Республики и член Комиссии по Государственным премиям в области литературы и искусства. Он также введен в состав Совета по стратегическому развитию Чувашской Республики. Многие годы является членом правления Союза композиторов Чувашии, членом Главной редакционной коллегии книжной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирская Государственная консерватория и Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук). М.Г.Кондратьев часто выступает с докладами на конференциях местного, всероссийского и международного уровней, читает лекции о чувашской музыке в Казанской государственной консерватории, музыкально-педагогическом факультете Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева и Чебоксарском музыкальном училище им. Ф.П. Павлова.

Основные научные труды

Метроритмическое строение чувашских народных песен, записанных от Г. Федорова // Чувашское искусство. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 4. С. 3–62.

Метроритмическое строение чувашских народных песен // Советская музыка, 1976. № 3. С. 115–117.

Многослоговой стих низовых чувашей в его взаимодействии с музыкальной формой // О чувашском искусстве. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1977. Вып. 75. С. 3–37.

Новое в фортепианном наследии Г. В. Воробьева // Актуальные вопросы истории и теории чувашского искусства. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1979. Вып. 90. С. 112–123.

О чувашской музыкальной фольклористике // Актуальные вопросы истории и теории чувашского искусства. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1979. Вып. 90. С. 139–148.

Об одной разновидности ангемитоники в чувашских народных песнях // Советская музыка, 1979. № 5. С. 82–84.

Экзамен на творческую зрелость // Советская музыка, 1979. № 12. С. 18–22.

О некоторых параллелях между чувашскими и марийскими народными песнями // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980. С. 276–284.

О песенном творчестве чувашских композиторов в 70-е годы // Вопросы мастерства в современном чувашском искусстве. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 63–103.

Чувашское музыковедение и его задачи // Вопросы мастерства в современном чувашском искусстве. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 128–144.

Исследование венгерскими учеными чувашской народной песни // Вопросы мастерства в современном чувашском искусстве. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 153–166.

- Песни низовых чувашей. Кн. 1. Чебоксары, 1981. 144 с.; Кн. 2. Чебоксары, 1982. 176 с.
- О ритмической системе чувашской народной песни // Вопросы истории и теории чувашского искусства. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1982. С. 88–111.
- Наш современник Геннадий Воробьев // Советская музыка, 1982. № 10. С. 52–55.
- Стилевые поиски в камерно-инструментальном творчестве композиторов Чувашии // Чувашское искусство. Поиски и решения. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 35–63.
- К вопросу о временной организации чувашских народных песен // Памяти К.В. Квитки. 1880–1953. М., 1983. С. 179–184.
- К проблеме типологии ритма // Советская музыка, 1983. № 7. С. 89–94.
- Основоположник чувашской профессиональной музыки // Федор Павлович Павлов – композитор и драматург. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 3–20.
- Современность и чувашская музыка // Современность и чувашское искусство. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 3–23.
- Чувашская песня сегодня // Музыка России. М.: Советский композитор, 1984. Вып. 5. С. 255–281.
- О ритмической системе чувашской народной песни. Статья вторая // Чувашское народное творчество. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 19–40.
- У истоков чувашской композиторской песни // Вопросы истории чувашского искусства. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 5–25.
- Массовое музыкальное движение в чувашских уездах в 1917–1920 гг. // Чувашское искусство: История и художественное наследие. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 5–21.
- Сборники обработок чувашских народных песен 1918–1919 гг. и их историческое значение // Чувашское искусство: История и художественное наследие. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 22–39.
- Проявления квантитативности в ритмике марийских и чувашских народных песен // Традиционное и современное в музыке народов Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола, 1988. С. 69–80.
- Государственный ансамбль песни и танца Чувашской АССР: История возникновения. Этапы развития. Творческие искания. Чебоксары, 1989. 159 с.
- Основные этапы жизненного и творческого пути В.П. Воробьева // Традиции и поиски в чувашском искусстве. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 43–63.
- Музыкальная культура: Традиции и инновации // Чуваши Приуралья: Культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 94–111.
- Типологическая структура чувашской музыкально-фольклорной системы // Традиционная музыка народов Поволжья и Приуралья. Вопросы теории и истории. Сб. статей / КФАН СССР. Казань, 1989. С. 31–38.
- On regional ethnomusical ties between the peoples in the Volga and the Ural region (based on the research of parallels between the Udmurt and the Chuvash musical folklore // International Conference «Folk music Today». Tallinn. July 10–13, 1989. Abstrakts. Tallinn, 1989. P. 91–93.
- О ритме чувашской народной песни: К проблеме квантитативности в народной музыке. М.: Советский композитор, 1990. 144 с.
- Песенное творчество чувашских композиторов в 80-е годы. Очерк первый: Песенное творчество Ф.М. Лукина // Вопросы современного художественного творчества. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 18–33.
- Песенное творчество чувашских композиторов в 80-е годы. Очерк второй: Песенное творчество А.В. Асламаса // Вопросы современного художественного творчества. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 34–53.
- О музыке в поэзии Константина Иванова // Творческое наследие К.В. Иванова. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 88–99.
- О чувашско-удмуртских этномузыкальных параллелях // Этническая культура чувашей: Вопросы генезиса и эволюции. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 72–104.
- Судьбы фольклорного движения в Чувашии // Народное музыкальное искусство Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 5–15.

Музыка чувашского праздника *мункун – сёрен* // Народное музыкальное искусство Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 81–94.

О чувашско-татарских этномузыкальных параллелях // Из наследия художественной культуры Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 3–61.

О чувашско-татарских этномузыкальных параллелях: Введение в проблематику // Советская этнография, 1991. № 6. С. 105–114.

Чувашская *çавра юрă* и ее татарские параллели. Чебоксары, 1993. 80 с.

Песни средненизовых чувашей. Чебоксары, 1993. 336 с.

Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1993. [Раздел «Традиционная музыкальная культура» колл. монографии]. С. 250–268. В соавторстве.

Заметки о новой мифологии: На подступах к изучению подлинной истории музыки // Вестник Чувашской национальной академии, 1993. № 1. С. 55–65.

Песни средненизовых чувашей. Чебоксары, 1993. С. 5–15, 318–335.

Основные свойства чувашской пентатоники // Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры: Материалы межреспубликанской научной конференции, Казань, 1–2 ноября 1993 г. / Казанская консерватория. Казань, 1995. С. 86–91.

На подступах к изучению подлинной истории // Музыкальная академия, 1996. № 1. С. 84–89.

Чăваш халăх юрри: Кĕвĕ-çемĕ уйрăмлăхĕсем // Халăх эткерĕ: Упраса аталантарас ыйтусем. Шупашкар, 1996. С. 13–41.

О периодизации истории чувашской музыки // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары, 1996. Вып. 2. С. 3–11.

Чувашия // История музыки народов СССР. Т. VII. Вып. 2. М., 1997. С. 215–225. (В соавторстве.)

Барон Остен-Сакен: Ложь и правда // Pro Musica, 1997. № 8 (Санкт-Петербург). С. 14.

Краткосюжетность как типологическое свойство чувашской и татарской народно-песенной поэзии // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. 9–13 июня 1992. Казань. М.: Инсан, 1997. Т. II. С. 185–187.

Музыкальный фольклор молькеевских кряшен в свете чувашских параллелей // Чувашское искусство. Труды / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. Вып. 3. С. 29–69.

К истории изучения пентатоники // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 1997. № 6. С. 10–27.

Сёр савра юрă. Чăваш халăхĕн афоризмла поэзийĕнчен / Сто строф. Из чувашской народной афористической поэзии. Шупашкар / Чебоксары, 1998. 143 с.

О восточных корнях чувашской народной музыкально-поэтической системы // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 1998. № 1. С. 74–86.

Чебоксарское музыкальное училище им. Ф. П. Павлова: История и современность. Чебоксары: Чувашия, 1999. 71 с.

Проблема национального в музыкальном искусстве Чувашии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1999. С. 189–205.

Проблемы становления национальной школы профессионального музыкального искусства Чувашии и творчество Александра Васильева // Композитор Александр Васильев: Творчество в контексте времени и традиций / Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1999. С. 9–37.

О динамике музыкально-теоретического статуса пентатоники // Музыкальная академия, 1999. № 4. С. 37–46.

К понятию Волго-Уральской музыкальной цивилизации // Теоретические концепции XX века: Итоги и перспективы отечественной музыкальной науки: Материалы Всерос. науч. конф. / Новосиб. конс. им. М. И. Глинки. Новосибирск, 2000. С. 320–329.

«Чувашские преобразования» И. Я. Яковлева и начало новой истории чувашской музыки // И. Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения. Сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 63–100.

Старейшина музыковедения Чувашии // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. Вып. IV. С. 3–13.

Звукоряды пентатоники: Введение в ладовый анализ чувашской народной песни // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. Вып. IV. С. 14–41.

Истоки и историко-типологические связи чувашской музыки до IX века н. э. // Музыкальная академия, 2001. № 3. С. 37–44.

Степан Максимов: Время. Творчество. Масштаб личности. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2002. 334 с.

Первопроходец // Музыкальная академия, 2002. № 3. С. 142–149.

О типологических основах сюжетосложения чувашских народных песен // Проблемы изучения научного наследия Н. В. Никольского. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 68–101.

Исследование традиционной музыки завятских удмуртов // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Сборник научных трудов. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 2002. С. 306–312.

Наследие Григория Хирбю и XXI век // Композитор Григорий Хирбю и его время: Исследования. Воспоминания и материалы. Чебоксары, 2003. С. 5–22.

Российский период истории устной музыки чувашей. О чувашско-русских этномузыкальных параллелях // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории. Сборник статей. Чебоксары, 2003. Вып. 5: Межнациональное пространство художественной культуры. С. 141–178.

Музыкальная культура чувашей как часть Волго-Уральской музыкальной цивилизации // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории. Сб. статей. / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. Вып. 5: Межнациональное пространство художественной культуры. С. 233–249.

Симбирско-Саратовские чувашки: История и культура / Монографическое исследование. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2004. В соавторстве.

О музыке предков чувашей болгаро-суварского времени // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Сборник статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. Вып. III. С. 3–29.

Композиторы Воробьевы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 336 с., илл. [Биографическая серия «Замечательные люди Чувашии».]

Чувашская музыка: От мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007. 288 с.

Ценности истинные и преходящие // Филипп Лукин: Музыкант. Общественный деятель / Сборник статей, воспоминаний, материалов. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 5–20.

В.Н. Алексин.

СМИРНОВ ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ

(К 70-летию со дня рождения)

23

августа 2008 г. исполнилось 70 лет видному ученому, организатору высшего образования и науки, доктору исторических наук, заслуженному работнику высшей школы Чувашской Республики профессору Юрию Петровичу Смирнову.

Ю.П. Смирнов родился в деревне Сархорн Ишлейского (ныне Чебоксарского) района Чувашской АССР. Как любой деревенский уроженец, с юных лет приобщился к крестьянскому труду. В неполные 18 лет по общественному призыву был направлен в Карелию: здесь в качестве рабочего пути, плотника участвовал в строительстве железной дороги. В 1957–1960 гг. служил в Советской Армии, после увольнения в запас работал в Олонекском райкоме комсомола – возглавлял спортивную организацию района (безусловно, что при этом назначении учитывался и его успехи как боксера-разрядника). В 1962 г. по семейным обстоятельствам вернулся на родину и стал трудиться в Чувашском обкоме ВЛКСМ. В 1964 г. поступил на историко-филологический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. С переводом факультета в открывшийся в 1967 г. Чувашский государственный университет им. И.Н.Ульянова стал студентом нового вуза, который и окончил в 1968 г.

Для молодого специалиста вновь начинается комсомольская, а затем партийная работа, но в 1969 г. стремление к науке взяло верх, и он поступил в очную аспирантуру Чувашского государственного университета. Его научным руководителем стал известный ученый, человек непростой судьбы профессор И.Д. Кузнецов, который порекомендовал своему ученику исследовать историю рабочего класса Чувашии. Успешно завершив учебу, Ю.П. Смирнов в 1972 г. защищает в Нижегородском университете диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Его трудовая биография после этого неизменно связана с Чувашским госуниверситетом: он работает ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, профессором. Был заведующим кафедрой Отечественной истории XX в., затем организовал и возглавил кафедру Документоведения и документационного обеспечения управления. С февраля 2000 по март 2008 г. был деканом исторического факультета.

Как ученый, организатор образования и науки Ю.П. Смирнов внес значительный вклад в развитие исторических исследований в Чувашии. Изучая различные стороны развития рабочих Чувашии, он пришел к выводу, что для понимания общих закономерностей социальных процессов нельзя ограничивать свои труды рамками одного региона. Нужны компаративистские, то есть сопоставительные, сравнительные исследования однотипных явлений в разных областях и республиках страны. Такие работы не были новостью в отечественной историографии, но историк из Чувашии пришел к выводу, что недостаточно разовых, одиночных трудов, необходимы системные исследования, ведущиеся в течение ряда лет по одному проекту. Надо сказать, что к концу 1970-х годов эта идея Ю.П. Смирнова удачно сошлась с его другой жизненной линией. К тому времени его уже хорошо знали коллеги из таких научных центров страны, как Институт истории СССР АН СССР, Московский и Ленинградский государственные университеты, в том числе такие видные ученые, как В.З. Дробижев, В.Е. Полетаев, С.Л. Сенинский, В.Б. Тельпуховский (Москва), В.А. Ежов, В.А. Овсянкин, И.П. Труфанов (Ленинград). В 1976 г. он активно подключился к организации и проведению в Чебоксарах Всероссийской научной конференции «Актуальные вопросы истории рабочего класса автономных республик РСФСР». После проведения конференции под его редакцией в 1977 г. был издан сборник статей. У самого Юрия Петровича окрепла убежденность в необходимости регулярной подготовки и выпуска трудов по проблематике, обсужденной в Чебоксарах. Помогло в этом начинании и окрепшее творческое содружество с сектором историко-социологических исследований Института истории СССР АН СССР (ныне Институт Российской истории Российской Академии наук), особенно с его заведующим В.Е. Полетаевым и старшим научным сотрудником, кандидатом исторических наук И.Л. Корнаковским. Оно вылилось в несколько важных направлений, в том числе и изучение различных сторон развития рабочего класса автономных республик страны. Всего до конца 1980-х годов вышло 11 тематических сборников, в которых публиковались работы авторов практически из всех республик России, Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Горького, Казани, Уфы и других регионов страны. Специальное редактирование каждого сборника ложилось на плечи Ю.П. Смирнова. Все авторы с большой теплотой отзывались и отзываются об этом проекте и благодарны Ю.П. Смирнову за его подвижничество на этой стезе.

Еще одним результатом сотрудничества с сектором стало проведение в республике социологических обследований рабочих различных отраслей. Вскоре Ю.П. Смирнов и его ученики стали активными участниками подобных исследований на КАМАЗе, ВАЗе, БАМе, которые проводились по совместным проектам Института истории СССР АН СССР и ЦК ВЛКСМ. Часть из этих материалов была использована в различных трудах, но значительные возможности созданной базы данных еще ждут своего исследователя. Ее важные разделы хранятся в Чувашском государственном университете. Одним из результатов социологических обследований трудовых коллективов стала подготовленная коллективом авторов (В.Е. Полетаев, Ю.П. Смирнов и И.Л. Корнаковский) монография о становлении трудового коллектива Чебоксарского завода промышленных тракторов (ЧЗПТ), в которой поднимались многие острые проблемы этого сложного процесса. Завод работал тогда непросто, и, казалось бы, что выводы ученых, учитывающие различные особенности становления коллектива, будут жизненно необходимы. Но после критики работы министерства и предприятия Генеральным секретарем

ЦК КПСС Л.И. Брежневым на партийном пленуме в ноябре 1979 г. рукопись была снята из плана издательства «Наука». С точки зрения здравого смысла надо было бы рассмотреть и мнение исследователей, но последовал совершенно иной вывод. Собственно, на этом примере отразился один из глобальных вопросов для власти – насколько она готова принимать критические выступления, а не выслушивать только здравицы как в свой адрес, так и проводимой политики. Самому Ю.П. Смирнову это не помешало стать в 1998 г. доктором исторических наук. Диссертационному совету Московского государственного университета был представлен труд на тему «Индустрия автономных республик Поволжья в середине 50-х–конце 80-х годов: достижения и нереализованные возможности», который он успешно защитил. В своем исследовании автор большое внимание обратил на снижение эффективности производства, консерватизм хозяйственного механизма, отставание партии от запросов экономического и социального развития и другие актуальные вопросы общественного развития. Автор убедительно показал, что заметное наращивание индустриального потенциала Марийской, Мордовской, Татарской и Чувашской республик могло быть более эффективным, но, в силу сложившихся обстоятельств, все попытки сделать это не оказались результативными.

Если же говорить о других сторонах сотрудничества с Институтом истории СССР, то следует отметить, что в одном из научных центров страны постоянно обучались аспиранты из Чувашии, все из них стали кандидатами, а некоторые – докторами наук. В начале 1980-х годов у Ю.П. Смирнова и его коллег из сектора историко-социологических исследований возникла идея о привлечении высококвалифицированных сотрудников Института, специалистов по различным периодам отечественной истории, к чтению лекций в коллективе Чебоксарского завода промышленных тракторов, других предприятиях и учреждениях республики. Вскоре между институтом, историческим факультетом университета и ЧЗПТ был заключен договор о такой форме сотрудничества, и более чем 100 ведущими учеными из Москвы было проведено в Чувашии около 1 тыс. таких встреч. Еще одним итогом сотрудничества стала инициатива Ю.П. Смирнова о создании музея предприятия. Научным консультантом по организации музея стал И.Л. Корнаковский, и вскоре эта идея также успешно воплотилась в жизнь.

Еще одна характерная черта Ю.П. Смирнова – стремление приобщить студентов Чувашского государственного университета к современным методам исторической науки. В ЧГУ – одном из первых вузов страны – на лекциях, семинарах, в ходе написания курсовых и дипломных работ молодые историки стали применять математические методы обработки массовых источников, определять наличие или отсутствие содержательных связей между различными элементами социальных систем. Все это было бы невозможно без овладения навыками работы вначале на стационарных ЭВМ, а затем уже и на компьютерах. Сам профессор с похвальной прилежностью вникал в тонкости новых методов и в результате написал несколько книг и статей по новой для себя проблеме. Он принимает активное участие в работе Международной ассоциации «История и компьютер», сотрудничает с такими известными исследователями, как Л.И. Бородкин, А.К. Соколов, Е.И. Пивовар и др.

Большой вклад вносит Ю.П. Смирнов в подготовку кадров высшей квалификации. В Чувашском государственном университете под его председательством действует Региональный совет по защите докторских диссертаций, на заседаниях которого доказывают свои притязания на получение ученых степеней историки и этнографы не только Чувашии, но и республик Марий Эл, Коми, Мордовии и Татарстана, Кировской, Нижегородской, Самарской, Тверской, Ульяновской областей. Защищаются в Чебоксарах соискатели и из Москвы. За 9 лет работы докторского Совета в его адрес не было нареканий: все 12 докторских и более 60 кандидатских диссертаций утверждены Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации. Авторитет совета, его результативная работа определяются не только квалификацией всех его членов, но и компетенцией и требовательностью руководителя, о чем свидетельствуют не только соискатели, но и официальные оппоненты, представляющие ведущие научные учреждения и вузы страны. Сам Ю.П. Смирнов был научным консультантом пяти докторов и научным руководителем двенадцати кандидатов наук, которые ныне успешно работают в вузах и научных учреждениях.

Основные научные труды

Технический прогресс и изменение профессиональной структуры рабочего класса в Чувашской АССР в 1959–1970 гг. // Рабочий класс и индустриальное развитие СССР. М.: Наука, 1972. С. 277–279.

Братская помощь рабочих-горьковчан в строительстве социалистической промышленности Чувашии (1959–1965 гг.) // Рабочий класс развитого социалистического общества. М.: Мысль, 1975. С. 38–43.

Количественный рост и изменения структуры рабочего класса в Чувашской АССР (1959–1965 гг.) // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1976. Вып. 4. С. 64–78.

Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик // История СССР, 1977. № 3. С. 214–216. В соавторстве.

Основные тенденции становления и развития трудовых коллективов в условиях развитого социализма // Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик РСФСР. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1979. Вып. 2. С. 29–38. В соавторстве.

Общественно-политическая деятельность рабочего класса автономных республик РСФСР в исторической литературе // Рабочий класс СССР на современном этапе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. Вып. 7. С. 193–202.

Социальный облик рабочей молодежи // История СССР, 1981. № 2. С. 182–183.

Изучение производственной активности рабочих автономных республик РСФСР в условиях развитого социализма // Производственная активность рабочего класса СССР в развитом социалистическом обществе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Вып. 9. С. 194–206.

Источники и формы пополнения рабочего класса Чувашии в условиях развитого социализма // Подготовка и воспитание кадров рабочего класса автономных республик РСФСР в условиях развитого социализма. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1983. С. 18–34.

Рабочий класс автономных республик РСФСР в условиях развитого социализма (вопросы историографии и методологии) // История рабочего класса развитого социалистического общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. Вып. 10. С. 148–162.

История Козловского комбината автофургонов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 176 с. В соавторстве.

К вопросу об источниках и формах пополнения рабочего класса Чувашии в 1960-е годы // Рабочий класс в условиях развитого социализма. Источники и формы пополнения. 1960–1980 гг. М.: Наука, 1984. С. 119–142.

К вопросу о роли русского народа в формировании и развитии рабочего класса автономных республик РСФСР // Роль русского рабочего класса в формировании рабочего класса автономных республик РСФСР. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1984. С. 62–77.

Социальный облик железнодорожников БАМа (на материалах социологического исследования Первого Всесоюзного ударного отряда железнодорожников) // К истории строительства Байкало-Амурской магистрали. Новосибирск: Наука, 1984. С. 82–88.

Рабочий класс автономных республик РСФСР в условиях развитого социализма. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1985. 80 с.

Изучение рабочего класса автономных республик РСФСР в период между XXVI и XXVII съездами КПСС // Развитие рабочего класса автономных республик РСФСР. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1986. С. 122–128.

Рабочая молодежь и ее роль в ускорении социально-экономического развития общества // Социальная активность рабочей молодежи автономных республик РСФСР. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1988. С. 5–11.

Применение математических методов в исторических исследованиях. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1989. 88 с. В соавторстве.

Рабочая молодежь Российской Федерации в 70-е и первой половине 80-х годов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1989. 96 с.

Индустриальное развитие Чувашии в 1946–1990 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1990. 64 с.

Техническое перевооружение промышленности Чувашской АССР в 70-е годы: опыт и проблемы // Из истории Чувашии советского периода. Чебоксары: ЧНИИ, 1990. С. 70–83.

Роль партийных организаций Чувашии во внедрении достижений НТП // Национальная политика КПСС: исторический опыт, противоречия и проблемы перестройки. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1990. С. 72–80. В соавторстве.

Вурнарский химический. У истоков химической промышленности Чувашии. История предприятия. 1929–1990. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. 308 с. В соавторстве.

Проблема индустриального развития рабочего класса Коми АССР в исторической литературе // Развитие советско-финно-угорских народов: История и современность. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. С. 38–42.

Некоторые причины нереализованных возможностей в промышленности (на примере партийных организаций Мордовской и Чувашской АССР) // Из истории Чувашии советского периода. Чебоксары: ЧНИИ, 1991. С. 152–160.

Структурные изменения населения России в ходе ее индустриального развития // Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы. Екатеринбург, 1994. С. 162–166.

Индустриальное развитие автономных республик Поволжья в 50–80-е годы: опыт и проблемы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 264 с.

Изучение рабочей молодежи в исторической и социологической литературе. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 48 с. В соавторстве.

Использование новых методов в исторических исследованиях. Вып. 1. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 48 с. В соавторстве.

Изучение проблемы индустриального развития автономных республик РФ в исторической литературе // Проблемы истории национальных республик Поволжья и Приуралья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997. С. 3–12.

Использование новых методов в исторических исследованиях. Вып. 2. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997. 56 с.

Использование компьютерных технологий в подготовке историков-исследователей (на примере Чувашского госуниверситета) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»: Материалы VIII конференции АИК. Вып.30, июнь. М.: АИК, 2002. С. 232–234. В соавторстве.

Многогранность проблематики (Основные аспекты исследования истории Великой Отечественной войны) // Мы Победу приближали как могли. Материалы международной конференции 18–19 апреля 2003 г. / Под общ. ред. В.С. Порохни. М.: Моск. гос. технич. ун-т, 2003. С. 3–7.

Экономическая политика российского государства и эволюция форм собственности в условиях рынка: основные тенденции (90-е годы) // Социальное управление и регулирование в трансформирующемся обществе. Сборник научных статей и сообщений. Казань: КГТУ, 2003. С. 242–247.

Формирование рабочего класса у финно-угорских народов России // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2004. С. 247–251.

Информационные ресурсы Чувашской Республики и процессы развития общества // Информационные ресурсы Архивного фонда Чувашской Республики как фактор общественного развития. Чебоксары, 2004. С. 49–52.

Социальное управление в современной России: истоки, методологические основы организации, развитие и перспективы // Социальное управление: реалии и проблемы российского общества. В 2 ч. Ч.1. Казань: ЗАО «Новое знание», 2004. С. 63–67.

Индустриальное развитие автономных республик Среднего Поволжья в 50–80-е годы XX века: историография проблемы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 36 с.

Современная историография Великой Отечественной войны: основные направления // Мы выстояли и победили. Материалы международной конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа над фашистской Германией и милитаристской Японией. М.–Смоленск: Смядынь, 2005. С. 5–11.

Видный историк-медиевист (К 80-летию со дня рождения В.Д. Дмитриева) // Вестник Чувашского университета, 2005. № 1. С. 206–217.

Профессиональная структура и социальный облик населения республик ВВЭР в 1938–1945 гг. // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию победы Великой Отечественной войны. Н. Новгород: Нижегород. гос. архитектур.-строит. акад., 2005. С. 5–10.

Человеческие и творческие свершения В.З. Дробижера // Отечественная история XX века (экономическая, политическая и социальная жизнь, преподавание в вузе). Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Зиновьевича Дробижера. М.: Центр теор. проблем ист. науки МГУ, 2005. С. 460–464.

Использование математико-статистических методов в трудах В.З. Дробижера // Отечественная история XX века (экономическая, политическая и социальная жизнь, преподавание в вузе). Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Зиновьевича Дробижера. М.: Центр теор. проблем ист. науки МГУ, 2005. С. 444–459. В соавторстве.

Школа И.Д. Кузнецова: традиции, новаторство в развитии исторической науки // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: Сборник статей Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 11–34. В соавторстве.

Восхождение к вершинам науки // Служение истории: Сб. ст. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. С. 10–21.

Производственная и социальная активность индустриальных рабочих в республиках Среднего Поволжья в 50–80-е годы XX века: историография проблемы // История народов Поволжья и Приуралья: исследовательские традиции и новации: Сб. науч. ст. Казань: КГТУ, 2006. С. 180–196.

Роль студенческой и учащейся молодежи в радикализации революционных событий 1905–1907 гг. в Казанской и Симбирской губерниях // Первая русская революция 1905–1907 гг.: Исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой русской революции. 14–16 ноября 2005 года: В 2 ч. Ульяновск: Областное книжное издательство «Симбирская книга», 2005. Ч. 2. С. 148–161.

Использование примеров из жизни и деятельности Ф.Ф. Ушакова в преподавании истории // Адмирал Ф.Ф. Ушаков (5-летний юбилей канонизации святого праведного воина, адмирала Ф.Ф. Ушакова: Материалы международной конференции). Саранск, 2006. С. 3–17. В соавторстве.

И.И. Бойко.

ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ ДЕНИСОВ

(К 80-летию со дня рождения)

Петр Владимирович Денисов, доктор исторических наук, профессор, один из видных представителей отечественной исторической науки, родился 28 августа 1928 г. в семье колхозного активиста в д. Бахтигильдино Первомайского (ныне Батыревского) района Чувашской АССР.

В 1944 г. шестнадцатилетний чувашский парень после окончания Бахтигильдинской средней школы становится студентом исторического факультета Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. В годы учебы здесь Петр близко познакомился с Н.В. Никольским – первым чувашским профессиональным историком-этнографом. Изучение трудов знаменитого земляка по проблемам христианизации нерусских народов Поволжья подтолкнуло в дальнейшем Петра Владимировича к исследованию этой сложной и многогранной темы.

Близкое знакомство и постоянное общение с редактором первой чувашской газеты «Хыпар» (Вести) пробудили в нем интерес к ее истории: уже в студенческие годы Петр Денисов стал собирать материалы о сотрудниках и корреспондентах этого издания.

Личностью, во многом определившей судьбу будущего ученого, стал другой выдающийся исследователь этнографии народов Поволжья, доктор исторических наук, профессор Н.И. Воробьев. Осенью 1949 г., после окончания университета, Петр Денисов был принят по рекомендации Н.И. Воробьева в целевую аспирантуру по специальности «Этнография народов СССР» при Казанском филиале АН СССР. В 1952 г., после завершения учебы в аспирантуре, П.В. Денисов был направлен в родную Чувашию. Свою трудовую деятельность начал в Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН) в качестве научного сотрудника сектора истории и этнографии, где проработал с 1952 по 1957 гг. В «храме науки» тесные, дружеские связи сложились у П.В. Денисова с видным чувашским историком И.Д. Кузнецовым, который предложил ему в 1957 г. занять должность заведующего редакцией научной литературы в Чувашском книжном издательстве. Под редакцией Петра Владимировича были изданы монографии известных чувашских историков: И.Д. Кузнецова, В.Ф. Каховского, И.Е. Петрова и др.

В 1962 г., после защиты кандидатской диссертации на тему «Религиозные верования чуваш» в Институте этнографии Академии наук СССР, начал вести научно-педагогическую работу в Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я. Яковлева: занимал должность старшего преподавателя и доцента кафедры истории. С 1967 г. Петр Владимирович прочно связал свою жизнь с Чувашским государственным университетом им. И.Н. Ульянова. Вначале работал доцентом, а затем – с 1973 по 1988 гг. – заведующим кафедрой истории СССР. В 1973 г. за монографию «Религия и атеизм чувашского народа» решением специализированного совета Института этнографии АН СССР ему присвоена ученая степень доктора исторических наук. С 1976 г. – профессор. Будучи руководителем кафедры, П.В. Денисов установил тесные научные связи с ведущими учеными СССР и зарубежных стран: С.А. Токаревым, Ю.В. Бромлеем, А.И. Клибановым, Л.Н. Гумилевым, В.И. Козловым, Р.Ф. Итс, Т.А. Крюковой, Р.Г. Кузеевым, Н.Ф. Мокшиным, В.Е. Владыкиным, С.И. Руденко, К.И. Козловой, Н.И. Гаген-Торн, Е.П. Бусыгиным, Н.В. Зоринным, Г.А. Сепеевым, И. Шишмановым, И. Ковевым, М. Велевым, А. Рона-Ташем и др., что немало способствовало установлению в руководимом им коллективе особой творческой атмосферы.

В марте 1990 г. по инициативе П.В. Денисова была организована кафедра археологии, этнографии и региональной истории Чувашского госуниверситета, которую он и возглавил. Появление нового научного подразделения способствовало удовлетворению потребности учреждений в специалистах со знанием истории, традиционной культуры и быта народов Чувашии. С 2002 г. по настоящее время он трудится профессором кафедры археологии, этнографии и региональной истории.

П.В. Денисов является автором более 150 научных работ, в том числе 12 монографий, десятков журнально-газетных статей на исторические и этнографические темы. Под его научной редакцией издано свыше 50 научных монографий, учебников, тематических сборников по вопросам истории и этнографии чувашского народа.

Петр Владимирович проявил себя как многопрофильный исследователь. Его важнейшие труды по истории и этнографии чувашей получили признание не только в России, но и за ее пределами. П.В. Денисов включен в библиографический словарь «Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории?» (1998), энциклопедический справочник, изданный в 1994 г. Международным библиографическим центром Кембриджского университета (Великобритания).

Значительный вклад П.В. Денисов внес в исследование сложной проблемы этногенеза чувашей. На основе анализа обширного фактического материала, приведенного в труде «Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашской народности» (Чебоксары, 1957), ученый подтверждает теорию болгаро-чувашской этнической преемственности и доказывает не-

состоятельность «автохтонной» теории происхождения чувашей. Данная тема получила дальнейшее развитие в его монографии «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей» (Чебоксары, 1969), где на основе опубликованных источников и полевых этнографических материалов, собранных в районах Чувашской АССР и Болгарии, были обобщены результаты историко-этнографических исследований в области этнокультурных параллелей дунайских болгар и чувашей. Этот оригинальный труд получил высокую оценку не только отечественных, но и зарубежных специалистов. Так, в рецензии Ивана Коева, старшего научного сотрудника Института этнографии Болгарской академии наук, профессора Софийского университета, перечисляются новые факты, обнаруженные П.В. Денисовым в этнокультурных параллелях дунайских болгар и чувашей. В частности, Иван Коев указал, что «как отличный знаток духовной культуры чуваш автор особенно обстоятельно и компетентно разбирает параллели в области духовной культуры и народного творчества дунайских болгар и чуваш. Заслуживает особого внимания его трактовка формирования культа священного дерева, языческих святилищ народов Поволжья, их жертвоприношений и прочее».

По мнению самого П.В. Денисова, наибольшей его заслугой в науке является изучение религиозных верований чувашей и истории их христианизации. Он одним из первых в чувашской историографии приступил к исследованию религиозных верований, культовых обрядов и праздников чувашского народа. В монографиях «Религиозные верования чуваш» (Чебоксары, 1959) и «Религия и атеизм чувашского народа» (Чебоксары, 1972) основательно изучена эволюция религии чувашей с древнейших времен до начала XX в., показано воздействие на нее других религиозных систем, в первую очередь, ислама и христианства. Автором выявлены также особенности формирования атеистических мировоззрений чувашского народа в первые годы советской власти. В последующие годы по примеру П.В. Денисова подобные работы были написаны в Мордовии, Коми, Удмуртии и других регионах России.

Исследования ученого в области этнокультурных параллелей дунайских болгар и чувашей, религиозных верований чувашского населения не потеряли актуальности и сегодня. Обнаруженные им сведения активно используются болгарскими и венгерскими учеными при изучении истории праболгар (протоболгар), влияния тюркско-болгарской культуры на мадьяр и других сюжетов.

Плодотворным направлением научной деятельности Петра Владимировича является всестороннее освещение жизни и творчества известных людей Чувашии. Перу ученого принадлежит ряд обстоятельных публикаций о В.А. Сбоеве, В.К. Магницком, Н.М. Охотникове, Н.И. Ашмарине, Н.В. Никольском. Более тридцати лет П.В. Денисов посвятил изучению незаурядной личности, основоположника российского востоковедения Н.Я. Бичурина (отца Иакинфа). Благодаря его стараниям увидели свет многие работы выдающегося ученого. Так, в 1960 г. в Чебоксарах было издано «Собрание сведений по исторической географии Восточной Сибири и Средней Азии».

Уже первая книга, посвященная отцу Иакинфу, изданная в 1977 г. под названием «Никита Яковлевич Бичурин», была высоко оценена специалистами и любителями истории. Многочисленные положительные отзывы подтолкнули автора к дальнейшей исследовательской работе о востоковеде. Результатом многолетних изысканий явилась вторая книга Петра Владимировича – «Жизнь монаха Иакинфа Бичурина» (Чебоксары, 1997). В ней автору удалось не только рассмотреть научные изыскания отца Иакинфа, но воссоздать подробную и объективную биографию известного земляка. Не случайно в статье видного канадского ориенталиста-профессора Давида Шимельпенника Ван дер Ой отмечено, что «до недавнего времени не было подробной биографии этого замечательного человека. Денисов сумел заполнить эту пустоту». В 1998 г. этот труд был удостоен Государственной премии Чувашской Республики в области науки. В 2007 г. появилось новое, дополненное издание о выдающемся ученом – «Слово о монахе Иакинфе Бичурине» (Чебоксары, 2007). В 2008 г. эта книга на Всероссийском конкурсе Ассоциации книгоиздателей России (г. Санкт-Петербург), среди представленных 830 изданий, признана лауреатом и включена в число «Лучших книг года».

П.В. Денисов – участник многих международных, всесоюзных и региональных научных конференций. Он участвовал в работе VII Международного конгресса антропологических

и этнографических наук (1964, Москва), Международного конгресса по балканистике (1966, София) и др.

Свыше 45 лет П.В. Денисов занимается преподавательской работой в высших учебных заведениях Чувашии, в том числе более 40 лет – в ведущем вузе республики: в Чувашском государственном университете. Он ведет лекционные курсы и семинарские занятия по этнологии и истории исторической науки, читает спецкурсы по этнологии народов Поволжья и Приуралья, методике полевых этнографических исследований. Его эрудиция, постоянный интерес к научным новинкам и такие качества, как корректность, уважение к чужому мнению, доступность, особо отмечаются коллегами, аспирантами и студентами. П.В. Денисов обладает своим оригинальным стилем чтения лекций, апеллируя огромным фактическим материалом, используя личные воспоминания, он погружает слушателей в мир науки, что делает его занятия яркими и незабываемыми.

Огромные знания, накопленные профессором, были востребованы при создании музея по этнографии народов Чувашии на историческом факультете Чувашского государственного университета. Полезной была его помощь в сооружении этнографического музея под открытым небом в п. Ибреси. Петр Владимирович, являясь крупнейшим специалистом научного наследия выдающегося ученого-китаеведа Н.Я. Бичурина, выступил в качестве консультанта при формировании экспозиций музея «Бичурин и современность» в п. Кугеси Чувашской Республики.

Петр Владимирович деятельно участвует в воспитании научно-педагогической смены. Под его руководством исследователями подготовлено и защищено 27 диссертаций, в том числе 8 докторских. Из числа его воспитанников сформировалась школа ученых-этнологов, успешно занимающихся исследованием традиционной культуры и быта чувашского народа. С 1978 по 1986 гг. он был членом Диссертационного Совета по истории в Горьковском госуниверситете, с 1993 г. входит в состав регионального Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук при Чувашском государственном университете. Многократно выступал официальным оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций на специализированных советах в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Уфе и Казани. П.В. Денисов состоял членом ряда Ученых советов и Комиссий, являлся председателем Чувашского филиала Географического общества СССР (1967–1980), членом правления Российского международного фонда культуры (1989–1998), возглавлял его отделение в Чувашской Республике.

Заслуги профессора П.В. Денисова в научно-педагогической деятельности отмечены награждением его Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, Государственного Совета Чувашской Республики и др. В 1980 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Чувашской АССР».

П.В. Денисов хороший семьянин, две его дочери стали по примеру отца учеными-этнографами.

В настоящее время Петр Владимирович продолжает активно трудиться в Чувашском государственном университете. Он делает все возможное, чтобы созданная им этнографическая школа заняла достойное место в российской и мировой науке.

Основные научные труды

Проблемы устного народного творчества и этнографии чуваш в произведениях Н.И. Ашмарина // Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1954. Вып. X. С. 147–182.

Национальная одежда низовых чуваш южных районов Чувашской АССР // Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. XI. С. 210–252.

Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 гг. (Документы и материалы). Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1956. 320 с. Один из составителей-редакторов.

Крестьянское движение в Чувашии в период первой русской революции // Чувашия в первой русской революции. Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. XIII. С. 104–164. В соавторстве.

Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1957. С. 71–95.

Чуваши // Большая Советская Энциклопедия. Т. 47. М., 1957. С. 446–447. В соавторстве. Чувашская АССР // Большая Советская Энциклопедия. Т. 47. М., 1957. С. 447–450. В соавторстве.

Религиозные верования чуваш (Историко-этнографические очерки). Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1959. 408 с.

Чуваши // Советская этнография, 1962. № 6. С. 105–118. В соавторстве.

Никифор Михайлович Охотников (Очерк жизни и деятельности) // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. С. 3–30.

Религиозные суеверия и их вред. Чебоксары, 1965. 103 с.

Чуваши // Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М.: Изд-во “Наука”, 1968. С. 387–397. В соавторстве.

Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1969. 176 с.

Антиклерикальные выступления чувашского крестьянства и церковная контрреволюция в период между буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.) // Вопросы истории Чувашской АССР. Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1970. Вып. 52. С. 72–95.

Антиклерикальные выступления чувашского крестьянства и православная церковь накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март–сентябрь 1917 г.) // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1970. Вып. 1. С. 60–115.

Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти // Советская этнография, 1971. № 6. С. 28–37.

Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 477 с.

Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти // Советская этнология и антропология сегодня. Нидерланды: Изд-во «Мултон», 1974. С. 86–95.

Чуваши // Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976. С. 86–87.

Иван Данилович Кузнецов // История Чувашской АССР. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. 68. С. 5–18. В соавторстве.

Никита Яковлевич Бичурин. Очерк жизни и творческой деятельности ученого-востоковеда. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. 142 с.

Чуваши // Большая советская энциклопедия. Т. 29. М., 1978. Стб. 239.

Проявление языческо-православного синкретизма в религиозных верованиях чувашского крестьянства конца XIX – начала XX вв. // Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 86. С. 120–131.

Древнетюркские черты в религиозных верованиях чувашей // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1979. Вып. 93. С. 109–131.

Чуваши // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3. Т. 29. М.: Советская энциклопедия, 1979. Стб. 705.

Взаимен интерес // Днес утра. София. 1979. № 21. С. 21.

Развитие научно-атеистической мысли в Чувашской АССР // Развитие общественных наук в Чувашии за годы Советской власти / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 100. С. 70–86.

Древнетюркские элементы в религиозно-мифологических представлениях чувашей // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. Чебоксары, 1984. С. 39–59.

Никифор Михайлович Охотников: (Очерк жизни и деятельности) // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 3–30.

Историко-этнографические исследования Н.М. Охотникова // Исследования по истории Чувашии дооктябрьского периода. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 70–89.

Чуваши // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 175–199. В соавторстве.

Никифор Охотников: Очерк жизни и творческой деятельности. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 127 с.

Академик В.Д. Дмитриев (В связи с 70-летием со дня рождения) // Вестник Чувашского университета, 1995. № 1. С. 123–132.

Жизнь монаха Иакинфа Бичурина (Серия «Замечательные люди Чувашии»). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. 271 с.

Роль Н.Я. Бичурина в становлении российского востоковедения // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, 1998. № 1. С. 10–20.

Религиозный фактор в истории и традиционной культуре народов Поволжья // Материалы региональной научной конференции «Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение». Йошкар-Ола, 2001. С. 3–10.

Кузеев Раиль Гумерович // Справочник «Национальная Академия наук и искусств ЧР». Чебоксары, 2002. С. 60–62.

Церковные реформы и их реализация в Среднем Поволжье в 60–80-е гг. XIX в. // Волжские земли в истории и культуре России. Материалы региональной научной конференции. (Чебоксары, 20–21 июня 2003 г.). М., 2003. Часть 1. С. 57–65.

И.Д. Кузнецов – неутомимый ученый, труженик исторической науки // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века. Сб. статей Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). М., 2006. С. 42–46.

Болгария глазами чувашского этнографа. Страницы воспоминаний // Лик, 2006. № 1. С. 48–65.

Слово о монахе Иакинфе Бичурине (Серия «Замечательные люди Чувашии»). Изд. 2-е, дополненное. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 335 с.

Чувашия глазами этнографа: поиски и находки. Чебоксары: «Новое время», 2008. 324 с.

Н.А. Петров, О.Г. Вязова.

ХУЗАНГАЙ АТНЕР ПЕТРОВИЧ

(К 60-летию со дня рождения)

*Эй, шуй, ан васка,
Фудзи т'авайккшеле
Шу, шу малалла?**

Исса (1763–1827).

8 октября 2008 г. исполнилось 60 лет со дня рождения известного ученого-лингвиста и общественного деятеля, кандидата филологических наук, заведующего отделом языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук доцента Атнера Петровича Хузангая.

А.П. Хузангай родился в г. Чебоксарах. Его отец – выдающийся писатель и переводчик, народный поэт Чувашии Педэр Хузангай (1907–1970). Мать – актриса Чувашского государственного академического театра им. К.В. Иванова, народная артистка СССР Вера Кузьмина. Рождение сына П. Хузангаем было отмечено поэтическими текстами «С'апка юрри» (1948) и «Халал» (в посвящении к роману в стихах «Аптраман тавраш»).

* Перевод А.П. Хузангая.

*Атя, Агнер! Сулу сан такър.
Йёри-тавра пӑкса тинкер:
Тёче, шыра, самант та ан тӑр,
Ситмен ёмётёме ситер.*

Агнер Хузангай учился в Чебоксарской средней школе № 4. В начальных классах его учителем была Антонина Васильевна Черпакова (1887–1971), одна из первых заслуженных учителей РСФСР в Чувашии, уважаемый и известный педагог. Класс, где учился юный Хузангай, был ее последним выпуском. От нее (после родителей и двух бабушек *асанне* и *кукамай*) были получены первые уроки добра, любви и первичного знания. В то же время, видимо, произошло и самоощущение себя как чуваша (на уровне бессознательного): в классе, где около половины учащихся были чувашскими детьми, но носили русские имена и фамилии (Андреев, Доброхотов, Тихонов, Зерняев, Поляков и др.), ребенок с именем *Агнер* и тем более с такой фамилией не мог не быть «иным». Впрочем, это оставалось чисто внутренним ощущением подростка. В положительном смысле оно усилилось позже – в университетские годы и в эпоху горбачевской перестройки.

В школе любимыми предметами Агнера были геометрия, география, отчасти физика, а в старших классах – английский язык. К школьным же годам относятся первые пробы пера в жанре «сочинения на свободную тему». В основном это были описания природы и ее состояний в разные времена года. Они даже зачитывались по школьному радио.

Хузангай окончил среднюю школу в 1966 г. с серебряной медалью и имел намерение поступать на английское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета (то, что местом учебы будет город на Неве, было ясно изначально, ибо его сестра Саламби Петровна в свое время окончила Ленинградский электротехнический институт и жила там). Однако по совету и настоянию отца он поступил на отделение арабской филологии Восточного факультета того же университета. Многоязычная и мультикультурная среда этого уникального факультета, где учились представители разных национальностей из самых разных городов и весей СССР, вызывала дух соревновательности, а строгое и в то же время доброжелательное отношение преподавателей кафедры арабской филологии (среди них было много видных арабистов и семитологов – учеников патриарха советской арабистики академика И.Ю. Крачковского, и сам предмет изучения – древние и современные восточные языки (арабский, классический древнееврейский, арамейский) и языки европейские – требовали каждодневных, многочасовых занятий и приложения больших усилий.

В то время в Ленинграде в научной гуманитарной среде происходило своеобразное «брожение идей», публично излагались новые теории в разных областях знания. Хузангай посещает лекции Л.Н. Гумилева, начинавшего тогда разрабатывать свою теорию пассионарности и этногенеза, а также социолога и сексолога И.С. Кона, языковедов-структуралистов С.К. Шаумяна, И.А. Мельчука и др. Увлечшись структуралистским подходом, Агнер Петрович стремился приложить его к материалу классического арабского языка и современных арабских диалектов. Книга Ю.Д. Апресяна «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (М., 1966) являлась ярким образцом этого направления и стала для чувашского студента настольной. Первым опытом соединения новых методик анализа и традиционной арабской грамматической теории стала курсовая работа Хузангай за 1969 г. «Категория *ʾurʾvba* (флекси) в арабском литературном языке», выполненная на основе трактатов грамматиков Сибавейхи (VIII в.) и ал-Фариси (X в.). Лингвистическую специализацию он продолжил и в последующие годы учебы, а в 1972 г. защитил дипломную работу по теме «Именные не-предикативные словосочетания в египетском диалекте».

В 1970–1971 г. Агнер Петрович проходил стажировку в качестве военного переводчика в Арабской Республике Египет.

После окончания университета ему была присвоена квалификация «востоковед-филолог» по специальности «арабская филология». В 1973–1976 г. А.П. Хузангай обучался в очной аспирантуре Института востоковедения АН СССР. Диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Типология простого предложения в арабском

диалектном языке», подготовленную под руководством Г.Ш. Шарбатова, одного из ведущих арабистов московской школы, защитил в 1978 г. В диссертации и статьях, посвященных арабскому языку, Агнер Петрович впервые проанализировал типологию арабских диалектных систем на синтаксическом уровне, а также категории, структуры и единицы, которые могут быть репрезентированы в пределах простого предложения. Была доказана типологическая инвариантность арабского диалектного языка, который как целое по ряду грамматических характеристик противостоит арабскому литературному языку.

Работу на кафедре чувашского языкознания историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова начал в сентябре 1978 г. с должности ассистента (с 1981 г. – ст. преподаватель, с 1987 г. – доцент). Читал лекции и вел практические занятия по общелингвистическим дисциплинам, чувашской диалектологии и арабскому языку. Ученое звание доцента ему было присвоено в апреле 1989 г. С 1990 г. по настоящее время работает заведующим отделом языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук.

С середины 70-х гг. А.П. Хузангай активно проявил себя как литературный критик и публицист. Причем с самого начала он публиковался не только в республиканской периодике, но и на всесоюзном уровне (газеты «Литературная Россия» и «Литературная газета», журналы «Дружба народов», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение», «Новый мир», «Вопросы языкознания» и «Советская тюркология»). Агнер Петрович – автор около 300 публикаций о языковом существовании чувашского этноса, по проблематике межнациональных отношений, о современной чувашской поэзии и отдельных поэтах Урало-Поволжского региона, в особенности — о творчестве Геннадия Айги. Некоторые статьи Хузангая были переведены на латышский, татарский, марийский, эсперанто, шведский, датский и итальянский языки, также частично вошли в его книги «Поиск слова. Литературно-критические статьи» (1987), «Тексты, метатексты & путешествия» (2003), «Путешествие по периферии к центру языка» (2003).

В 1990–1994 гг. Агнер Петрович был народным депутатом Верховного Совета Чувашской АССР двенадцатого созыва и возглавлял постоянную Комиссию по культуре, развитию языка и межнациональных отношений. При его активном участии были разработаны и приняты «Декларация о государственном суверенитете Чувашской Республики», Закон ЧР «О языках в Чувашской Республике», «Государственная программа реализации Закона Чувашской Республики «О языках в ЧР» на 1993–2000 и последующие годы», законодательные акты о государственных символах Чувашской Республики (Флаге, Гербе, Гимне), а также законы о Президенте Чувашской Республики, о выборах Президента ЧР и др.

Законотворческая и научная деятельность Агнера Хузангая в 1990-х гг. как бы взаимно дополняли друг друга, поскольку были ориентированы на один предмет – «социальное функционирование чувашского языка» в диахронии, синхронии и диатопии, то есть бытование языка в разных социумах: в условиях села и города, в местах компактного проживания чувашской диаспоры, а также в разных временных срезах. Это было особенно важно после объявления чувашского языка государственным на территории Чувашской Республики. Работа над указанной темой потребовала основательного знакомства с языковым законодательством и языковыми ситуациями в разных регионах мира, а также – с современными социолингвистическими теориями. По этой тематике с конца 80-х по конец 90-х гг. А.П. Хузангай выступал на многих конференциях, симпозиумах, «круглых столах», проводившихся в Москве, Элисте, Чебоксарах, Казани, Улан-Удэ, Висконсине (США), Гааге (Нидерланды), Тарту, Пюхьярве (Эстонская Республика), Турку (Финляндия), Вентспилсе (Республика Латвия), Измире, Бурсе (Турция) и Париже.

Научные интересы Агнера Петровича достаточно разнообразны – это и семиотический подход к поэтической функции языка, и анализ поэтических идиолектов (Сеспель, П. Хузангай, В. Митта, Айги, Эйзин, Агтил и др.), и ономастика, и языковое существование чувашского этноса, и проблемы культурологии и др. При этом ученый исходит из того, что язык – это центральный нерв национальной культуры, определяющий картину мира, сознание человека и, следовательно, его бытие.

В рамках социолингвистического описания современного чувашского языка он сотрудничает как консультант и эксперт с Научно-исследовательским центром по национально-

языковым отношениям и отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, Центром северноевразийских языков и культур им. Н.С. Трубецкого (Московский лингвистический университет), Научно-исследовательской лабораторией «Проблемы искусственного интеллекта» (Казанский государственный университет и АН Республики Татарстан), Сектором по изучению языков народов Поволжья (Университет Турку, Финляндия).

А.П. Хузангай являлся одним из организаторов экспедиций по социолингвистическому и социокультурному обследованию чувашского языка как в Чувашской Республике (2004, совместно с НИЦ Института языкознания РАН), так и за ее пределами (1996, Республика Татарстан, Самарская и Ульяновская области), (2002, «Чуваши Присвияжья» в рамках проекта «Чуваши Приволжского федерального округа»). По его инициативе, как заведующего отделом языкознания ЧГИГН, были проведены авторитетные межрегиональные конференции «Ономастика и языки Урало-Поволжья» (1997); «Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеселя» (1999); «Источники и периодизация истории чувашского языка. К 75-летию со дня рождения А. Рона-Таша» (2006) и форумы международного статуса: «Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура» (2001), «Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра» (2004), VI международный симпозиум «Вариативность в языках народов Поволжья» (2006) и др.

Становление А.П. Хузангай как общественно-политического деятеля совпало с началом перестройки (естественно, его мировоззрение сформировалось гораздо раньше). В тот период он инициировал создание ряда общественных организаций национально-демократического толка и сам возглавлял их. В 1987–1989 гг. был председателем Координационного центра творческой молодежи при Чувашском обкоме ВЛКСМ, в конце 80-х была организована Партия чувашского национального возрождения (ЧАП), в октябре 1992 г. – Чувашский национальный конгресс (ЧНК), президентом которого он являлся в 1992–1997 гг. (ныне – почетный президент). В 1993 г. ЧНК был принят в международную Организацию непредставленных народов и наций (UNPO; штаб-квартира в Гааге).

Агнер Петрович — редактор ряда научных изданий, в том числе и академического шеститомного Собрания сочинений П.П. Хузангай, а также составитель 5 и 6 томов данного издания (1997–2006). Им подготовлено научно-художественное издание поэмы К.В. Иванова «Нарспи» (серия «Литературные памятники». Чебоксары, 2008). С 1994 г. Агнер Хузангай был членом редакционной коллегии международного журнала чувашской культуры «ЛИК Чувашии», позднее журнала «Новый ЛИК» (ныне «КИЛ»). До 2007 г. он входил в состав редакционного совета журнала «Дружба народов». В настоящее время является членом редакционной коллегии биографической серии «Замечательные люди Чувашии», книжных серий «Библиотека Президента Чувашской Республики», «Чувашской антологии выставивания и преображения», членом Комиссии по присуждению Государственных премий Чувашской Республики по литературе и искусству, членом Межведомственной комиссии по регулированию норм чувашского языка и Комиссии по использованию государственных языков при администрации г. Чебоксар. А.П. Хузангай – руководитель отраслевой редакции и автор ряда статей «Чувашской энциклопедии» и «Краткой чувашской энциклопедии» (2001).

Еще одним свидетельством авторитета Агнера Петровича в научной среде явилось включение его в состав Бюро недавно созданного Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН.

А.П. Хузангай – лауреат премий Союза журналистов Латвии (1987), журнала «Дружба народов» (1987), Чувашского комсомола им. М. Сеселя (1989), премии и медали В. Митты (1998), премии им. И.Я. Яковлева (2002) и др.

Основные научные труды

Односоставные предложения в современных арабских диалектах // Исследования по структуре языков Азии и Африки. М., 1975. С. 224–228.

Синтаксические группы в арабской диалектной системе // Чувашский язык и литература / Труды ЧНИИ. Вып. 59. Чебоксары, 1975. С. 140–162.

Типология простого предложения в арабском диалектном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1977. 22 с.

В.Г. Егоров: К 100-летию со дня рождения // Советская тюркология, 1980. № 1. С. 99–101.

Simttukst oľ vbrdu... // Literatŕa un Mbksla. 1982. 19, 26 февраля.

Второе рабочее совещание этимологов (Чебоксары, 7–8 июня 1983 г.) // Советская тюркология, 1983. № 3. С. 102–106.

Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе (О конференции, состоявшейся 11–12 октября 1984 г. в Чебоксарах) // Советская тюркология, 1984. № 4. С. 98–100.

«Сто тысяч слов...» или диалектика обновления // Дружба народов, 1984. № 11. С. 236–244.

Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984. 184 с. // Вопросы языкознания, 1987. № 6. С. 144–146. Рецензия.

Глагол времен (Рец.: Революичченхи чăваш литератури: Текстсем. 1 т. Шупашкар, 1984. 464 с.) // Вопросы литературы, 1985. № 3. С. 38–41.

«Не обольщайся этой тишиной...» (Молодая чувашская поэзия: позиция и стиль). Литературное обозрение, 1985. № 8. С. 14–17.

Значение культурно-исторического контекста при этимологизации чувашских теонимов (Киреметь) // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. Чебоксары, 1986. С. 56–70.

Классики и современники (Рец.: Г.Я. Хлебников. Меслетпе йсталăх. Шупашкар, 1984. 256 с.) // Вопросы литературы, 1986. № 7. С. 237–242.

Содержание университетского курса «Введение в тюркологию и проблемы чувашского глотто- и топонимизации» // Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе. Чебоксары, 1986. С. 77–82.

На языке Данте и Петрарки (Рец.: I CANTI dei Popoli del Volga. I. Gennadij Ajgi. Antologia Ciuvascia. Edizione italiana a cura di Gianroberto Scarcia e Alessandra Trevisan // «Quaderni di Iranistica, Uralo-Altaistica e Caucasiaologia dell' Università degli Studi di Venezia», 23. Arti Grafiche Scialia Editrice. Roma. 1988. 288p.) // Вопросы литературы, 1986. № 11. С. 244–251.

Поиск слова: Литературно-критические статьи. Чебоксары, 1987. 191 с.

К определению этапов развития хунно-булгаро-чувашского ономастикона // Межъязыковые взаимодействия в Волго-Камье. Чебоксары, 1988. С. 49–59.

Право на наследство (Молодая финно-угорская поэзия Поволжья и Приуралья) // Дружба народов, 1988. № 9. С. 25–29.

Судьба поэта (О Василье Митта) // Взгляд за горизонт. Чебоксары, 1989. С. 158–210.

«Вещами Бога посещаемое...» (О творческом пути Г. Айги) // Родник, №4; id // Avots, 1989. № 4. С. 13–14.

Книга Пигамбара: 3-й Сеспелевский форум творческой молодежи / Составление и предисловие Агнера Хузангая. Чебоксары: КЦТМ, 1989. 16 с.

Константин Иванов. Фотоальбом. Чебоксары, 1990. 136 с. В соавторстве.

Имянаречение в булгаро-чувашской традиции (Функция имени и культурно-исторический контекст) // Вестник Чувашской национальной академии. Чебоксары, 1993. № 1. С. 83–91.

Опыт семантической интерпретации некоторых характеристик частотного словаря поэтических текстов М. Сеспеля // Чувашский язык: история и современность. Чебоксары, 1994. С. 29–42.

Посвящается а // ЛИК Чувашии, 1994. № 4. 39–42.

Языковое и культурное измерения в концепции государственной программы «Возрождение и развитие чувашского языка» // Вестник Чувашской национальной академии. Чебоксары, 1994. № 2. С. 40–48.

Об арабо-мусульманских терминах в чувашской сакральной лексике // Чăваш терминологи аталанăвĕн хальхи йĕтăвĕсем / ЧПГĂИ. Шупашкар, 1995. С. 36–38.

Pri la nuvala sperto de elvidado // «Scienco Kaj Kulturo» Dumonata Esperantlingva Revuo, 1996. № 6. С. 10–13.

Чувашское национальное движение в контексте Урало-Поволжского региона // Ученые записки Университета Поволжья. Т. 1. 1994–1996. М., 1997. С. 70–75.

Национальная идея и культура в свете постсоветского развития // Халӑх шкулӑ, 1997. № 1. С. 5–11.

Поэт Айги и художники (Опыт философской интерпретации поэтического и художественного сознания) / Библиотечка международного журнала чувашской культуры «ЛИК Чуваши». Чебоксары, 1998. 60 с.

Проблемы языкового существования чувашского этноса и перспективы языковой политики // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 88–106.

Чувашский языковой континуум в Урало-Поволжье: утопия или реальность? // Чӑваш чӗлхипе литератури. Теори тата методика. Шупашкар, 1999. С. 127–129.

Схолии к виртуальному проекту чувашского антропонимикона // Историко-этимологическое изучение чувашского и алтайских языков. Чебоксары, 1999. С. 29–31.

Диалектика чувашского глотто- и топонемеза в научном наследии В.Г. Егорова // Чӑваш чӗлхи: авалӑхран малашӑха. Шупашкар, 2000. С. 6–10.

Столп и утверждение чувашской филологии // *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваша. Репринтное издание. Чебоксары, 2000. С. 5–8.

Некоторые будущие подходы к целостному лингвосемантическому анализу сеспелевского текста (77 тезисов о поэте) // Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения поэта. В 2-х кн. Чебоксары, 2001. Кн. 2. С. 172–186.

Урхи Наумӑ как чувашский филолог, лингвист, стилист-автодидакт // Чӗлхе тӗпчевӗш Урхи Наумӑ. Шупашкар, 2002. С. 16–24.

Этнофутуристические тенденции в современной культуре урало-поволжских народов // Национальные традиции Поволжья. Чебоксары, 2003. С. 14–20.

Он перетолмачил родной язык // Профессор М.И.Скворцов. Чебоксары, 2003. С. 3–9. Тексты, метатексты & путешествия. Чебоксары, 2003. 388 с.

Путешествие по периферии к центру языка / Библиотека журнала «Халӑх ӑс-хакӑлӑ», 2003. № 5. 42 с.

В поисках структуры чувашского мироздания // *Никитин А.С.* Мир Чувашский. Чебоксары, 2003. С. 841–849.

Пролегомена к философии языка Н.И. Ашмарина // Ашмаринские чтения: Материалы межрегиональной научной конференции / ЧГУ. Чебоксары, 2004. С. 59–68.

И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский (Опыт ретроспективного исторического поведения личностей) // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века / ЧГИГН. Чебоксары, 2005. С. 7–25.

Опыт анализа футуристического текста чувашской словесности («Хула» Андрея Петтоки) // Андрей Петтоки (Поэт кун-сӗлӗпе пултарулаӑхне сӗнӗлле ӑнланни / ЧПГ ӐИ. Шупашкар, 2005. С. 208–217.

Чувашская этнокультурная парадигма: интеллигенция и власть в условиях глобализации // Этнопедагогический ежегодник / ЧГПУ. Чебоксары, 2005. Вып. 1. С. 90–101.

Корифеи чувашской гуманитарной науки // ЛИК, 2005. №1. С. 153–159.

Вопрошание о Боге // Новое литературное обозрение. 2006. С. 217–222. id // Альманах Академии Зауми. М., 2007. С. 138–142.

«Путеец родного языка», «Пусть мудрец стережет свою мысль...», «Апостол просвещения» [статьи об И.А. Андрееве, В.Г. Егорове, Н.И. Ильминском] // Ученые / Библиотека Президента ЧР. Т. 4. Чебоксары, 2006. С. 17–26, 145–154, 185–186.

Новая трактовка истории чувашского слова // ЛИК, 2006. № 2. С. 70–82.

Андраш Рона-Таш // Чувашский гуманитарный вестник, 2006. № 1. С. 245–248.

Pjotr Petrov – en tjvasjisk metafysiker (fra serien «Digteren Aigi eg kunstnerne» [Петр Петров – чувашский метафизик. Из серии «Поэт Айги и художники»] // Billedkunst. Silkeborg kunstmuseum. 14 argang, nr. december 2006. S. 44–45.

«Tystare дн doden och tystare дн du» [... Тише смерти – и тише тебя] // Ariel, 2006. 3–4.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ФОКИН
1947–2007

28 ноября 2007 г. на 61-м году жизни скоро-

постижно скончался известный чувашский этнограф, старший научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Чувашского государственного института гуманитарных наук, заслуженный работник культуры Чувашской Республики Петр Петрович Фокин.

П.П. Фокин родился 9 октября 1947 г. в д. Бишево Урмарского района Чувашской АССР. После окончания с серебряной медалью 11 классов Большеяниковской средней школы в 1965 г. поступил на исторический факультет Московского государственного университета, который окончил в 1970 г., получив диплом этнографа. Его учителями являлись такие этнографы как проф. С.А. Токарев (работал зав. кафедрой этнографии в 1956–1973 гг.), К.И. Козлова, Г.Е. Марков, Г.Г. Громов, Л.П. Лашук, Л.Б. Заседателева и др. Руководителем дипломной работы, посвященной семье и браку у чувашей, была К.И. Козлова, специалист по этнографии народов Поволжья, разработавшая спецкурсы и издавшая книгу «Этнография народов Поволжья». Будучи студентом, Петр Фокин в составе экспедиций, возглавляемых К.И. Козловой, побывал в республиках Среднего Поволжья. В течение всей жизни он поддерживал связь с Учителем – Клавдия Ивановна живо интересовалась успехами своего ученика.

С приходом П.П. Фокина в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН) непосредственно связано образование в нем в 1970 г. сектора этнографии. С августа 1970 до своей кончины 28 ноября 2007 г. он работал в центре гуманитарных наук Чувашии: в первое время младшим научным сотрудником, спустя 4 года – старшим научным сотрудником, в 1975–1982 гг. – заведующим отделом этнографии и социальных исследований, в 1982–2002 гг. – старшим научным сотрудником отдела этнологии и антропологии. В 2002–2005 гг. трудился в отделе чувашской энциклопедии в качестве руководителя и куратора отраслевых редакций, продолжая сотрудничать с отделом этнологии по совместительству. С 2006 г. основную научную деятельность вновь стал выполнять в сфере этнологии.

«Чувашская сельская семья» – основная тема исследовательской работы П.П. Фокина. Ее он стал разрабатывать еще со студенческих времен. Издал десятки статей и монографию, а в 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию «Чувашская сельская семья в конце XIX в. – 1980-е гг.» (научный руководитель проф. П.В. Денисов).

О научной квалификации Петра Петровича уже на первом этапе его научно-исследовательской деятельности говорит тот факт, что труды молодого исследователя («Брачная обрядность чувашей Самарской Луки», «Брак и семья чувашей Саратовского Правобережья», «Молодежные объединения в дореволюционной чувашской деревне», «Брак в современной чувашской деревне») были опубликованы в ведущей серии института «История и культура Чувашской АССР», вышедшей в 4 выпусках. С темой «Санционирование брака в современной чувашской деревне» он выступил на научной сессии отделения истории АН СССР в Самарканде (1973).

В 1975 г. П.П. Фокину было доверено заведовать отделом этнографии и социальных исследований. Молодому руководителю научного подразделения дирекция предложила написать обобщающие аналитические статьи об этнических процессах и развитии этнографической науки в Чувашии, с чем он успешно справился. Эти работы были востребованы ходом развития этнографической науки в стране и Чувашии. С начала 1980-х годов Петр Петрович уже трудился практически над всей областью традиционной классической этнографии чувашей. В частности, работал над главами «Очерков истории культуры дореволюционной Чувашии» (1985). Следует отметить, что в этнографии чувашей трудно найти тему, которой бы серьезно и плодотворно не занимался П.П. Фокин. Объектом внимания исследователя стали практически все элементы традиционной материальной и духовной культуры чувашей – занятия, поселения и жилища, одежда и пища, общественный быт, семья и семейный быт, народные знания, верования, народное творчество, мифология и т.д. Он заявил о себе как о профессиональном этнографе, авторитетном не только в Чувашии, но и за ее пределами.

П.П. Фокиным написано более 100 научных трудов. Он соавтор более десятка коллективных трудов. Сфера его научных изысканий обширна – историография чувашской этнографии, хозяйство, материальная и духовная культура, семья и брак, обычное право, праздники и обряды чувашского народа, этнические и этносоциальные процессы, межнациональные отношения.

Среди наиболее значительных работ П.П. Фокина главы и разделы коллективных монографий, брошюр: «Очерки истории и культуры (материальная и духовная культура)» (1985, в соавторстве), раздел «Чуваши» в книге «Семейный быт народов СССР» (1990), «Основные направления этнических процессов в Чувашской АССР» (1990), «Семья у чувашей» (1991, в соавторстве), «Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья» (1994, в соавторстве), «Традиционная культура чувашей» (1995), «Симбирско-саратовские чувашы» (2004). Его работы увидели свет в Чебоксарах, Москве, Йошкар-Оле, Ижевске, Казани, Махачкале, Самаре, Уфе. В последние годы он усиленно работал над томом «Чуваши» в российской академической серии «Народы и культуры», монографией «Праздники и обряды чувашей», над очерком «Чувашская семья» для российской энциклопедии семьи и другими сочинениями.

Наибольший вклад П.П. Фокин внес в комплексное описание и сравнительно-исторический и культурологический анализ чувашской сельской семьи и брака конца XIX–XX вв. В исследованиях раскрыты изменения форм брака, брачных норм, типов и структуры семьи, семейно-родственных отношений, причины, вызвавшие эти динамические процессы. В своих работах этнолог доказывает, что сельская чувашская семья сохраняет и трансформирует традиции, этническую обрядовую культуру, выступая одним из институтов развития личности. Интересны его наблюдения о том, что с 1980-х годов с ростом национального самосознания этноса возрождаются элементы традиционной обрядности чувашской свадьбы.

Значителен вклад П.П. Фокина в изучение традиционного хозяйства – земледелия и неземледельческих занятий. Хозяйственная деятельность чувашей П.П. Фокиным изучается с начала 1980-х годов. Им глубоко проанализированы система земледелия чувашей, состав возделываемых ими культур, их пахотные орудия и прочие сюжеты. Много внимания уделено Фокиным изучению пчеловодства и форм животноводства этноса. Тщательно выявлялись и фиксировались исследователем народные знания, обряды и обычаи, связанные с ведением традиционного хозяйства. Обрядам, связанным с животноводством, он посвятил отдельные статьи, в частности, первому выгону скота, отелу. Исследователь скрупулезно выявлял вари-

ации аграрных обрядов. Земледелие и животноводство П.П. Фокин рассматривал в контексте истории этнической культуры чувашей. Так, в кросскультурологическом исследовании «Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья» в становлении и развитии пашенного земледелия в Чувашско-Марийском Поволжье проследил взаимодействие традиций болгар, финского населения и восточных славян, выявил центральноазиатские и северокавказские корни ряда реалий. Уделил внимание эволюции и реликтовым формам животноводства, традициям кочевого степного скотоводства. Так, в коневодстве, как выявлено исследователем, закрепляются два направления – разведение верховых и рабочих лошадей. Знать, служилые люди из чувашей для участия в походах, несения воинской службы имели выученных коней – *урхамах*. Содержание верховых лошадей постепенно исчезает. Этнологом основательно изучалось такое древнейшее занятие чувашей, как боргничество. В хозяйстве чувашей немаловажное место занимала охота. Особенности степной и лесной охоты, освоение предками чувашей новых способов охоты, охотничьих орудий, снаряжение охотника, промысловая охота, рыболовство и рыбоводство также были объектом внимания П.П. Фокина. Исследователя интересовала связанная с хозяйством система отсчета времени у чувашей, историко-культурные корни чувашского календаря, к примеру, бытование циклического календаря, эволюция календарной системы. Надо отметить, что в ее реконструкцию он внес свой вклад.

Значительное внимание П.П. Фокин уделил историографии этнографии чувашей. Этой теме он хотел посвятить монографию. С его участием были созданы библиографический указатель по археологии и этнографии Чувашской АССР (1986), библиографический словарь «Исследователи этнографии и археологии Чувашии» (2004). Им был написан раздел «Этнография» для юбилейного издания института «Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 1930–2000 (2000)». Ряд работ он посвятил исследователю культуры и быта чувашей В.К. Магницкому.

П.П. Фокин участвовал в проведении более 20 экспедиций в Чувашии и местах проживания чувашской диаспоры. Полевой материал собирался им в экспедициях 1970–2000-х годов почти во всех районах республики и ряде регионов Поволжья, для чего им были разработаны программы-вопросники по земледелию, ремеслам, неземледельческим занятиям, семейным обрядам. Он был организатором ряда экспедиций по изучению культуры и семьи, современных этнических процессов как традиционными классическими, так и этносоциологическими методами. Для продолжения лонгитюдного изучения культуры и быта сельского населения Чувашии в 1980 г. под его руководством была проведена экспедиция в 21 селение. По статистическим материалам этих экспедиций написаны работы. В 1988 г. организовал анкетирование русских, татар, мордвы Чувашии по вопросам национальных отношений, в 1994 г. возглавил экспедицию в Ульяновскую и Пензенскую области по этносоциологическому обследованию проблем национальной культуры.

Около 20 лет П.П. Фокин преподавал этнографические дисциплины на историческом факультете и факультете чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, читал лекции на курсах учителей и работников культуры. Участвовал в грантовых исследованиях института. Редактировал статьи, сборники и монографии.

П.П. Фокин был щедр на помощь. Он охотно консультировал этнографов, историков и краеведов. Отличался эрудированностью. Среди его учеников А.Г. Филиппов, Г.Б. Матвеев, О.В. Егорова, Н.А. Петров и др. П.П. Фокин был незаурядным, требовательным рецензентом: замечал малейшие упущения.

Со смертью профессионального этнографа П.П. Фокина ряд областей этнологии чувашей остался без исследователя. Чувашская историческая наука понесла большую утрату. Светлая память о Петре Петровиче навсегда останется в наших сердцах.

Г.Б. Матвеев.

В 2007 г. Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН) провел насыщенный полевой археологический сезон. В Цивильском районе Чувашской Республики с 5 по 14 июня и с 8 по 26 сентября проводились охранные раскопки палеолитической стоянки-мастерской Шолма, расположенной в округе слияния Большого Цивилия и Малого Цивилия. Место это интересно тем, что здесь располагается целый комплекс памятников разных археологических эпох. С 2000 г. ведется систематическое изучение этой территории. Раскопки носили охранный характер, так как часть памятника в 2005 г. была разрушена карьерными работами. Раскоп площадью около 30 кв. м позволил получить коллекцию, насчитывающую более 6000 находок, среди которых каменные орудия и костяные изделия. Факт обнаружения столь объемного каменного материала, а особенно костяных изделий, уникален. Культурный слой памятника относится к древней погребенной почве ледникового периода.

Вместе с сотрудниками ЧГИГН в раскопках принимали участие археологи, палеонтологи и геологи Института истории АН Татарстана, Казанского государственного университета и Чувашского естественно-исторического общества «*Terra incognita*». Пристальное внимание столь широкого круга специалистов к этому памятнику не случайно, ибо он в научном плане представляет исключительный интерес. Впервые на территории Чувашии открыта палеолитическая стоянка с каменными орудиями, изучение которых позволяет проследить исторические связи древних насельников края. Специфические геологические условия, сохранившие следы (солифлюкции и морозобойных клиньев) различных климатических этапов ледникового периода дают уникальный материал для геоморфологических и палеогеографических реконструкций. Находки костей животных (лошадей, медведя и мелких хищников), на которых охотились первобытные люди, позволят палеонтологам провести определение фаунистических комплексов. Во время проведения раскопок были отобраны образцы для палеоботанических, петрографических исследований. В ближайшее время планируется проведение радиоуглеродного анализа памятника, что позволит более точно установить время его существования.

* * *

С 29 июля по 16 августа 2007 г. были продолжены раскопки многослойного поселения «Утюж I» в Алатырском Присурье Чувашской Республики, которые были начаты в предыдущем году. В раскопках 2007 г. приняли участие археологи, аспиранты и студенты из ЧГИГН, научных учреждений и учебных заведений Самары, Ульяновска, Пензы, Москвы и Казани. Второй год в работе экспедиции участвуют студенты и школьники из г. Алатыря, а также сотрудники местного краеведческого музея.

Раскопки позволили получить уникальный материал по археологии, представляющий регион в широком хронологическом диапазоне от мезолита, раннего и развитого неолита, до энеолита и средневековья. Здесь впервые, для большого района Среднего и Нижнего Присурья, получены материалы раннеэнеолитической керамики елшанской культуры. Отметим, что эта территория на сегодня является самой северной точкой распространения названной культуры. Изучение этого явления даст пищу для размышлений о процессах неолитизации этого региона, о возникновении (проникновении) неолитических культур. Здесь впервые обнаружены стоянки с накольчатой керамикой – они представлены как в ранних, так и в поздних ее формах, позволяющие пролить свет на распространение и взаимодействие племен с накольчатой керамикой в лесостепной полосе Европейской России в неолите. Раскопанные материалы свидетельствуют о проживании в эпоху неолита здесь льяловских племен с ямочно-гребенчатой керамикой, выполненной в традициях лесного Марийско-Чувашского Поволжья и Рязанского Поочья. В эпоху развитого неолита в этот регион проникают степные племена энеолитической хвалынской культуры. Раскопками 2007 г. удалось обнаружить следы крупных жилищ этих племен, со специфическим набором орудий и керамикой. Также здесь исследовано поселение волосовской культуры, в специфической керамике которого прослеживается отчетливое влияние алтатинской археологической культуры. Проникновение этих культур так далеко на север – явление уникальное и отмечено впервые. На сегодня это самая северная точка распространения энеолитических племен.

Таким образом, территория Среднего Присурья, остававшаяся до недавнего времени белым пятном на археологической карте, приобретает свой специфический облик, отличный от всех соседних территорий.

* * *

С 22 по 30 августа 2007 г. сотрудниками ЧГИГН при участии членов Чувашского естественно-исторического общества «Тегга incognita» были проведены раскопки разрушающегося жилища на Мукшумской X стоянке в Чувашском Заволжье. Памятник был открыт в 2000 г. и с тех пор подвергся сильному разрушению водами Чебоксарского водохранилища. В результате раскопок была уточнена его датировка, получена коллекция каменных орудий, зафиксированы следы жилищной постройки, прослежены ее планиграфические особенности, позволяющие провести реконструкцию облика жилища.

Мукшумская X стоянка имеет относительно высокое расположение – на макушке песчаной дюны, порядка 5 метров над современным уровнем Чебоксарского водохранилища, что является характерным для памятников позднего этапа мезолита Чувашско-Марийского Поволжья. Каменный инвентарь также подтверждает мезолитический возраст стоянки.

Этот памятник – четвертая стоянка мезолита, изученная раскопками на территории Чувашии. Мезолитическая эпоха – малоисследованная область древнейшей истории края. Мезолит Чувашско-Марийского Поволжья выделяется своеобразием культурной специфики, и поэтому каждый новый раскопанный памятник является уникальным.

* * *

Полевой сезон 2008 г. начался с проведения мониторинга, то есть выявления современного состояния открытых ранее археологических памятников. С 3 по 6 мая на территории Шемуршинского, Яльчикского, Батыревского, Комсомольского и Канашского районов было обследовано более 10 археологических памятников (стоянки, курганы и городища) и открыты новые поселения эпохи бронзы. Большая часть памятников подвергается воздействию хозяйственной деятельности человека, а один – Шибылгинское городище раннего железного века – полностью уничтожен. По всем этим фактам направлены письма в Госцентр по охране культурного наследия Чувашской Республики. В ходе этой экспедиции археологи встречались с краеведами, посетили сельские и школьные музеи.

* * *

С 3 по 14 июля 2008 г. были проведены археологические раскопки Мукшумской XIV стоянки эпохи мезолита (вторая половина 7 тыс. до н.э.), расположенной в Чувашском Заволжье. Надо отметить, то эта стоянка была открыта в 2000 г. и изучалась раскопками в 2002 г. Раскопки прошлых лет дали уникальный материал и привлекли внимание ученых. В совместных раскопках 2008 г. приняли участие археологи из ЧГИГН, Института истории Академии наук Татарстана, члены Чувашского естественно-исторического общества «Тerra incognita», а также студенты и школьники из Чебоксар и Казани. Целью раскопок было изучение межжилищного пространства на стоянке. На площади около 100 кв.м. были изучены хозяйственные ямы и постройки, а также зафиксирован северный край одной из жилищных построек. Была получена коллекция из более 3000 артефактов, в основном это каменные орудия, среди которых отмечены ножевидные пластины, скребки, скобели, топоры и тесла, множество отбойников. В будущем планируется продолжить планомерные раскопки этой стоянки.

* * *

Результаты раскопок 2006–2007 гг. Утюжского комплекса археологических памятников в Алатырском Присурье дали такой уникальный и разноплановый материал, что позволило провести с 1 по 4 августа 2008 г. Межрегиональный научно-практический полевой семинар «Культурная специфика Волго-Сурского региона в первобытности». Этот полевой семинар получил финансовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда. На данный научный форум были приглашены ведущие археологи региона. Рамки формата полевого семинара позволили специалистам поработать непосредственно с археологическим материалом, полученным в ходе полевых работ этого и предыдущих сезонов, обсудить вопросы развития и взаимодействия археологических культур Волго-Сурского региона, рассмотреть методики раскопок стоянок и интерпретации культурного слоя и находок, с ним связанных.

Пленарное заседание состоялось в г. Алатыре, в гимназии № 6. На открытии семинара его участников приветствовали глава Алатыря М.В. Марискин и директор ЧГИГН В.С. Григорьев. В работе пленарного заседания приняли участие сотрудники отдела культуры администрации Алатыря, Алатырского краеведческого музея, преподаватели и студенты Алатырского филиала Чувашского государственного университета, а также учителя и школьники Алатыря и других городов Чувашской Республики.

Для участия в работе полевого семинара было подано 23 заявки из 13 регионов России (Чебоксары, Казань, Йошкар-Ола, Пенза, Ульяновск, Нижний Новгород, Самара, Саратов, Липецк, Воронеж, Пермь, Москва, Иванов). На семинаре было заслушано и обсуждено 16 основных и 1 стендовый доклады. Они были посвящены итогам раскопок стоянки Утюж I, вопросам трасологического изучения каменных орудий и радиоуглеродного датирования возраста стоянок, а также характеристике отдельных культурно-хронологических групп населения региона.

Обсуждаемые вопросы носили проблемный, методический и методологический характер. В ходе дискуссий были сформулированы предложения по единой терминологии в характеристике орнаментации керамики, отмечены перспективные направления изучения археологических культур Волго-Сурского региона, намечены планы дальнейших исследований. По итогам семинара планируется выпустить археологический сборник работ.

Во время проведения полевого семинара была развернута археологическая выставка по итогам раскопок 2006–2007 гг. многослойного поселения Утюж I. В залах Алатырского краеведческого музея она была представлена по культурно-хронологическим комплексам поселения. Экспонаты сопровождались фотографиями.

Для организации работы семинара, а также с целью продолжения исследований с 26 июля по 12 августа 2008 г. были проведены археологические разведочные раскопки стоянок Утюж V, на озере Вьюново и озере Черненькое. Стоянка Утюж V оказалась многослойным поселением, верхние слои которого были нарушены пахотой. Нижние слои зафиксировали неоднократное заселение этого места в неолите и энеолите. Неолитические слои содержали фрагменты глиняной лепной посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом, орудия из кремня и следы

жилой постройки. Слои энеолита были оставлены населением волосовской археологической культуры и содержали находки как раннего ее этапа, так и развитого. Здесь нам удалось зафиксировать следы выхода из жилища и хозяйственные ямы, которые, вероятно, были укреплены плетеными корзинами. В этих ямах могли храниться запасы продовольствия. Были сделаны интересные находки: фрагменты лепной глиной посуды и каменные орудия, в том числе серия мелких наконечников стрел и крупный наконечник дротика, ножи и скребки, проколки и скобели, тесла и топоры.

Небольшой раскоп на стоянке озеро Вьюново позволил выявить культурный слой с находками срубной археологической культуры эпохи развитой бронзы. Были найдены фрагменты и развалы крупных горшков с характерным гребенчатым и прочерченным орнаментом. Раскоп на стоянке озеро Черненькое выявил многослойный характер поселения. Важнейшими находками здесь оказались предметы раннего неолита с глиняной посудой с накольчатым орнаментом. Этот период каменного века относительно слабо изучен в связи с объективно малым количеством памятников. Этим обстоятельством и обусловлен интерес к нему археологов.

Территория Среднего Присурья, остававшаяся до недавнего времени белым пятном на археологической карте, приобретает свой специфический облик. Открытые и изученные здесь археологические памятники могут стать ключом к разрешению многих остро дискуссионных тем в археологии каменного века.

За последние годы изучение каменного века Чувашского края продвинулось вперед. Описаны открытые новые памятники, ведутся активные археологические раскопки. Вместе с тем следует признать, что это еще только начало пути.

Н.С. Березина.

* * *

Конференции, выставки, презентации, семинары в ЧГИГН. Хроника.

5 июня 2007 г. Научная конференция «Актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории Поволжья и Приуралья».

17–18 августа 2007 г. Региональная научно-практическая конференция «Проблемы создания региональных энциклопедий».

11 сентября 2007 г. Научно-практическая конференция «Песенное творчество чувашских поэтов XVIII–XX вв.», посвященная 100-летию И.С. Тукташа.

26 сентября 2007 г. Межрегиональная научно-практическая конференция «Чăваш чĕлхи аталанăвĕн сивĕч ыйтăвĕсем».

18–20 октября 2007 г. Международная научно-практическая конференция «Научная, духовно-миссионерская деятельность Н.Я. Бичурина: история и современное значение», посвященная 230-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина.

30 октября 2007 г. Расширенное заседание отделов археологии и истории «П.Г. Григорьев – исследователь истории и организатор науки», посвященное 110-летию со дня рождения историка П.Г. Григорьева.

20–21 ноября 2007 г. Межрегиональная научно-практическая конференция «Художественно-творческое наследие чувашей в современном фольклорном исполнительстве».

22 ноября 2007 г. Расширенное заседание отдела этнологии и антропологии «Итоги полевых исследований 2007 года».

27 ноября 2007 г. Межрегиональная научно-практическая конференция «Чувашская ономастика: проблемы и перспективы».

13 декабря 2007 г. Выставка, посвященная 75-летию А.И. Миттова «А.И. Миттов. Живопись. Графика».

20 декабря 2007 г. Республиканская научно-практическая конференция «Археология Чувашского Поволжья: итоги и перспективы развития».

29 января 2008 г. Расширенное заседание отдела литературоведения и фольклористики «Детская драматургия и автобиографическая литература», посвященное 100-летию писательницы М.Д. Ухсай (1908–1969).

8 февраля 2008 г. Межвузовская научно-практическая конференция «Семья в современном обществе: от традиций к инновациям», посвященная «Году семьи».

12–15 февраля 2008 г. Итоговая научная сессия.

14 февраля 2008 г. Межрегиональная научно-практическая конференция «Поэма К.В. Иванова «Нарспи» – шедевр мировой литературной классики».

4 марта 2008 г. Митта Васлейё 100 сул тултарнине халалласа ирттерекен «Савра сётел»: «Митта Васлейён кямлёле халалё».

28 марта 2008 г. Совместное заседание отделов этнологии и антропологии, литературоведения и фольклористики, языкознания «Дюла Месарош – исследователь этнографии, фольклора и мифологии чувашей», посвященное 125-летию венгерского тюрколога, этнографа и фольклориста Д. Мессароша.

17 апреля 2008 г. Межрегиональная научно-практическая конференция «И.Я. Яковлев – выдающийся просветитель народов Поволжья и Приуралья», посвященная 160-летию И.Я. Яковлева.

17–25 апреля 2008 г. День научной книги. Презентация изданий ЧГИГН в рамках фестиваля национальной книги «Между Волгой и Сурой».

20 мая 2008 г. Республиканская научно-практическая конференция «Культурные традиции в условиях трансформации общества», посвященная 130-летию Н.В. Никольского.

23 июня 2008 г. Научно-практический семинар «Методологические подходы в подготовке свода «Чувашское народное творчество».

31 июля–4 августа 2008 г. Межрегиональный полевой семинар на базе раскопок поселения «Утюж I» в Алатырском районе Чувашской Республики «Культурная специфика Волго-Сурского района в первобытности».

17 сентября 2008 г. Выездное заседание отдела языкознания «Тăван чĕлхе – тĕнче уçси (И.П. Павлов чĕлхесĕ тата унăн еткерлĕхĕ)», посвященное 80-летию со дня рождения И.П. Павлова. Село Аликово.

18–22 сентября 2008 г. Четвертая Всероссийская научно-практическая конференция «Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации».

3 октября 2008 г. Выездное заседание отдела археологии «Балановская культура: итоги и перспективы изучения», посвященное 75-летию начала изучения Балановского могильника эпохи бронзы. Село Карачево.

4 октября 2008 г. Выездное заседание «Связь времен и культур в наследии Н.Е. Ефимова и Г.И. Комиссарова», посвященное 125-летию Гурия Комиссарова и 150-летию Никиты Ефимова. Село Богатырево.

14 октября 2008 г. Научно-практическая конференция «Тайна поэмы «Нарспи» и чувашская культура XX века», посвященная 100-летию издания поэмы «Нарспи».

23 октября 2008 г. Региональная научно-практическая конференция «Образная система в отечественной живописи второй половины XX века и художественные принципы Н.В. Овчинникова», посвященная 90-летию народного художника РСФСР и Чувашской АССР Н.В. Овчинникова.

11 ноября 2008 г. Межрегиональная научно-практическая конференция «Наследие М.Я. Сироткина и современные проблемы культурологии, литературоведения, фольклористики и педагогики», посвященная 100-летию видного литературоведа, фольклориста, общественного и государственного деятеля М.Я. Сироткина (1908–1970).

2 декабря 2008 г. Расширенное заседание отдела археологии, посвященное итогам полевых работ 2008 г.

19–20 декабря 2008 г. Научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Х.М. Миначева. Город Чебоксары, село Яльчики, село Батырево.

Л.П. Петров.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Как известно, в фондах Государственного архива Республики Марий Эл отложились исторические источники, характеризующие реалии Прошлого и на территориях, вошедших впоследствии в состав Чувашии. За редким исключением, к собранию его документального материала чувашские исследователи не обращаются. Хочу через Ваш журнал обратить внимание коллег на информативные возможности названного архива. Выявленный мною документ хранится в Государственном архиве Республики Марий Эл в фонде Козьмодемьянского жандармского унтер-офицера (г. Йошкар-Ола) и представляет несомненный интерес для характеристики отношения чувашских крестьян к столыпинской аграрной реформе. Он примечателен тем, что содержит сведения о возврате части крестьян-переселенцев из Сибири обратно на прежнее местожительство и отношение к ней сельской общины.

* * *

Рапорт помощника начальника Казанского губернского жандармского управления в Тетюшском, Чебоксарском, Спасском, Козьмодемьянском и Ядринском уездах унтер-офицера Ивана Михеева об отказе крестьян д. Тойдерек-касы и Елемень-касы Акрамовской волости Козьмодемьянского уезда обмерять землю для отрубов членам сельских обществ, переселившимся в Сибирь.

28 мая 1916 г.

Секретно

26 сего мая пристав 2 стана Козьмодемьянского уезда производил дознание в деревнях Тойдерек-касы и Елемень-касы Акрамовской волости, куда он прибыл с урядником и стражниками, вызванных следующими обстоятельствами:

Крестьяне деревень Тойдерек-касов Федор Яковлев и Елемень-касов Ефим Захаров и Семен Захаров, переселившись в 1908 году в Сибирь на жительство и текущей весной подали прошение земскому начальнику 3 участка Козьмодемьянского уезда о выделении их земли из общественного пользования для отрубов. Ввиду чего земский начальник поручил волостному старшине Акрамовской волости Ивану Сорокину произвести обмер полос в этих деревнях. Куда старшина Сорокин 12 сего мая прибыл в деревни Тойдерек-касы и Елемень-касы для обмера. Для чего ему, Сорокину, нужны были понятия.

Крестьяне этих деревень, видя, для какой цели приехал старшина, собрались возмущенной толпой, начали кричать: «Не дадим понятий и не дадим обмерять землю для отрубов тем, кто у нас не живет». А в деревне Елемень-касы родственника переселенца из другой деревни Туры-касы Максима Архипова сильно избивали за то, что он только родственник их

однодеревенцам, просившим о выделении земли из их общества. Волостному старшине Сорокину обмерить землю не дали, которому пришлось уехать ни с чем.

Приставом 2 стана Козмодемьянского уезда г[осподину] Оранскому привлечены по этому делу более выделяющиеся из крестьян в незаконном противодействии властям крестьяне дер. Тойдерек-касов Кузьма Лукин, Ефим Федоров, Алексей Петров и прочие в числе 11 человек и крестьяне дер. Елемень-касов Сергей Ефимов, Ларион Григорьев и прочие в числе 7 человек. При дознании собралась большая толпа солдаток, что-то по-чувашски говорили, как видимо, недовольны.

См.: ГАРМЭ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 7. Л. 66–66 об. Подлинник.

С уважением, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Отечественной истории Марийского государственного университета А.Г. Иванов.

Правила для авторов*

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25% объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовки набираются строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом (на дискете). Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, междустрочный интервал – полutorный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 стр.) обязательны постановка проблемы и опре-

* Положение о научном журнале «Чувашский гуманитарный вестник» опубликовано в № 1 за 2006 г.

деление исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 стр.) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают Примечания и Краткое резюме. Используемая литература и источники указываются в Примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических источников» (М., 1990) и иметь Предисловие, Примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем Краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

Правоведение

<i>М.В. Демидов.</i> Развитие института внешнего государственного финансового контроля в России в советский период.....	3
---	---

История

<i>Г.Ф. Юмарт.</i> К истории чувашской литературы начала XX века: первые рукописные журналы.....	23
<i>Ю.В. Ерошкин.</i> Эпоха и личность: перипетии судьбы священника Х.А. Родионова.....	28
<i>И.Г. Петров.</i> Слово о педагоге, краеведе и этнографе П.А. Петрове-Туринге.....	32
<i>В.Д. Дмитриев.</i> О попытке создания «Чувашского краеведческого словаря».....	45

Этнология

<i>В.Г. Родионов.</i> К проблеме реконструкции чувашского обрядового комплекса <i>Сү</i>	53
<i>В.П. Иванов, Ю.Т. Михайлов.</i> Чувашское население Оренбургского края: формирование этнотерриториальной группы, этнокультура, динамика численности.....	63

Искусствоведение

<i>С.И. Федорова.</i> Гетерофония в чувашской народной песне.....	80
---	----

Филология

<i>К. Адягаши.</i> Место А. Альквиста в истории изучения чувашского языка.....	90
--	----

Научное наследие

<i>Н.В. Никольский.</i> Чувашин-говельщик (<i>Подготовка к публикации, Предисловие, Комментарии и Примечания Г.А. Николаева</i>).....	101
<i>Н.В. Никольский.</i> К жизнеописанию преподобного Серафима Саровского чудотворца (<i>Подготовка к публикации, Комментарии и Примечания Г.А. Николаева</i>).....	115

Исторические портреты

Ю.В. Гусаров, Н.В. Герасимова. Дмитрий Алексеевич Кушников..... 118

Новая зарубежная литература

L6szly Vik6r. Volg6n innen, Volg6n t6l. Naplyjegyzetek a magyar xshaza vid6k6r6l. Budapest: Balassi Kiado, 2002. 404. [Ласло Викар. На этом и на том берегу Волги. Дневниковые записки с краев венгерской прародины]. Будапешт: Изд-во «Балашши», 2002. 404 с. (Перевод с венгерского Ю. Дмитриевой, подготовка к публикации, Предисловие, Комментарии и Примечания Г.А. Николаева)..... 142

Рецензии

М.Г. Кондратьев. Рец. на: А.И. Иванов-Ехвет. Музы ищут приют: К истории дореволюционных русско-чувашишх культурных взаимосвязей. Музыка. Театр. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 351 с., илл..... 187

Б.Б. Чиндыков. Рец. на: Narspi. 6uva6a Bir Aek 6yky6.Nazrlayan Prof. Dr. Emine YILMAZ // Atat6rk K6lty Dil ve Tarih Y6ksek Kurumu T6rk Dil Kurumu Yay6nlar6: 876. Ankara, 2006. 274 s..... 191

Е.В. Касимов. Рец. на: Революция 1917–1918 гг. в Марийском крае (По материалам уездных съездов крестьянских депутатов). Царевококшайский уезд / Отв. ред. А.А. Иванов, С.В. Стариков; сост. А.А. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2006. Вып. 1. 232 с. (История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках); Революция 1917–1918 гг. в Марийском крае (По материалам уездных съездов крестьянских депутатов). Козьмодемьянский уезд / Отв. ред. А.А. Иванов, С.В. Стариков; сост. А.А. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2007. Вып. 2. 148 с. (История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках)..... 198

Ю. Дмитриева. Рец. на: Ryna-Tas Andr6s. Kis magyar xsturt6net. A magyarok korai turt6net6 az 6llamalapit6sig / Balassi Kiady, Budapest, 2007. 205. [Рона-Таш Андраш. Краткая праистория венгров. Ранняя праистория венгров до основания государства]. Будапешт: Изд-во Балашши, 2007. 205 с..... 199

Г.А. Ермакова. Рец. на: А.В. Кузнецов. Речевой этикет народов Волго-Уралья: Монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. 320 с..... 201

Наши юбиляры 207

Памяти коллеги 245

Научная жизнь 248

Письмо в редакцию..... 254

Правила для авторов 256

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник

№ 3

2007 (июль) / 2008 (декабрь)

Научный журнал

Ответственный редактор *Г.А. Николаев*
Редактор *В.А. Прохорова*
Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Технический редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Публикуемые материалы не обязательно отражают
точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

*В связи с изменением периодичности журнала вводится
последовательный порядок нумерации его выпусков*

Адрес учредителя:
428015, Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1
тел 8(8352)45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Издатель – ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»

Подписано к печати 11.12.08. Формат 70 × 100¹/₁₆. Печать оперативная
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman Cyr
Усл. печ. л. 21,12. Уч.-изд. л. 20,86. Тираж 300 экз. Заказ № 44

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428015, Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.